

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ РУССКОГО ЯЗЫКА им. В. В. ВИНОГРАДОВА

РУССКИЙ ЯЗЫК

В НАУЧНОМ ОСВЕЩЕНИИ

№ 1
(35)

Москва
2018

Главный редактор — Молдован А. М., академик РАН, Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

Алексеев А. А. — д. ф. н., профессор, Санкт-Петербургский государственный университет

Андерсен Х. — Ph.D., профессор, Калифорнийский университет, Лос Анжелес, США

Апресян Ю. Д. — академик РАН, профессор, Институт проблем передачи информации РАН; Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

Богуславский А. — D.Sc., профессор, Варшавский университет, академик Польской академии наук, Польша

Богуславский И. М. — д. ф. н., профессор, Мадридский технический университет, Испания; Институт проблем передачи информации РАН

Вайс Д. — Ph.D, профессор, Цюрихский университет, Швейцария

фон Вальденфельс Р. — Dr. phil., Цюрихский университет, Швейцария

Варбот Ж. Ж. — д. ф. н., профессор, Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

Вежбицкая А. — Ph.D., профессор, Австралийский национальный университет, Канберра, Австралия

Гиппиус А. А. — член-корреспондент РАН, профессор, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

Ди Сальво М.— Ph.D., профессор, Миланский университет, Италия

Добровольский Д. О. — д. ф. н., профессор, Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

Журавлёв А. Ф. — д. ф. н., профессор, Институт славяноведения РАН; Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

Зализняк А. А. — академик РАН, профессор, Институт славяноведения РАН

Иткин И. Б. — к. ф. н., Институт востоковедения РАН; Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

Кайперт Х. — Dr., профессор, Боннский университет, член-корреспондент Геттингенской академии наук, член-корреспондент Баварской академии наук, Германия

Касаткин Л. Л. — д. ф. н., профессор, Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

Кленин Э. — Ph.D., профессор, Калифорнийский университет, Лос-Анджелес, США

Крысин Л. П. — д. ф. н., профессор, Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

Мелиг Х.-Р. — Ph.D., профессор, Кильский университет, Германия

Мельчук И. А. — Ph.D., профессор, Монреальский университет, Канада

Мечковская Н. Б. — д. ф. н., профессор, Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь

Падучева Е. В. — д. ф. н., профессор, Всероссийский институт научной и технической информации РАН

Плунгян В. А. — член-корреспондент РАН, профессор, Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН; Институт языкознания РАН; Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

Рождественская Т. В. — д. ф. н., профессор, Санкт-Петербургский государственный университет

Сичинава Д. В. — к. ф. н., Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

Тимберлейк А.— Ph.D., профессор, Калифорнийский университет, Беркли; Колумбийский университет, Нью Йорк, США

Толстая С. М. — д. ф. н., профессор, Институт славяноведения РАН

Томмола Х. — D.Sc., профессор, Университет Тампере, Финляндия

Флайер М.— Ph.D., профессор, Гарвардский университет, Кембридж, США

Шайкевич А. Я. — д. ф. н., профессор, Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

Шмелев А. Д. — д. ф. н., профессор, Московский государственный педагогический университет; Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

Ответственный секретарь — Пичхадзе А. А., д. ф. н., Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
VINOGRADOV RUSSIAN LANGUAGE INSTITUTE

RUSSIAN LANGUAGE AND LINGUISTIC THEORY

№ 1 (35)

Moscow
2018

EDITORIAL BOARD

Chief Editor — Alexander M. Moldovan, D.Sc. (Russian Language), Vinogradov Institute of Russian Language of the RAS, Full Member of the RAS, Moscow, Russia.

Anatoly A. Alexeev, D.Sc. (Russian Language), Professor, Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia;

Henning Andersen, Ph.D. (Slavic Languages and Literatures), Professor, University of California, Los Angeles, USA;

Yury D. Apresyan, D.Sc. (General Linguistics), Professor, Institute for Information Transmission Problems of the RAS; Vinogradov Institute of Russian Language of the RAS, Full Member of the RAS, Moscow, Russia;

Andrzej Bogusławski, D.Sc. (General Linguistics), Professor, Full Member of the Polish Academy of Sciences, Warsaw University, Poland;

Igor M. Boguslavsky, D.Sc. (General Linguistics), Professor, Technical University of Madrid, Spain; Institute for Information Transmission Problems of the RAS, Moscow, Russia;

Dmitry O. Dobrovolsky, D.Sc. (General Linguistics), Professor, Vinogradov Institute of Russian Language of the RAS, Moscow, Russia;

Michael S. Flier, Ph.D. (Slavic Languages and Literatures), Professor, Harvard University, Cambridge, USA;

Alexey A. Gippius, D.Sc. (Russian Language), Professor, National Research University Higher School of Economics, Corresponding Member of the RAS, Moscow, Russia;

Ilya B. Itkin, Ph.D. (Comparative and Contrastive Linguistics and Linguistic Typology), Institute of Oriental Studies of the RAS; National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia;

Leonid L. Kasatkin, D.Sc. (Russian Language), Professor, Vinogradov Institute of Russian Language of the RAS, Moscow, Russia;

Helmut Keipert, Dr. (Slavonic Studies), Professor em., University of Bonn, Corresponding Member of the Göttingen Academy of Sciences, Corresponding Member of the Bavarian Academy of Sciences, Germany;

Emily Klenin, Ph.D. (Slavic Languages and Literatures), Professor, University of California, Los Angeles, USA;

Leonid P. Krysin, D.Sc. (Russian Language), Professor, Vinogradov Institute of Russian Language of the RAS, Moscow, Russia;

Nina B. Mechkovskaya, D.Sc. (General Linguistics), Professor, Belarusian State University, Minsk, Belarus;

Hans Robert Mehlig, Ph.D. (Slavic Languages and Literatures), Professor, Kiel University, Kiel, Germany;

Igor Mel'čuk, Ph.D. (General Linguistics), Professor em., University of Montreal, Canada;

Elena V. Paducheva, D.Sc. (General Linguistics), Professor, All-Russian Institute for Scientific and Technical Information of the RAS, Moscow, Russia;

Vladimir A. Plungian, D.Sc. (General Linguistics), Professor, Vinogradov Institute of Russian Language of the RAS; Lomonosov Moscow State University, Corresponding Member of the RAS, Moscow, Russia;

Tatyana V. Rozhdestvenskaya, D.Sc. (Russian Language), Professor, Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia;

Maria Di Salvo, Ph.D. (Slavonic Studies), Professor em., University of Milan, Italy;

Anatoly Ya. Shaykevich, D.Sc. (General Linguistics), Professor, Vinogradov Institute of Russian Language of the RAS, Moscow, Russia;

Alexey D. Shmelev, D.Sc. (Russian Language), Professor, Moscow State Pedagogical University; Vinogradov Institute of Russian Language of the RAS, Moscow, Russia;

Dmitri V. Sitchinava, Ph.D. (Comparative and Contrastive Linguistics and Linguistic Typology), Vinogradov Institute of Russian Language of the RAS, Moscow, Russia;

Alan Timberlake, Ph.D. (Linguistics), Professor em., University of California, Berkeley; Columbia University, New York, USA;

Svetlana M. Tolstaya, D.Sc. (Slavic Languages), Professor, Institute of Slavic Studies of the RAS, Moscow, Russia;

Hannu Tammola, D.Sc. (Russian Language and Literature), Professor em., University of Tampere, Finland;

Zhanna Zh. Varbot, D.Sc. (Slavic Languages), Professor, Vinogradov Institute of Russian Language of the RAS, Moscow, Russia;

Ruprecht von Waldenfels, Ph.D. (Slavic Languages), University of Zurich, Switzerland;

Daniel Weiss, Ph.D. (Slavic Languages), Professor, University of Zurich, Switzerland;

Anna Wierzbicka, D.Sc. (Slavic Languages), Professor, Australian National University, Canberra, Australia;

Andrey A. Zaliznyak, D.Sc. (Slavic Languages), Professor, Institute of Slavic Studies of the RAS, Full Member of the RAS, Moscow, Russia;

Anatoly F. Zhuravlev, D.Sc. (Slavic Languages), Institute of Slavic Studies of the RAS; Vinogradov Institute of Russian Language of the RAS, Moscow, Russia.

Executive secretary — Anna A. Pichkhadze, D.Sc. (Russian Language), Vinogradov Institute of Russian Language of the RAS, Moscow, Russia.

СОДЕРЖАНИЕ

Исследования

<i>А. А. Зализняк.</i> Функции флексии именительного падежа <i>-а</i> в русском языке	9
<i>А. Н. Баранов, Д. О. Добровольский.</i> <i>Кстати и некстати</i> : к речевым практикам Достоевского	33
<i>О. Ю. Инькова, А. С. Гурьев.</i> К вопросу о категории пояснения в русской грамматике	46
<i>Е. В. Падучева.</i> Эгоцентричность семантики <i>пожалуй</i>	74
<i>А. В. Зеленин, Д. В. Руднев.</i> Связочный глагол <i>слыть</i> : история модализации	85
<i>А. Л. Леонтьева, К. В. Литвинцева.</i> Конструкция <i>стал быть</i> в русском языке	110
<i>Г. А. Мольков.</i> Смещение букв <i>е</i> и <i>ъ</i> в Служебной минее начала XII в. (Соф. 188).....	133
<i>Е. А. Мишина.</i> К вопросу о видовой семантике простых (бесприставочных) глаголов в древнерусском языке	161
<i>М. Н. Шевелева.</i> Еще раз об имперфекте совершенного вида в восточнославянских памятниках	183
<i>Е. Э. Базаров.</i> О глагольно-именных конструкциях с полузнаменательным глаголом в деловых документах Забайкалья конца XVII в.	207

Полемика

<i>Н. Б. Мечковская.</i> Белорусская «тряска» как яблоко раздора и как оселок метода.....	226
--	-----

Информационно-хроникальные материалы

XVI Международная конференция «Ономастика Поволжья» (<i>М. В. Ахметова</i>)	251
Международная научная конференция «Грамматические исследования поэтического текста» (<i>А. С. Кулева</i>)	257

Новые книги

Т. В. П е н т к о в с к а я. Переводы Иерусалимского Типикона в славянской традиции. Лингвистический аспект (<i>А. А. Пичхадзе</i>).....	261
Адреса университетов и институтов	263
Правила подачи статей	264

CONTENTS

Articles

<i>Andrey A. Zaliznyak.</i> Functions of the nominative flexion <i>-a</i> in Russian.....	9
<i>Anatoly N. Baranov, Dmitrij O. Dobrovol'skij.</i> <i>Kstati</i> and <i>nekstati</i> : On Dostoevsky's discourse practices	33
<i>Olga Yu. Inkova, Alexander S. Guryev.</i> On the category of explanation in Russian grammar.....	46
<i>Elena V. Paducheva.</i> The egocentric semantics of the word <i>požaluj</i>	74
<i>Alexandr V. Zelenin, Dmitry V. Rudnev.</i> Copular verb <i>slyt'</i> : the history of modalization	85
<i>Anna L. Leontyeva, Kristina V. Litvintseva.</i> The construction <i>stal byt'</i> ('became') in Russian.....	110
<i>Georgy A. Molkov.</i> Variation of the letters <i>ѣ</i> and <i>ѣ̑</i> in the Office Menaion of the early 12 th century (RNL, Sof. 188).....	133
<i>Ekaterina A. Mishina.</i> On the aspect of simplex (non-prefixed) verbs in Old Russian	161
<i>Maria N. Sheveleva.</i> Once more on the imperfect of perfective verbs in Old Russian texts	183
<i>Evgeniy E. Bazarov.</i> On verb-noun constructions with a delexicalized verb in Transbaikal business documents of the late 17th century	207

Polemics

<i>Nina B. Mechkovskaya.</i> Belarusian «trasyanka» as the apple of discord and as the whetstone of the method.....	226
---	-----

Reports

16th International Conference "Onomastics of the Volga Region" (Ulyanovsk, September 20–23, 2017) (<i>Maria V. Akhmetova</i>)	251
International Conference "Grammatical Studies of Poetic Texts" (Petrozavodsk, September 7–10, 2017) (<i>Anna S. Kuleva</i>).....	257

New Books

T. V. Pentkovskaya. Translations of the Jerusalem Typicon in the Slavonic tradition. Linguistic aspect (<i>Anna A. Pichkhadze</i>).....	261
Adresses of universities and institutes.....	263
Notes for contributors	265

ИССЛЕДОВАНИЯ

А. А. ЗАЛИЗНЯК

ФУНКЦИИ ФЛЕКСИИ ИМЕНТЕЛЬНОГО ПАДЕЖА -А В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Флексия *-а* в русском языке — это, разумеется, прежде всего просто словоизменяющий показатель ряда грамматических форм¹: И.ед., И.мн., Р.ед. у существительных, И.ед. жен. у кратких прилагательных, ед. жен. в прошедшем времени глагола и др.

Но эта флексия имеет и другие функции, менее очевидные и менее изученные. Они связаны уже со словообразованием. Именно им посвящена основная часть последующего разбора.

Рассматриваются данные как современного этапа, так и истории.

Формальный вопрос о том, сколько разных омонимичных флексий *-а* необходимо признать стоящими за обобщающим обозначением «флексия *-а*» для современного русского языка или для его предшествующих состояний, в настоящей работе не рассматривается. Для изложения результатов нашего разбора в этом особой необходимости нет.

Основные функции флексии *-а* за рамками чистого словоизменения таковы:

1. Словообразовательный показатель женского пола.
2. Показатель принадлежности к категории неисчисляемых.
3. Словообразовательный показатель комплекса значений, объединяемых общим признаком усиления: собирательной множественности, интенсивности и экспрессивности.

Показатель женского пола

В функции показателя женского пола (у существительных) флексия *-а* выступает в чистом виде, т. е. не после суффикса, крайне редко: *супруга*,

¹ В названиях грамматических форм падежи и числа обозначаем по модели И.ед., Р.мн. и т. п. Чтобы не утяжелять запись, винительный падеж упоминается только при особой необходимости, обычно же вместо И.В.мн., И.В.дв. пишем просто И.мн., И.дв. Отметим еще: а.п. = акцентная парадигма.

маркіза, лисá; в говорах есть пара *кур* — *кúра*; в древнерусском была пара *павь* — *пава*.

В основном эта функция флексии *-а* реализуется в сочетании с суффиксами: *-к-а*, *-иц-а* (*-ниц-а*, *-чиц-а*), *-ш-а*, *-ј-а* и др.

В данной функции выступает, за единичными исключениями, безударное *-а*.

Показатель принадлежности к категории неисчисляемых

В данной функции выступает, за единичными исключениями, ударное *-á*.

Следует учитывать, что, помимо собственно неисчисляемых, имеются также группы слов, которые могут употребляться как в исчисляемом, так и в неисчисляемом значении, например, *сосна́* — одно дерево и сосновая древесина (или сосновый лес). Ниже мы объединяем под обозначением «неисчисляемые» как собственно неисчисляемые, так и подобные потенциально неисчисляемые.

И.ед. на -á, унаследованный из древности

Непроизводные

Древнерусские слова с И.ед. на *-á*, сохраняющие такое ударение и ныне (приводим наиболее ясные примеры из числа исконных слов и ранних заимствований):

а) Материальные неисчисляемые (массы, вещества, материи, пища и др.): *вода́, руда́, зола́, смола́, круна́, мука́, икра́, лузга́, чешуя́, ропá, мочá, сыта́, уха́, колбаса́, лапша́, кутья́, сурьма́, бирюза́.*

б) Растения (в т. ч. деревья) и их плоды: *травá, лебеда́, конопля́.*

в) Действия, события, болезни: *игра́, ѣзда́, ѣда́, страда́, бѣда́.*

г) Природные явления, времена года: *гроза́, заря́, росá, зима́, весна́.*

д) Явления эмоциональной, интеллектуальной и социальной сферы: *тоска́, вина́, краса́, хвала́, клеветá, цѣна́.*

е) Собирательные: *господа́, литва́, мордва́, югра́* (ср. также близкие к этой группе *толпа́, орда́*); в собирательном значении могут выступать названия рыб, например, *треска́.*

ж) Пространства, поверхности, покрытия: *странá, земля́, кора́, скорлупá, мяздра́, броня́.*

Ряд древнерусских слов этих же смысловых категорий до настоящего времени не дожил, например: *лѣка́* ‘лекарство’, *слана́* ‘иной’, *слотá* ‘мокрый снег’, *воня́* ‘запах’, *туга́* ‘печаль, горе’, *рота́* ‘клятва’.

С другой стороны, имеется немало исконных слов тех же категорий, не отмеченных в древнерусских акцентуированных памятниках, например: *ветла́, мезга́, перга́, костра́, труха́, ботва́, белена́, сопля́, жарá, мечта́.*

Суффиксальные

Примеры древнерусских слов с исконным И.ед. на *-а*, сохраняющих такое ударение и ныне:

-ба: *божба́, ворожба́, городьба́, стрѣльба́, татьба́*;

-ва, -тва: *листвá*;

-ина (в отадъективных именах качества): *новина́, длина́, косина́, ветшина́*;

-ота (в отадъективных именах качества): *нагота́, тягота́, срамотá, нѣмотá, тѣснота́, хрипотá, сипотá, лѣпотá, слѣпотá, красотá, босотá, частотá, толстотá, простотá, густотá, пустотá, глухотá, сухотá*;

-ца: *трясца́*.

Целый ряд таких слов не дожил до нашего времени, например: *стражба́, лѣчба́, вериба́, цѣльба́, ротьба́, гостьба́, святьба́; кривина́, прямина́, частина́, густина́, горчина́; мяккотá, трѣскотá, соромотá, гнусотá, жесотá; расписца́, прибыльца́; бродня́, блядня́, замяня́*.

С другой стороны, имеется много подобных слов, не отмеченных в древнерусских акцентуированных памятниках, например: *косьба́; дѣтва́; цѣлина́, былина́, тонина́; прямотá, блѣднотá, дурнотá, прѣснотá, духотá, смѣхотá; гнильца́, сольца́, пыльца́, лѣнца́, трусца́, рысца́, грязнотца́, хрипотца́; бѣготня́, визготня́, воркотня́, трескотня́, стукотня́, родня́*.

Смена ударения на пути

от древнерусского состояния к современному

Приводим теперь (по тем же группам) современные слова, сменившие, полностью или факультативно, прежнее наосновное ударение на флексийное. Наряду с исконными словами учитываются также заимствования, имеющие ныне конечное ударение вместо отмеченного прежде наосновного или просто не совпадающее с ударением в языке-источнике.

Непроизводные

а) *волна́* ‘шерсть’, *слюда́, слюна́* (др.-р. *во́лна, слю́да, слі́на*); *пастила́* (из итальянского, т. е. первично ударение на *-ти-*), *марсала́* (сицилийское вино из Marsála); *камфарá* (наряду с *ка́мфора*; из итал. *cámfora*), *береста́* (постепенно побеждающее исконное *берѣста*), *фольга́* (уже почти вытеснившее прежнее *фо́льга*), *кирза́* (наряду с более ранним *ки́рза*), *копра́* и *копра́* (из португальского, т. е. первично ударение на *ко-*), *ма́кса* и *макса́* ‘печень трески’ (из финского, т. е. первично ударение на *ма-*).

б) *сосна́, ольха́* (др.-р. *со́сна, о́льха*); *кинза́* (вытесняющее более раннее *ки́нза*; из грузинского), *люфа́* (вытесняющее более раннее *лю́фа*; из арабского); показательна помета в [Еськова 2014] s. v.: *ни́хта*, неправ(ильно) *нихта́*.

в) опростившееся *воина́* (др.-р. *во́ина*), *цинга́* (в XVII в. *ци́нга*), *кила́* ‘грыжа, опухоль’ (др.-р. *кы́ла*).

г) профессиональное *искра́*; *пурга́* (из угро-финских), *бо́ра* и *бора́* (из итал. *bóra*).

д) *молва́*, *хула́*, *нужда́*, *лихва́*, *лафа́* (др.-р. *мо́лва́*, *ху́ла*, *ну́жда*, *ли́хва*, *ала́фа*); *ерунда́* (из лат. *gerundium*).

е) *мещера́* (наряду с *мещёра*; др.-р. *мещёра*); *деньга́* (ср. др.-р. *дёнъга*), *мошка́* (ср. *мо́шка*).

В говорах встречаются также акцентные варианты *сѣра́*, *свекла́*, *клюква́*, *верба́*, *мянда́*, *не́гла*, *празга́* и др. (при более обычных вариантах с наосновным ударением).

Чтобы полнее продемонстрировать обилие слов на -а́ с подобным значением в современном русском языке, приводим также (по тем же группам) характерные примеры других заимствований (безотносительно к ударению в языке-источнике) и слов с неясной этимологией:

а) *шуга́* ‘плывущий лёд’, *барда́*, *бурда́*, *буза́* (напиток), *абакá*, *пенька́*, *сулема́*, *бахрома́*, *бура́*, *махра́* ‘махорка’, *тырса́* ‘смесь песка и опилок’, *треста́*, *каракульча́*, *анаиша́*; *аба́*, *даба́*, *канва́*, *камка́*, *тафта́*, *тесма́*, *парча́*, *чесуча́*, *кисея́*; *пахлава́*, *халва́*, *курага́*, *нуга́*, *ханжэ́* ‘хлебная водка’, *шепталá*, *бастурма́*, *шурпа́*, *маца́*;

б) *айва́*, *ирга́*, *куга́*, *сабза́*, *шасла́*, *хурма́*, *мушмула́*, *резеда́*;

в) *булга́*, *буза́* ‘скандал’, *баранта́* ‘захват скота набегом’, *меледа́* (игра), *кутерьма́*, *чехарда́*, *томоша́* ‘суета, возня’; *чума́*;

д) *белиберда́*, *хурда́-мурда́*, *кабала́*, *каббала́*, *хандра́*, *муштра́*, *мура́*, *туфта́*, *хабара́* ‘взятка’, ‘барыш’, *галиматья́*;

е) *шпанá*, *шантрапа́*, *саранча́*, *хохлома́*;

ж) *тайга́*.

Суффиксальные

Возраст приводимых ниже слов может быть различным; точно его определить не представляется возможным.

-ба: *алчба́*, *волиба́* (др.-р. *алчба*, *волиба*); для слов *судьба́*, *рѣзьба́*, *мольба́*, *борьба́*, *похвальба́*, *колотьба́*, *молотьба́*, *гульба́*, которые уже в древнерусском отмечены с конечным ударением, следует предполагать ранний переход из **судьба*, **рѣзьба*, **мольба* и т. д.; *ходьба́* — из **ходьба*;

-ва: *синева́*, *чернева́*, *мурава́* происходят из **синева*, **чернева*, **мурава*; в просторечных *братва́*, *татарва́* конечное ударение не соответствует древним акцентным правилам, т. е. либо оно сдвинуто, либо эти слова получили ударение позднего типа уже в момент своего появления в языке;

-ина: *тишина́*, *величина́*, *быстрина́*, *пестрина́* (др.-р. *тишина*, *величина*, *быстрина*, *пестрина*); для *старина́*, *слабина́*, *рыжина́* реконструируется прежнее ударение **старина*, **слабина*, **рыжина*;

-изна: *кривизна́*, *новизна́* (др.-р. *кривизна*, *новизна*); ударение **-изна* реконструируется и для прочих нынешних слов на *-изна́* (*голубизна́*, *прямызна́*, *крутизна́*, *близна́*, *желтизна́* и др.);

-ота: *правотá, чистотá, полнотá, суетá, ницетá* (др.-р. *пáвота, чíстота, пóлнота, сýета, нíцета*), *долготá, кислотá* (из **дóлгота, *кýислота*), *высотá* (др.-р. *высота* и *высотá*); *теплотá, хромотá, чернотá, добротá, щедротá, мокротá, пестротá, остротá* (качество), *тицетá* (др.-р. *теплóта, хромóта, чернóта, добрóта, щедрóта, мокрóта, пестрóта, острóта, тйцéта*), *темнотá* (др.-р. *темнóта* и *темнотá*); в современном языке ударение *-отá* у имен качества обобщилось, охватив основы любого акцентного типа (например, *мерзлотá, рыхлотá, скукотá* и т. д.; также просторечное *сволотá*);

-ца: *сырцá, кислотцá, краснотцá, наглецá, кислецá, хитрецá*;

-ня: *мазнýя, рбзнýя, вознýя, стряпнýя, хвастнýя, брехнýя, болтовнýя, толкотнýя, пачкотнýя, трепотнýя* и др.; *ребятнýя, мальши́ня, солдатнýя*;

-ра, -ура: *дбтворá, кожурá, нбмчурá, мошкарá*;

во всех приведенных словах на *-ца, -ня, -ра, -ура* конечное ударение не соответствует древним акцентным правилам, т. е. либо оно сдвинуто, либо эти слова получили ударение позднего типа уже в момент своего появления в языке.

Имеется также несколько подобных слов с редкими суффиксами, например *мелюзгá*; в словах *требухá, шелухá, чепухá* суффикс выступает при остаточном корне.

Из приведенного материала видно, что, во-первых, в древнерусском среди слов на *-а* с неисчисляемым значением имелось много слов с конечным ударением, во-вторых, в ходе истории значительное число слов, имевших первоначально иное ударение (наосновное), сменило ударение на конечное. Тем самым у слов на *-а* сложилась определенная корреляция между неисчисляемым значением и конечным ударением. Разумеется, она была не абсолютной, а лишь статистической. Тем не менее ее влияния достаточно для того, чтобы новые слова, входящие в язык, очень часто ей подчинялись.

Понятно, что картина была бы неполной, если не принять во внимание также и те случаи, когда указанная корреляция не соблюдается.

В древнерусском среди неисчисляемых на *-а*, разумеется, было немало слов с наосновным ударением. Например, если ограничиться односложными с основой на твердую согласную (не шипящую)², то получится примерно следующий список:

с ударением, в дальнейшем прочно сохраняющимся, — *влáга, гл́ина, т́ина, тб́на, íва, л́ипа, пóлба, сл́ива, тýква, рб́на, свáра, слáва, нб́га, жáжда, лáска, му́ка, с́ила, д́ума, вб́ра*;

² Такое ограничение связано с тем, что слова *а*-склонения на мягкую или шипящую согласную (восходящую к сочетанию с **-j-*), например *куплá, жс́йжа, гýща*, в современном языке обладают повышенной акцентной устойчивостью.

с ударением, которое в ходе истории полностью или частично сменилось на конечное, — *во́лна* ‘шерсть’, *слю́да*, *сли́на*, *со́сна*, *о́льха*, *во́ина*, *ци́нга*, *пу́рга*, *мо́лва*, *ху́ла*, *ли́хва*, *ну́жда*, *ала́фа*, *де́ньга*; то же за рамками литературного языка — *сбра*, *ве́рба*, *клю́ква*, *све́кла*, *и́скра*.

Таким образом, в этой группе неисчисляемых на безударное *-а* тенденция к сдвигу ударения так или иначе проявилась почти в половине слов.

Что касается суффиксальных, то для ряда суффиксов, в частности *-ин-а* (у имен качества), *-от-а* (у имен качества), экспансия конечного ударения была столь мощной, что такое ударение со временем стало единственно возможным.

А были ли в рассматриваемой группе слов противоположные сдвиги ударения? Да, были. Но их совсем немного, и почти все они объясняются прозрачными индивидуальными причинами. Слова *мѣта*, *мѣна*, *стра́жа*, *тя́жба*, *крамо́ла* (из прежних *мѣта́*, *мѣна́*, *стража́*, *тяжба́*, *крамола́*) — книжные; наосновное ударение в такой стилистической сфере вполне обычно (для слова *крамо́ла*, кроме того, играет роль неоднозначность). Слово *дру́жба* (при реконструируемом **дружба́*), по-видимому, уже в древнерусском получило наосновное ударение в силу тесной ассоциации со словом *слу́жба* (где такое ударение правильно). Слово *побѣ́да* (из *побѣда́*) имеет морфологическую структуру, для которой конечное ударение уникально, нормой здесь является модель *побѣ́да*, *доса́да*, *опáла*. Остается только слово *свобѣ́да* (из *свобода́*), где неоднозначность толкает к уподоблению той же модели.

Таким образом, эти единичные случаи не меняют основной картины акцентной эволюции имен *а*-склонения, состоящей в формировании корреляции между значением неисчисляемого типа и конечным ударением в И.ед.

Показатель различных видов усиления

Флексия *-а* способна также передавать целый комплекс значений, объединяемых общим признаком усиления: собирательной множественности, интензивности и экспрессивности. В большинстве случаев эти типы значения достаточно ясно различаются, но довольно часто они соединяются друг с другом и границы между ними становятся нечеткими.

Основным способом их выражения является ударное *-á*, но значения собирательной множественности и экспрессивности в части случаев могут выражаться также безударным *-а*.

Значение интензивности и/или собирательной множественности

Значение интензивности и/или собирательной множественности у флексии *-а* активно проявляется в основном за рамками литературного языка.

Исключительно ценный материал в этом отношении дает хорошо описанный говор деревни Деулино Рязанской области (см. [Деул.]; примеры передаем в нормализованной орфографии, поскольку для анализа лексики фонетические детали несущественны).

Так, интенсивная реализация природных явлений последовательно передается в этом говоре производным словом женского рода с И.ед. на *-á* (с ударением):

ветра́ ‘сильный ветер’ (*ветра́ такая́*)³;

снега́ ‘снег (об обильном, глубоком снеге)’ (*снега́ опять навали́ла, она́ раста́ет*);

дожжа́ ‘дождь (о сильных, продолжительных и частых дождях)’ (*дожжа́ была́ проливна́я; дожжа́ шла́; такую́ дожжа́*);

дыма́ экспрессивно ‘густой, обильный дым’ (*о́й, какая́ дыма́*);

буря́ ‘буря’ (*такая́-то буря́*);

вьюга́ и *юга́* ‘вьюга’ (*вьюга́ была́; юга́ нача́лась*);

пыля́ ‘пыль (о большом количестве пыли)’ (*какая́ пыля́; в пыле́ да в сору́*);

грязя́ экспрессивно ‘грязь’ (*какая́ грязя́*).

Так же выражается интенсивность действий, событий, состояний:

хода́ ‘ходьба в разных направлениях’ (*какая́ хода́; иде́ть ходо́й* ‘быстро, ускоренно’);

вредá ‘вред’ (*какую́ вреду́; вреди́ нет*); заметим, что слово *вредá* встречается у Аввакума [Слов. XI–XVII, 3: 104];

жара́ ‘жара’, ‘горячка, жар’ (*жару́ враз сни́зили*);

шума́ ‘ссора с громкой бранью’ (*шума́-то была́ несосве́тная*);

зуда́ ‘зудень’ (*зуды́-то нету́; зудо́й*);

скука́ ‘скука’ (*скука́ какая́*).

Тот же механизм используется для экспрессивно окрашенных обозначений множества каких-то существ (обычно вредоносных):

муха́ собир. ‘мухи’ (*муха́ залепи́ла; несказáнная муха́; муху́ напусти́ли*);

кома́ря собир. ‘о множестве комаров’ (*такая́ кома́ря; кома́ря огребна́я, осыпна́я*) — производное от *кома́рь* ‘комар’;

вшиá собир. ‘о большом количестве вшей’ (*вшиá огребна́я*);

клопа́ собир. ‘клопы, множество клопов’ (*клопа́ огребна́я, клопа́ нисосве́тная*);

таракана́ собир. ‘тараканы’ (*таракана́ была́ огребна́я*);

черва́ собир. ‘черви’ (наряду с *че́рва*) (*черва́-то огребна́я; черва́ на не́й была́*);

гнида́ собир. ‘гниды’ (*была́ и гнида́*);

³ Примечательно совпадение с лит. *vėtra* ‘буря’, латыш. *vētra*. Но здесь всё же более вероятно параллельное словообразование, чем прямое балто-славянское наследие.

мышá ‘мышь’, также собир. (*мышá ненаказáнная*);
птицá ‘птица’, также собир. (*дúкая птицá гуртúють, всúкая птицá, и птицý нéт*);

скотá собир. ‘скот’ (*скотý мнóго*).

Также для неодушевленных:

грьбá собир. ‘грибы’ (*вóн какáя грьбá-то*);

сорá ‘мусор’, ‘сорняки’ (*сорá какáя*);

деньгá ‘деньги’ (*деньгá-то какáя, такúю-то деньгú*).

Примечательны преобладающие эпитеты к словам этой группы: *какáя, такáя, огребнáя, осыпнáя, несосвётная, несказáнная, ненаказáнная* — все они ярко демонстрируют экспрессивный характер этих слов.

Имеются также слова на *-á* сходного значения, для которых нет коррелята в виде более простого существительного ед. числа: *томá* ‘знойная погода’, ‘утомление’, *мочá* ‘слякоть, дождливая погода’, *склизá* ‘скользкость’; *галдá* ‘шум, галденье, ругань’, *бузá* ‘скандал, шум’, *спорá* ‘успешность работы’.

Деулинский материал ценен тем, что все примеры принадлежат единой микросистеме. Но в разрозненном виде ряд подобных примеров отмечен и в других говорах. Приводим наиболее ясные примеры из СРНГ (не повторяя деулинских):

мошкá: *мошкá удавная* (о большом количестве мошек) Иркут.; ‘комары’ Калинин., ‘мухи’ Пск.;

тучá собир. Дон., ‘большая туча’ Свердлов.; *тучá темная* ‘очень много’ Мещов.;

морохá ‘мелкий частый дождь’ Костром. Твер. (также *моросá* ‘то же’ Костром.) — ср. *мóрох* ‘мелкий частый дождь’ Вят. Яросл. Волог., ‘облако, туча’ Удм. АССР;

дерева́ ‘ветви, листва’: *не стой, верба, над водо́ю, не звони дерево́ю* Дон.;

лесá ‘густые заросли’: *у их лесá лесóй черёмухи* Свердлов. (Верхотур.);

мурá ‘мелкая трава’ Амур. Пск. — ср. *мур* ‘трава’ Арх. Брян. Волхов;

сокá ‘желудочный сок’ Пенза;

мозгá ‘мозг’ Зарайск. Амур. Новг. (*мозгá работает хорошо*);

кормá ‘корм’: *кормила... овсяною кормóю* (фолькл.) Беломор.;

следá ‘след’ Ряз. (*никако́й следý нéту*);

искрá (о ярком цвете) Арх.

Описанные выше тенденции использования флексии *-á* особенно активно реализуются в профессиональных жаргонах и в сленге, где, как и в говорах, не действуют нормативные ограничения. Вот некоторые примеры, выписанные в основном из словаря сленга [Елистратов 2007].

Собирательные: *лимитá* ‘лимитчики’, *интурá* ‘интуристы’, *патлá* ‘длинноволосые, хиппи’, *урлá* ‘хулиганы, шпана’, *кирзá* в знач. ‘военные’, *фирмá* в знач. ‘иностранцы’.

Прочие неисчисляемые: *туфта́* ‘халтура’, ‘чушь’, *байда́* ‘ерунда, чушь’, *без булды́* ‘правда?, не врешь?’, *кикса́* ‘фальшь, халтура’, ‘нечто плохое’, *лабудá* ‘чепуха’, ‘нечто плохое’, *попса́* ‘популярная музыка’, *кайфа́* (то же, что *кайф*), *шиза́* в знач. ‘сумасшествие’, ‘одурение’, ‘нечто дикое’, *креза́* ‘идея фикс, безумие’, ‘абсурд’, *ханá* (предикативно) ‘конец’, ‘пропали’, *мурица́* ‘дурное пойло’, ‘нечто гадкое’, *махра́* ‘курево’, *джинса́* в знач. ‘джинсовая ткань’, *физра́* ‘физкультура’ (школьн.).

В этих примерах флексия *-á* одновременно выражает принадлежность слова к категории неисчисляемых и создает экспрессивную окраску.

В небольшой степени описанные выше явления, представленные в говорах и в жаргонах, проникли и в литературный язык.

Так, появились, например, слова *искра́* (в качестве профессионального), *деньга́* (в качестве просторечного), *мошка́* ‘тучи летающих насекомых’.

Но есть и давнее литературное слово, построенное по той же схеме, которая, однако, ввиду привычности слова здесь уже не ощущается. Это слово *жара́*, соотносящееся и по форме, и по значению со словом *жар* совершенно так же, как диалектное *снега́* (И.ед.) со *снег*, диалектное *ветра́* с *ветер* и т. п.

Таково же по структуре слово *мечта́*: оно так же соотносится с не дожившим до нашего времени словом *мечеть* (< **мьчьть*) ‘призрак, сновидение, чары’⁴.

То же верно для слова *ѣзда́*: ср. не сохранившееся древнерусское *ѣздъ* ‘поездка’.

Сходно построено и слово *руда́* от цветowego прилагательного *рудый*.

Синтаксические особенности собирательных на *-á*

Важной особенностью рассмотренных выше диалектных форм на *-á* является то, что они сосуществуют с построенными совершенно так же формами И.мн. на *-á*, а иногда даже просто с ними в И. падеже совпадают.

Так, в Деулине:

от *комáрь* возможно И.мн. *комаря́* (*комаря́ стрéскали* ‘сожрали’) — ср. *такáя комаря́*;

от *сор* возможно И.мн. *сорá* (*сорá какíе*) — ср. *сорá какáя*;

от *пыль* возможно И.мн. *пыля́* (*пыля́ летя́ть*; *все пыля́ притёрла*) — ср. *какáя пыля́*.

В таком же соотношении находятся, например:

⁴ Заметим, что почти все примеры, относимые в древнерусских словарях к слову *мечта*, в действительности принадлежат слову *мечеть*. Таково прежде всего сочетание *въ мечтѣ* ‘в воображении, в видении’. Кажется, то же верно для примера *дивима бѣахоу тыа мечты* в [СДРЯ V: 100], в котором правильное видеть не И.мн. жен., а Т.мн. муж., ср. τῆ φαντασίᾳ в греческом оригинале. Но наличие сербского *машта* ‘мечта, фантазия’ говорит о праславянском возрасте слова *мечта*.

снега́ И.мн. (литературное) — *снега́* И.ед. Деулино;
ветра́ И.мн. (литературное) — *ветра́* И.ед. Деулино;
леса́ И.мн. (литературное) — *леса́* И.ед. СРНГ;
корма́ И.мн. (литературное) — *корма́* И.ед. СРНГ;
сока́ И.мн. Деулино (*всё сока́*) — *сока́* И.ед. СРНГ;
хода́ (у повозки) И.мн. (професс.) — *хода́* И.ед. СРНГ;
мозга́ И.мн. (*у него плохо мозга́ работают*) [Шахматов 1957: 331] —
мозга́ И.ед. СРНГ;
мороха́ И.мн. (*мороха́* ‘облака’... *бежа́т*) — *мороха́* И.ед. СРНГ.

Тесное единство этих двух типов форм на *-а́* проявляется также в возможности смешанного согласования; ср., например, в Деулине:

это́ ди́кая птица́ гурту́ють;
така́я кома́ря, гудя́ть и гудя́ть;
ноне у во всех муха́, отке́ля они взяли́сь;
у! мыша́ несказанная, забедíли;
ви́ш была́ на ней огребна́я..., а потом пропа́ли.

С типологической точки зрения здесь представлена классическая синтаксическая особенность собирательных имен — способность сочетаться с предикатом и/или с определением во множественном числе. Это та же особенность, что у древнерусских собирательных, обозначающих группы людей (*дружина, господа, братья, сыновья, литва, мордва* и др.): *дружина рекоша, литва придоша* и т. п.; см., например, [Соболевский 1907/2004: 220].

Как можно видеть из примеров, грамматическое разграничение между двумя ипостасями словоформы типа *кома́ря*, предлагаемое в [Деул.], в значительной мере условно. Например, *кома́ря стрéскали* можно было бы рассматривать и как аналог для *ди́кая птица́ гурту́ють* и тогда трактовать как И.ед. Для словоформы *сора́* оказываются возможными и *сора́ кака́я*, и *сора́ каки́е*.

То есть перед нами та же самая картина двух синтаксических ипостасей единой морфологической структуры, которая хорошо известна историкам языка в отношении слова *господа́*, где с переходом от синтаксиса *моя́ господа́* к *мои́ господа́* (и с заменой форм косвенных падежей, например, *господо́ю* на *господа́ми*) первоначальная ипостась И.ед. с собирательным значением со временем превращается в И.мн. к слову *господин*. Ср. также классический пример раздвоения в современном языке древнего собирательного *братья* на *монастырская братия* и *родные братья*.

Материалы говоры показывают, что словоформы с собирательным значением типа *снега́, ветра́, леса́, корма́* могли быть представлены в живом народном языке много шире, чем их отражения в письменных памятниках. И с любой из них могла происходить такая же эволюция, как со словом *господа́*. Например, у словоформы *снега́* наряду с синтаксисом *кака́я сне́га́* был возможен и синтаксис *каки́е сне́га́*; в творительном падеже было возможно как *сне́гою*, так и *сне́гами*. А в варианте с *каки́е сне́га́* и *сне́гами* словоформа *сне́га́* — это уже не что иное, как И.мн.

Примечание. О том, что между именем собирательным и косвенными падежами множественного числа может быть некоторое взаимодействие, говорит, например, такой недавний факт истории современного русского языка, как переход от ударения *дѣньгам*, *дѣньгами* к победившему ныне *дѣньгáм*, *дѣньгáми*. Сам по себе этот переход был бы загадочен: никаких аналогов подобной смены ударения у *a-feminina* нет. Причина здесь явно лежит во влиянии собирательного *дѣньгá*.

Предположение о том, что форма *господá* могла играть определенную роль в возникновении новых форм И.мн. типа *лѣсá*, *снѣгá*, было выдвинуто в русистике уже давно (см. об этом ниже). Серьезным препятствием здесь было, однако, то, что эта форма единична, а другие, отчасти сходные примеры типа *боѣра*, *крестья́на* имеют другое ударение и, кроме того, весь этот ряд относится к лицам, тогда как модель *лѣсá* охватывает, напротив, в основном неодушевленные предметы.

Формы *снегá*, *ветрá*, *лесá*, *кормá* и т. п. в говорах свидетельствуют о том, что база для формирования нового И.мн. типа *лѣсá*, *снѣгá* могла быть в действительности много шире, чем единичное *господá*, и много ближе по значению.

Выражение экспрессивности

В значительной части примеров, приведенных выше, значение интенсивности и/или собирательной множественности выступает в сочетании с признаком экспрессивности.

Но имеется и такая категория примеров, где флексия *-а* служит для выражения экспрессивности как таковой, без ограничения по признаку исчисляемости-неисчисляемости.

В современном русском языке действует следующее общее правило: имена общего рода имеют флексию *-а*, и это *-а* практически всегда функционирует как показатель отрицательной (насмешливой, пренебрежительной, уничижительной и т. п.) или по крайней мере фамильярной коннотации.

Сюда же примыкают слова на *-а* мужского рода, где род однозначно определяется основным значением слова, например, *расстрѣга*.

И в обратной перспективе: чтобы обозначить некоторое лицо неодобрительным, насмешливым, уничижительным или фамильярным способом, в русском языке хоть и не всегда, но всё же очень часто избирается (или даже строится) слово на *-а*. Например, для нейтральных *лесорѣб*, *пешиход* и т. п. окончание *-а* было бы явно неуместно, тогда как для *пустомѣля*, *непосѣда*, *обжора* и т. п. оно вполне естественно.

Распределение слов общего рода между моделями с ударным и с безударным *-а* таково: при бессуффиксальной простой основе обычно *-á* (с небольшим числом отклонений), при суффиксальной или сложной основе — безударное *-а* (практически без отклонений).

Примеры с ударным -á

В литературном языке наиболее ярко *брюзга́, зуда́, нуда́, егоза́, гомоза́, шебарша́, моща́; карга́, яга́ (баба-яга́), балда́, халда́, ханжа́* ‘лицемер’.

В говорах можно отметить еще, например: *вора́* ‘вор’ (*ах ты, вора́ не-сусветная*) Дон.; *мастера́* ‘ловкий мастер’ Перм.; *гнуса́* ‘гнусавый’ Влад. Урал.; *дребезга́* ‘болтун’ Деулино; *тормоза́* ‘болтун’, ‘егоза’ Деулино.

В сленге данная модель функционирует уже расширительно: она включает и неодушевленные объекты (соответственно, род здесь уже не общий, а женский). Примеры: *бица́* ‘бицепс’, *мышца́* ‘мышца’, *литра́* ‘литровая бутылка спиртного’, *джинса́* в знач. ‘джинсы’, *голда́* в знач. ‘вещь из золота’. Ср. *герла́* ‘девушка’ и т. п. из числа одушевленных.

Примеры с безударным -а

С основой, состоящей из приставки и корня или из двух корней: *раз-зья́ва, вь́жсига, недо́трога, надо́еда, привере́да, непосе́да, неве́жа, подли́за, растрё́па, недо́тепа, растя́па, зади́ра, обжо́ра, проны́ра, пове́са, пусто-ме́ля* и т. п., ср. также *расстри́га*. Очень много таких слов имеется на периферии словарного состава языка и в говорах. Так, в словаре Даля находим, например, *забро́да, зави́да, зае́да, заце́па, небо́га, прово́ра, про́жсига, про́йда, про́льга, ужы́ма, пустови́ра, пустогры́за* ‘брюзга’, *пустожы́ра* ‘дармоед’, *пустозе́ва, пусторе́ва, пустохла́ба* ‘водохлёб’ (и много других с *пусто-*), *гологры́за* ‘нищий, голыш’, *кривоны́ра* ‘пролаз, пройдоха’, *рукомо́я* ‘белоручка’ и др.; в СРНГ — например, *заблуда́, задрю́па, задры́га, заму́та* ‘смутьян’, *заплёва́* ‘бесстыжий’, *обли́па* ‘навязчивый’, *насу́па, недога́да, ненае́да, ненажо́ра, непросы́па, несгово́ра, неусту́па, неулы́ба, колобро́да* и т. п. Ср. также некоторые древнерусские примеры: *распопа* (то же, что *распопъ* ‘расстриженный поп’), *недума́* ‘глупый’ (берестяная грамота № 46), *пажира́* ‘пожиратель, губитель’ (*вълче и хыщъниче, пажиро дѣшамъ* Усп. сб., 119в).

Исключение составляют только слова *воево́да* и *вельмо́жа* (очень древние), у которых такая же структура, но отрицательной коннотации нет. Повидимому, это реликты древнейшего состояния, когда описываемая зависимость между формой и смысловой коннотацией еще не сложилась.

Примеры сходного типа с простой основой редки: *ехи́да, со́ня, рёва*.

Чрезвычайно многочисленны суффиксальные производные с аффективными значениями различного рода (преимущественно отрицательными, но в части случаев и не отрицательными, а лишь фамильярными), например: *уби́йца, пропой́ца, пьяни́ца, ворю́га, мази́ла, выпиво́ха, милáшка*.

В производных от имен родства и в именах собственных род уже не общий, а диктуемый значением слова: *деду́ся, мама́ня, сыни́шка, сыну́ля, Бо́рька, Ве́рка, Мишю́ня, Тимо́ха* и т. п. Имеются также аналогичные бессуффиксальные: *па́па, де́да, Ва́ся, Серёга*.

Вопрос об И.мн. несреднего рода на *-á*

Как известно, новые формы И.мн. мужского рода начинают отмечаться в памятниках с конца XV в. (*города* в летописи Авраамки), очень редки до середины XVII в.; их быстрый рост начинается в XVIII в. и интенсивно продолжается вплоть до настоящего момента. В говорах это явление захватывает также *i-feminina* (И.мн. *площадь, лошадь, матеря, кровя* и др.) и в небольшой степени даже *a-feminina* (В.мн. *в голова, под голова*, И.мн. *крутые гора* и др.).

Новые формы И.мн. на *-á* в нормальном случае образуются только от слов с начальным ударением в единственном числе; в литературном языке исключение составляют только слова на *-ор* группы *профессор, директор* и слово *учитель*.

Вопрос о происхождении форм И.мн. муж. и жен. на *-á* является предметом длительной научной дискуссии. Не пытаясь ее целиком обзреть, упомянем только некоторые узловые точки.

И. В. Ягич [1889: 114] считал источником форм И.мн. типа *лѣса, городá* влияние существительных среднего рода, где *-а* исконно.

Согласно А. И. Соболевскому [1907/2004: 221], формы И.мн. типа *лѣса, городá* развиваются в силу аналогического расширения ряда *бока, латина, господа, братья, камень*, т. е. признается несколько источников такого влияния: дуалисы типа *бокá* (для которых А. И. Соболевский предполагает конечное ударение); собирательные как типа *господá* (с ударным *-á*), так и типа *латина* (с безударным *-а*); формы на *-ья* (с любым ударением).

А. А. Шахматов [1957: 330] исходит из того, что в подвижном акцентном типе И.дв. имел ударение на окончании: *городá, волосá, возá*, тогда как в сочетании с *два* ударение было изменено (*два гóрода* и т. д.). Источник форм типа И.мн. типа *лѣса, городá* А. А. Шахматов видит в том, что «слова мужского рода с подвижным ударением древнюю форму двойственного числа обратили в форму множественного» [Там же: 331]. Версию о влиянии собирательных типа *латина* А. А. Шахматов считает возможной, но маловероятной [Там же: 335].

П. С. Кузнецов [1963: 198–199] тоже исходит из исконности конечного ударения в И.дв. *рогá, глазá, берегá* и т. п. и склоняется к версии о влиянии названий парных предметов на формирование И.мн. типа *лѣса, городá*.

В статье [Зализняк 1967/2002] было предложено иное объяснение для форм И.мн. типа *лѣса, городá*. Элемент *-а-* в формах множественного числа в современном русском склонении расценивается как морфологически выделяемый показатель множественного числа. Что касается возникновения новых форм И.мн. типа *годá, парусá*, то «естественно предположить, что по крайней мере одна из причин этого явления состоит в стремлении распространить элемент *а*, выступающий в косвенных падежах и уже воспринимающийся как показатель мн. числа, на все словоформы мн. числа» [Там же: 547]. Процесс активен там, где элемент *-а-* в косвенных падежах

мн. числа несет ударение (поскольку в случае безударности показатель мн. числа [э] и без того уже предельно близок к [ы], выступающему в И.мн.).

В. М. Марков [1974: 121] прежде всего формулирует главное возражение против версии А. А. Шахматова: неверно, что ударение И.дв. *рога́, берега́* исконное. Он ссылается на Л. А. Булаховского, который уже ранее указывал, что, как следует из ударения слова *оба́* и данных словенского языка, в подвижном акцентном типе древнее ударение формы И.дв. было не флексийным, а начальным. Соответственно, от версии происхождения И.мн. муж. на *-á* из И.дв. В. М. Марков считает необходимым отказаться. Независимо от работы [Зализняк 1967/2002] он приходит к выводу, что основным источником окончания *-á* в И.мн. несреднего рода было распространение того *-á*-, которое уже имелось в окончаниях косвенных падежей множественного числа, на всё множественное число. В. М. Марков подробно рассматривает связь этого процесса с процессом обобщения окончаний *-ám, -áми, -áх* во множественном числе у *o*-основ и *i*-основ. Понятно, что только после такого обобщения морфема *-á*- получает статус показателя множественного числа. Как особо существенный он выделяет тот факт, что новый И.мн. на *-á* отмечается в говорах также у *a*-feminina (где окончания *-ám, -áми, -áх* исконны), несмотря на совпадение с И.ед.: *в голова́, под голова́, крутые гора́, деревня́, перерезало ему нога́, грива́, на грядá, судья́, церква́, на три верста́ дальше, в три шея́* (примеры из работ С. П. Обнорского); у Тредьяковского также *вспенились волна́*.

Г. А. Хабургаев [1990: 152 и след.] присоединяется к позиции В. М. Маркова и активно развивает трактовку *a* как единого показателя множественного числа.

С нашей точки зрения, основных факторов, которые привели к появлению нового И.мн. типа *лѣса́*, было два:

1) распространение единого показателя множественного числа *-á*- из косвенных падежей; см. об этом выше в изложении работ [Зализняк 1967/2002; Марков 1974; Хабургаев 1990];

2) развитие новых словоформ И. падежа на *-á* со значением собирательности или усиленной множественности и с синтаксической амбивалентностью, позволяющей им сочетаться с предикатами и определениями как единственного, так и множественного числа; см. об этом выше в разделе «Синтаксические особенности собирательных на *-á*».

О возможной роли формы двойственного числа см. отдельно ниже.

Дополнительный вопрос состоит в том, почему новый И.мн. на *-á* развился почти исключительно у слов с начальным ударением в единственном числе.

Ответ, очевидно, состоит в следующем.

После обобщения окончаний *-ám, -áми, -áх* в косвенных падежах множественное число в акцентной парадигме *c* (подвижной) имеет акцентовку типа *горо́ды, города́м, лу́ги, луга́м*, в а.п. *b* — типа *топоры́, топора́м, сто-*

лы́, столáм. Как показывают памятники, часть слов а.п. *с* со временем испытывает смену форм типа И.мн. *гóроды, лúги* на *городá, лугá*, между тем как в а.п. *б* все формы И.мн. (*топоры́, столы́* и т. д.) сохраняются без изменений.

Следует полагать, что это различие связано с тем, что главным стимулом к замене старой формы И.мн. на новую была тенденция к установлению единого ударения во всей субпарадигме мн. числа. Соответственно, новое окончание И.мн. *-á* появилось только в а.п. *с*, где единого ударения во мн. числе раньше не было, но не в а.п. *б*, где ударение уже было единым.

В единственном числе все слова а.п. *с* имели начальное ударение (*гóродь, гóрода, лугъ, лúга*), все слова а.п. *б* — конечное (*топорь, топорá, столъ, столá*). Это значит, что И.мн. на *-á* реально мог быть представлен только у слов с начальным ударением в единственном числе, и это соотношение получило статус синхронического правила.

В особом положении были слова а.п. *с* (исконные или перешедшие в эту а.п.) с односложной основой. Среди них имелась значительная группа слов, у которых в памятниках XVI—XVII вв. факультативно отмечается И.мн. с конечным ударением (например, *сáды* и *сады́, дóлги* и *долги́*), а в дальнейшем полностью побеждает И.мн. на *-ы́*. Сюда относятся прежде всего почти все слова прежнего *и*-склонения (*садъ, медь, рядъ, низъ, поль, чинь, сынъ, дарь, жирь, мирь, пирь, борь, верхъ*) и значительная часть слов *о*-склонения, для которых реконструируется праславянская а.п. *d* (*бои, рои, гробъ, долъ, кругъ, стругъ, задъ, бродъ, усь, потъ, цвѣтъ* и др., вероятно, сюда же *шагъ*)⁵.

Акцентуация этих слов стала притягательной моделью для значительного числа других односложных слов с начальным ударением в единственном числе. Тем самым для таких слов тенденция к единому флексийному ударению во всей субпарадигме мн. числа могла реализоваться в двух вариантах — с И.мн. на *-á* (например, *воз — возá*) и с И.мн. на *-ы́* (например, *воз — возы́*).

В современном языке у односложных слов с подвижным ударением древняя модель *зубь, зúба — зúбы, зубóвъ* сохранилась лишь у совсем небольшой группы слов (*зуб, бог, чѣрт, зверь, гость* и др.), причем эта группа продолжает размываться — у большинства входящих в нее слов (например, *год, ход, гром, вор*) уже имеются просторечные или профессиональные варианты с И.мн. на *-á* или на *-ы́*. Подавляющее большинство односложных слов с подвижным ударением ныне распределено между двумя

⁵ Окончание *-ы́* в этих двух группах, вероятно, представляет собой непосредственный след древнейшей акцентовки; но в настоящей работе подробнее разбирать этот вопрос нет необходимости.

инновационными моделями: *лес* — *лесá* и *сад* — *сады́*⁶. В литературном языке имеются также случаи вторичной дифференциации: *верхи́* и *верхá*, *цвѣты́* и *цвѣтá*, *мехи́* и *мехá*, а в просторечии и в говорах многочисленны также случаи прямого варьирования (*возы́* и *возá*, *торты́* и *тортá* и т. п.).

Что касается слов а.п. *a*, то они могли включиться в изучаемый нами процесс, только если уже изменили акцентовку. Такое изменение не было произвольным — слово могло лишь уподобиться одной из двух других а.п. При неодносложной основе уподобиться а.п. *c* могли только слова с начальным ударением в ед. числе (например, *пáрусь*, *пáрусá*) — в соответствии с господствующей акцентной моделью в исконной а.п. *c*.

Вначале акцентная эволюция таких слов а.п. *a* была двухэтапной. Например, для слова *пáрусь*: 1) *пáрусы*, *пáрусам* менялось на *пáрусы*, *парусáм* (по модели *вóлосы*, *волосáм*); 2) *пáрусы*, *парусáм* менялось на *парусá*, *парусáм* (как *городá*, *городáм*).

Позднее, в эпоху активной экспансии модели И.мн. на *-á* эта эволюция упростилась; скажем, *бúферы*, *бúферам* могло уже непосредственно заменяться на *буферá*, *буферáм*. Далее на базе таких слов сформировалась четкая акцентная модель с именно таким ударением для двусложных слов на безударные *-ор*, *-ер*, *-ель* (например, *трáктор*, *скúтер*, *штéмпель*). И совсем поздно эта модель захватила уже и некоторые слова со срединным ударением, а именно из числа тех, у которых последние два слога основы удовлетворяли тому же условию (например, *профéссор*, *дирéктор*, *учи́тель*).

Сказанное относится к положению в литературном языке; в части говоров процесс распространения форм И.мн. на *-á* зашел намного дальше, охватив также некоторые существительные других морфологических категорий и других типов акцентовки.

Роль формы И.дв. на *-a*

Отдельного рассмотрения требует вопрос о роли формы И.дв. в возникновении и развитии нового И.мн. несреднего рода на *-á*.

Ныне данные исторической акцентологии позволяют решительно поддерживать тезис Л. А. Булаховского о первичности начального ударения в И.дв. *рога*, *берега*, *мужа*, *города* и т. д.

Действительно, в словенском языке, где двойственное число сохранилось, эта форма у слов подвижной акцентной парадигмы имеет рефлекс

⁶ В. М. Марков [1974: 134] обнаружил тот интересный факт, что одним из факторов, влиявших на это распределение, был фонетический состав корня, а именно, односложные слова с корневым *a*, как правило, не принимали окончания *-á* (своего рода «диссимилиация»): ср. *басы́*, *балы́*, *валы́*, *дары́*, *зады́*, *лады́*, *пазы́*, *пары́*, *ряды́*, *сады́*, *тазы́*, *часы́*, *шаги́*, *шары́*. Отклоняются только *края́* и *глаза́*.

праславянского циркумфлекса, например, И.дв. *тоžā* ‘два мужа’ (из *tōžā*, с закономерной словенской перетяжкой циркумфлекса на следующий слог); заметим, что эта форма совпадает с Р.ед.

В древнерусском языке важнейшими свидетельствами начального ударения (точнее, энклиноменного статуса) формы И.дв. в подвижной акцентной парадигме являются словоформа *оба* и сочетания словоформ *дѡва*, *оба* с проклитиками и энклитиками. Все они ведут себя в соответствии с акцентными правилами для энклиноменов. Так, в Чудовском Новом Завете XIV в. имеется словоформа *оба* и с энклитикой *не оба ли*, *не два ли*; в памятниках XV–XVII вв. — *оба*, *на оба*, *и по два*, *по два*, *на два*, *за два* и др.

Рассмотрим со всей доступной ныне полнотой материал акцентуированных памятников, относящийся к вопросу о форме И.В.дв. муж. в подвижной акцентной парадигме:

	Начальное ударение	Конечное ударение
В свободном употреблении		
XIV в.	<i>прише^оша же к немѣ моужа рѣста</i> Чуд. 30б, <i>слоуха</i> Чуд. 20б	<i>имаше рогѣ подобна агньцѣ</i> Чуд. 154в, <i>нагѣ естѣ</i> Чуд. 81г
XVI в.	<i>томѣ же двѣ рога, рога же высѡка</i> Остр. (Даниил 8.3), <i>рога желѣзна</i> Остр. (3 Царств 22.11, 2 Паралип. 18.10), <i>слѣха</i> Поуч. 35; <i>сама себѣ</i> Жит. 287 bis, <i>сама в себѣ</i> Жит. 286, 287	<i>рогѣ</i> Ион. 102, Биб. 215б, Остр. (Даниил 8.6), <i>глазѣ</i> Косм. 2б, <i>в моѣ слѣхѣ</i> Чет. 72
XVII в.	<i>слѣха</i> Печ. 447б, Хлын. 102б, Изм. 214, <i>слѣха моѣ</i> Костр. 105, Пер. 123, <i>в слѣха гнѣ</i> Ряз. 8б, <i>сходѣ в бока зем-</i> <i>ли</i> Печ. 108б	<i>рогѣ</i> Трав. 19б, Сух. 41б, Алф. 128б, Хрнг. 114б, <i>за рогѣ</i> Хрнг. 29, <i>глазѣ</i> Епиф. 181б, <i>в глазѣ</i> Авв. 25б, <i>на гла-</i> <i>зѣ</i> Авв. 51, <i>своѣ бока</i> Прл. 335б, <i>под</i> <i>бока</i> Авв. 25б
Перед числительным		
XIV в.	<i>мужа двѣ</i> Чуд. 32а, <i>моужа два</i> Чуд. 59а	
XVI в.	<i>мѣжа двѣ</i> Фер. 981б, <i>имаше рога</i> <i>двѣ</i> Остр. (Апокал. 13.11)	
XVII в.	<i>моужа двѣ</i> Ев. 1649 (Лука 9.30), <i>зѣкрома два</i> Ист. 55б	
После числительного		
XVI в.	<i>двѣ рога</i> Лет. 337б, <i>два рога</i> Библ. 904б, <i>оба рога его</i> Остр. (Даниил 8.7), <i>двѣ мѣжа</i> Ион. 470б, <i>двѣ чина</i> Увар. 80б	
XVII в.	<i>двѣ сѣна</i> (= <i>сына</i> или <i>сына</i>) Каз. 98б; Ратн.: <i>два шаха</i> [6×], <i>два ряда саере</i> , <i>три ряда</i> [3×]	<i>оба рогѣ его</i> Хрнг. 114, <i>два городѣ</i> Нв. 453; Ратн.: <i>два шаха</i> [3×], <i>два рядѣ</i> <i>саере</i> , <i>три рядѣ</i> [5×], <i>оба рядѣ</i> 172б

Как можно видеть, в свободном употреблении имеется примерно одинаковое количество примеров с начальным и с конечным ударением, тогда как перед и после числительного нормой является начальное ударение.

Поскольку нет никаких оснований возводить различие ударений в *ро́га* — *рога́* и т. п. к праславянскому, ясно, что либо одно, либо другое является инновацией.

Из приведенного материала видно, что ни в том, ни в другом случае инновация не охватила всю соответствующую группу словоформ целиком. Тем самым последовательное фонетическое изменение исключается: перед нами либо морфологическая инновация, либо факультативное фонетическое изменение.

А. А. Шахматов [1957: 330] в соответствии со своей версией исконности ударения *рога́* объяснял иное ударение в *два ро́га* тем, что здесь «формы двойственного числа приняли облик родительного падежа». К сожалению, из этой формулировки непонятно, какой тип изменения тут предполагается (равно как ничего не говорится о том, какого рода стимулы могли привести к такому «принятию облика»). Но как при версии о фонетическом изменении *рога́* > *ро́га*, так и при версии о морфологическом уподоблении форме Р.ед. остаются без объяснения ударения И.дв. *му́жа*, *слу́ха*, *бо́ка*, *ро́га* в свободном употреблении и *оба́*, *на́ оба*, *на́ два*, *за́ два*, *по́ два*, не говоря уже о показаниях словенского языка. И важно то, что в истории русского языка замена конечноударной словоформы на энклиномен вообще почти неизвестна, если не считать нескольких уникальных казусов.

Напротив, факультативная замена энклиномена на конечноударную словоформу представляет собой вполне распространенное явление, см. [Зализняк 2014]. Уже в XIV в. она довольно широко представлена в I ед. презенса (например, *створю́* вместо *ствóрю*), а впоследствии побеждает в этой форме стопроцентно. То же в деепричастии презенса (например, *творя́* вместо *твóра*), в дальнейшем здесь победа почти столь же полная — сохраняются только *сто́я*, *си́дя*, *ле́жа*, *мо́лча*, *не́хотя* в наречном употреблении. То же в перфекте: *положи́ль*, *собра́ль*, *продáль* и т. п. вместо *положилъ*, *собралъ*, *прóдалъ* — с полной победой нового ударения в современном языке в одних морфологических типах и частичной в других.

Сверх этого, в рукописях имеется заметное число различных окказиональных замен такого же типа. В частности, уже в Чудовском Новом Завете находим: *колѣ ржѣтва* 82а (вм. *кóло*), *оубиѣнье дхѣ* 128б (вм. *ду́ха*), *какѣ нѣ на^м | брани* (вм. *бра́ни*) 127б, *прозрѣста ею очи* (вм. *очи*) 11в, *ли странна* В.ед. 14б (вм. *стра́нна*), *нага* В.ед. 14б (вм. *на́га*), *не оста́влю ва^с | сирѣ* 49б (вм. *си́ры*), *моужа сегѣ ата* (вм. *ата́*) ѿ | *иудѣи* 76а, *какѣ може^м* 90б (вм. *ка́ко*), *не водою | токмо* 90в, *то|кмѣ да не...* 124б (вм. *то́кмо*). Таков же и пример *нага́ еста́* в Чуд., приведенный выше.

Позицию, заметно способствующую такой смене ударения, составляет положение перед местоимением с ослабленным ударением (*его́*, *ему́*, *ихъ*

и т. п.); например, в том же памятнике: *ѿ пота ѹго* 72б (вм. *ѿ' пота*), *кромь раздма его* 54б, и *воню разоумá | ѹгò* 117а (вм. *разоума*), и *ногы их затвердї в дрѣвь* 70а (вм. *ї ноги*), *ѿ плоти их* 157в (вм. *ѿ' плоти*), *горѣ ва^н* 13а bis (вм. *гòре*), *да не ко^дда приткне^м о кáме^н ногѣ твою* 28а (вм. *ногѣ*). Именно этим эффектом объясняется пример *оба рогá егò* в Хрнг., приведенный выше.

Этот же механизм дал сдвиг ударения в *оба, обѣ* в нескольких сочетаниях, где второй член — это тоже энклиномен: *обá тѣ* Лет. 112б, *обáполъ* Ник. 338б, *обѣрѣчь* Прл. 148, в современных говорах *обáпол*, *обáдва*, *обѣдве*, *обѣручь*.

Имеется и вторая возможная причина появления форм с конечным ударением вместо начального. В акцентную парадигму *с* (подвижную) в свое время включилось также большинство слов потерявшей самостоятельность акцентной парадигмы *д* [Дыбо и др. 1990: 129], в которой большинство форм характеризовалось флексийным ударением. В памятниках у слов бывшей а.п. *д* в отдельных формах наряду с правильным ударением нередко отмечаются случаи реликтового флексийного ударения, неправильного с точки зрения а.п. *с*, например: *у гробá*, *въ гробѣ*, *берегómъ* Т.ед. (наречн.), *збómъ* Т.ед., *збѣ*, *луги*, *кругómъ* Т.ед. (наречн.), *бѣгómъ* Т.ед. (наречн.), *броды*, *власи*, *власы*, *волосы*, *без потá*, *поты*, *цвѣты*, *смѣхá* Р.ед.

Это обстоятельство имеет прямое отношение к нашей проблеме, поскольку в число слов бывшей а.п. *д* входят слова *рогá*, *бокъ*, *рядъ*, *городъ* (и *градъ*), *слѣдъ*; в памятниках отмечены, в частности, примеры *с радómъ*, *рлды*, *градá* Р.ед., *градї*, *грады*, *слѣдá* Р.ед. (ср. также современное *без следá*, *ни следá*, *не осталось и следá*). Почти наверное принадлежало к бывшей а.п. *д* также слово *шагъ* (*шахъ*): ср. *шахи* (наряду с *ша́хи*) в Ратн., *шагá* Р.ед. у авторов XVIII в., *шагómъ* Т.ед. (наречн.) у Майкова [Еськова 2008: 109]. Для слова *глазь* надежных данных о его акцентной предыстории нет.

В этой ситуации естественно поставить ударения И.дв. *рогá*, *бокá*, а также *два шагá*, *два рядá* (и современное *два следá*) в тот же общий ряд спорадических реликтов а.п. *д*, который описан выше.

Что касается современных аномальных счетных форм *два рядá*, *два шагá*, *два следá*, *два часá*, *два шарá*, то первые три почти наверное представляют собой именно реликты а.п. *д*. В сочетании *два часá* ударение просто исконное, поскольку слово *часъ* относилось к а.п. *б*; это сочетание оказалось членом данного ряда лишь потому, что ед. число слова *часъ* в ходе эволюции получило новое ударение (наосновное). Слово *шаръ* (геометрич.) не имеет надежной этимологии и не отмечено в старых памятниках в косвенных формах; но имеется пример *Шарóвъ* (фамилия) Ист. 313б и в XVIII—XIX вв. засвидетельствовано ударение *шарá*, *шарóm* [Еськова 2008: 109]; ср. также современное *хоть шарóm покати*. Это значит, что его акцентная история почти наверное такая же, как у слова *часъ*.

Итак, для форм И.дв. *ро́га, бо́ка* целых два фактора могли одновременно создавать вектор смены ударения в сторону *рога́, бока́*: возможность окказиональной конечнударности энклиномена и возможность сохранения реликта а.п. *d*. Тем самым наличие в Чудовском Новом Завете примера *рога́*, который во многих работах приводится в качестве решающего аргумента в данной дискуссии, никоим образом не может перевесить совокупность свидетельств в пользу исконного энклиноменного характера формы И.дв. мужского рода в подвижной акцентной парадигме.

Было бы поспешно, однако, утверждать, что собственно фонетические истоки форм *рога́, глаза́, бока́* исчерпывают проблему и снимают вопрос о других факторах, которые могли способствовать появлению и закреплению такого ударения.

Дело прежде всего в том, что оба фонетических фактора носили необязательный характер: они создавали возможность ударений *рога́, бока́* лишь в качестве спорадических отклонений от требуемых системой *ро́га, бо́ка*. Так, они легко могли привести к появлению единичного примера *рога́* в Чудовском Новом Завете, но они еще не объясняют устойчивости форм *рога́, бока́, глаза́*, объединенных значением парного предмета, в более поздней истории русского языка. Эта устойчивость заставляет предполагать, что здесь имеется и некоторая нефонетическая составляющая.

С нашей точки зрения, такой составляющей были те же самые факторы, которые привели к появлению И.мн. типа *лѣса́* (см. выше), а именно:

1) распространение единого показателя множественного числа *-á-* из косвенных падежей;

2) развитие новых словоформ И. падежа на *-á* со значением собирательности или усиленной множественности и с синтаксической амбивалентностью.

Как справедливо указывает В. М. Марков, показателен тот факт, что в памятниках и в говорах наряду с формами *рога, бока* постоянно употребляются в том же значении, т. е. для обозначения двух, а не многих объектов, формы *роги, боки* (а для слова *бѣрег* ранее XVIII в. вообще встретилось только *береги*). Иначе говоря, формы *рога, бока, глаза* и т. п., которые к XV в. уже утратили прежнюю связь со значением двойственности и превратились просто в формы множественного числа, оказались втянутыми в общую эволюцию множественного числа, где начали развиваться новые формы И.мн. на *-á*. И следует согласиться с В. М. Марковым [1974: 122], что «оказывается возможным вопрос не о том, каким образом немногие формы [И.дв.] на *-а* повлияли на другие образования, а о том, что могло поддержать эти формы, закрепив в них ранее им не свойственное окончное ударение»; и далее: «от признания решающей роли образований типа *бѣрега, бо́ка* по необходимости приходится отказаться».

Существенно то, что динамика конкуренции форм типа *рога́* и типа *ро́ги* оказывается весьма похожей на историю форм типа *лѣса́* и типа *лѣсы́*.

Первые, зачаточные проявления важных для рассматриваемой проблемы процессов относятся к эпохе ранее конца XV в. Так, с XIII в. отмечаются элементы формирования единого ряда окончаний *-амъ*, *-ами*, *-ахъ* вначале в среднем, а затем в мужском роде, т. е. создается движущая сила для появления нового окончания *-а* в И.мн. мужского рода. И в конце XV в. мы уже видим его первую письменную фиксацию (в И.мн. *города* в летописи Авраамки); понятно, что само явление должно было возникнуть раньше.

С другой стороны, весьма рано появляются также примеры употребления множественного числа при обозначении парных предметов, т. е. вместо двойственного. Например, в «Александрии», в списке XV в. с оригинала XII в., пять раз использована форма *рогы* в значении одной пары рогов (*видѣхъ ... бо́га ... рогы овна имуща* и т. п.); в известной приписке писца в паремейнике 1313 г. (РГАДА, ф. 381, № 61, л. 99 об.) *уже глаза сна^Т хотать* мы видим форму *глази*. То есть создается ситуация сосуществования в одном и том же значении форм *роги* и *рога*, *глазы* и *глаза*. При этом формы И.дв. *рога*, *глаза* в обычном случае имеют ударение *ро́га*, *гла́за*, но, как показывает единичный пример XIV в. *рога́* в Чуд., иногда могут получать и конечное ударение.

Далее примерно до середины XVII в. формы типа *лѣса́*, *луга́* представляют собой редкие варианты при господствующих *лѣсы́*, *луги́*. Для *рогъ*, *бокъ* и т. п. сосуществуют варианты *ро́ги*, *бо́ки*, *ро́га*, *бо́ка* и *рога́*, *бока́* (оценить их количественные соотношения из-за бедности материала затруднительно). А со второй половины XVII в. начинается бурный процесс экспансии форм на *-а́* — практически одинаковый для форм типа *лѣса́*, *луга́* и типа *рога́*, *бока́*. Формы *лѣсы́* и *ро́ги* выходят из употребления одновременно.

Заключение

Итак, в современном русском языке флексия И. падежа *-а*, помимо словоизменительных, обладает еще несколькими словообразовательными функциями: показатель женского пола, показатель неисчисляемости, показатель различных форм усиления — собирательной множественности, интенсивности, экспрессивности.

Из этого числа функции показателя женского пола и собирательной множественности представляют собой прямое наследие функций праиндоевропейского **-ā*.

Значение неисчисляемости, по-видимому, вырастает из тех реализаций собирательности, которые создают образ нерасчлененной массы, следова-

тельно, чего-то неисчислимого. Этот вид семантического развития в некоторой степени присутствует уже в праиндоевропейском: он дает абстрактное значение имен качества в суффиксах **-i-ā*, **-ot-ā*, **-īn-ā*.

Значение интенсивности развивается из значения множественности в применении к природным явлениям и действиям.

Значение экспрессивности, очевидно, представляет собой специализированную ветвь значения интенсивности.

Источники

Авв. — Житие Аввакума // Пустозерский сборник. Автографы сочинений Аввакума и Епифания. Л., 1975.

Алф. — Алфавит духовный, 2-я четв. — сер. XVII в. РГБ, ф. 218, № 714.

Биб. — 1-й почерк рукописи: Библия, XVI в. ГИМ, Синод. 30.

Библ. — 2-й почерк рукописи: Библия, XVI в. ГИМ, Синод. 30.

Ев. 1649 — Толкование Феофилакта болгарского на евангелия. М., 1649.

Епиф. — Житие Епифания // Пустозерский сборник. Автографы сочинений Аввакума и Епифания. Л., 1975.

Жит. — почерк 267–3106 в рукописи: Сборник житий, 2-я четв. XVI в. РГБ, ф. 173, № 57.

Изм. — Измарагд, до 1641 г. РГБ, ф. 304.I, № 202.

Ион. — Маргарит Иоанна Златоуста, 1530 г. РГБ, ф. 256, № 195.

Ист. — Исторический сборник, 1692 г. РГБ, ф. 228, № 184.

Каз. — История о Казанском царстве, XVII в., вероятно, 1-я пол. РГБ, ф. 173.I, № 98.

Косм. — Космография Мартина Бельского, посл. четв. XVI в. РГБ, ф. 152, № 2.

Костр. — Слова Аввы Дорофея. Кострома, 1628 г.; в рукописи РГБ, ф. 138, № 25.

Лет. — Троицкий летописец, сер. XVI в. ГИМ, Синод. 645.

Нв. — Новгородская летопись, 1-я четв. XVII в. БАН, 34.4.32.

Ник. — Никоновская летопись, список Оболенского. 1526–1530 гг. РГАДА, ф. 201.I, № 163.

Остр. (Острожская библия) — Библия, сиречь книги Ветхаго и Новаго Завѣта по языкѣ словенскѣ. Острог, 1581. Фототипическое переиздание: М.; Л., 1988.

Пер. — Слова Аввы Дорофея, 1633 г. РГБ, ф. 310, № 194.

Печ. — Миней четьи на сентябрь и октябрь. Печенга, 1605 г. РГБ, ф. 138, № 17.

Поуч. — Сборник, вероятно, конца XVI в. РГБ, ф. 304.I, № 784.

Прл. — Пролог. М., 1643 г.

Ратн. — Учение и хитрость ратнаго строения пѣхотныхъ людей. М., 1647. По кн.: Chr. Stang. La langue du livre «Учение и хитрость ратнаго строения пѣхотныхъ людей». Oslo, 1952.

Ряз. — Лествица. Солотча, 1611 г. ГИМ, Барсов 246.

Сух. — Сухановский хронограф. РНБ, F.XVII.17 (из собр. Ф. Толстого, I, № 198).

Трав. — Травник и лечебник, XVI–XVII вв. РГБ, ф. 37, № 431.

Увар. — Кормчая, сер. XVI в. ГИМ, Увар. 296.

Улож. — Соборное уложение царя Алексея Михайловича. М., 1649.

- Усп. сб. — Успенский сборник XII–XIII вв. М., 1971.
Фер. — Кормчая, сер. XVI в. РГБ, ф. 98, № 248.
Хлын. — Златоуст, 2-я четв. XVII в. РГБ, ф. 310, № 539.
Хрнг. — Хронограф русский II-й редакции, сер. XVII в. РГБ, ф. 173.III, № 75.
Чет. — Минея четья за апрель. ГИМ, Синод., 91, л. 1–1466.
Чуд. — Чудовский Новый Завет, XIV в. По изд.: Новый Завет Господа нашего Иисуса Христа. Труд святителя Алексия Митрополита Московского и всея Руси. (Фототипическое издание Леонтия, Митрополита Московского.) М., 1892.

Л и т е р а т у р а

- Деул. — Словарь современного русского говора (д. Деулино Рязанского района Рязанской области) / Под ред. И. А. Оссовецкого. М., 1969.
Дыбо и др. 1990 — В. А. Дыбо, Г. И. Замятина, С. Л. Николаев. Основы славянской акцентологии. М., 1990.
Елистратов 2007 — В. С. Елистратов. Толковый словарь русского сленга. М., 2007.
Еськова 2008 — Н. А. Еськова. Нормы русского литературного языка XVIII—XIX веков: Ударение. Грамматические формы. Варианты слов. Словарь. Пояснительные статьи. М., 2008.
Еськова 2014 — Орфоэпический словарь русского языка / Под ред. Н. А. Есковой. М., 2014.
Зализняк 1967/2002 — А. А. Зализняк. О показателях множественного числа в русском склонении // «Русское именное словоизменение» с приложением избранных работ по современному русскому языку и общему языкознанию. М., 2002. С. 545–549.
Зализняк 2014 — А. А. Зализняк. К вопросу об акцентной эволюции энклиноменов в русском языке // Язык. Константы. Переменные: Памяти Александра Евгеньевича Кибрика / Под. ред. М. А. Даниэля, Е. А. Лютиковой, В. А. Плунгяна (гл. ред.), С. Г. Татевосова, О. В. Федоровой. СПб., 2014. С. 260–276.
Кузнецов 1963 — В. И. Борковский, П. С. Кузнецов. Историческая грамматика русского языка. М., 1963.
Марков 1974 — В. М. Марков. Историческая грамматика русского языка. Именное склонение. М., 1974.
СДРЯ — Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.). Т. 1–. М., 1988–.
Слов. XI–XVII — Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 1–. М., 1975–.
Соболевский 1907/2004 — А. И. Соболевский. Лекции по истории русского языка // А. И. Соболевский. Труды по истории русского языка. Т. 1. М., 2004.
СРНГ — Словарь русских народных говоров. Вып. 1–. М.; Л., 1965–.
Хабургаев 1990 — Г. А. Хабургаев. Очерки исторической морфологии русского языка. Имена. М., 1990.
Шахматов 1957 — А. А. Шахматов. Историческая морфология русского языка. М., 1957.
Ягич 1889 — И. В. Ягич. Критические заметки по истории русского языка. СПб., 1889.

Резюме

В статье рассматриваются функции флексии *-а* в русском языке. За рамками чистого словоизменения выделяются функции: 1) словообразовательный показатель женского пола; 2) показатель принадлежности к категории неисчисляемых; 3) словообразовательный показатель комплекса значений, объединяемых общим признаком усиления: собирательной множественности, интенсивности и экспрессивности.

Анализ этих функций позволил провести критический разбор взглядов на возникновение форм И.мн. несреднего рода на *-á*. Распространенная точка зрения о решающей роли формы И.дв. в этом процессе отвергается. Предлагается объяснение, состоящее в том, что к появлению нового И.мн. на *-á* привели два фактора: 1) распространение единого показателя множественного числа *-á-* из косвенных падежей; 2) развитие новых словоформ И. падежа на *-á* со значением собирательности или усиленной множественности и с синтаксической амбивалентностью, позволяющей им сочетаться с предикатами и определениями как единственного, так и множественного числа.

Ключевые слова: русский язык, историческая морфология, двойственное число, флексия *-а*, неисчисляемые, собирательность, интенсивность, экспрессивность.

Получено 28.10.2017

ANDREY A. ZALIZNYAK

FUNCTIONS OF THE NOMINATIVE FLEXION *-A* IN RUSSIAN

The paper analyzes the functions of the nominative flexion *-a* in Russian: 1) derivational marker of feminine gender; 2) marker of uncountability; 3) marker of collective plural, intensity and expressivity.

Examination of these functions makes it possible to undertake a critical survey of hypotheses concerning the origin of the masculine plural ending in *-á*. The widespread hypothesis that the nominative dual was the leading factor in this process is rejected. An explanation of the process is proposed according to which the appearance of the new nominative plural in *-á* was triggered by two factors: 1) expansion of *-á-* from the oblique cases to become a general marker of plural; 2) development of new nominatives ending in *-á* with the meaning of collective or emphasized plurality and syntactic ambivalence, which made it possible for them to be combined with either singular or plural predicates and attributes.

Keywords: Russian, historical morphology, dual, flexion *-a*, uncountable, collective plural, intensity, expressivity.

Received on 28.10.2017

А. Н. БАРАНОВ, Д. О. ДОБРОВОЛЬСКИЙ

**КСТАТИ И НЕКСТАТИ:
К РЕЧЕВЫМ ПРАКТИКАМ ДОСТОЕВСКОГО***

1. Постановка проблемы

В современных лингвистических исследованиях широко распространена категория «авторских слов». Такие слова обычно составляют объект описания авторских словарей. Так, в проекте «Словаря языка Достоевского» к авторским словам относятся «идиоглоссы», которые мыслятся как «тезаурусообразующие единицы», «единицы когнитивного плана», отражающие «авторскую картину мира» [Караулов 2008: X]. Насколько можно судить по статьям [Караулов 2008; Караулов, Гинзбург 2008], идиоглоссы — это интуитивно выделяемые понятия, которые в некоторых случаях могут быть проверены по формальным критериям (частотность, встречаемость в заголовках произведений Достоевского и их частей, в авторских афоризмах, значимых предложениях и пр.).

Анализ словника первых трех томов идиоглоссария «Словаря языка Достоевского» [2008–2012] показывает, что многие слова, которые хотелось бы видеть в таком словарном источнике, в нем отсутствуют. Так, в словнике практически нет дискурсивных слов, некоторые из которых интуитивно хочется относить к авторским словам. Например, слово *лишь*, семантически близкое частице *только*, существенно более частотно у Ф. М. Достоевского по сравнению с его современниками, хотя слово *только* распределено более или менее равномерно¹:

* Исследование выполнено в рамках гранта РГНФ № 17-04-00420.

¹ Количественные данные приводятся по Национальному корпусу русского языка, в котором, скорее всего, тексты каждого из этих писателей представлены не полностью. При исследовании текстов Достоевского в дальнейшем мы ориентируемся на полный корпус текстов этого автора, созданный в 1990-х годах в Отделе экспериментальной лексикографии для работы над «Словарем языка Достоевского».

Таблица 1

**Частотное распределение частиц *только* и *лишь*
в произведениях писателей XIX в.**

Писатель	<i>только</i> (относительная частота на 1000 словоупотреблений)	<i>лишь</i> (относительная частота на 1000 словоупотреблений)
Достоевский	3,79	0,9
Толстой	4,65	0,017
Салтыков-Щедрин	4,07	0,416
Гончаров	3,5	0,197
Тургенев	2,87	0,129

Легко видеть, что разброс частоты употребления частицы *только* относительно невелик, хотя и довольно значителен для текстов Л. Н. Толстого и И. С. Тургенева. Частица *лишь* у Достоевского встречается минимум в два раза чаще, чем у М. Е. Салтыкова-Щедрина, и почти в сто раз чаще, чем у Л. Н. Толстого². Понятно, что частотный критерий не всегда можно считать главенствующим при отнесении лексической единицы к авторским, однако в данном случае интуиция подсказывает, что употребление частицы *лишь* — характерная черта авторского стиля Достоевского.

К авторским, с нашей точки зрения, относится и форма *кстати* (в противоположность наречию *некстати*): как в художественных текстах Достоевского, так и в его публицистике и письмах она встречается с довольно высокой частотой:

Таблица 2

**Частотное распределение слов *кстати* и *некстати*
в произведениях писателей XIX в.**

Писатель	<i>кстати</i> (относительная частота на 1000 словоупотреблений)	<i>некстати</i> (относительная частота на 1000 словоупотреблений)
Достоевский	0,16 [0,17] ³	0,009
Толстой	0,0088	0,008
Салтыков-Щедрин	0,077	0,006
Гончаров	0,092	0,008
Тургенев	0,19	0,012

Из Таблицы 2 видно, что Ф. М. Достоевский использует слово *кстати* существенно чаще, чем М. Е. Салтыков-Щедрин, И. А. Гончаров и, осо-

² По данным [ССЯД: 491], слово *лишь* входит в число ста наиболее частотных лексем словаря Достоевского.

³ В квадратных скобках дана относительная частота по полному корпусу текстов Достоевского.

бенно, Л. Н. Толстой. В текстах этого писателя, представленных в НКРЯ, обнаруживается всего 17 вхождений слова *кстати* во всех значениях. Если была бы категория «антиавторских» слов, то это слово следовало бы считать «антиавторским» для Толстого.

Отметим, что слово *кстати* встречается в текстах Достоевского практически с той же частотой, что и у Тургенева. Интересно, что разброс частот для наречия *нестати* у рассмотренных авторов практически отсутствует. Это связано с тем, что слово *нестати* используется только как наречие, то есть соотносится со словом *кстати* только в одном из значений. Между тем основные случаи употребления слова *кстати* у Достоевского и некоторых других авторов приходятся на дискурсивную функцию. Ниже это обсуждается подробнее.

Интересно, что внутрисловное отрицание *не* в наречии *нестати* не распространяется на дискурсивные употребления, по определению не попадающие в сферу действия отрицания: метатекстовые элементы высказывания вообще плохо «отрицаются». Отсюда такая однобокость *нестати*. Сходным образом ведут себя многие дискурсивные слова, имеющие наречные или предикативные употребления. Ср.: *все было хорошо видно* vs. *из-за плохой освещенности реклама не видна*, но: *видно, не судьба* при невозможности **не видно, не судьба*.

2. Семантика слова *кстати*

На первый взгляд, внутренняя форма слова *кстати* вполне прозрачна: оно образовано от формы *стати/стать* с предлогом *к*. Однако семантический источник (то есть что стоит за формой *стати/стать*) неоднозначен, что порождает разные интерпретации внутренней формы, впрочем, весьма схожие. Если исходным является существительное *стать*, в большей степени сохраняющее глагольную семантику, то тогда внутренняя форма — это идея ‘становления’. А если это существительное со значением ‘место, положение, пребывание’, то внутренняя форма носит пространственный характер⁴.

У слова *кстати* в современных толковых словарях русского языка выделяются три основных значения. В Малом академическом словаре (далее — МАС) первое значение толкуется как «в удачный, подходящий момент, к месту, вовремя» (*Разведка подвернулась Мечiku как нельзя кстати*). Синтаксически в этих случаях *кстати* выступает как обстоятельство об-

⁴ Именно такая интерпретация предлагается в этимологическом словаре М. Фасмера [2009]. Впрочем, по мнению Е. В. Откидыч, «слово *кстати* представляет собой результат лексикализации сочетания предлога *к* и формы дательного падежа существительного *стать*, которое имело значение “причина, повод, способ”» [Откидыч 2017: 10–11].

раза действия, выраженное наречием. Второе значение по большей части также наречно: «пользуясь случаем, заодно с чем-л., вместе с тем» (*Пройдусь по городу, кстати куплю сигар*). В этот же класс попадает метатекстовое словосочетание *замечу/отмечу/скажу... кстати*. Наконец, третье значение — это функционирование *кстати* в качестве вводного слова, то есть как «обозначение того, что данная фраза говорится в связи с только что сказанным, в дополнение у нему». Отметим, что в целом словосочетание *замечу/отмечу/скажу... кстати* носит вводный характер, однако слово *кстати* в нем употреблено как обстоятельство, выраженное наречием (см. выше второе значение)⁵.

В словаре «Дискурсивные слова русского языка» Сесиль Моро описывает употребления формы *Q*, *кстати P* как распределение разной степени связанности переменных *Q* и *P* друг с другом. При этом частеречная принадлежность может быть различной, как и синтаксическая функция в предложении.

Преобладание *P* как семантически автономного характеризует такие употребления слова *кстати*, когда *кстати* оказывается «не совсем кстати». Ср.: *Я не очень волновалась. Ты видишь, я «Новый мир» принесла. Кстати, я кое-что заберу, чтобы тебе завтра не тащить много* [Моро 1998: 250]. Из приведенного примера видно, что *P*, вводимое *кстати* (то, что говорящий что-то хочет забрать), не связано по смыслу с тем, что был принесен журнал «Новый мир». Единственная функция *кстати* в приведенном примере — стремление сохранить связность дискурса и одновременно ввести новую тему беседы.

Второй тип контекстов характеризуется преобладанием *P* как семантически связанного с *Q*. *P* связано с *Q* по смыслу вне зависимости от использования *кстати* [Там же: 249]. Ср.: — *Браво!* — *откликнулся ДД.* — *Это так. Насчет опозданий — это вы точно. Я, кстати, как раз заболтался с вами и уже опоздал* (А. Битов. Оглашенные) [Там же: 252]. В рассматриваемом случае *P* и *Q* связаны между собой по смыслу ‘опоздание’.

В третьем типе контекстов семантическая связанность *P* и *Q* оказывается несущественной — они могут быть как автономными, так и связанными по смыслу. Для этого случая важно лишь то, что *P* и *Q* имеют «равную значимость». В этот тип контекстов попадают наречные употребления с семантикой ‘заодно’ (*кстати куплю сигар*), ‘вовремя’ (*дождь оказался*

⁵ Отметим, что современные носители русского языка часто интерпретируют значение *кстати* в обороте *замечу/отмечу/скажу... кстати* не как наречное, а как дискурсивное и, как следствие, выделяют в этом обороте *кстати* запятой: *Замечу, кстати, что меня девица невзлюбила с первой секунды* (Н. Климонтович. Далее — везде (2001)); *Замечу, кстати, что таких больших сроков содержания под следствием нет ни в одной стране мира* (А. Кучерена. Бал беззакония (2000)). Иными словами, носители языка приписывают слову *кстати* значение всего рассматриваемого оборота.

кстати), ‘к месту’ (*кстати и нестати*). В этот же тип употреблений, по Сесиль Моро, попадают и метатекстовые употребления с семантикой ‘хочу подчеркнуть’: *Меня дети любят. И собаки. И пьяные, кстати* (Л. Петрушевская. Три девушки в голубом).

При всей тонкости семантического описания данного слова в словаре «Дискурсивные слова русского языка» наречные и предикативные употребления четко не противопоставлены дискурсивным. В этом смысле традиционное описание оказывается даже более точным, выделяя у *кстати* функцию вводного слова. Есть и современные исследования, которые следуют этому традиционному разграничению. Так, в работе [Откидывч 2017] наречные и дискурсивные употребления *кстати* противопоставляются, но анализируются только последние. Среди них выделяются три контекстно обусловленных значения: «собственно факультативный комментарий», «актуализирующий комментарий», «псевдорезюмирующий комментарий». К сожалению, четких критериев выделения этих значений не предлагается. Так, в примере (1) обнаруживается идея актуализации («актуализирующий комментарий»):

- (1) Это и гортензии, ⟨...⟩ и люпины, и рододендроны. Однако в кислых почвах ⟨...⟩ растениям просто нечего будет взять из почв, содержащих только «кислые элементы»: водород, кремний, алюминий. Причем избыток последнего особенно токсичен для большинства растений. **Кстати, именно** от количества алюминия в почвенном растворе зависит интенсивность окраски гортензии [Там же: 12].

Между тем актуализация передается в приведенном примере с помощью фокусирующей частицы *именно*, а слово *кстати* используется как «факультативный комментарий» (в терминологии автора), не привязанный к идее актуализации. Не вполне очевидны и критерии выделения «псевдорезюмирующего комментария». Понятно, что комментарий может быть в конце текста или завершать акт аргументации, однако это не является дифференциальным признаком значений слова *кстати*. Очевидно, что само по себе разграничение наречных и дискурсивных употреблений слова *кстати* не является гарантией корректности описания его дискурсивных употреблений.

Предварительный анализ текстов Достоевского показывает, что именно дискурсивные употребления слова *кстати* (как и его употребления в составе метатекстовых конструкций типа *замечу кстати*) оказываются наиболее значимыми для этого писателя, сосредотачивающего свое внимание на речи героев как отражении особенностей их мышления, мировосприятия, идеологии. Тем самым для того, чтобы отразить специфику дискурсивных практик Достоевского в связи с употреблением слова *кстати*, необходима такая семантическая интерпретация *кстати*, которая позволяет более подробно и точно дифференцировать дискурсивные употребления слова *кстати* и соответствующих конструкций.

Наиболее существенное разграничение дискурсивных употреблений — это выделение контекстов, где *кстати* употреблено в значении, которое приблизительно можно описать как ‘в существенной смысловой связи со сказанным ранее’ (2), и контекстов, в которых *кстати* употреблено скорее формально для сохранения внешней связности дискурса, в том числе для введения новой темы, то есть по смыслу «не кстати». Такие употребления *кстати* можно в первом приближении описать как ‘говоря о чем-то новом’ (3). В контекстах данного типа недискурсивная часть значения этого слова, связанная с его внутренней формой, оказывается выхолощенной, а дискурсивная функция приобретает самодовлеющий характер. Можно предположить, что именно эта функция будет особенно важна для авторов, которые художественными средствами имитируют естественное неподготовленное общение, а также передают особенности мышления героев.

- (2) Он даже в лице изменился, и губы его перекосились. — Да и загадка-то глупая, отгадывать нечего. А слышал давеча его глупую теорию: «Нет бессмертия души, так нет и добродетели, значит, все позволено» (А братец-то Митенька, *кстати*, помнишь, как крикнул: «Запомню!») (Ф. М. Достоевский. Братья Карамазовы).
- (3) Он торопился; но, уже выходя и уж почти затворив за собою дверь, вдруг отворил ее снова и сказал, глядя куда-то в сторону: — *Кстати!* Помнишь это убийство, ну, вот Порфирий-то: старуху-то? Ну, так знай, что убийца этот отыскан, сознался сам и доказательства все представил (Ф. М. Достоевский. Преступление и наказание).

В примере (2) воспоминание о реакции Дмитрия Карамазова на идею о вседозволенности вводится *кстати* для указания на явную связь с обсуждаемой аргументацией. Это дополнительная информация, но существенная, не уводящая в сторону от круга идей, введенного в дискурс. С другой стороны, в примере (3) слово *кстати* вводит новую тему, не связанную с предшествующим описанием, хотя говорится об одном и том же человеке. Иными словами, связь предшествующего и последующего дискурса оказывается чисто формальной.

Следует подчеркнуть, что четкое противопоставление дискурсивных употреблений слова *кстати* как «кстати» и «не кстати» несколько огрубляет реальное положение дел, поскольку между этими типами дискурсивных употреблений есть и промежуточная зона, где какая-то мотивация возможна — особенно для говорящего, однако адресат восстанавливает эти семантические связи с некоторым трудом и тем самым воспринимает такие употребления *кстати* скорее как «не кстати». Так, в примере (4) использование *кстати* можно мотивировать отношением конкретного случая (поездка в церковь) и общего правила, которого придерживается персонаж (следовать обычаям).

- (4) Наконец, в половине восьмого, князь [Мышкин] отправился в церковь, в карете. Заметим *кстати*, что он сам нарочно не хотел про-

пустить ни одного из принятых обычаев и обыкновений (Ф. М. Достоевский. Идиот).

Однако семантика *кстати* в стандартном дискурсивном употреблении связана именно с предшествующими рассуждениями, а резкая смена темы от частного к общему воспринимается уже как не совсем «кстати».

Переходным можно считать также и следующий пример из «Преступления и наказания»:

- (5) Чувство глубочайшего омерзения мелькнуло на миг в тонких чертах молодого человека [Раскольников]. *Кстати*, он был замечательно хорош собою, с прекрасными темными глазами, темно-рус, ростом выше среднего, тонок и строен (Ф. М. Достоевский. Преступление и наказание).

В приведенном контексте говорится об одном и том же персонаже, но темы совершенно различны: эмоциональное состояние Раскольникова vs. его внешность.

Мотивация может быть еще более странной, основанной на последовательности мыслей персонажа, вызванной субъективными ассоциациями:

- (6) Небось темно показалось, холодно, хе-хе! Чуть ли не ощущений приятных понадобилось!.. *Кстати*, зачем я свечку не потушу? (Он задул ее.) У соседей улеглись, — подумал он [Свидригайлов], не видя света в давешней щелочке (Ф. М. Достоевский. Преступление и наказание).

Приведенные примеры показывают, что между *кстати* как «кстати» и как «не кстати» есть много переходных случаев. Однако критерием здесь может служить характер мотивации или, точнее, тип семантической связи. Слово *кстати* в нормальных дискурсивных употреблениях вводит информацию как релевантный комментарий к предшествующим рассуждениям. Если эта связь формальна (через персонажа, время, место, объект и пр.), то она оказывается менее очевидной, хотя с большим или меньшим трудом вычисляется адресатом и из-за этого соответствующие контексты попадают в группу *кстати* как «не кстати». Совсем «чистые» случаи такого рода граничат с эстетикой абсурда:

- (7) Несомненно изобрету новую собственную теорию новых экономических отношений и буду гордиться ею — чего доселе не мог за недосугом по службе и в пошлых развлечениях света. Опровергну всё и буду новый Фурье. *Кстати*, отдал семь рублей Тимофею Семенычу? (Ф. М. Достоевский. Крокодил)⁶.

⁶ Идеей подробного обсуждения переходных случаев мы обязаны А. Я. Шайкевичу. Часть приводимых примеров указанного типа принадлежит ему же.

Из обсужденных примеров хорошо видно, что функционирование дискурсивного *кстати* в значении, отсылающем к предшествующим рассуждениям, связано с максимальной релевантности Грайса. Действительно, когда мы говорим *кстати*, в нормальном случае мы хотим дать понять собеседнику, что наш речевой акт уместен и релевантен, будучи связан с предшествующими рассуждениями. Таким образом, у слова *кстати* в дискурсивных употреблениях выделяются две семантические сферы действия: Q (предшествующий контекст) и P (фраза, вводимая *кстати*). Для употреблений *кстати* как «кстати» можно предложить следующее рабочее определение:

$Q, кстати_1, P \approx$ ‘говоря P , я даю понять, что P есть дополнительная релевантная часть рассуждений Q ’.

А для *кстати* как «не кстати» семантическая экспликация будет выглядеть приблизительно так:

$Q, кстати_2, P \approx$ ‘говоря P , я даю понять, что хочу связать P с Q по некой формальной характеристике, общей для P и Q ’.

Дискурсивные употребления *кстати* противопоставляются его наречным употреблениям — в значениях ‘удачно, вовремя, к месту’ (8) и ‘заодно’ (9). Кроме того, значение ‘заодно’ в какой-то степени присутствует в форме *замечу/отмечу/скажу... кстати*.

(8) — Парфен, может, я некстати, я ведь и уйду, — проговорил он наконец в смущении. — *Кстати! Кстати!* — опомнился наконец Парфен. — Милости просим, входи! (Ф. М. Достоевский. Идиот).

(9) Минут через десять я из конторы выхожу, а тут через два дома магазин, и в нем у меня еще с прошлой недели заказаны для Сони ботинки, я и пошла их захватить *кстати*, только смотрю, а та старушка теперь уж у этого дома сидит (Ф. М. Достоевский. Дневник писателя).

Рассмотрим динамику употребления *кстати* в дискурсивных употреблениях («кстати» и «не кстати») и в наречной функции (совмещающей собственно наречные и предикативные употребления) в произведениях Достоевского и других писателей — его современников.

3. Частотное распределение слова *кстати* по функциям

Самой по себе информации о количестве употреблений слова *кстати* у того или иного писателя недостаточно, поскольку *кстати*, как было показано выше, многозначно. Существенно более важна информация о распределении частоты употреблений по значениям этого слова. Если ограничиться тремя типами значений слова *кстати*, то мы получаем следующую картину:

Таблица 3

**Частотное распределение слова *кстати* по функциям
в произведениях писателей XIX в.**

Писатель	<i>кстати</i> - дискурсивное	<i>кстати</i> - наречное	<i>замечу/скажу...</i> <i>кстати</i>
Достоевский	80 %	15 %	5 %
Толстой	23,5 %	76,5 %	0 %
Салтыков-Щедрин	38 %	59 %	3 %
Гончаров	40,7 %	55,3 %	4,6 %
Тургенев	73 %	23 %	4 %

Из Таблицы 3 видно, что основным параметром характеристики особенностей индивидуального употребления *кстати* является разграничение между дискурсивными и наречными реализациями. Конструкция *замечу/скажу... кстати* в данном случае малозначима, поскольку низкочастотна, а по функции скорее относится к дискурсивным употреблением⁷. Легко видеть, что Достоевский и Тургенев оказываются противопоставлены другим писателям по соотношению дискурсивных и наречных употреблений. Для них типичны дискурсивные употребления (80 % у Достоевского и 73 — у Тургенева), в то время как другие писатели XIX в. более склонны к наречным употреблением.

Весьма вероятно, что в конце XVIII — начале XIX в. происходило изменение дискурсивных практик, связанных с использованием слова *кстати*: наречные и предикативные употребления дополнялись дискурсивными. Разные писатели отражали эту тенденцию в разной степени. Многие контексты использования *кстати* в текстах того времени обнаруживают одновременно черты и наречного, и дискурсивного употребления. Судя по всему, это отражалось и в интонации (дискурсивные употребления, конечно же, не несут фразового ударения), и на письме, что проявлялось в варьировании пунктуационных норм. Ср. (10—13):

- (10) Григорий бросился к Марфе Игнатъевне и послал ее к Лизавете помогать, а сам сбегал за старухой повитухой, мещанкой, *кстати* недалеко жившей (Ф. М. Достоевский. Братья Карамазовы).
- (11) а. Гости Маркелова еще спали, когда к нему явился посланец с письмом от его сестры, г-жи Сипягиной. В этом письме Валентина Михайловна говорила ему о каких-то хозяйственных пустячках, просила его послать ей взятую им книгу — да *кстати* в постскриптуме сообщала ему «забавную» новость: его бывшая пассия, Марианна, влюбилась в учителя Нежданова (И. С. Тургенев. Новь);

⁷ Интересно, что данная конструкция не используется в значении «не кстати». Это связано с тем, что она из-за двусловности более выделена коммуникативно, а употребление *кстати* как «не кстати» предполагает стирание внутренней формы.

б. Амалия Ивановна, тоже предчувствовавшая что-то недоброе, а вместе с тем оскорбленная до глубины души высокомерием Катерины Ивановны, чтобы отвлечь неприятное настроение общества в другую сторону и, *кстати*, уж чтоб поднять себя в общем мнении, начала вдруг, ни с того ни с сего, рассказывать, что какой-то знакомый ее, «Карль из аптеки», ездил ночью на извозчике и что «извозчик хотел его убиваль и что Карль его ошень, ошень просиль, чтоб он его не убиваль, и плакаль, и руки сложиль, и испугаль, и от страх ему сердце пронзиль» (Ф. М. Достоевский. Преступление и наказание).

(12) Это настолько верно, что те из адептов, которые лучше других понимают, чье мясо кошка съела, начинают уже недоумевать и сердиться. — Топчется на одном месте златоуст-то наш — ни взад, ни вперед! — жаловался мне на днях один старичок, который с 1862 года всё ждет, что бог его простит, — мы было надеялись, что он «возвестит», а он только знай захлебывается. *Кстати* о публицистике (М. Е. Салтыков-Щедрин. Недоконченные беседы («Между делом»)).

(13) — И он бросился было к дверям приказать воды, но тут же в углу, *кстати*, нашелся графин с водой (Ф. М. Достоевский. Преступление и наказание).

В примере (10) слово *кстати* одновременно передает и семантику наречно-предикативного употребления ('удачно, что жила недалеко'), и дискурсивные смыслы: указание на уместность сообщения дополнительного факта об обсуждаемом персонаже. В примерах (11а) и (11б) *кстати* одновременно понимается и как наречие в значении 'заодно', и как цитация дискурсивного употребления в речи другого лица (Валентины Михайловны и Амалии Ивановны). Пример (12) демонстрирует варьирование пунктуационной нормы: *кстати* употреблено дискурсивно, но запятая автором не поставлена. Пример (13) в некотором смысле противоположен примеру (12): *кстати* в наречном употреблении выделено пунктуационно.

Отметим, что в произведениях Достоевского, Толстого, Гончарова, Салтыкова-Щедрина и Тургенева наряду с *кстати* в дискурсивной функции употребляется французская форма *à propos*. Такие употребления довольно редки: 5 — у Достоевского, 9 — у Толстого, 14 — у Гончарова, 5 — у Салтыкова-Щедрина, 1 — у Тургенева. Хорошо видно, что такое незначительное количество контекстов никак не влияет на статистические характеристики употребления слова *кстати*, рассматриваемые ниже. Интересно, что *à propos* часто используется во французских фразах и в этих употреблениях не должно рассматриваться как факт русского языка. Кроме дискурсивных употреблений *à propos*, в публицистическом тексте Толстого обнаруживается одно метатекстовое употребление: *Ни толка, ни смысла, ни даже какой-нибудь связи, кроме той, что французы называют а propos (кстати)* (Л. Н. Толстой. Исследование догматического богословия).

Возвращаясь к Таблице 3, напомним, что, как это ни странно, по соотношению дискурсивных и наречных употреблений слова *кстати* Достоевский и Тургенев попадают в одну группу. Это совершенно противоречит интуиции. Трудно себе представить более противоположных авторов по стилю, по отношению к художественному творчеству и взглядам на мир. На самом деле Тургенев и Достоевский различны и по дискурсивным практикам в связи с употреблениями слова *кстати*. Это показывает анализ дискурсивных реализаций обсуждаемого слова в значениях «кстати» и «не кстати».

Таблица 4

Частотное распределение дискурсивных употреблений слова *кстати* в произведениях писателей XIX в.⁸

Писатель	<i>кстати</i> как «кстати»	<i>кстати</i> как «не кстати»
Достоевский	19 %	61 %
Толстой	11,75 %	11,75 %
Салтыков-Щедрин	23 %	15 %
Гончаров	27,9 %	12,8 %
Тургенев	37 %	36 %

Из приведенной таблицы становится очевидной уникальная особенность стиля Достоевского в отношении дискурсивных реализаций *кстати*. Максимальное количество употреблений, в отличие от всех остальных авторов, приходится на *кстати* как «не кстати»⁹. Эта специфическая дискурсивная практика, связанная со словом *кстати*, наиболее отчетливо проявляется в речи персонажей произведений Достоевского — ср. Таблицу 5.

Таблица 5

Слово *кстати* в дискурсивной функции в речи персонажей и рассказчика в художественных текстах Достоевского¹⁰

Рассказчик		Персонаж	
<i>кстати</i> как «кстати»	<i>кстати</i> как «не кстати»	<i>кстати</i> как «кстати»	<i>кстати</i> как «не кстати»
22 %		78 %	
12 %	10 %	16 %	62 %

⁸ Проценты вычисляются от общего количества контекстов с *кстати*, а не от дискурсивных употреблений.

⁹ Интересно, что упоминавшаяся французская форма *à propos* используется у рассматриваемых авторов и в значении «не кстати». Ср.: — *Браво! Славный очерк: вы его поместите в роман... — Может быть, поместу. — А propos о днягах: для полноты и верности вашего очерка дайте мне рублей сто взаймы: я вам... никогда не отдам, разве что будете в моем положении, а я в вашем...* (И. А. Гончаров. Обрыв).

¹⁰ Данные приводятся по произведениям: «Игрок», «Преступление и наказание», «Братья Карамазовы», «Крокодил», «Подросток», «Бесы», «Идиот».

Данные Таблицы 5 наглядно демонстрируют, что, во-первых, наибольшее количество дискурсивных употреблений приходится на диалог — на реплики персонажей (78 против 22 %), во-вторых, в репликах персонажей подавляющее количество употреблений *кстати* — это дискурсивное «не кстати». В речи рассказчика использование *кстати* как «кстати» и как «не кстати» уравновешено: 12 и 10 %, причем все-таки небольшой перевес остается за употреблениями в значении «кстати».

Отметим, что и нарратор у Достоевского, особенно если это диегетический рассказчик, то есть присутствующий в повествуемой истории как персонаж («Подросток») или как очевидец («Бесы»), в своем нарративе диалогичен. Отсюда довольно высокий процент употребления *кстати* как «не кстати». Ср. характерный пример:

- (14) Петр Степанович забежал раза два и к родителю, и, к несчастью моему, оба раза в мое отсутствие. В первый раз посетил его в среду, то есть на четвертый лишь день после той первой встречи, да и то по делу. *Кстати*, расчет по имению окончился у них как-то неслышно и невидно (Ф. М. Достоевский. Бесы).

* * *

В заключение отметим два момента, представляющие интерес в связи с проведенным анализом слова *кстати*. Первое соображение касается художественного метода Достоевского, заключающегося в стремлении этого автора отразить естественный, неподготовленный диалог. Это в полной мере проявляется и в дискурсивной практике использования слова *кстати*. Можно предполагать, что многие авторы его времени в существенно большей степени модифицировали реальный диалог, приводя его в соответствие со своими представлениями о литературной норме. Именно поэтому так мало реальной информации о том, как протекал бытовой диалог в XIX столетии. К тому же для мировидения Достоевского характерно восприятие человека как сложного и противоречивого существа, мышление и поступки которого не всегда укладываются в четкие логические схемы. И *кстати* в функции «не кстати» хорошо отвечает этой идее.

Второе соображение относится к истории развития семантики слова *кстати*. Весьма вероятно, что рассмотренное разграничение употреблений *кстати* — от наречных к предикативным и далее к дискурсивным в значении «кстати» и «не кстати» — отражает исторический процесс развития семантики этого слова.

Л и т е р а т у р а

Дискурсивные слова 1998 — Дискурсивные слова русского языка: опыт контекстно-семантического описания / Под ред. К. Киселевой и Д. Пайара. М., 1998.

Караулов 2008 — Ю. Н. Караулов. От редактора // Словарь языка Достоевского. Идиоглоссарий. Т. I. М., 2008. С. IX–X.

Караулов, Гинзбург 2008 — Ю. Н. Караулов, Е. Л. Гинзбург. Язык и мысль Достоевского в словарном отображении // Словарь языка Достоевского. Идиоглоссарий. Т. I. М., 2008. С. 870–909.

МАС — Малый академический словарь = Словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. А. П. Евгеньевой. 3-е изд., стереотип. М., 1985–1988.

Моро 1998 — С. Моро. *Кстати*, или *одно к одному* // Дискурсивные слова русского языка: опыт контекстно-семантического описания / Под ред. К. Киселевой и Д. Пайара. М., 1998. С. 248–256.

Откидыч 2017 — Е. В. Откидыч. Функционирование текстовых скреп *кстати* и *между прочим* в монологическом и диалогическом тексте: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2017.

Словарь языка Достоевского 2008—2012 — Словарь языка Достоевского: В 3 т. Идиоглоссарий. М., 2008—2012.

ССЯД — А. Я. Шайкевич, В. М. Андрущенко, Н. А. Ребецкая. Статистический словарь языка Достоевского. М., 2003.

Фасмер 2009 — М. Фасмер. Этимологический словарь русского языка: В 4 т. Т. 3. 4-е изд., стереотип. М., 2009.

Резюме

В статье рассматриваются особенности употребления слов *кстати* и *некстати* в произведениях Достоевского и некоторых его современников. Как показывает исследование, для Достоевского характерно использование слова *кстати* в функции введения в дискурс новой информации, что отличает его от текстов Л. Н. Толстого, И. С. Тургенева, М. Е. Салтыкова-Щедрина и И. А. Гончарова.

Ключевые слова: дискурсивные слова, индивидуальный стиль, корпусный подход, частота употребления, язык Достоевского.

Получено 28.11.2017

ANATOLY N. BARANOV, DMITRIJ O. DOBROVOL'SKIJ

KSTATI AND NEKSTATI: ON DOSTOEVSKY'S DISCOURSE PRACTICES

The paper discusses the use of the words *kstati* and *nekstati* in the works of Dostoevsky and some of his contemporaries. It is shown that the word *kstati* is used by Dostoevsky mainly to introduce new information. This feature is typical of Dostoevsky's style and contrasts with the use of *kstati* in the works of L. N. Tolstoy, I. A. Goncharov, M. E. Saltykov-Shchedrin and I. S. Turgenyev.

Keywords: discourse words, individual style, corpus approach, frequency, Dostoevsky's language.

Received on 28.11.2017

О. Ю. ИНЬКОВА, А. С. ГУРЬЕВ

К ВОПРОСУ О КАТЕГОРИИ ПОЯСНЕНИЯ В РУССКОЙ ГРАММАТИКЕ*

1. Вводные замечания

В русской грамматике так называемые пояснительные отношения охватывают круг довольно разнородных явлений, для которых трудно найти общий семантический механизм, тем более что сам термин «пояснение» характеризует скорее функцию того или иного фрагмента в тексте, чем его семантику. РГ-80, например, различает три вида пояснения, которое, заметим, рассматривается как вид синтаксической связи в простом предложении: собственно пояснение, включение и уточнение [РГ-80: II, § 2084]. Однако если при собственно пояснении «два разных обозначения отнесены к одному и тому же предмету» [Там же], то в основе двух других типов пояснения лежат иные семантические отношения. Они основаны на соотношении элемента и множества: это экстенциональная спецификация для включения и интенциональная — для уточнения (подробнее об отношении спецификации см. [Инькова, Манзотти 2018]).

Действительно, легко заметить, что показатели пояснения, относимые к той или иной его разновидности, не могут быть взаимозаменяемы, хотя синтаксическая конструкция не меняется.

- (1) У меня в доме живет и теща, *то есть* мать моей жены, и дети (Н. В. Гоголь. Нос (1836))¹;
- (2) У меня в доме живет и теща, **а именно* мать моей жены, и дети;

* Исследование выполнено в рамках совместного проекта «Corpus-based contrastive study of connectors in Russian» (РФФИ № 16-24-41002, ШННФ/FNS № IZLRZ1_164059).

¹ Примеры, при отсутствии особого указания, заимствованы из Национального корпуса русского языка (НКРЯ, www.ruscorpora.ru).

- (3) У меня в доме живет и теща, **особенно / *в том числе* мать моей жены, и дети.

В (1) мы имеем дело с семантической структурой *X то есть Y*, представляющей собой особый тип ряда, который состоит из элементов *X* и *Y*, имеющих тождественную денотативную область. Именно об этом тождестве и сигнализирует *то есть*. В отличие от *то есть*, показатель *а именно* хотя и сохраняет денотативную область *X*, но предполагает движение от общего (*X*) к частному (*Y*): при употреблении *а именно Y* должно быть спецификацией *X*, увеличивающей его интенционал, но сохраняющей экстенционал (ср.: *Он мне подарил книгу, а именно роман о средневековых рыцарях*), что делает его неприемлемым в (2). *Особенно*, также предполагающее переход от общего к частному, точнее от множества *X* к одному из его элементов *Y*, сужает экстенционал *X* и представляет *Y* как наиболее представительный элемент множества *X* (ср.: *Он любит русскую кухню, особенно пироги с капустой*). Это несовместимо с тождеством денотативных областей *X* и *Y*, которое предполагается употреблением *то есть*. Кроме того, употребление таких показателей, как *в том числе*, *особенно*, *включая* и др., не всегда связано с поясняющей функцией фрагмента текста, который они вводят.

Однако и отношение собственно пояснения («пояснения-тождества» в терминах Петруниной [2008: 55]), так, как его определяет РГ-80, не является семантически однородным. В качестве особого типа в его рамках выделяется отношение общего и частного, «когда общее, названное обобщающим словом, раскрывается путем перечня его конкретных видов» [РГ-80: II, § 2086]:

- (4) Гости говорили о многих приятных вещах, *как то*: о природе, о собаках, о пшенице, о чепчиках, о жеребцах (Гоголь [Там же]).

Легко, однако, заметить, что и здесь замена *как то* на *то есть* существенно меняет смысл высказывания:

- (5) Гости говорили о многих приятных вещах, *то есть*: о природе, о собаках, о пшенице, о чепчиках, о жеребцах.

При употреблении *как то* вводимый им перечень не обязательно должен быть понят как исчерпывающий, тогда как *то есть* приравнивает денотативные области именной группы «многие приятные вещи» и вводимого им перечня.

Особого внимания заслуживают семантические структуры с катафорическими элементами *так* (6), *таков*, *следующий* или с нулевой катафорой (7), в которых члены ряда разделены двоеточием:

- (6) Делается это *так*: выдерните кольцо, отпустите рычаг, мысленно отсчитайте две секунды и затем бросайте ее в цель (Ю. Хацкевич. Как выжить в «стреляющем» городе (2004) // «Солдат удачи», 2004.03.10);

- (7) На заседании присутствовали: В. Ф. Джунковский, Н. И. Гучков, А. Д. Самарин, попечитель округа А. М. Жданов и др. (Вести (1911.01.03) // «Утро России», 1911).

Вопрос о том, являются ли такие структуры пояснительными, пока не нашел ответа (см., в частности, [Белошапкина 1989; Кирпичникова 1956; 1970; Прияткина 1979] и др.). С нашей точки зрения, функция второго элемента ряда, следующего за двоеточием, — задать денотативную область катафорических выражений, идентифицировав их референт, а не переформулировать или пояснить уже сказанное. Именно поэтому второй элемент ряда является здесь обязательным и с грамматической точки зрения. Показателен в этом отношении тот факт, что НКРЯ не фиксирует ни одного примера, где за катафорическим *так* следует *то есть*. Катафорические структуры должны быть, следовательно, исключены из сферы пояснительных отношений: в их основе лежит отношение идентификации.

Напротив, когда референт местоимения *так* уже идентифицирован, т. е. когда мы имеем дело с анафорическим употреблением местоимения, *то есть* становится приемлемым:

- (8) Это будет тебе дорога в Маниловку; а Заманиловки никакой нет. Она зовется **так**, *то есть* ее прозвание *Маниловка*, а Заманиловки тут вовсе нет (Н. В. Гоголь. Мертвые души (1842)).

В (8) название деревни Маниловка, к которому отсылает *так*, уже введено в текст. Функция *то есть* Y заключается лишь в том, чтобы напомнить слушающему название деревни. Ср. в этом отношении также (9), где при помощи *то есть* Y говорящий снимает неоднозначность в выборе antecedента для местоимения *они* («знания» или «нестандартные ученики?»), и (10), где местоименная группа *все это* анафорически отсылает к предыдущему контексту, а *то есть* Y напоминает читателю этот контекст, резюмируя его, что отнюдь не бесполезно, поскольку он занимает около четырех страниц текста.

- (9) Если учитель нестандартен и долгими трудами и размышлениями создал под себя соответствующую ему индивидуальную технику, то где ему найти таких же **нестандартных учеников** для передачи накопленных знаний? **Они**, *то есть* нестандартные ученики, на дороге не валяются (Д. Медведев. Мастера. Ученики и стили (2003) // «Боевое искусство планеты», 2003.10.18);
- (10) Несмотря на **всё это**, *то есть* что Захар любил выпить, посплетничать, брал у Обломова пятаки и гривны, ломал и бил разные вещи и ленился, все-таки выходило, что он был глубоко преданный своему барину слуга (И. А. Гончаров. Обломов (1859)).

С учетом того факта, что пояснение характеризует не логико-семантическое отношение между фрагментами текста, а функцию высказывания, а также тот факт, что структуры, относимые русской грамматикой к классу

пояснительных, разнородны по своей семантике, нам представляется оправданным отказаться от этикетки «пояснение», выделив в отдельный класс семантические структуры, которые описывают один предмет или одну ситуацию с сохранением тождества денотативных областей соединяемых элементов. Отношение, связывающее такие фрагменты текста, мы предлагаем называть переформулированием. Что касается отношений, основанных на переходе от множества к одному из его элементов (включение) и от общего к частному (уточнение), которые русская грамматическая традиция также рассматривает в рамках пояснения, то они могут быть отнесены к группе мерологических отношений как разновидности отношения спецификации (подробнее см. [Инькова 2016; 2017; Inkova 2017]).

Однако и само отношение переформулирования, основанное на сохранении денотативного тождества, имеет, в свою очередь, семантические разновидности: *то есть* и считающиеся его синонимами выражения *другими словами*, *иначе говоря* и др. не всегда взаимозаменяемы. Ср., например, в этом отношении (11) и его трансформацию (12) с *иначе говоря* и особенно (13) и (14):

- (11) И лишь когда трижды зазвонят в церкви, *то есть* в воскресенье, мясо разрешается есть (А. П. Ладинский. Анна Ярославна — королева Франции (1960));
- (12) ??И лишь когда трижды зазвонят в церкви, *иначе говоря* в воскресенье, мясо разрешается есть;
- (13) — Да! *То есть* нет! *То есть* да! (Ю. О. Домбровский. Обезьяна приходит за своим черепом, часть 3 (1943–1958));
- (14) Да! **Другими словами* нет! **Другими словами* да!

В следующих разделах мы опишем функционирование одного из показателей отношения переформулирования — *то есть*, что позволит нам определить само отношение переформулирования, его виды, а также его отличие от смежных отношений. Используемые для исследования статистические данные получены в надкорпусной базе данных коннекторов (далее — НБД), созданной на основе параллельного русско-французского подкорпуса НКРЯ (подробнее о концепции НБД см. [Инькова, Кружков 2016; Зацман и др. 2016]).

2. *То есть*: основные морфосинтаксические структуры употребления

Наше исследование мы начнем с описания основных морфосинтаксических структур, в которых может употребляться *то есть*. Действительно, связанные *то есть* элементы X и Y могут представлять собой структуры разной сложности: синтагмы или их части, предикации или более значительные фрагменты текста. Структурный анализ 300 случаев употребления

то есть, аннотированных в НБД, показывает, что можно различать как минимум четыре вида морфосинтаксических конфигураций.

2.1. *X* и *Y* — синтаксические группы или их части

В данной конфигурации, на долю которой приходится более трети всех аннотаций (35,7%, или 107 из 300 случаев), фрагменты *X* и *Y* представляют собой зависимые синтаксические группы или их части. Выполняя в предложении одинаковую синтаксическую функцию, оба компонента зависят формально от глагола или других грамматических структур более высокого ранга. Так, наряду с другими зависимыми синтаксическими группами они могут являться частью предложения или финитной клаузы, в вершине которой находится глагол [Тестелец 2001: 256]. В (15), например, компоненты *X* и *Y* являются частью предложной группы «с некоторой точки зрения»; в (16) — частью предикативной группы, в вершине которой находится нулевая форма глагола-связки *быть* в настоящем времени:

- (15) В сущности, только «Братья Карамазовы» имеют вполне полифоническое окончание, но именно поэтому с [обычной]_X, *то есть* [монологической]_Y, точки зрения роман остался незаконченным (М. М. Бахтин. Проблемы поэтики Достоевского (1963));
- (16) — Значит, она не на замке, а [на запоре]_X, [на крючке]_Y *то есть*! (Ф. М. Достоевский. Преступление и наказание (1866)).

Подчеркнем, что в употреблении типа (16) фрагменты текста *X* и *Y* не являются сами по себе предикативными, а зависят от нулевой формы глагола *быть*. В противном случае, как на это указывает Я. Г. Тестелец, пришлось бы «допустить в русском языке существование финитных клауз, не возглавляемых глаголом» [Там же: 281].

В таком типе морфосинтаксической структуры наиболее распространенными, по данным нашего корпуса, являются случаи, когда *то есть* связывает *X* и *Y*, являющиеся именными группами (17), в том числе с местоименной вершиной (18). На их долю приходится почти половина всех случаев: 53 из 107 аннотаций.

- (17) Они знали, что в восьмидесяти верстах от них была [«губерния»]_X, *то есть* [губернский город]_Y (И. А. Гончаров. Обломов (1859));
- (18) Ну, а [мы]_X вчера еще жару поддали, [ты]_Y *то есть*, этими рассказами-то... о маляре-то (Ф. М. Достоевский. Преступление и наказание (1866)).

За ними следуют конфигурации с предложными группами в разных синтаксических функциях — см. (16) выше и (19):

- (19) Вам следует подать объявление в полицию, — с самым деловым видом отвечал Порфирий, — о том-с, что, известившись [о таком-то происшествии]_X, *то есть* [об этом убийстве]_Y, вы просите, в

свою очередь, уведомить следователя ⟨...⟩ (Ф. М. Достоевский. Преступление и наказание (1866)).

На долю конфигураций с предложными группами приходится 29%, или 31 из 107 случаев.

Следующими по частотности являются конфигурации, состоящие из инфинитивных оборотов и конструкций:

- (20) Если вы разумеете под сим, что будто бы я хотела [оставить вас с носом]_X, *то есть* [дать вам формальный отказ]_Y, то меня удивляет, что вы сами об этом говорите, тогда как я, сколько вам известно, была совершенно противного мнения ⟨...⟩ (Н. В. Гоголь. Нос (1836));
- (21) Иван Ильич понял, что супружеская жизнь, представляя некоторые удобства в жизни, в сущности есть очень сложное и тяжелое дело, по отношению которого, [для того чтобы исполнять свой долг]_X, *то есть* [вести приличную, одобряемую обществом жизнь]_Y, нужно выработать определенное отношение, как и к службе (Л. Н. Толстой. Смерть Ивана Ильича (1886));
- (22) Вот поэтому я прошу вас [заняться этим делом]_X, *то есть* [принять все меры к охране Иуды из Кириафа]_Y (М. А. Булгаков. Мастер и Маргарита, ч. 2 (1929–1940)).

На долю конфигураций с инфинитивами приходится 11,2%, или 12 из 107 случаев.

То есть может связывать и прилагательные (реже причастия) в составе именных групп (23) или именного сказуемого. На их долю приходится 8,4%, или 9 из 107 случаев.

- (23) Я приискал уже [настоящую]_X, *то есть* [будущую]_Y нашу квартиру, — оборотился он к Раскольникову (Ф. М. Достоевский. Преступление и наказание (1866)).

На последнем месте располагаются конфигурации с наречиями, которые насчитывают в нашем корпусе лишь два случая; ср. (24):

- (24) ⟨...⟩ и [тогда]_X, *то есть* [теперь только]_Y, я испугался и почувствовал, что на меня падает обязанность остановиться и сказать, что это такое (И. А. Гончаров. Обломов (1859)).

Что касается позиции *то есть* в морфосинтаксических конфигурациях, осуществляющих переформулирование в пределах одной предикации, то она в абсолютном большинстве случаев начальная (25): 94,4%, 101 из 107 аннотаций. На конечную позицию (26) приходится 3,7% (4 случая), и на неначальную, когда *то есть* разбивает элемент Y на две части (27), — 1,9% (2 случая).

- (25) Но в самом-то деле [эти два несчастья]_X, *то есть* [зловещее письмо старосты и переезд на новую квартиру]_Y, переставали трево-

- жить Обломова и поступали уже только в ряд беспокойных воспоминаний (И. А. Гончаров. Обломов (1859));
- (26) Больше я его на том не расспрашивал, — это Душкин-то говорит, — а вынес ему [билетик]_X — [рубль]_Y *то есть*, потому-де думал, что не мне, так другому заложит, всё одно — пропъет, а пусть лучше у меня вещь лежит (Ф. М. Достоевский. Преступление и наказание (1866));
- (27) — Ну а коли я соврал, — воскликнул он вдруг невольно, — коли действительно не подлец [человек, весь вообще]_X, [весь род]_{Y'} *то есть* [человеческий]_{Y''}, то значит, что остальное всё — предрассудки, одни только страхи напущенные, и нет никаких преград, и так тому и следует быть!.. (Там же).

Наконец, заметим также, что в данных морфосинтаксических конфигурациях фрагмент текста *Y* (реже *X*) может состоять из нескольких элементов (28)–(29) или иметь более развернутую форму, оставаясь непредикативной структурой (30):

- (28) Если он хотел [жить по-своему]_X, *то есть* [лежать молча]_{Y1}, [дремать]_{Y2} или [ходить по комнате]_{Y3}, Алексеева как будто не было тут (И. А. Гончаров. Обломов (1859));
- (29) Игнорируют или отрицают [принципиальную незавершённость]_{X1} и [диалогическую открытость художественного мира Достоевского]_{X2}, *то есть* [самую сущность его]_Y (М. М. Бахтин. Проблемы поэтики Достоевского (1963));
- (30) <...> в пределах этих отношений Иван Ильич делает всё, всё решительно, что можно, и при этом соблюдает [подобие человеческих дружелюбных отношений]_X, *то есть* [учтивость]_Y (Л. Н. Толстой. Смерть Ивана Ильича (1886)).

В подобных конфигурациях мы имеем дело либо с «аналитическим» переформулированием, когда *то есть* *Y* развивает предыдущее высказывание в более развернутой форме (28), либо, напротив, с «синтетическим», когда *то есть* *Y* подводит итог, резюмируя текстовый фрагмент *X* (29)–(30) [Groupe de Fribourg 2012: 308–309].

2.2. *X* и *Y* — предикативные структуры

В данной конфигурации, которая является в нашем корпусе наиболее распространенной (46,7%, или 140 из 300 аннотаций), фрагменты текста *X* и *Y*, связанные *то есть*, представляют собой предикативные структуры разной сложности. Так, *X* и *Y* могут быть самостоятельными клаузами в рамках сложного предложения (31) или быть оформлены как самостоятельные высказывания (32); они могут быть сказуемыми, относящимися к одному подлежащему (33), или зависимыми финитными клаузами (34):

- (31) [Фрак у Ивана Яковлевича (Иван Яковлевич никогда не ходил в сюртуке) был пегий]_X; *то есть* [он был черный, но весь в коричнево-желтых и серых яблоках]_Y (<...>) (Н. В. Гоголь. Нос (1836));
- (32) [Доктора не могли определить.]_X *То есть* [определяли, но различно]_Y (Л. Н. Толстой. Смерть Ивана Ильича (1886));
- (33) Когда Обломов обедал дома, хозяйка [помогала]_X Анисье, *то есть* [указывала, словом или пальцем, пора ли или рано вынимать жаркое, надо ли к соусу прибавить немного красного вина или сметаны, или что рыбу надо варить не так, а вот как]_Y (<...>) (И. А. Гончаров. Обломов (1859));
- (34) [Только лишь поставят на ноги молодца]_X, *то есть* [когда нянька станет ему не нужна]_Y, как в сердце матери закрадывается (<...>) желание прискать ему подругу — тоже поздоровее, порумянее (Там же).

Сюда же можно отнести случаи, когда *то есть* связывает частицы-коммуникативы *да* и *нет*, как в (13) выше или в (35):

- (35) [Да... да...]_X *то есть* тьфу, [нет]_Y! (Ф. М. Достоевский. Преступление и наказание (1866)).

Возможны также случаи, когда X и Y являются репликами диалога, принадлежащими разным говорящим. В таком случае Y либо корректирует предшествующую реплику X (36), либо при помощи Y говорящий, напротив, просит уточнить X (37):

- (36) Вы ей о бугорках говорили? — *То есть* не совсем о бугорках. Притом она ничего бы и не поняла (Ф. М. Достоевский. Преступление и наказание (1866));
- (37) — Я Никанор, конечно, Никанор! Но какой же я к шуту председатель! — *То есть* как? — спросили у Никанора Ивановича, прищуриваясь (М. А. Булгаков. Мастер и Маргарита, ч. 1 (1929–1940)).

Здесь так же, как в случае простых морфосинтаксических конфигураций (см. § 2.1), переформулирование может быть аналитическим (38) или синтетическим (39):

- (38) [Барон вел процесс]_X, *то есть* [заставлял какого-то чиновника писать бумаги]_{Y1}, [читал их сквозь лорнетку]_{Y2}, [подписывал]_{Y3} и [посылал того же чиновника с ними в присутственные места, а сам связями своими в свете давал этому процессу удовлетворительный ход]_{Y4} (И. А. Гончаров. Обломов (1859));
- (39) [Он худошав]_{X1}; [шек у него почти вовсе нет]_{X2}, *то есть* [есть кость да мускул]_Y (Там же).

Что касается позиции *то есть* в конфигурациях с X и Y, имеющими предикативную форму, то она, как правило, начальная (40): 95,7% (134 из 140 аннотаций).

- (40) [У Амалии Ивановны он считался, впрочем, в числе довольно почетных жильцов]_X, *то есть* [не пьянствовал]_{Y1} и [за квартиру платил исправно]_{Y2} (Ф. М. Достоевский. Преступление и наказание (1866)).

Но возможны и нена начальная позиция *то есть*, как в (41) (3,6%, или 5 случаев), и конечная позиция, как в (42) (один случай):

- (41) [...угодно ли вам знать, что это за сюжет]_X, [в том виде, как]_Y *то есть* [я его понимаю?]_{Y'} (Ф. М. Достоевский. Преступление и наказание (1866));
- (42) — ⟨...⟩ Сбежал от меня... нос...
— Гм! какая странная фамилия! [И на большую сумму этот господин Носов обокрал вас?]_X
— [Нос]_Y *то есть*... вы не то думаете! Нос, мой собственный нос пропал неизвестно куда (Н. В. Гоголь. Нос (1836)).

2.3. Асимметричные структуры

Структуры, оформляемые *то есть*, могут быть не только симметричными, т. е. такими, где фрагменты текста X и Y имеют однотипную синтаксическую структуру (как в § 2.1 и 2.2), но и асимметричными. Такие конфигурации не являются распространенными, насчитывая, по нашим данным, 10,7% от всех употреблений *то есть* (32 из 300 аннотаций). Они неоднородны по своему составу, и их можно разделить, в свою очередь, на три подвида.

Первый подвид насчитывает 19 единиц и включает конфигурации, в которых элементы X и Y различны по своей морфосинтаксической структуре (различная частеречная принадлежность; синтаксическая группа vs. предикация), но выполняют в высказывании одинаковую синтаксическую функцию; ср. (43), где X является коррелятивной местоименной структурой, а Y — предложной группой с именным компонентом, оба с функцией обстоятельства места, или (44), где X — местоименный компонент предложной группы *несмотря на*, а Y — придаточное предложение с той же синтаксической функцией:

- (43) Сегодня же, через час после гетмана, бежал [туда же, куда и гетман]_X, *то есть* [в германский поезд]_Y, командующий нашей армией генерал от кавалерии Белоруков (М. А. Булгаков. Белая гвардия (1923–1924));
- (44) Несмотря на [всё это]_X, *то есть* [что Захар любил выпить, посплетничать, брал у Обломова пятаки и гривны, ломал и бил разные вещи и ленился]_Y, всё-таки выходило, что он был глубоко преданный своему барину слуга (И. А. Гончаров. Обломов (1859)).

Второй подвид насчитывает 11 единиц и включает в себя случаи, когда фрагмент текста X является предикацией, а элемент Y выполняет по отно-

шению к ней функцию актанта (45) или сирконстанта, как бы дополняя или поясняя положение вещей, описанное в X:

- (45) Ну посидите, [ну я не буду болтать вздору]_X, [о себе]_Y *то есть* (Ф. М. Достоевский. Преступление и наказание (1866)).

Реже встречаются конфигурации, в которых X является синтаксической группой, а Y — ее частью:

- (46) <...> вот-с, изволите видеть: господин сочинитель, то бишь [студент]_X, [бывший]_Y *то есть*, денег не платит, векселей надавал, квартиру не очищает <...> (Там же).

В третьем подвиде, насчитывающем всего 2 аннотации, фрагмент текста Y представляет собой синтаксическую структуру вставочного характера, оформляемую на письме либо тире, либо скобками:

- (47) [А сегодня поутру, в восемь часов]_X, — *то есть* [это на третий-то день, понимаешь?]_Y — вижу, входит ко мне Миколай, не тверезый, да и не то чтоб очень пьяный, а понимать разговор может (Там же);
 (48) [...ну-с, а на другой же день, после всех сих мечтаний]_X (*то есть* [это будет ровно пять суток назад тому]_Y), к вечеру, я хитрым обманом, как тать в ночи, похитил у Катерины Ивановны от сундука ее ключ, вынул что осталось из принесенного жалованья, сколько всего уж не помню, и вот-с, глядите на меня, все! (Там же).

Что касается позиции *то есть* в асимметричных конфигурациях, то она, как и в предыдущих конфигурациях, в большинстве случаев начальная: 65,6%, 21 из 32 аннотаций. На конечную позицию приходится 18,8% (6 аннотаций) (49), на нена начальную — 15,6% (5 аннотаций) (50):

- (49) Ну, его с надлежащими онерами и представили [в такую-то часть]_X, [сюда]_Y *то есть* (Там же);
 (50) [Ну-с, так я вам теперь, родимый мой, всю подробную правду скажу]_X [на счет того]_Y. *то есть* [частного случая-то]_{Y'}: действительность и натура, сударь вы мой, есть важная вещь, и ух как иногда самый прозорливейший расчет подсекают! (Там же).

2.4. X, реже Y, — незаконченные фрагменты текста

В данном типе конфигурации X и Y также представляют собой текстовые фрагменты разной синтаксической природы. Но они, или как минимум X, отличаются своей смысловой или синтаксической незаконченностью, что обозначается на письме многоточием:

- (51) А па-а-азвольте спросить, [это вы насчет чего-с,]_X — начал провиантский, — *то есть* [на чей... благородный счет... вы изволили сейчас...]_Y А впрочем, не надо! (Там же).

Кроме того, подобные конфигурации часто содержат в X обрывочные фрагменты, а в Y — повторяющиеся фрагменты (например, в (53) *на всякий случай, если бы на случай, на всякий случай*) и различные метадискурсивные конструкции (*я хочу сказать, лучше сказать, поймите меня, видишь* и т. д.), сигнализирующие, что говорящий находится в поиске наиболее адекватной словесной формы для своего сообщения, чтобы быть лучше понятым:

- (52) — Не будете больше этим заниматься? От радости всё помутилось в голове у Варенухи, лицо его засияло, и он, не помня, что говорит, забормотал: — [Истинным...]_X *То есть [я хочу сказать, ваше ве... Сейчас же после обеда...]*_Y — Варенуха прижимал руки к груди, с мольбой глядел на Аззелло (М. А. Булгаков. Мастер и Маргарита, ч. 2 (1929–1940));
- (53) На всякий случай есть у меня и ещё к вам просьбица, — прибавил он, понизив голос, — щекотливенькая она, а важная: [если,]_X *то есть [на всякий случай* (чему я, впрочем, не верую и считаю вас вполне неспособным), *если бы на случай, — ну так, на всякий случай,]*_Y — пришла бы вам охота в эти сорок-пятьдесят часов как-нибудь дело покончить иначе, фантастическим каким образом — ручки этак на себя поднять (предположение нелепое, ну да уж вы мне его простите), то оставьте краткую, но обстоятельную записочку (Ф. М. Достоевский. Преступление и наказание (1866));
- (54) Так вот, Дмитрий Прокофьич, [я бы очень, очень хотела узнать... как вообще... он глядит теперь на предметы,]_X *то есть, [поймите меня, как бы это вам сказать, то есть лучше сказать*: что он любит и что не любит?_Y (Там же).

Подобные употребления *то есть* свидетельствуют о некоторых сложностях, возникающих перед говорящим в ходе планирования речи или при реализации своей речевой программы (эмоциональное состояние, трудности в выборе словесной формы и др.). Так, в (55) говорящий пытается выстроить свою аргументацию, в (56) говорящий (Разумихин) сначала опровергает, что он пьян, а затем соглашается с этим, но вводит новую поправку при помощи *но*, в (57) говорящий, с целью избежать недоразумения, прерывает преждевременно свое высказывание X и поправляет его с помощью высказывания Y:

- (55) [Очень, очень, очень желает с тобой познакомиться!]_X — Да с какой же стати очень-то? — *То есть* [не то чтобы... видишь, в последнее время, вот как ты заболел, мне часто и много приходилось об тебе поминать... Ну, он слушал... и как узнал, что ты по юридическому и кончить курса не можешь, по обстоятельствам, то сказал: «Как жаль!» Я и заключил...]_{Y1} *то есть* [всё это вместе, не одно ведь это; вчера Заметов...]_{Y2} (Ф. М. Достоевский. Преступление и наказание (1866));

- (56) Впрочем, он ее беспокоил: «хоть и расторопный, и добрый, да в состоянии ли исполнить, что обещает? В таком ведь он виде!...» — А, понимаю, вы думаете, что я в таком виде! — перебил ее мысли Разумихин, угадав их и шагая своими огромнейшими шажищами по тротуару, так что обе дамы едва могли за ним следовать, чего, впрочем, он не замечал. [Вздор!]X *то есть*... [я пьян, как олух, но не в том дело;]Y я пьян не от вина (Там же);
- (57) Я просто-запросто намекнул, что [«необыкновенный» человек имеет право...]X *То есть* [не официальное право, а сам имеет право разрешить своей совести перешагнуть... через иные препятствия]Y (Там же).

Отметим, что конфигурация с X и Y, представляющими собой незаконченные фрагменты текста, составляет в НБД всего 7% от всех случаев употребления *то есть* (21 из 300 аннотаций). Но наш корпус содержит в основном литературные тексты, и мы не исключаем, что в устной форме коммуникации, более спонтанной, говорящий чаще сталкивается с проблемами планирования собственной речи и этот тип конфигурации будет более частотен.

Что касается позиции *то есть*, то по нашим данным она в этом типе конфигурации исключительно начальная, что само по себе предсказуемо: в этих употреблениях *то есть* можно отнести к метадискурсивным средствам, сигнализирующим в начале речи о поисках говорящим более подходящей формы высказывания. Причем в рамках реализации одной и той же речевой программы говорящим может быть сделано несколько попыток сформулировать более удачным образом свое высказывание, о чем, в частности, свидетельствуют повторные употребления с *то есть* в (54)–(55) (см. также § 3.4 ниже).

3. Семантика *то есть*: прототипические употребления

В предыдущем разделе мы проанализировали морфосинтаксические структуры, в которых может употребляться *то есть*. Уже из комментариев к примерам можно заметить, что семантический вклад *то есть* в общую семантику высказывания различен: *то есть* то дополняет сказанное, то корректирует его. Действительно, словари (например, БАС, МАС) выделяют у *то есть* два основных значения.

1. *То есть* «пояснительное»: *то есть* Y «поясняет предшествующее высказывание, предшествующий член предложения» (БАС, *s.v.*), как, например, в (20) или (31) выше. Синонимами *то есть* в этом значении БАС (*s.v.*) считает *а именно* и *это значит*, а также *или, иными словами* (ср. также [Прияткина 2007]).

Сюда же можно отнести *то есть* в реплике диалога, при помощи которого собеседник просит объяснения сказанного:

(58) Вам надлежит немедленно ехать. — *То есть?* — То и есть (из телесериала «Оперативный псевдоним»; пример из [Петрунина 2008: 63]).

Хотя *то есть* не является здесь коннектором, поскольку не вводит поясняющий фрагмент текста Y, но сохраняет свою семантику.

2. *То есть* «поправки» или «оговорки» (БАС, *s.v.*), как в (59); его синонимами считаются *говоря точнее*, *более правильно*:

(59) Апатия, грусть, уныние. Но недурно мне. Впереди смерть, *то есть* жизнь, как же не радоваться? (Л. Н. Толстой. Дневники; пример из [Петрунина 2008: 61]).

Заметим, что в значении 1) *то есть* является в большой степени избыточным, особенно в аппозитивных синтаксических структурах, предполагающих тождество денотативных областей. Поэтому его можно опустить, не изменив существенным образом ни степень приемлемости высказывания, ни его смысл. Ср. (60) и (61):

(60) Семиотика, *то есть* наука о знаках, — наука достаточно общая ⟨...⟩ (Вяч. Вс. Иванов. Задачи и перспективы наук о человеке (2007));

(61) Семиотика, наука о знаках, — наука достаточно общая ⟨...⟩.

В значении 2), напротив, именно *то есть* обеспечивает приемлемость высказывания, поскольку синтаксическая и лексическая информация противоречат друг другу. Ср. неприемлемую модификацию (62) примера (59) выше:

(62) *Впереди смерть, жизнь, как же не радоваться!

К этим двум значениям «Словарь служебных слов русского языка» добавляет еще одно, точнее «речевую функцию»: *то есть* «интерпретирующее», когда *то есть* Y дает «трактовку» X, его «оценку» или представляет «особое мнение» относительно X [Прияткина и др. 2001: 133].

При описании семантического механизма *то есть* в следующих разделах мы останемся сначала в рамках дихотомии его значений, обозначенной БАС, предложив затем семантическую константу, общую для всех употреблений *то есть*. Мы покажем также, что употребления *то есть* не ограничиваются перечисленными значениями.

3.1. «То есть» пояснительное

Абсолютное большинство употреблений *то есть* в НБД приходится на *то есть* «пояснительное»: 83,3%, или 250 аннотаций из 300. В рамках этого значения на основе смыслового соотношения фрагментов текста, соединяемых *то есть*, и опираясь на классификацию Э. Манзотти [Manzotti 1999], предложенную для *ciòè*, итальянского эквивалента *то есть*, представляется возможным выделить следующие основные употребления *то есть* «пояснительного» в русском языке:

— **то есть определяющее**: *то есть* вводит фрагмент текста Y, который содержит определение (часто в строгом научном смысле слова) X, как в (60) выше, или его приблизительную перифразу, которую говорящий считает более понятной для слушающего (63)–(64):

(63) Ту науку, в которой стал работать Зельдович, он назвал «Релятивистская астрофизика», *то есть* физика космических явлений, для понимания которых необходима теория относительности (Г. Горелик. Андрей Сахаров. Наука и свобода (2004));

(64) Им же основана и ятрохимия, *то есть* химия применительно к медицине (А. К. Сухотин. Парадоксы науки (1978));

— **то есть 'обратного' определения**, симметричное предыдущему, совершенно нормальное в своей научной версии (65) и имеющее скорее резюмирующую или интерпретирующую функцию при приблизительной перифразе (66)²:

(65) Дефицит железа, *то есть* анемия, приводит к снижению выработки гемоглобина [<https://wek.ru/nazvany-7-glavnyx-medicinskix-prichin-xronicheskoy-ustalosti>; дата обращения: 29.05.2017];

(66) И здесь не пресловутая теургия нужна, не «преображение бытия», а простая память о простой жизни, обывательский подход, философия маленького человека, *то есть* демократия [http://lib.ru/CULTURE/PARAMONOW_V/paramonov.txt_with-big-pictures.html; дата обращения: 30.05.2017];

— **то есть дополняющее**, которое вводит описание или предикацию Y, отличающуюся по интенционалу от описания или предикации X, но совпадающие с ней в данном контексте по экстенционалу; ср. (11) выше и (67):

(67) Не дальше, как сегодня, *то есть* в субботу, опять со статьей произошло что-то (Г. О. Клепацкий. Новая статья графа Л. Н. Толстого (1907));

— **то есть интерпретирующее**, эксплицирующее смысл, который говорящий хочет придать X; так, в (68) *то есть* Y поясняет, как именно должно быть понято слово «сознательно»:

(68) Он вникал в глубину этого сравнения и разбирал, что такое другие и что он сам, в какой степени возможна и справедлива эта параллель и как тяжела обида, нанесенная ему Захаром; наконец, сознательно ли оскорбил его Захар, *то есть* убежден ли он был, что

²Ср. относительно этих двух употреблений *то есть* упомянутые выше понятия *аналитическое* и *синтетическое* переформулирования, используемые лингвистами Фрибургской группы. Первое из них будет соответствовать *то есть* определяющему, а второе — *то есть* 'обратного' определения.

Илья Ильич всё равно, что «другой», или так это сорвалось у него с языка, без участия головы (И. А. Гончаров. Обломов (1859)).

Под эту рубрику, как мы увидим ниже в § 3.3, попадает и отождествление противоположностей; ср. (13) и (59) выше;

— ***то есть следствия***, которое может, по-видимому, считаться подвидом предыдущего, поскольку *то есть* интерпретирует смысл X через его последствия; ср. (69)–(70):

- (69) И здесь соблюдалась полная демократия, *то есть* картину отбирал по своему вкусу очередной дежурный (Ю. Сенкевич. Путешествие длиною в жизнь (1999));
- (70) Выяснилось, что от клаустрофобии страдает до десяти процентов всего населения, *то есть* клаустрофобия — это самый распространенный вид фобий [<http://psihomed.com/klaustrofobiya>; дата обращения: 30.05.2017].

К перечисленным типам можно добавить, при наличии соответствующих дискурсивных показателей, смешанные типы. Они возникают в результате взаимодействия семантики *то есть* и свойств контекста с такими семантическими отношениями, которые сами по себе находятся, как правило, вне обычной зоны действия *то есть*. Сюда можно отнести:

— ***то есть специфицирующее***:

- (71) Дети ее пристроились, *то есть* Ванюша кончил курс науки и поступил на службу; Машенька вышла замуж за смотрителя какого-то казенного дома, а Андрюшу выпросили на воспитание Штольц и жена и считают его членом своего семейства (И. А. Гончаров. Обломов (1859));
- (72) От волнения зашло сердце, я понимала, что Москва, *то есть* московская тюрьма, ничего хорошего мне не сулит (Анна Ларина (Бухарина). Незабываемое (1986–1990)).

В (71) фрагмент текста X содержит высказывание общего характера, касающееся всех детей, а фрагмент текста Y (всё, что следует за *то есть*) специфицирует это общее положение через конкретные случаи, касающиеся каждого ребенка. Такая семантическая структура характерна для исчерпывающей экстенциональной спецификации [Инькова, Манзотти 2018: 106–107]. В (72) фрагмент текста Y, вводимый *то есть*, уточняет X; *то есть* возможно заменить *а именно*, поскольку оба показателя содержат в своей семантике компонент «увеличение интенционала X», характерный для интенциональной спецификации. Однако *то есть* возможно в таких контекстах лишь там, где говорящий хочет объяснить X через Y, тогда как переход от общего к частному при спецификации может служить самым различным целям. Ср. в связи с этим (73), очень похожее на (72), где компоненты X и Y находятся в отношении меронимии, но в котором *то есть* неприемлемо с тем же значением:

- (73) Почему в Корее, *a именно* в магазинах одежды корейских брендов, нельзя мерить вещи перед покупкой? [<https://thequestion.ru/questions/118783/pochemu-v-koree-a-imenno-v-magazinakh-odezhdy-koreiskikh-brendov-nelzya-merit-veshi-pered-pokupkoi>; дата обращения 30.05.2017];

— *то есть выбора*, которое благодаря присутствию *между прочим* или *в том числе* объясняет X путем выбора в Y одного или нескольких элементов, принадлежащих множеству, заданному в X:

- (74) А естествознание было моментом боевым, и программа Ренессанса должна была строиться, как писал Гаргантюа своему сыну, на «восстановлении всех наук», *то есть в том числе и наук о природе* (А. К. Дживелегов. Франсуа Рабле (1935));
- (75) Отрицание его первостепенной важности было бы равносильно отречению от христианства, *то есть, между прочим, и от веры русского народа (...)* (Владимир Соловьев. Национальный вопрос в России (2017); <https://books.google.ru/>; дата обращения: 30.05.2017);

В (74) в Y *в том числе* вводит элемент x_k (*науки о природе*), принадлежащий множеству $\{x_i\}$ (все науки), заданному в X, где говорится о естествознании. В (75) выбор переносится на уровень высказывания: Y вводит некоторое положение вещей p_k , принадлежащее на этот раз имплицитному множеству положений вещей $\{p_i\}$, которые можно добавить по поводу сказанного в X: в данном случае тот факт, что христианство является верой и русского народа тоже³. Заметим, что присутствие показателей выбора *в том числе* и *между прочим* необходимо для данной интерпретации высказывания, а в (74) — и для его приемлемости. При их отсутствии *то есть* выполняло бы здесь свою обычную поясняющую функцию, приравнивая денотативные области X и Y.

— *то есть экзemplифицирующее*, т. е. объясняющее *per exempla*.

- (76) Об этом умалчивают умышленно, — говорил Лев Николаевич, рассказывая жизнь и идеи Гarrisона, — как умалчивают в том случае, когда гость делает за столом какое-либо неприличие, *то есть, например*, икает или что-нибудь в этом роде (В. М. Грибовский. У графа Л. Н. Толстого (1886)).

В (76) общее понятие *какое-либо неприличие* объясняется затем в Y через примеры его проявления (*икать или что-нибудь в этом роде*). Как и в двух рассмотренных выше случаях (*то есть* выбора и *то есть* специфицирующего), Y сужает денотативную область X, а потому *то есть* экзemplи-

³ Подробнее об этих двух видах выбора см. [Инькова, Манзотти, в печати].

фицирующее встречается довольно редко: в НКРЯ на 72 293 вхождения *то есть* зафиксировано всего 20 сочетаний *то есть например*.

Легко заметить, что выделенные разновидности пояснительного значения *то есть* достаточно разнородны, в частности потому, что смешиваются чисто семантические (ср. *то есть* специфицирующее) и функциональные (ср. *то есть* интерпретирующее) критерии. Но они служат нам не столько для того, чтобы создать классификацию употреблений *то есть*, сколько для того, чтобы показать, что основой семантики *то есть* является поясняющий компонент. Показательно в этом отношении *то есть* определяющее, имеющее явно дидактическую функцию, направленную на то, чтобы сделать ясным для неспециалистов смысл специального термина. Настолько же очевидна поясняющая функция *то есть* в других перечисленных употреблениях. Все они направлены на то, чтобы обеспечить наиболее полное понимание коммуникативно важной составляющей X: при помощи *то есть* Y говорящий либо повторяет ее, либо эксплицирует, уточняет, экземплифицирует и т. д. ее различными способами. Единственное употребление, которое, на первый взгляд, идет вразрез со сказанным, — это *то есть* ‘обратного’ определения, при котором переформулирование идет, наоборот, от более понятного к менее понятному. Получается, что *то есть* в этом случае сохраняет свое базовое отождествляющее значение, но теряет пояснительную составляющую. Однако с помощью *то есть* ‘обратного’ определения говорящий может преследовать две разные коммуникативные цели в зависимости от того, на какую публику ориентировано его сообщение. В первом случае говорящий обращается к слушающему-неспециалисту с целью проинформировать его о наличии специального термина Y для обозначения X. Во втором случае, напротив, сообщение ориентируется на специалистов: говорящий показывает, что он осведомлен о том, что в данной профессиональной сфере существует более специализированный термин Y, используемый для обозначения X. Таким образом, при обоих сценариях *то есть* сохраняет свою объясняющую силу, но в виде некоторого отступления от основной темы. Заметим, что такое употребление нехарактерно для *то есть*, но типично для *или*.

Правомерно, таким образом, утверждать, что *то есть* является показателем тождества (эта семантика заложена и в его внутренней структуре, благодаря анафорическому местоимению *то* и глаголу *быть*) с пояснительной функцией — поясняющего отождествления. Оно является одним из видов пояснения как коммуникативного задания, которое может осуществляться не только при помощи установления тождества денотативных областей поясняемого и поясняющего, но также благодаря причинным отношениям, генерализации или, наоборот, спецификации и др.

Еще одной важной характеристикой *то есть* как показателя поясняющего отождествления является его метаязыковой характер. Поясняющее отождествление можно считать одним из способов метаязыкового контроля процесса общения, приспособлением формы представления информа-

ции к предполагаемым потребностям слушающего. Оно устанавливается, следовательно, не на пропозициональном, а на метаязыковом уровне. Важно при этом подчеркнуть, что отношение тождества между X и Y, если можно так сказать, «навязано» *то есть*, поскольку, как мы видели, в некоторых случаях само по себе смысловое соотношение связываемых им компонентов не позволяет его установить.

3.2. Поясняющее тождество и перифрастическое переформулирование

Можно предположить, что при ослаблении поясняющей составляющей *то есть* будет употребляться с исключительно перифрастической функцией, приближаясь к показателям чистого переформулирования *иными / другими словами, иначе говоря* и др., которые могут легко заменить *то есть* в таких контекстах. Так, в (77) известность значения слова *близорукость* сводит практически на нет поясняющий эффект фрагмента текста, вводимого *то есть*:

- (77) Чаще всего это близорукость, *то есть* невозможность увидеть предметы четко на большом расстоянии [<http://www.vizus1.info/news/lazernaya-korrekcija-zreniya-v-stile-wavelight%C2%AE.html>; дата обращения: 02.06.2017];
- (78) Чаще всего это близорукость, *иначе говоря / другими словами* невозможность увидеть предметы четко на большом расстоянии.

Однако на основе сказанного выше возможно предположить, что *то есть* всегда сохраняет свою поясняющую составляющую и этим отличается от показателей чистого переформулирования. Об этом свидетельствует, в частности, и способность *то есть* комбинироваться с ними, не создавая тавтологии:

- (79) Интересно и отсутствие предлога «в»: не философия в России второй половины XX века, а философия России, *то есть, иначе говоря*, российская философия (Философия России второй половины XX века // «Знание — сила», 2009);
- (80) Автор заметки совершенно прав, назвавши Андрея Михайловича человеком «святой наивности», *то есть иными словами* дураком... (К. М. Станюкович. Жрецы (1897)).

В данных примерах каждый из показателей вносит свой семантический вклад в определение отношений между X и Y: *то есть* представляет Y как объяснение X, а *иначе говоря* и *другими словами* характеризуют это объяснение как перифрастическое. Перифрастическое переформулирование и объясняющее отождествление можно, следовательно, рассматривать как находящиеся в отношении «функция — способ ее реализации»: первое является одним из способов реализации второго. Не случайно *то есть* занимает в этих сочетаниях начальную позицию.

По этой же причине не все контексты, в которых возможно *то есть*, доступны для показателей переформулирования. Симптоматичным в этом отношении является *то есть* дополняющее; ср. (67) выше и его неприемлемые трансформации в (81):

(81) Не дальше, как сегодня, **иными словами / *иначе говоря*, в субботу.

Неприемлемость вариантов с *иными словами* и *иначе говоря* позволяет думать, что при переформулировании должен сохраняться не только экстенционал X, но и его интенционал. Именно поэтому те контексты, где интенционалы X и Y не совпадают (*то есть* интерпретирующее, следствия и в еще большей степени *то есть* специфицирующее, выбора и экземплифицирующее), недоступны для показателей перифрастического переформулирования. Ср. (82) и (83), где миопия определена через ее следствие — ношение очков — и где *иными словами* или *иначе говоря* менее удачны:

(82) Если у Вас близорукость (*то есть* Вы носите очки для дали) ⟨...⟩ [<https://books.google.ru/books?isbn=5040072600>; дата обращения: 02.06.2017];

(83) Если у Вас близорукость (*??иными словами / иначе говоря*, Вы носите очки для дали) ⟨...⟩.

Еще одной семантической особенностью перифрастического переформулирования является чувствительность его показателей к степени детальности перифразы. При переформулировании переход от формулировки X к формулировке Y предполагает, что последняя является более аналитической, более доступной для слушающего. Отсюда естественное для показателей перифрастического переформулирования употребление в структурах типа (84):

(84) В мире появилась проблема, которая начинает волновать многих специалистов в области диетологии, красоты и здоровья. Эта проблема — анорексия, *иными словами*, расстройство пищевого поведения, которое приводит к истощению организма, нарушению работы внутренних органов и психики [<http://www.medcent.ru/health/anoreksiya-kak-izmenitsya.html>; дата обращения: 04.06.2017].

Менее естественным будет употребление показателей переформулирования при обратном соотношении: аналитическом X и синтетическом Y, в которых может употребляться *то есть* «обратного» определения с резюмирующей функцией.

Наконец, показатели переформулирования предпочтительны в симметричных синтаксических структурах, чего, как мы видели, не требует *то есть*; ср. (85), где X — имя существительное, а Y имеет форму временного придаточного:

(85) Миопия больше известна в массах как близорукость, *то есть* когда человек хорошо видит то, что у него находится вблизи

[<http://лечениегепатита.пф/blizorukost-3-0-chno-jeto-znachit/>; дата обращения: 02.06.2017];

- (86) Миопия больше известна в массах как близорукость, ^{??} иначе говоря, когда человек хорошо видит то, что у него находится вблизи.

Можно, таким образом, сделать вывод о том, что перифрастическое переформулирование накладывает более строгие ограничения на соотношение семантики связываемых им компонентов: переформулирующее Y всегда должно сохранять интенционал переформулируемого X . Кроме того, функция переформулирования не вписана в значение ее показателей, в отличие от *то есть*, у которого пояснительная функция лексикализована, что расширяет число семантико-синтаксических конфигураций, в которых *то есть* может устанавливать отношение тождества.

3.3. «То есть» коррекции

По количеству употреблений в НБД *то есть* коррекции — второе значение, которое указывают для него словари, — насчитывает всего 8,7% от всех случаев (26 аннотаций из 300). Прежде чем объяснить, чем *то есть* коррекции отличается от других показателей коррекции, необходимо напомнить, что представляет собой отношение коррекции.

Рассмотрим следующие примеры:

- (87) — Я уже старая и тупая.
— *Неправда*. Ты еще молодая и мудрая (Маша Трауб. Плохая мать (2010));
- (88) Кроме того, говорят, невеста была собой даже не хороша, *то есть* говорят, даже дурна... и такая хворая, и... и странная... а впрочем, кажется, с некоторыми достоинствами (Ф. М. Достоевский. Преступление и наказание (1866)).

По своей природе коррекция содержит два семантических компонента. Она одновременно заместительная и оценивающая. Заместительная, потому что пропозиция или выражение X замещается пропозицией или выражением Y , и оценивающая, потому что основывается на суждении говорящего о большей адекватности второго выражения, на его большей правдивости. По этому параметру коррекция близка к опровержению, с которым она разделяет некоторые сигналы отрицания в X : *нет, вовсе нет, неправда, нисколько* и др.; ср. (87) выше и (89):

- (89) — Сколько тебе лет, Фридрих? Уже больше сорока пяти? — Ну, постарел, — улыбнулся отец, всё ещё не выпуская дядю. — *Нисколько* он не постарел, такой же, как и был (Ю. О. Домбровский. Обезьяна приходит за своим черепом, ч. 1 (1943–1958)).

Как было показано в [Инькова-Манзотти 2001: 376–413], коррекция может быть полной и частичной. При полной коррекции говорящий, прежде

чем заместить *X*, который он оценивает как неадекватный, отрицает его *in toto*, обращаясь с самим собой или с собеседником без особых церемоний. При частичной коррекции говорящий принимает (или делает вид, что принимает) хотя бы частично *X*, прежде чем заменить его на *Y*, отчасти другое и отчасти более адекватное. Частичная коррекция подразделяется, в свою очередь, на скалярную и интерпретирующую. Скалярная коррекция (ее показатели: *лучше/вернее сказать, или скорее*) представляет *X* как содержащее значительную долю правды или значительную степень дескриптивного соответствия:

(90) И тогда я понял — *или, скорее*, вспомнил, — что это не Софи (В. Пелевин. Бэтман Аполло (2013)).

При интерпретирующей коррекции (ее сигналом является, как можно догадаться, *то есть*) говорящий сообщает: да, было сказано *X*, будь то оговорка или более или менее приблизительная формулировка, но этим *X* он хотел сказать *Y*. При этом *то есть* в корректирующем употреблении может сочетаться с другими показателями коррекции или замещения по дескриптивному соответствию: *не ... а* в (91), *не то что ... а* (92) и *не то чтобы ... а* (93):

(91) Недоверчив, скептик, циник... надувать любит, *то есть не* надувать, *а* дурачить... (Ф. М. Достоевский. Преступление и наказание (1866));

(92) Она говорит, что лучше будет, *то есть не то что* лучше, *а* для чего-то непременно будто бы надо, чтоб и Родя тоже нарочно пришел сегодня в восемь часов и чтоб они непременно встретились... (Там же);

(93) Необходимо добавить, что на поэта иностранец с первых же слов произвёл отвратительное впечатление, а Берлиозу скорее понравился, *то есть не то чтобы* понравился, *а...* как бы выразиться... заинтересовал, что ли (М. А. Булгаков. Мастер и Маргарита, ч. 1 (1929–1940)).

Прежде всего, подчеркнем, что провести четкую границу между *то есть* пояснения и *то есть* коррекции не всегда возможно. Такова ситуация в (94), где авторская вставка, с одной стороны, объясняет, как надо на самом деле интерпретировать слова Ивана Яковлевича, а с другой — более точно описывает его желание:

(94) Сегодня я, Прасковья Осиповна, не буду пить кофию, — сказал Иван Яковлевич, — а вместо того хочется мне съесть горячего хлебца с луком. (*То есть* Иван Яковлевич хотел бы и того и другого, но знал, что было совершенно невозможно требовать двух вещей разом, ибо Прасковья Осиповна очень не любила таких прихотей.) (Н. В. Гоголь. Нос (1836)).

Есть, конечно, случаи, когда *то есть* — явно корректирующее, по крайней мере на первый взгляд, не поясняющее. Так происходит, например, каждый раз, когда X и Y являются несовместимыми понятиями или ситуациями; ср. (13) или (59) выше. Но даже в таких контекстах, которые благоприятствуют корректирующей интерпретации, *то есть* не сигнализирует о полном замещении, осуществляемом *нет*. Если употребить *нет* вместо *то есть*, то это изменит коммуникативную стратегию говорящего, как в (95), а иногда и степень приемлемости высказывания; ср. в этом отношении (96), вариант с отрицанием (88) выше:

- (95) Она где-то... здесь... Направо... *Нет*, налево... *То есть* направо! Только осторожнее!.. (Т. Г. Габбе. Город мастеров, или Сказка о двух горбунах (1943));
- (96) Кроме того, говорят, невеста была собой даже не хороша, **нет* говорят, даже дурна... (Ф. М. Достоевский. Преступление и наказание (1866)).

То есть является показателем, близким по семантике к *я хочу сказать*, который в таких случаях может быть добавлен к *то есть* коррекции (97) или заменить его (что невозможно, например, при *то есть* дополняющем), чтобы подчеркнуть интерпретирующий характер коррекции:

- (97) Кто был Сонькин отец — неизвестно. *То есть я хочу сказать*, мне это неизвестно (Вера Белоусова. Второй выстрел (2000)).

И наоборот, когда коррекция не может быть понята как интерпретирующая то, что было сказано (в крайнем случае как оговорка), употребление *то есть* менее приемлемо, по меньшей мере для собеседника, чувствительного к логике общения. Ср. (98) и (99), в которых *то есть* трудно понять как оговорку:

- (98) Завтра суббота / завтра я отдыхаю... Всё... <...> *Ой / что я говорю*. Суббота! Ведь в субботу... в субботу у меня меня... ведь по субботам меня дома не бывает (Аркадий Райкин и др. Люди и манекены, к/ф (1974));
- (99) Завтра суббота / завтра я отдыхаю... *Ой / ??то есть* по субботам меня дома не бывает.

Речь идет, безусловно, не об абсолютной неприемлемости, а, скорее, о нарушении нормы коммуникативного приличия: говорящий вправе ошибаться и исправлять себя, но не представлять *ad libitum* свои ошибки как «я хотел сказать». Коррекция при помощи *то есть* предполагает, следовательно, известную семантическую близость между X и Y, близость, которая делает ошибку или оговорку правдоподобными. Чем больше дистанция между X и Y, тем менее естественной становится интерпретирующая коррекция. Ср. (100), где по мере нарастания дистанции между возможными национальностями Хосе Дуарте растет и коммуникативный дискомфорт говорящего:

- (100) «Он самый талантливый француз за всю историю французского футбола. *То есть* бельгиец, конечно, не француз. *То есть* он вообще-то бразилец... Совсем вы меня запутали!» (Франческо Коко о Хосе Дуарте) [https://vk.com/note2170072_7247994; дата обращения: 04.06.2017].

Таким образом, можно, по-видимому, считать *то есть* интерпретирующей коррекции одной из разновидностей *то есть* интерпретирующего, помещенного в особый контекст, в котором X и Y противопоставлены друг другу в большей или меньшей степени. *То есть* осуществляет в таком контексте особый вид коррекции: частичную интерпретирующую коррекцию, которая очень удобна говорящему, поскольку, в отличие от полной коррекции, не эксплицирует признание ошибки, а представляет ситуацию так, что, произнося X, говорящий «просто» хотел сказать Y.

Этим объясняется и возможность сочетания *то есть* с показателями частичной скалярной коррекции:

- (101) Нельсон усиленно выдвигал в этот момент в качестве «законного» владельца Мальты (*то есть, точнее*, в качестве английской марионетки) неаполитанского короля Фердинанда, не имевшего и тени каких-либо прав на остров, так как с 1530 г. и вплоть до завоевания Бонапартом в 1798 году Мальтой владел орден иоаннитов («мальтийские рыцари») (Е. В. Тарле. Адмирал Ушаков на Средиземном море (1798–1800) (1948)).

Интерпретирующая функция *то есть* здесь четко видна благодаря кавычкам, в которые заключено поясняемое выражение («законный» владелец Мальты), а следующий за *то есть* показатель частичной скалярной коррекции *точнее* квалифицирует интерпретацию Y как описание, более соответствующее действительности.

3.4. «То есть» хезитации

К корректирующему употреблению *то есть* примыкает *то есть* хезитации:

- (102) Очень, очень, очень желает с тобой познакомиться! — Да с какой же стати очень-то? — *То есть* не то чтобы... видишь, в последнее время, вот как ты заболел, мне часто и много приходилось об тебе поминать... Ну, он слушал... и как узнал, что ты по юридическому и кончить курса не можешь, по обстоятельствам, то сказал: «Как жаль!» Я и заключил... *то есть* всё это вместе, не одно ведь это; вчера Заметов... (Ф. М. Достоевский. Преступление и наказание (1866)).

Такое употребление характерно прежде всего для устной спонтанной речи и вызвано колебаниями со стороны говорящего, чьи когнитивные

усилия направлены одновременно на реализацию своего высказывания посредством выбора различных языковых средств и на планирование своей дискурсивной программы (контроль за порядком изложения мыслей, выбор той или иной аргументативной стратегии, отслеживание положительной или отрицательной реакции со стороны слушающего и пр.). В отличие от *то есть* коррекции, при помощи которого говорящий объясняет, как надо интерпретировать сказанное, *то есть* хезитации является сигналом того, что говорящий ищет языковые средства, чтобы направить в нужное ему русло собственную речевую программу. Фрагменты X и Y, связываемые *то есть* хезитации, вряд ли можно квалифицировать как два описания одного и того же положения вещей; ср. в этом отношении особенно второе *то есть* в (102).

Наряду с *то есть* говорящий может, как мы видели (см. §2.4), прибегать к различным метадискурсивным средствам, которые свидетельствуют о его колебаниях в попытках изложить свои мысли. Отсюда и незаконченность фрагментов текста X и Y, повторы, в частности, повторные употребления *то есть*, наиболее характерные для устной речи:

- (103) [№ 8, жен, 61] Я бы хотела сказать. Нам нужно что-то такое придумать / что точно мой голос пойдет / 100 процентов туда / за кого я. [№ 6, муж, 29] Он пойдет. [№ 8, жен, 61] *То есть* / это какой-нибудь / я не знаю / *то есть* / не вот эти все. Может электронное что-нибудь. Может / ещё что. *То есть* / нельзя бы вот... (Беседа с социологом на общественно-политические темы (Самара) // Фонд «Общественное мнение», 2003);
- (104) [Ира, жен] Я ещё возьму вышивку. Хочешь / сама порисуй / я вышиваю / мне просто нужно в подарок. Вот. Будем смотреть какой-нибудь фильм / потом я к те там присоединюсь / ну *то есть* как бы / ну знаешь / не просто смотреть / чтоб было интересно / чем заняться. А а вот / ну *то есть* такой вариант можно придумать (Планирование встречи // Из коллекции НКРЯ, 2015).

В силу особенностей нашего корпуса, который содержит в основном литературные тексты, *то есть* хезитации не является самым распространенным употреблением: на его долю приходится 4% от всех случаев употребления *то есть* (12 аннотаций из 300). Но, как мы уже заметили выше, в устной форме речи доля *то есть* хезитации, как, впрочем, и доля *то есть* коррекции, будет, скорее всего, значительно выше.

4. Особое употребление *то есть*

В литературе принято считать, что отношение, выражаемое *то есть*, а также его эквивалентами в других языках, устанавливается на метаязыковом уровне, т. е. касается двух описаний одного и того же объекта или

ситуации. Однако в нашем корпусе примеров встретились такие употребления, где *то есть* Y касается не столько смыслового содержания X, а точнее, выбора адекватной формы для его представления, сколько тех или иных параметров речевого акта, совершаемого при помощи X: его коммуникативной цели (105), оценки истинности заключенного в нем утверждения (106) и др.:

- (105) Вы ведь в юристы готовитесь, Родион Романович? — Да, готовился... — Ну, так вот вам, так сказать, и примерчик на будущее, — *то есть не подумайте, чтоб я вас учить осмелился*: эвона ведь вы какие статьи о преступлениях печатаете! Нет-с, а так, в виде факта, примерчик осмелюсь представить (Ф. М. Достоевский. Преступление и наказание (1866));
- (106) Там у нас Катерина Ивановна с ума сошла, — отрезал он вдруг Соне, бросив Раскольников. Соня вскрикнула. — *То есть оно, по крайней мере, так кажется*. Впрочем... Мы там не знаем, что и делать, вот что-с! (Там же).

В (105) с помощью *то есть* Свидригайлов поясняет свое коммуникативное намерение, которое может быть неправильно понято слушающим: он не собирается своими примерами «учить» Раскольникова, как тот мог бы подумать. В (106) говорящий смягчает категоричность своего утверждения, его неоспоримость: сказанное в X лишь *кажется* говорящему истинным. Можно, следовательно, предположить, что *то есть* поясняет, интерпретирует здесь коммуникативное намерение, связанное с речевым актом X, а значит, устанавливает отношение не на метаязыковом, а на коммуникативном уровне. И здесь, как представляется, фрагменты текста, связанные *то есть*, нельзя квалифицировать как два описания одного и того же положения вещей.

В нашей НБД случаи употребления *то есть* на коммуникативном уровне достаточно редки, но тем не менее на их долю приходится 4% (12 аннотаций из 300).

5. Заключительные замечания

Проведенный анализ позволяет сделать следующие выводы.

— Термины «пояснение» и «пояснительные отношения», используемые в русской грамматике для анализа сочинительной связи в пределах простого предложения, являются либо синтаксическими (т. е. характеризуют тип синтаксической связи), либо коммуникативными (т. е. определяют коммуникативную функцию данной синтаксической структуры в организации сообщения).

— С семантической точки зрения в рамках «пояснительных отношений» как синтаксической связи, которая, однако, как мы видели, может выхо-

дить за рамки простого предложения, целесообразно выделить, с одной стороны, отношения экстенциональной (*в том числе*) и интенциональной (*а именно*) спецификации, опирающиеся на операцию соотнесения элемента и множества и являющиеся разновидностью мереологических отношений, а с другой стороны, отношения переформулирования, опирающиеся на операцию сравнения и устанавливающие тождество денотативных областей связываемых этим отношением фрагментов текста X и Y.

— Отношения переформулирования подразделяются, в свою очередь, на два вида: отношение перифрастического переформулирования (*иными словами, иначе сказать* и др.), требующее сохранения интенционала X и Y, и отношение поясняющего переформулирования (*то есть*), требующее лишь тождества экстенционалов, причем это тождество воспринимается как таковое лишь в контексте данного высказывания и в некотором роде «навязывается» *то есть* (ср. *то есть* дополняющее или интерпретирующее). Иными словами, именно присутствие *то есть* дает сигнал слушающему установить семантическую эквивалентность X и Y. Это позволяет говорить о поясняющем переформулировании как об особом отношении, приравнивающем денотативные области связываемых им фрагментов текста с целью сделать сообщение более ясным⁴.

— *То есть* имеет эту пояснительную функцию во всех своих употреблениях, она встроена в его лексическое значение, а то или иное из его описанных употреблений зависит от соотношения смыслового содержания X и Y. Это касается прежде всего *то есть* коррекции, которое, как было показано, можно считать разновидностью *то есть* интерпретирующего, когда X и Y обозначают несовместимые понятия или ситуации, а также *то есть* хезитации.

— В отличие от показателей перифрастического переформулирования, всегда метаязыковых, *то есть* может устанавливать поясняющее тождество и на коммуникативном уровне. В этом случае оно интерпретирует иллокутивную силу речевого акта X, а значит, также может считаться разновидностью *то есть* интерпретирующего.

Л и т е р а т у р а

БАС — В. И. Чернышев (ред.). Словарь современного русского литературного языка: В 17 т. М.; Л., 1948–1965.

Белошাপкова 1989 — В. А. Белош а п к о в а. Синтаксис // Современный русский язык / В. А. Белош ап ко в а, Е. А. Брызгунова, Е. А. Земская и др. / Под ред. В. А. Белош ап ко в о й. М., 1989. С. 532–772.

⁴ См. также исследования, посвященные показателям отношения переформулирования в английском и французском языках [Hyland 2007; Gülich, Kotschi 1983], которые подтверждают наши наблюдения.

Зацман и др. 2016 — И. М. Зацман, О. Ю. Инькова, М. Г. Кружков, Н. А. Попкова. Представление кросс-языковых знаний о коннекторах в надкорпусных базах данных // Информатика и её применения. 2016. № 10/1. С. 106–118.

Инькова 2016 — О. Ю. Инькова. К проблеме описания многокомпонентных коннекторов русского языка: *не только... но и* // Вопросы языкознания. 2016. № 2. С. 37–60.

Инькова 2017 — О. Ю. Инькова. Генерализация: определение, текстовые функции, показатели (на материале русского, французского и итальянского языков) // Вопросы языкознания. 2017. № 3. С. 52–82.

Инькова, Кружков 2016 — О. Ю. Инькова, М. Г. Кружков. Надкорпусные русско-французские базы данных глагольных форм и коннекторов // O. Inkova, A. Trovesi (a c. di). *Lingue slave a confronto*. Bergamo, 2016. С. 365–392.

Инькова, Манзотти 2018 — О. Ю. Инькова, Э. Манзотти. Грамматика спецификации (на материале русского и итальянского языков) // Вопросы языкознания. 2018. № 3. С. 82–113.

Инькова-Манзотти 2001 — О. Ю. Инькова-Манзотти. Коннекторы противопоставления во французском и русском языках. Сопоставительное исследование. М., 2001.

Кирпичникова 1956 — Н. В. Кирпичникова. Бессоюзные сложные предложения, в которых 2-я часть поясняет одно из слов 1-й части // Русский язык в школе. 1956. № 6. С. 30–35.

Кирпичникова 1970 — Н. В. Кирпичникова. О синтаксическом термине *пояснение* // Исследования по современному русскому языку: Сб. ст. памяти Е. М. Галкиной-Федорук / Под ред. Т. П. Ломтева, А. А. Камыниной. М., 1970. С. 96–117.

МАС — А. П. Евгеньева (ред.). Словарь русского языка: В 4 т. М., 1981.

Петрунина 2008 — С. П. Петрунина. Грамматика говорящего и слушающего в сибирских говорах. Новокузнецк, 2008.

Прияткина 1979 — А. Ф. Прияткина. Синтаксическая связь и соотношение // Русский язык в школе. 1979. № 5. С. 102–105.

Прияткина 2007 — А. Ф. Прияткина. Конструкции с пояснительными союзами // А. Ф. Прияткина. Русский синтаксис в грамматическом аспекте (Синтаксические связи и конструкции). Избранные труды. Владивосток, 2007. С. 180–188.

Прияткина и др. 2001 — А. Ф. Прияткина, Е. А. Стародумова, Г. Н. Сергеева, Г. Д. Зайцева, Н. Т. Окатова, И. Н. Токарчук, Г. М. Крылова, Т. А. Жукова, Т. В. Петроченко, В. Н. Завьялов. Словарь служебных слов русского языка. Владивосток, 2001.

РГ-80 — Русская грамматика / Под ред. Н. Ю. Шведовой. Т. I—II. М., 1980.

Тестелец 2001 — Я. Г. Тестелец. Введение в общий синтаксис. М., 2001.

Groupe de Fribourg 2012 — Groupe de Fribourg. *Grammaire de la période*. Berne, 2012.

Gülich, Kotschi 1983 — E. Gülich, T. Kotschi. Les marqueurs de la reformulation paraphrastique // *Cahiers de linguistique française*. 5. 1983. P. 305–351.

Hyland 2007 — K. Hyland. Applying a Gloss: Exemplifying and Reformulating in Academic Discourse // *Applied Linguistics*. 28/2. 2007. P. 266–285.

Inkova 2017 — O. Inkova. Le relazioni logico-semantiche tra gli enunciati: una proposta di classificazione / M. di Filippo, F. Esvan (a c. di) // *Studi di linguistica slava*. Napoli, Il Torcoliere. P. 105–124.

Manzotti 1999 — E. M a n z o t t i. Spiegazione, riformulazione, correzione, alternativa: sulla semantica di alcuni tipi e segnali di parafrasi // Parafrasi. Dalla ricerca linguistica alla ricerca psicopedagogica / L. Lumbelli, B. Mortara Garavelli (a c. di). Alessandria, 1999. P. 169–206.

Резюме

В статье рассматриваются логико-семантические отношения и их показатели, которые русская грамматика квалифицирует как пояснительные. Авторы отмечают, что сам термин «пояснение» характеризует не столько отношение, сколько коммуникативную функцию фрагмента в тексте. Учитывая семантическую неоднородность показателей «пояснения», авторы предлагают выделить группу показателей, выражающих отношение спецификации (*а именно, точнее, например, включая* и др.), и группу показателей, выражающих отношение переформулирования, которое, в свою очередь, может быть поясняющим (*то есть*) и перифрастическим (*иными словами* и др.). Затем авторы описывают семантику и функционирование *то есть* и отличие выражаемого им вида переформулирования от близких по семантике логико-семантических отношений.

Ключевые слова: коннекторы, лингвистика текста, семантика, логико-семантические отношения, переформулирование, русский язык, *то есть*.

Получено 08.10.2017

OLGA YU. INKOVA, ALEXANDER S. GURYEV

ON THE CATEGORY OF EXPLANATION IN RUSSIAN GRAMMAR

The article focuses on one type of logico-semantic relation and its markers traditionally identified in Russian grammar as “explanatory” (*pojasnitel’nye*). It is argued that the term “explanation” designates the communicative function of a given text element and, therefore, is inappropriate when applied to logico-semantic relations. Furthermore, considering the heterogeneity of ‘explanatory’ markers, it is suggested that they form two distinct groups. The first group conveys the semantic relation of specification (*a imenno, točnee, naprimer, vključaja*, etc.). The second group consists of reformulation markers, which may act either as explanation (*to est’*) or as paraphrase (*inymi slovami*, etc.). The article then highlights the semantics and the function of the reformulation marker *to est’* and points out its distinctive properties in comparison with other markers showing similar logico-semantic relations.

Keywords: connectives, discourse relations, restatement, reformulation, Russian, semantics, text linguistics, *to est’*.

Received on 08.10.2017

Е. В. ПАДУЧЕВА

ЭГОЦЕНТРИЧНОСТЬ СЕМАНТИКИ *ПОЖАЛУЙ**

В семантике слова *пожалуй* присутствует говорящий. Чаще всего *пожалуй* употребляется в высказываниях от 1-го лица; употребление *пожалуй* в контексте высказывания не от 1-го лица — это всегда некоторая проблема. *Пожалуй* — это принадлежность речевого режима; употребление *пожалуй* в нарративе сопряжено со специальными эффектами. (Об эгоцентрических единицах языка и режимах интерпретации, речевом и нарративном, см. [Падучева 1996/2010].)

Вначале будут рассмотрены отдельные частные значения *пожалуй* в разных контекстах, а в конце предложено обобщение.

Согласно словарям (см., например, МАС), *пожалуй* может выступать в функции частицы и в качестве вводного слова.

В функции частицы *пожалуй* выражает подтверждение (если в левом контексте утверждение), см. пример (1), или согласие на предложение (если в левом контексте вопрос), см. пример (2). Имеется в виду **предикативная** частица, типа *да-нет*.

- (1) — Это красиво. — *Пожалуй*, — лукаво соглашался Павел Алексеевич. — Да только очень уж простенько, — поддразнивал (Людмила Улицкая. Казус Кукоцкого [Путешествие в седьмую сторону света] // «Новый Мир», 2000);
- (2) — Чайку не желаете ли? — *Пожалуй* ... — согласился Егорушка с некоторой неохотой. (Чехов. Степь, цит. по МАС).

Согласно анализу в статье [Разлогова 1998], в предложении с *пожалуй* речь идет о выборе из альтернатив. Одна альтернатива выбрана, но остальные сохраняют право на существование.

Это значение возникает у *пожалуй* в диалогическом контексте, где есть говорящий. Говорящий принимает решение в пользу одной из альтернатив, предложенных ему партнером по диалогу.

* Работа выполнена при финансовой поддержке РФНФ, грант № 17-04-00554 «Семантические процессы в сфере местоименной и предикатной лексики: стратегии референции и концептуализации».

В функции вводного слова у *пожалуй* различаются два значения.

1. *Пожалуй* означает, приблизительно, ‘скорее всего’ (*скорее всего* Р = ‘наиболее вероятно Р’); во многих контекстах *пожалуй* может быть заменено на *скорее всего* как на синоним. Подразумеваемый субъект у *скорее всего* (как у *пожалуй* и у всех вводных слов) — говорящий: *скорее всего* — с точки зрения говорящего.

В примере (3) подразумеваемый субъект *пожалуй* — эксплицитный говорящий:

(3) Знаешь, я, *пожалуй*, оказался не прав (А. Слаповский. Гибель гитариста (1994–1995)).

В (4), (5) имеет место гипотаксическая проекция (см. о гипотаксической и нарративной проекции [Падучева 2011]):

(4) И пришел к выводу, что, *пожалуй*, ошибся (Дина Рубина. Белая голубка Кордовы (2008–2009));

(5) Сторожев понял, что совершил ошибку, что, *пожалуй*, скучает по Лидии и не очень-то, кажется, любит, увы, Илону, несмотря на все ее достоинства (А. Слаповский. Большая Книга Перемен // «Волга», 2010).

В (6), (7) нарративная проекция. Впрочем, в примерах (6), (7) в контексте за пределами фразы может оказаться эксплицитный говорящий.

(6) Но с этим командиром, *пожалуй*, никакого отдыха не получится (Василь Быков. Болото (2001));

(7) Хотя если кого и репрессировали, то, *пожалуй*, было за что (Там же) ≈ *скорее всего, должно быть*.

Для *пожалуй* в примере (8) в [Разлогова 1998] предлагаются синонимы *вероятно, наверно*:

(8) Было уже, *пожалуй*, за полночь, когда Матвей и Архип вышли из двора Строговых. (Марков, Строговы, цит. по МАС).

Можно думать, что в примере (8) значение *пожалуй* тоже можно представить как ‘скорее всего’.

В (9) более уместно *возможно*, чем *скорее всего*; но трудно настаивать, что тут у *пожалуй* другое значение:

(9) Вовка заволновался, что тот, *пожалуй*, двинет сейчас локтем тарелку и столь трудно выпрошенная у повара лишняя каша с мясом будет на полу (Владимир Маканин. Кавказский пленный (1995)).

Однако подстановка *скорее всего* на место *пожалуй* возможна не всегда. Например, она не годится в контексте внутренних состояний, где неуместна оценка вероятности:

(10) Я, *пожалуй*, согласен ≠ *Я, *скорее всего*, согласен.

Есть контексты, где *пожалуй* ощутимо отлично от *скорее всего*. Например:

- (11) а. Я, *скорее всего*, буду поступать на журналистику;
 б. Я, *пожалуй*, буду поступать на журналистику.

(11а) означает ‘я вероятнее всего буду поступать на журналистику’, а (11б), с *пожалуй*, выражает **размышления о выборе решения** и означает, приблизительно, ‘я по размышлению решил, что буду поступать на журналистику’. О компонентах «размышление» и «принятие решения» в семантике *пожалуй* см. в [Разлогова 1998]. Пример (11б) см. там же.

При подлежащем 3-го лица толкование предложения со *скорее всего* остается прежним, а толкование предложения с *пожалуй* существенно меняется.

- (12) а. Иван, *скорее всего*, будет поступать на журналистику;
 б. Иван, *пожалуй*, будет поступать на журналистику.

Предложение (12б) странное. При одном понимании оно означает: ‘говорящий, размышляя по поводу намерений Ивана, решил (пришел к заключению), что Иван намерен поступать на журналистику’. Другое понимание — ‘говорящий сам принимает решения за Ивана и с е й ч а с склоняется в пользу решения поступать на журналистику’.

Так что ‘скорее всего’ не отражает значения *пожалуй* во всех его контекстах — на самом деле значение *пожалуй* сложнее. В статье Е. Э. Разлоговой [1998] в семантике *пожалуй* усматривается компонент ‘говорящий как бы размышляет вслух’. Это усиливает эгоцентричность *пожалуй*.

В примере (13) говорящий принимает решение о том, что имеет место определенная ситуация (*дует*), в ходе некоторого размышления; поэтому здесь *пожалуй* ≠ *кажется*:

- (13) Ведь вам придётся снимать чулок, а здесь из дверей, *пожалуй*, дует
 (А. Т. Аверченко. Ниночка (1910–1911)).

То же в (14).

- (14) *Пожалуй*, тебе лучше всего будет сейчас уйти (И. Грекова. Перелом (1987)) = ‘я по размышлению решил, что тебе лучше всего будет сейчас уйти’.

Еще пример, похожий на примеры (11), (12). Попробуем заменить 1-е лицо на 3-е в (15а).

- (15) а. Я, *пожалуй*, поеду летом в Болгарию;
 б. Иван, *пожалуй*, поедет летом в Болгарию.

Предложение (15б) выглядит странно. Дело в том, что *пожалуй* обслуживает только личный выбор говорящего. Говорящий может обосновать свой собственный выбор, см. (16а), но это право не может быть передано 3-му лицу. Остается то же решение, что в (12б):

- (16) а. Я, *пожалуй*, поеду летом в Болгарию, потому что это дешевле, чем в Италию;
 б. *Иван, *пожалуй*, поедет летом в Болгарию, потому что это дешевле, чем в Италию.

Компонент «принятие решения» есть не во всех предложениях с *пожалуй*. Так, его нет в примере (17) — здесь *пожалуй* ≈ ‘скорее всего’, ‘наверное’:

- (17) Знаешь, мы, *пожалуй*, не увидимся больше, так вот позволь мне дать тебе на прощанье один совет: не размахивай руками! (А. П. Чехов. Вишневый сад (1904)).

Или в примере (18):

- (18) Он бы, *пожалуй*, попал и без оптического прицела (Владимир Маканин. Кавказский пленный (1995)) ≈ *скорее всего*.

В (19) *пожалуй* нельзя заменить на *скорее всего* потому, что *пожалуй* выражает более категорический отказ; *пожалуй* в (19), как в (11б), (15а) и в (10), подчеркивает наличие размышлений, предшествующих принятию решения, а не неокончателность решения, как *скорее всего*. На данный момент решение принято (потом оно может измениться):

- (19) Дмитриев сказал, что они, *пожалуй*, не поедут к тётё Жене (Юрий Трифонов. Обмен (1969)).

Компонент «размышление» есть, в той или иной форме, во всех контекстах употребления *пожалуй*.

Обычно в предложении с *пожалуй* речь идет о ситуации в будущем. Но возможно настоящее время, да и прошедшее не исключено:

- (22) Но самым сложным для нас, *пожалуй*, было перекрытие кровли («Пермский строитель», 2003.04.28).

Пример (23) показывает, что *пожалуй* может быть уместно в контексте глагола в будущем, но не в прошедшем времени:

- (23) а. Он, *пожалуй*, откажется;
 б. *Он, *пожалуй*, отказался.

Дело в том, что *пожалуй* уместно только в контексте неверифицируемых высказываний. В будущем времени все высказывания неверифицируемые. А в прошедшем дело может обстоять по-разному. В примере (22) и в примере (23а) с будущим временем высказывание неверифицируемое, и *пожалуй* уместно, а в (23б) это не так. О верифицируемых и неверифицируемых высказываниях и их сочетаемости с глаголами мнения см. [Зализняк 1991].

2. Другое значение *пожалуй* (отмеченное в МАС) — ‘лучше’, ‘лучше всего’. Это значение возникает у *пожалуй* в контексте глагола действия — в императиве, а также в контексте субъекта 2-го и 1-го лица при глаголе в будущем времени или в оптативе. Примеры:

(24) Ты, *пожалуй*, пойди домой (\approx *лучше*; \neq *вероятно*, \neq *скорее всего*).

Скорее всего в контексте (24) не годится, так как выбор альтернативы целиком зависит от субъекта и не подвержен вероятностным оценкам.

(25) Нет, не надо. А то, *пожалуй*, сходи. (Обнимает ее) (А. Н. Островский. Бедность не порок (1853)). Субъект колеблется в выборе;

(26) «Ну хорошо, я тогда, *пожалуй*, поеду» (Андрей Волос. Недвижимость (2000) // «Новый Мир», 2001);

(27) Я, *пожалуй*, пошел бы домой \approx ‘я лучше пошел бы домой’;

(28) Знаешь, прочти, *пожалуй*. Может, что срочное. Откуда письмо-то? (Андрей Волос. Недвижимость (2000) // «Новый Мир», 2001) (\approx *лучше прочти*);

(29) А начну я, *пожалуй*, всё-таки с письма, точнее, не с письма, а с того разговора, который состоялся прямо перед его получением (Вера Белоусова. Второй выстрел (2000)) (\approx *лучше*, так как выбор действия зависит от меня);

(30) Начнем, *пожалуй*, с того, что в истории России были периоды, когда в нашей армии служили иностранцы («Солдат удачи», 2004.05.05) (*пожалуй* \approx ‘лучше всего’);

(31) А, *пожалуй*, зайдите, мне при вас вроде бы легче (И. Грекова. Перелом (1987)) (*пожалуй* \approx ‘лучше всего’; есть компонент «размышление» и «принятие решения»);

(32) Хотя пошли, *пожалуй*, Клара, на базар по маринку, а? (Ю. О. Домбровский. Факультет ненужных вещей. Ч. 1 (1978)) (прошедшее время в значении будущего; на заднем плане маячит выбор решения о действии);

(33) Пойдём, *пожалуй*, сейчас, по берегу недалеко. Он, наверно, дома (Ю. О. Домбровский. Факультет ненужных вещей. Ч. 2 (1978));

(34) Ну, я, *пожалуй*, пойду, вам покой нужен (И. Грекова. На испытаниях (1967));

(35) — Я выпью, *пожалуй*, ещё кофе (Владимир Маканин. Отдушина (1977));

(36) — Пойду, *пожалуй*, чайку спрошу, — сказал профессор. И встал (Василий Шукшин. Печки-лавочки (1970–1972)).

В (37) *пожалуй* взаимодействует с *хоть*, которое выражает свободу выбора, и значения ‘лучше всего’ не возникает:

(37) Читай, *пожалуй*, хоть «Долину ужаса», если она тебя занимает (И. Грекова. В вагоне (1983)).

В (38) *пожалуй* можно заменить просто на *давайте*:

(38) — А вы всё-таки посмотрите. — *Пожалуй*, показывайте вашу руку... Не беспокойтесь... вы только спустите с плеча кофточку... (А. Т. Аверченко. Ниночка (1910–1911)).

В словаре Д. Н. Ушакова (ТСРЯ) у *пожалуй* выделяется отдельное значение ‘согласен, что’ для контекста *Пожалуй, ты прав* — только в контексте субъекта *ты*. Но кажется, что в этом контексте слову *пожалуй* можно приписать значение ‘скорее всего’.

В примерах (39), (40) *пожалуй* можно заменить на *я допускаю, что*.

- (39) Как-то мне было не по себе, и даже больше того... да, *пожалуй*, мне было страшно (Вера Белоусова. Второй выстрел (2000));
 (40) Ведь она меня, *пожалуй*, выгонит — как по-вашему? (Там же).

В примере (41) (из [Разлогова 1998]) *пожалуй* можно заменить на *насколько я знаю*.

- (41) С тех пор, *пожалуй*, в списках политических тусовок ваше имя не мелькало.

В примере (42) (устаревшее употребление) подразумеваемый говорящий вводного *пожалуй* выходит на поверхность:

- (42) — Что ж мне-то?.. По мне, пожалуй, поедем. Я Москвы-то еще не видывала (Вас. И. Немирович-Данченко. Сластиновские миллионы (1893)).

Если в предложении есть 1-е лицо, то субъектом модальности, выражаемой вводным *пожалуй*, является говорящий. Возникает вопрос, кто является подразумеваемым субъектом *пожалуй* в предложениях без 1-го лица. В примере (43) *пожалуй* употреблено в нарративе 3-го лица. Субъектом принятия решения является персонаж; здесь несобственная прямая речь, о чем сигнализирует настоящее время *хватит* в нарративе с базовым прошедшим:

- (43) Забрёл на кухню, включил свет. Мог бы сварить себе кофе (всё-таки занятие), но кофе он уже выпил три чашки, *пожалуй*, на сегодня хватит (Василь Быков. Бедные люди (1998)) *пожалуй* ≈ *скорее всего, можно думать*.

В (44) роль говорящего, субъекта оценки, исполняет повествователь, который сравнивает альтернативы — разные предметы — и выбирает черчение:

- (44) Самым интересным для неё было, *пожалуй*, черчение (Людмила Улицкая. Казус Кукоцкого [Путешествие в седьмую сторону света] // «Новый Мир», 2000).

Пример нарратива, где подразумеваемым субъектом *пожалуй* является персонаж (Таня):

- (45) Тане, *пожалуй*, было интереснее общаться с Виталиком, поскольку он склонялся к медицине и у них было больше общих тем (Людмила Улицкая. Казус Кукоцкого [Путешествие в седьмую сторону света] // «Новый Мир», 2000).

Пожалуй поддается гипотаксической проекции — в (46) за выбор альтернативы отвечает не говорящий, а «он», субъект матричного предложения:

- (46) Он подумал как-то, что она, *пожалуй*, смогла бы озвучить не один сексуальный фильм (Анатолий Азольский. Лопушок // «Новый Мир», 1998).

Аналогично в (47):

- (47) Пьеса ему понравилась. Он заявил, что, *пожалуй*, будет ее ставить (Самуил Алешин. Встречи на грешной земле (2001)).

Как отмечено Е. Э. Разлоговой [1998], *пожалуй* не употребляется в вопросах — кроме особых случаев: это переспросы (— *Что он сказал? Пожалуй, в пять?*), вопросы гипотетического цитирования (— *Ну и что ты мне скажешь? Пойду, пожалуй?*) и вопросы, координирующие действия говорящего и собеседника (*Я, пожалуй, выключу компьютер?*), см. также пример (32). Этим *пожалуй* отличается от *наверно*, *вероятно* и *скорее всего*, которые допустимы в вопросах. Это тоже свидетельство специальной эгоцентричности *пожалуй*.

Один аспект значения *пожалуй* остался не отраженным. Это связь *пожалуй* с моментом речи. Как верно отметила И. Б. Левонтина (устное сообщение), *пожалуй* «отражает колебания говорящего в процессе осуществления речевого акта, после которых он допускает возможность соответствующей ситуации».

Ср. также формулировку, предложенную в [Разлогова 1998]: «*Пожалуй р* указывает на то, что выбор *р* происходит “здесь и сейчас” относительно момента речи и к тому же осуществляется самим говорящим».

В примере (48) в [Гатинская 2014: 142] усматривается значение речевого действия. Можно думать, здесь имеется в виду решение, принимаемое в момент речи, т. е. в процессе осуществления речевого акта:

- (48) Что, ваше благородие? — сказал смеясь Пугачев [Гриневу]. «Выручили красную девицу! Как думаешь, не послать ли за попом, да не заставить ли его обвенчать племянницу? *Пожалуй*, я буду посаженным отцом, Швабрин дружкой; закутим, запьем — И ворота запрем!» (А. С. Пушкин. Капитанская дочка (1836)).

«Смысл *пожалуй* в этом примере нельзя определить как согласие, потому что в предтексте нет просьбы, на которую мог согласиться Пугачев. Произнося: *пожалуй*..., он тем самым принимает решение взять под свою защиту Гринева и Машу от тех, кто его окружает, от восставших» [Там же].

Можно предложить толкование для некоего «идеального» *пожалуй*, из которого все рассмотренные его употребления вытекают как результат контекстных деформаций: *пожалуй* Р = ‘говорящий после размышлений в процессе осуществления речевого акта решил, что Р’.

Для *пожалуй*-частицы это толкование подходит полностью: есть компонент «размышление» и «принятие решения». Оно проходит также для значения 2 (*Я, пожалуй, пойду*): «лучше» — это прагматическое приращение. Толкование подходит и для значения 1, см. пример (49):

- (49) *Пожалуй*, я ещё могу рассказать, как однажды я вёз к себе в Мыльников переулочек два кожаных кресла, купленных мною на аукционе, помещавшемся в бывшей церкви в Пименовском переулочке (В. П. Катаев. Алмазный мой венец (1975–1977)).

В примере (14) видно, что размышления и принятие решения происходят в момент речи.

- (14) *Пожалуй*, тебе лучше всего будет сейчас уйти (И. Грекова. Перелом (1987)) = ‘я по размышлении решил, что тебе лучше всего будет сейчас уйти’.

Но для примера (11б) компонент «в процессе осуществления речевого акта» надо ослабить — размышления, скорее всего, имели место и ранее:

- (11б) Я, *пожалуй*, буду поступать на журналистику.

В примерах (3)–(8) значение *пожалуй* выветривается — ссылка на речевой акт пропадает. А компонент «размышление» в каком-то виде остается — он и отличает *пожалуй* от *скорее всего*, см. пример (6):

- (6) Но с этим командиром, *пожалуй*, никакого отдыха не получится (Василь Быков. Болото (2001)).

В примерах (39), (40), как было сказано, говорящий не решил, что Р, а только допускает, что Р. В нарративе пропадает ссылка на речевой акт; размышления — персонажа или повествователя.

В формулировке *пожалуй* Р = ‘говорящий после размышлений в процессе осуществления речевого акта решил, что Р’ обращает на себя внимание неоднозначность слова *решил*. В самом деле, *решил* может означать акт воли, т. е. решение о действии, как в примере (11б), и чисто ментальный акт, как в примере (46).

В МАС в семантике *пожалуй* усматривается компонент «нерешительность». Представляется, что он охватывается компонентом «размышление».

В [Гатинская 2014: 143–144] выделено как отдельное значение *пожалуй* «прогноз нежелательного события», например:

- (50) И покойник (царство ему небесное) обещал со мною по-свойски переведаться, а сынок, *пожалуй*, сдержит слово батюшкино (А. С. Пушкин. Дубровский (1833)).

Можно думать, компонент «размышление» остается и здесь.

Примечание. Н. В. Гатинская [Там же: 133] раскрывает связь *пожалуй* с глаголом *жаловать* — *пожаловать*: императив *пожалуй* дополняет императивную форму 2-го лица другого глагола. Например:

Дождись, *пожалуй*, меня здесь (Е. Р. Дашкова. Тоисиоков. Комедия в пяти действиях (1786)) (≈ ‘дождись, сделай милость’).

«Наряду с новым вводно-модальным *пожалуй* просительное *пожалуй* продолжали использовать до середины XIX в., поэтому во многих примерах смысл *пожалуй* не всегда можно определить однозначно» [Там же: 142]. В самом деле, см. устаревшие примеры (38) и (42) с «просительным» *пожалуй*.

Ниже приводится ряд дополнительных примеров употребления *пожалуй*.

В (51), (52) нет компонента «принятие решения о действии», как в примерах (11б) или (15а); но есть компонент «принятие решения о том, какая ситуация имеет место»:

- (51) Инфаркт — *пожалуй*, самая милосердная из смертей. Ребята потосковали и утешились (И. Грекова. Перелом (1987));
- (52) Потому что если уж очень он нравится семье, ему, *пожалуй*, незачем воровать девушку (Фазиль Искандер. Слово (1980–1990)).

В (53) есть принятие решения о действии, есть обоснование выбора; имеется 1-е лицо, т. е. говорящий:

- (53) — *Пожалуй*, майора Басангова временно назначим, — сказал Новиков, — он командир толковый, участвовал в танковых боях ещё под Новоград-Волынском (Василий Гроссман. Жизнь и судьба. Ч. 1 (1960)).

В (54)–(57) видно размышление над выбором альтернативы; в (54) альтернатива пора или не пора:

- (54) Час был неравный, *пожалуй*, пора было садиться писать (Василь Быков. Бедные люди (1998));
- (55) Дочь, *пожалуй*, была в его жизни главной заботой, большей проблемой, чем даже жена (Там же);
- (56) *Пожалуй*, не ясно было только с отцом — он не укладывался ни в какую категорию (Людмила Улицкая. Казус Кукоцкого [Путешествие в седьмую сторону света] // «Новый Мир», 2000) — Есть обоснование выбранной оценки ситуации;
- (57) *Пожалуй*, это единственное чтение, которое не огорчает меня (Там же) — *Пожалуй* выявляет итог размышлений.

Очевидно, что *пожалуй* предъявляет определенные требования к позиции в своей сфере действия: *пожалуй* гораздо более разборчиво к контексту, чем, например, *конечно*. Можно думать, с *пожалуй* сочетаются пропозиции, которые могут быть итогом размышлений (отсюда аномальное *Он, пожалуй, отказался*).

Пожалуй широко используется в рекламе: *Пожалуй, лучшее пиво; Пожалуй лучший банк в России*, и т. д. Согласно И. Б. Левонтиной, дело в том, что в рекламе нельзя называть свой продукт лучшим, самым вкусным,

самым эффективным — если это не доказано официальным исследованием. Вставка *пожалуй* дает возможность сказать, что это не общее утверждение, а всего лишь чье-то личное мнение.

Л и т е р а т у р а

Зализняк 1991 — Анна А. З а л и з н я к. *Считать и думать*: два вида мнения // Логический анализ языка. Культурные концепты. М., 1991. С. 187–194.

Гатинская 2014 — Н. В. Г а т и н с к а я. Лексико-грамматическая история лексем *пожалуй* // Русский язык в научном освещении. 2014. № 2 (28). С. 126—152.

МАС — Словарь русского языка: В 4 т. / Ред. А. П. Евгеньева. М., 1981 (= Малый академический словарь).

Падучева 1996/2010 — Е. В. П а д у ч е в а. Семантические исследования. Семантика времени и вида в русском языке. Семантика нарратива. М., 1996. 2-е изд. 2010. <http://lexicograph.ruslang.ru/TextPdf1/PaduSemant1ssl1996.pdf>.

Падучева 2011 — Е. В. П а д у ч е в а. Эгоцентрические валентности и деконструкция говорящего // Вопросы языкознания. 2011. № 3. С. 3–18. <http://lexicograph.ruslang.ru/TextPdf1/egocentrals.pdf>.

Разлогова 1998 — Е. Э. Р а з л о г о в а. *ПОЖАЛУЙ*, или РАЗДВОЕННОСТЬ // Дискурсивные слова русского языка: опыт контекстно-семантического описания. М., 1998. С. 331–336.

ТСРЯ — Толковый словарь русского языка / Под ред. Д. Н. Ушакова. М., 1939.

Резюме

Слово *пожалуй* эгоцентрично: в его семантике присутствует говорящий. Предлагается толкование для некоего «идеального» *пожалуй*, из которого все остальные его употребления вытекают как результат контекстных деформаций: *пожалуй* Р = ‘говорящий после размышлений в процессе осуществления речевого акта решил, что Р’. Например, *Пожалуй, тебе лучше всего будет сейчас уйти* = ‘я по размышлении решил, что тебе лучше всего будет сейчас уйти’. В этой формулировке обращает на себя внимание неоднозначность слова *решишь*. В самом деле, *решишь* может означать акт воли, т. е. решение о действии, как в примере *Я, пожалуй, поеду летом в Болгарию*, и чисто ментальный акт, как в примере *Я подумал, что она, пожалуй, права*.

Ключевые слова: эгоцентрическая единица, режим интерпретации, говорящий, толкование, речевой акт.

Получено 10.12.2017

ELENA V. PADUCHEVA

THE EGOCENTRIC SEMANTICS OF THE WORD *POŽALUJ*

The word *požaluj* ≈ ‘perhaps’ is egocentric: it presupposes a speaker. In this paper an “ideal” *požaluj* is proposed, such that all other occurrences of *požaluj* can be derived

from this ideal using contextual considerations: *požaluj* P = ‘the speaker, upon reflection in the process of the speech act, decides that P’. For example, *Požaluj, tebe lučše vsego budet sejčas ujeti* = ‘upon reflections during the speech act I have decided that it would be better for you to go away now’. Attention should be paid to the ambiguity of the word *decide*. In fact, *decide* may denote either a volitive act, i.e. decision about an action, as for example in *Ja požaluj poedu letom v Bolgariju*, or a purely mental act, as for example in *Ja podumal, čto ona, požaluj, prava*.

Keywords: egocentric entity, register of interpretation, speaker, explication, speech act.

Received on 10.12.2017

А. В. ЗЕЛЕНИН, Д. В. РУДНЕВ

СВЯЗОЧНЫЙ ГЛАГОЛ *СЛЫТЬ*: ИСТОРИЯ МОДАЛИЗАЦИИ

Вступительные замечания

К настоящему моменту существует несколько семантических классификаций связок (А. М. Пешковского, В. И. Чернова, П. А. Леканта, Л. В. Поповой и др.), однако они не позволяют однозначно отнести некоторые связочные глаголы к той или иной группе, так как их семантика оказывается диффузной. Изучение таких диффузных связочных глаголов представляет особый теоретический интерес, так как их наличие в языке ставит вопрос о сложном характере взаимодействия семантических групп связочных глаголов между собой. К числу связок диффузной семантики относится глагол *слыть*.

Глагол *слыть* относят к числу связок, которые участвуют в выражении мнимости признака, его кажимости¹. «Кажимость вариативна, для нее характерны следующие признаки: двуплановость (совмещение реального и кажущегося); наличие наблюдателя или самонаблюдателя; чувственное восприятие ситуации наблюдателем (в образах, ощущениях, впечатлениях, воспоминаниях)» [Барина 2012: 28]. Группа глагольных связок со значением кажимости (Н. Д. Арутюнова именуется ее «к-модальностью»)² представлена разветвленной сетью лексем: внешней достоверности (*считаться, почитаться* и др.), мнимой подлинности (*притворяться, прикидываться* и др.), подлинности восприятия (*выглядеть, смотреться* и др.). Связки

¹ Термин *кажимость* — калька с нем. *Anschein*, используемая как в философской, так и в лингвистической литературе [Хайдеггер 1997: 28–29]. Краткий обзор современного состояния в изучении категории кажимости в грамматике представлен в диссертационных исследованиях: [Хельмянова 2016: 11–34; Семенова 2007].

² «К-модальность зарождается в сфере непосредственного восприятия мира» [Арутюнова 1999: 834]; ср. также некоторые английские термины для данного грамматического феномена: «условно-реальный», «как-бы-бытийный» (inferential-like [Aikhenvald 2004: 85]), «малоочевидность» (weak-evidentiality [Ifantidou 2001: 170]).

слыть и *считаться* (а также выделяемое некоторыми лингвистами словосочетание-связка *пользоваться славой/репутацией*) имеют значение «общеизвестной достоверности» [Баринова 2012: 29], «общего мнения (или услвленности)» [Лекант 1995: 94], «вероятной, “проблематической” достоверности» [Попова 2013: 24], «знания опосредованного или заочного» [Петроченко 2006: 13], «модальности недостоверности» [Ильенко 2009: 101].

Связки *слыть* и *считаться* являются синонимичными (в качестве синонимов их отмечает А. П. Евгеньева [Сл. син., 2: 527]). Современные словари не фиксируют стилистических нюансов в глаголах *слыть* и *считаться*, тем не менее очевидно, что первый является книжно-литературным, а последний — нейтральным, стилистически немаркированным.

Глагол *слыть* имеет некоторые отличия от *считаться* в способах выражения присвяточной части: так, он может сочетаться с именными группами «под именем, под названием кого-, чего-либо» [БАС, 13: 1302], например: *Степан Владимырьч <...> слыл в семействе под именем Степки-балбеса и Степки-озорника* (Салтыков-Щедрин. Господа Головлевы (1875–1880) [Национальный корпус русского языка, далее — НКРЯ]); *С отроческих лет [Щетинников] подавал надежды, что не пропадет, и в гимназии слыл под прозвищем «бессовестного» за отвагу, с какою он разрешал разные этические вопросы* (Станюкович. «Бесшабашный» (1891) [НКРЯ]). Подобная сочетаемость присуща связке *слыть* и в современных тестах, например: *В народе врачеватели из этой семьи слыли под прозвищем Маши-пураши, так как один из них когда-то занимался продажей маши* [Ершов. Навстречу тайне (1989): 223], однако это явление следует отнести скорее к угасающим фактам узуса.

Такое употребление связочного глагола *слыть* свидетельствует о том, что он частично смыкается с группой связок именования³; таким образом, связка *слыть* в современном употреблении оказывается бифункциональной: с одной стороны, она выражает значение кажимости, с другой — участвует в формировании смысловой группы глаголов со значением именования.

Глагольная связка *слыть* в современном русском языке — продукт длительной исторической эволюции. Развитие значения ‘считаться’, то есть процесс модализации⁴, обозначило вхождение глагола в группу глаголов-

³ Особенности их функционирования в современном русском языке с исчерпывающей полнотой отражены в работах Л. В. Поповой [Попова 2011а; 2011б].

⁴ Понятие модализации широко используется в современной лингвистике для описания различных явлений. В нашей работе под модализацией понимается семантическая трансформация лексемы, ведущая к ее перемещению из состава средств выражения диктума в состав средств выражения модуса, а также результат этого процесса. В современном русском языке связка *слыть* участвует в выражении квалификативных модусных категорий авторизации и персуазивности (о квалификативных модусных категориях см.: [Шмелева 1988: 35—39]; о взаимодействии авторизации и персуазивности см.: [Копытов 2004]).

связок со значением кажимости. Это повлекло за собой изменение в семантике самого глагола и преобразование присвязочной части.

Задачей настоящей статьи является показать этапы вхождения глагола *слыть* в группу связок кажимости, хронологически проследив семантические и грамматические модификации, происходившие в структуре значения.

1. Древнерусский языковой материал

В современных словарях значение связки *слыть* определяется как ‘быть известным в качестве кого-, чего-либо’, ‘считаться кем-, чем-л.’ [БАС, 13: 1302; СРЯ, 4: 146], ‘быть широко известным в качестве кого-, чего-л., иметь репутацию кого-л.’ [Сл. син., 2: 527]. Глагол *слыть* в древнерусском языке имел графико-фонетические и семантические отличия от современного употребления. Во-первых, звуковой облик этого глагола отличался от современного: с начала письменности он имел инфинитив *слути*, а в настоящем времени имел основу *слов-* (*слову/словешу/словеть* и т. д.). Исходный звуковой облик этого глагола сохранился в современном словенском языке, в других славянских языках он претерпел изменения. В старорусский период (с XV–XVI вв.) распространяется употребление инфинитива в форме *слыти/слыть*, что, возможно, было вызвано или польским влиянием (ср. польск. *ślupać*, фиксирующееся с 1440-х гг. [Słownik staropolski, 8/4: 312–313]⁵), или другими сходными глаголами (типа *плыть*). Основа инфинитива вызвала изменение основы настоящего времени, в которой вместо гласной *-о-* начинает употребляться гласная *-ы-*⁶. В течение XVII в. старая

⁵ Форма *слынуть* зафиксирована только в смоленских говорах, что скорее говорит о непосредственном проникновении из польского или через белорусский: *слынуть* ‘быть известным в качестве кого-, чего-л.’ Слынуть кем-л. *Он слынул знахарем.* Смол., 1914 [СРНГ, 38: 323].

Ср. в поэзии западнорусского поэта и просветителя Дамиана Наливайко (?–1627, Острог):

*Народе християньскій, межи котрым слынул,
поневаж, же юж вѣк мой от мене уплынул,
И свѣтъ тот чудный вѣ окомгненюм минул...*

(цит. по: <http://litopys.org.ua/ukrpoetry/anto17.htm>).

Также в старобелорусском: [Д]ом Скуминов в Литве ясне *слынетъ* и *будетъ* *завжды слынуть*, *поки свет не минет* (1591) [Старажыт. беларус. літ.: 244].

⁶ Аналогичные изменения характерны для глагола *плыть*, который в древности имел инфинитив *плути* и основу наст. вр. *плов-* (ср. совр. *плвец, пловчиха*). По мнению некоторых исследователей, небольшая группа общеславянских глаголов типа *sluti, pluti* могла выступить инициатором грамматического процесса комплементации основ настоящего времени на *-ovati* новыми основами инфинитива на *-uti*: *kovati* (XI в.) > *kuti* (XVI в.; польск.), *snovati* (XI в.) > *snuti* (XIX в.), *žьvati* (XII в.) > *žuti* (XIV в.; старочешск.) [Reinhart 1992; 2003; Villanueva Svensson 2011].

и новая основы настоящего времени сосуществовали, и лишь в середине XVIII в. новая форма вытеснила старую.

Во-вторых, в древнерусском языке имелись отличия в значении глагола *слыть* по сравнению с его современной семантикой. Для древнерусского периода характерно употребление глагола *слыть* в трех основных значениях: 1. ‘называться’ (*И отъ тѣхъ Варягъ находницъ прозвашася Русь, и оттолѣ словеть Руская земля*. Псков. 1 л. 6370 г.), 2. ‘считаться’ (*Ни бо мощно, въ добродѣ(те)ли живоуще, ѿ встѣхъ слоути доброу* (ἀκοῦεῖν καλῶς). Никон. Панд. сл. 3), 3. ‘славиться’ (*Иже храборьствомъ прослушиа въ странахъ многахъ и поминають нынѣ и словуть*. Илар. Зак. Благ. (Сбор. 1414 г. л. 64) [Срезневский, 3: 433–434]).

В значении ‘славиться’ (‘пользоваться славой, широкой известностью в каком-либо отношении’ [БАС, 13: 1127]) глагол *слути/слыть* чаще всего сочетался с существительным в Тв. п., например: *...иже въ своа лѣта владычествующе мужьствомъ же и храбрьствомъ прослушиа въ странахъ многахъ и побѣдами и крѣпостию поминаються нынѣ и словуть* (Сл. Илар., 92. XV в. ~ XI в.) [СлРЯ XI–XVII, 25: 138]. Тв. п. в этом случае имел не предикативное, а каузативное или каузативно-лимитативное значение (благодаря чему? в каком отношении?). Аналогичным образом в современном русском языке употребляется глагол *славиться*, ср.: *Нет, я моряков не виню — английский флот славится своими моряками* (Ю. Герман. Дорогой мой человек (1961) [НКРЯ]); *Ялта ведь вообще славится своей галькой* (Ю. Коваль. Красная сосна (1980–1993) [НКРЯ]).

Старая форма основы настоящего времени (*слов-*) связывала глагол *слыть* с такими однокоренными словами, как *слава*, *славьнии*, *славитися*, *слово*. Изменение звуковой формы глагола привело к ослаблению словообразовательных связей с этими словами, а затем и к их разрыву. Следствием этого и стало, по-видимому, угасание значения ‘славиться’ в глаголе *слути/слыти*. Примечательно, что в словенском языке, где общеславянский глагол **sluti* сохранил исходную форму инфинитива и основы настоящего времени, сохранилось и исходное значение глагола: **sluti/slovéti** — ‘славиться, слыть, быть славным (= известным)’ [Котник 1967: 534], ср.: *slovi kot pesnik* — ‘он слывет поэтом’ (*kot* — ‘как, чем; в качестве чего’ [Там же: 151]).

1.1. Референтная структура глагола «слути/слыти»

Судя по материалам исторических словарей [Старослав. сл.: 614; Срезневский, 3: 433–434; СлРЯ XI–XVII, 25: 137–138, 146], в древнерусском языке для глагола была характерна спецификация значений: в текстах церковно-книжного содержания использовались все три значения (с доминированием более абстрактных второго и третьего значений, семантически связанных с публичной славой, авторитетом, репутацией), в текстах летописного, народно-бытового и делового содержания чаще встречалось первое значение (‘быть поименованным’, ‘иметь прозвище, имя, название’). П. Я. Черных дает удачную дефиницию этого глагола, в которой отражен

изначальный синкретизм *слути/слыть* в древнерусском языке: ‘быть известным, таким, о котором слышат, знают в качестве кого-чего-л.’ [Черных, 2: 177]. Эта синкретичная базовая сема в глаголе в одном случае служила для функции именованя, называния самого объекта (значение номинации), в другом — для характеристики объекта по его качеству, признаку (модус кажимости). В первом случае нужно говорить о включении значения в семантическую категорию знания о референте, во втором — мнения о нем⁷.

Способность глагола *слути/слыть* выразить перцептивный модус — основа его употребления в качестве предиката именованя. Здесь важно проследить логику трансформации эпистемического значения ‘называться’ в модусное значение ‘считаться’. Глаголы наименования типа *называться, зваться, именоваться* представляют собственно возвратные формы, указывающие на то, что номинация является результатом или присвоения субъектом нареченного ему имени, или самоименования (*называться* < *называть себя*). Глагол *слути/слыть* указывает не на субъекта номинирующей деятельности, а на отношение субъекта к референту, основанное на некоторой (усвоенной, переданной от других) его оценке, которое может смыкаться и с определенным знанием о нем. Этот референт может быть реальным (предмет) или вымышленным, приписываемым (признак) и занимать позицию грамматического субъекта предложения под тем или иным именем, прозванием.

На перцептивной основе, в результате метонимического сдвига, глагол *слути/слыть* приобретает способность к употреблению в качестве эпистемического предиката (‘считаться’): переключение модуса знания о референте в модус характеризующей оценки проявляется на лексико-синтаксическом уровне.

1.2. Синтактика

Значения ‘называться’ и ‘считаться’ глагола *слути/слыть* реализовывались в рамках составного именного сказуемого. Глагол *слыть* сочетался с присвязочной частью, выраженной главным образом существительным или полным прилагательным в Им. п. Например: *Да в Асторохани есть пошлина взимок, караснап словет, праотцу нашему Нурадын мирзе пожаловал Темир Кутлуев царев сын, в жалованье даывал* [Посол. кн. с Ног. Ордой (1560): 328]; *Про то чернец инок словет, един ко единому бу днь и ночь внимает си* (Корм. Балаш., 355. XVI в.) [СлРЯ XI–XVII, 25: 137].

При употреблении связочного глагола *слыть* в форме инфинитива имя существительное в составе присвязочной части использовалось в Им. п.: *Но злымь обычаем нашимь прегордымь от родства своего одержими есмы*

⁷ «...Главное различие между знанием и мнением определяется их отношением к истинности пропозиции, в которой сообщается содержание данного знания или мнения» [Апресян 2009: 65].

и не хотѣхом до смерти нашея смириться с тобою, и не повинутися тебѣ, и **слыти** неволнии твои **раби** [Каз. ист. (1564–1565): 468]. С XVI в. в этой грамматической конструкции отмечаются существительные в Тв. п.: Но и того бы ми лучше было, гдѣ царствовах с мужемъ моим, ту и заточение нужное прияти и горкою смертию умрети, неже к Москвѣ быти ведены в поругание и во всѣх наших срацынских ордах, от царей и князей владомых, и ото всѣх людей горкою **пленицею слыти** [Там же: 368].

Особенностью связочного употребления глагола *слыть* стало появление в текстах XVII в. в ближайшем контексте лексических показателей, указывавших на мотивировку, обоснование употребления того или иного имени (*про то; а потому... что; для того, что* и др.). *Да и церковь постави... на Пустой улицы... А потому та улица **пустая слыла**, что меж огородов, а дворов на ней не было* (Псков. лет. II, 258. XVII в.); *А **Бѣлыя воды слывут** для того, что протока течетъ из Иртыша быстрая, а вода в ней бѣлая* (Спафарий. Сибирь, 43. 1675 г.) (примеры из [СлРЯ XI–XVII, 25: 146]). *Кузнецы же **словутъ**, потому что ясачные люди государскіе тамо живутъ по берегу Томы рѣки и иныхъ тамошнихъ рѣкъ, трехъ терсей каменіи берутъ и жгутъ, и плаваютъ желѣзо и куютъ вмѣсто наковальн на камени жѣ...* [Оп. Сиб. ц. (посл. треть XVII в.): 79].

Приведенные примеры показывают стилистическую нейтральность глагола *слыть* в языке той эпохи.

2. Специфика употребления глагола *слухи/слыти*

2.1. Унификация парадигмы «словет/слывет»

В течение первой половины XVIII в. происходит окончательное вытеснение основы настоящего времени *слов-*; реликты употребления видны в высоком стиле: *По имени православнии **словуце**, пребудем в непокаянии, в суевѣрии, в лихоимствѣ... в безумной гордости, и проч.* (Прокопович. О мире. 12; 1722 [СлРЯ XVIII, 14: 266]). В деловой письменности в 1740-х гг. фиксируются последние случаи, например: *...жительство я імею в приходе цркви Живоначальныя троицы что **словеть** в Троицко [так!] своимъ дворомъ...* [Сказ. Тихонова (авг. 1744): 114–115]; *Имею а квартиру в Москвѣ в домѣ канцеляріи советника Василья Михайлова сна Бакунина за Пречестенскими вороты в Земляном городе на Остроженной Большой улицѣ в приходе цркви что **словеть** Старое Воскресенье...* [Яв. челоб. Радилова (30.04.1747), 187].

Окончательный уход старой формы настоящего времени хронологически совпал с уходом из употребления глагола *слыть* в значении ‘называться’; в 1750-е гг. отмечаются последние случаи такого употребления: *...роксолане речение, сложенное от места их обитания, которое не без основания производят от реки Раа, как у древних писателей **слывет** Волга* [Лом., Др. рос. ист. (1754–1758): 209]; *Иные славяне сели около озера Ильменя и*

прослыли своим *тем же именем*; иные поселились по Десне, Семи и Суле и назывались северяне [Там же: 190]; Курской залив *слыл* в старину *Русна*... [Там же: 208]. В современном русском языке *слыть* в значении 'называться, иметь название' отмечается в некоторых говорах, например: *Ранний севярового слывет Егорьевский*. Верховаж. Волог. *Это слывет попереchnый пояс*. Арх. [СРНГ, 38: 323].

Двуязычная лексикография дает некоторые дополнительные факты, не отраженные в корпусах. Так, словарь Гейма, ориентированный на латинскую и греческую лексикографическую традицию и поместивший в качестве начальной (исходной словарной) базы слова глагол в форме 1 л. ед. ч., дает как варианты формы: *слыву́, слову́, -вѣшь, слыть* [Гейм 1826, 4: 156]. На словарь Гейма опирался вышедший в Лейпциге в 1844 г. двуязычный немецко-русский словарь, давший при русском инфинитиве *слыть* аналогичную словоизменительную парадигму: *слыву́, слову́, -вѣшь* [Schmidt 1844: 419].

Итак, именно деловая письменность с ее установкой на традиционность и формульность или специализированные тексты еще какое-то время сохраняли старую основу настоящего времени *слов-*, ушедшую из живой речи. Доминирующей в русском языке начиная с XVIII в. становится основа *слыв-*.

2.2. Синтаксические и семантические инновации

Преобразование семантики глагола *слыть*, перераспределение синонимических отношений внутри группы глаголов со значением именования сопровождалось появлением окказиональных образований. В русском языке XVIII в. фиксируются неожиданные индивидуально-авторские модификации с глаголом *слыть*. Так, в сочинении А. И. Богданова «Описание Санктпетербурга» (1751) неоднократно встречается контаминированная конструкция «прослыть зваться/называться»: *Оное место, где ныне Церковь стоит, был Двор купца Трунилова, и когда ту Церковь просто в хоромах освятили, тогда оным именем как Церковь, так и место прослыло зватися Трунилово* [Богд., Опис. СПб (1751): 224]; *Прослыло же место сие зватися Канцы потому, что тут стояла шведская Крепость, называемая Шанцы, которой и поныне еще вид ея имеется* [Там же: 225]; *...к которому Образу ходят множество молящихся, и более от того прослыла зватися Церковь Казанской Богородицы, нежели Рожества* [Там же: 300–301]; *И так вышепомянутое место на Ея Императорскаго Величества Дворец прослыли называются и поныне Смолной Двор* [Там же: 225] и др.

Это странное сочетание не укладывается в рамки русской грамматической системы (связка *слыть* не может сочетаться с глаголами), однако для объяснения данных языковых фактов их следует рассмотреть на фоне аналогичных конструкций, встречающихся в этом (и другом) тексте. Богданов использует немецкую модель с глаголами получения, приобретения, переименования; ср. следующие примеры из данного произведения: *Сей остро*

почему имя свое **восприял зватися** Крестовой, того не известно [там же, 115]; *Остров сей звание восприял именоватися Васильевским, о том получено от старожитных людей следующее известие* [там же, 116]. Глагол *воспринять* в XVIII в. калькировал некоторые значения (как конкретные, так и абстрактные, в первую очередь относившихся к сфере политики, дипломатии, науки, культуры) немецких глаголов-прототипов *annehmen, empfangen, entgegennehmen, in Empfang nehmen, (etw.) in sich aufnehmen*. Семантическая структура глагола *воспринять* в [СлРЯ XVIII, 4: 90-91], его грамматическая валентность и контексты свидетельствуют о расширении лексико-синтаксических возможностей лексемы. Аномальность этой грамматической модели у Богданова заключается в конструировании составного глагольного сказуемого из двух полнозначных глаголов. Ср. также некорректное синтаксическое построение фразы у Богданова, напр.: **Называется** Фонтанка потому, что чрез ея зделаны трубы, проведенныя из Басейна в Сад Ея Императорскаго Величества для фонтанов... И для сих имеющихся при Доме Ея Императорскаго Величества фонтанов *прозвана* и речка оная [восприяла? прослыла? зовется? – А.З., Д.Р.] **звается** Фонтанка [Богд., Опис. СПб (1751), 111]. Введение Богдановым глагола *прослыть* в круг конструкций с глаголом *воспринять/восприимать/воспринять* свидетельствует, во-первых, о процессе псевдосинонимизации (семантической нейтрализации) данных глаголов в общей семе 'перенимать, заимствовать, усваивать', во-вторых, об изменении старой семантики глагола (*про*)слыти (элиминация семы называния, именованя и развитие семы передачи знания, общего мнения), в-третьих, об обусловленной этим семантическим механизмом синтаксической эллиптизации валентных связей глагола: *восприял* [звание, имя] + *именоватися, зватися* > *прослыл звался* (где *прослыть* 'перенять общепринятое именование'). Ср. также пример из другого источника: [*Стефан*] *распростеръ свое государство даже до Нігропонта* [Черное море. — А. З., Д. Р.], *собірая прічетъ церковныи и все шляхетство своего государства. Ихъ же соізволеніемъ восприялъ себѣ титулъ именоватіся Царемъ, творя чіны обычаини двора Царского, которыя подаваль достойнымъ служітелемъ* [Орб., Кн. историограф. (1722): 230].

Трансформацию семантики глагола (*про*)слыть в языковом сознании носителей языка в первой половине XVIII в. можно наблюдать и в тонких семантических взаимоотношениях между данным глаголом и глаголом *называться* даже в пределах одного предложения: *На Адмиралтейской Стороне первая и главная Улица, позади Миллионной Линии, которая прежде называлась Греческая, потом Немецкая называлась, а ныне более слывет Миллионная Улица* [Богд., Опис. СПб (1751): 216]. С одной стороны, в этом случае можно видеть синонимизацию полнозначных глаголов, с другой — попытку семантического расподобления, диссимилиации. Семантическим объяснением может служить референтная мотивировка глаголов; и тот и другой отсылают к реальному референту, но с разным актуализированным временным и ментально-назывным параметром: *называться* от-

сылает к смыслу ‘иметь общепринятое именование’ (безотносительно к шкале времени), а *слыть* — к смыслу ‘иметь актуальную номинацию в живом языковом хождении’ (в привязке к определенной временной точке). Такое референтное сопоставление глаголов *называться* и *слыть* отмечается в единичных случаях даже в языке XIX в.: *Он назвался Флейшер де Буше, а потом слыл просто monsieur Boucher* (Греч. Записки о моей жизни (1849–1856) [НКРЯ]); *Недаром наш дядин домик ниверситетом слывет, мазовой академией⁸ называется* (Крестовский. Петербургские трущобы (1864) [НКРЯ]); *А вам разве не все равно, чем вы слывете и как называетесь?* (Лесков. На ножах (1870) [НКРЯ]).

Во многих текстах первой половины XVIII в. значение глагола *слыть* оказывается еще диффузным и может быть определено и как ‘называться’, и как ‘считаться’; ср.: *...ибо в коем царстве люди богаты, то и царство то богато, а в коем царстве будут люди убоги, то и царству тому не можно слыть богатым* [Пос., Кн. о скуд. и богат. (1724): 77]; *И как жить, так надлежит и слыть: аще воин, то воин и да будет, и аще иного звания человек, то всяк свое звание и да хранит цело* [Там же: 114]. Во второй половине XVIII в. значение ‘считаться’ глагола *слыть* становится основным. В «Словаре Академии Российской» отмечены произошедшие изменения в семантике глагола *слыть*: на первом месте стоит значение ‘считаться (почитаться)’, вслед за ним — ‘называться (прозваться)’ и не выделено значение ‘славиться’; ср.: «Прослываю, ёшь, прослы́л, прослы́в, ва́ть. гл. ср. Почитаюся каковым, прозываюся. *Как поживешь, так и прослывешь. Прослыть скупым, злым*» [САР, 5: 545]. Очевидно, в структуре значений глагола *слыть* сема ‘называться’ во второй половине XVIII в. составителями САР уже не осознавалась как центральная, произошло смещение внутри семантической структуры глагола от номинативной семы к модальной: основным, узуальным значением в литературном языке становится авторизирующая семантика и семантика вероятной достоверности.

3. Модализация связки *слыть*

3.1. Модализация: между ‘называться’ и ‘считаться’

Утрата глаголом *слыть* значения ‘называться’ вела к изменениям в сочетаемости этого глагола: с 1750-х гг. из присвязочной части исчезают имена собственные и распространяются имена нарицательные и полные прилагательные.

Между значениями ‘называться’ и ‘считаться’ существует генетическая связь: второе из этих значений производно от первого. Хотя в обоих значениях глагол *слыть* используется в качестве связки составного именного сказуемого, между их функционированием есть существенное различие.

⁸ Мазовая академия — тюрьма [Смирнов 1899: 1074].

Значение ‘называться’ обслуживает предложения номинации, в которых соединяются «объект и его имя, т. е. элемент предметного мира и элемент языкового кода»; значение ‘считаться’ используется в предложениях характеристики, в которых соединяется объект и его признак [Арутюнова 1976: 19].

И те и другие предложения, в которых используется квалифицирующий связочный глагол *слыть*, формально-структурно неразличимы. Однако в предложениях номинации присвязочную позицию занимают слова, способные выполнять идентифицирующую функцию, т. е. прежде всего имена собственные и отчасти имена нарицательные. В предложениях характеристики присвязочную позицию занимают полные прилагательные, имена нарицательные, а также именные группы: ...у таких народов те только **учеными и премудрыми слывут**, которые довольно время на свете пожили и у которых трясущаяся зима на бороде казалась [Десн., Сл. о юриспр. (1768): 226]; ...а говорящие им истину и показывающие их слабости всегда бывают ненавидимы и обыкновенно **слывут невежами, грубиянами и злонаправленными людьми** [Нов., Трут. (1769): 7]; Я, мой батюшка, той веры, что лучше моему сыну, Христос с ним, умереть, нежели **слыть шалуном или тунядцем**, или, чего боже избави, **трусом** [Фонв., Пов. мн. глух. и нем. (1783): 18]; ...старайся сыскать такие приказные места, которые **слывут нажиточными**, и в них ищи судей, которые бы были бедны и имели бы богатых челобитчиков: это первый знак, что судья неко-рыстолюбив [Кр., Почт. Дух. (1789): 33–34].

В роли медиатора между двумя значениями глагола *слыть* — значениями ‘называться’ и ‘считаться’ — выступают имена нарицательные, которые способны употребляться как для идентификации объекта, так и для его характеристики. Это связано с тем, что имя нарицательное, в отличие от имени собственного, называет предмет через его отнесение к классу однородных объектов, т. е. через указание на сумму общих признаков, характерных для этого класса [Арутюнова 1976: 326–329].

На проходивший во второй половине XVIII в. процесс модализации глагола *слыть*, способствовавший его сближению с модальными связками (*казаться, показаться, считаться, почитаться* и др.), указывает увеличение числа контекстов такого рода: **Не слыть у людей, но быть благовестником с Богом и у Бога — сие есть делно, как написано: «Бе Бог с ним»** [Сков., Разг. назыв. Алф. (1760–1775): 450].

3.2. Два типа «мнения»:

вербально-трансмиссивное и интеллектуально-дедуктивное

Остановимся на референциальных различиях в значениях ‘называться’ и ‘считаться’, за которыми стоят два типа мнения. Отличия заключаются в том, что глагол *слыть* в значении ‘называться’ мотивирован необходимостью словесной, вербальной передачи информации; тем самым он сохраняет в своем семантическом ядре отсылку к этимону «слух, слово». В зна-

чении же ‘считаться’ *слыть* имеет дело с референтом, о котором группа, социум выносят дедуктивное умозаключение. В значении ‘считаться’ вербальный элемент полученной/переданной информации, участвующий в построении смысла, выступает только как фоновый, неакцентированный компонент.

Первый тип мнения глагола *слыть* ‘называться’ мы обозначим вербально-трансмиссионным (обязательна его передача, трансмиссия словесным путем), второе значение глагола ‘считаться’ — интеллектуально-дедуктивным, выведенным главным образом логически, дедуктивно (способ передачи мнения в этом случае для говорящих неважен, элиминирован). Это объясняет, по нашему мнению, тот языковой факт, что связочный глагол *считаться* может сочетаться в русском языке со словами *негласно*, *по умолчанию*: *Она [режиссерская драматургия] негласно считается какой-то «недолитературой», с которой серьезным людям стыдно иметь дело* (Литературная газета, 1980, № 45); *Неуказанные дуги по умолчанию считаются фиктивными, что позволяет еще на предварительном этапе удалить из модели большую часть излишних фиктивных дуг и, возможно, лишних вершин-событий* [Гимади. О нек. мат. модел. (1988): 104].

Для глагола *слыть* употребление в подобных контекстах ощущается как периферийный, неузальный грамматический факт; ср.: *Оно [народное искусство] почти не привлекает внимания искусствоведов, так как негласно слывет малодобротным и даже далеким от подлинной художественности* [Ильин, Иссл. и очер. (1976), 90], свидетельством чего служит редкость такого словоупотребления в современном русском узусе⁹.

Референциальные различия значений ‘называться’ и ‘считаться’ проявляются на синтаксическом уровне и иным образом. Выше уже отмечалось, что в ближайшем окружении связки *слыть* могут появляться лексические показатели, указывающие на мотивировку употребления того или иного имени (п. 1.2). Эта особенность, отмечаемая с XVII в., сохраняется и в более позднее время; например: *Николай Артемьевич порядочно говорил по-французски и слыл философом, потому что не кутил* (Тургенев. Накануне (1859) [НКРЯ]); *Сергея учился более нежели плохо и слыл между товарищами глупеньким...* (Салтыков-Щедрин. Мелочи жизни (1886–1887) [НКРЯ]) и т. д. Подобное употребление характерно для связки *слыть* и в современных текстах: *Но недаром наш начальник слыл талантливым администратором: он им находил работу* (Гладилин, Прогноз на завтра (1972) [НКРЯ]); *На столе — хрустальный графин, благодаря которому Роман слывет эстетом, в нем мило звенят камешки, когда разливают водку* (В. Некрасов. Маленькая печальная повесть (1986) [НКРЯ]).

Вербально-трансмиссионный тип мнения (значение ‘называться’) предполагает указание на причину появления у объекта оценки того или иного

⁹ База данных Integrum дает только 20 цитат (из центральной и региональной прессы) с данным комплексом [<http://www.integrumworld.com/>].

имени. Имя объекта дается социумом на основании оценки каких-то действий объекта, его поведения (если речь идет об одушевленном объекте) или отличительных признаков (для неодушевленных предметов). Для значения 'считаться' (интеллектуально-дедуктивный тип мнения) указание на причину формирования того или иного мнения обычно отсутствует: введение обоснования мнения происходит в связи с необходимостью оценить мнение как достоверное или недостоверное. Наблюдение за связкой *считаться* показало большую редкость таких случаев, например: *Он уже учится в подготовительном классе, а потому считается большим и самым умным* (Чехов. Детвора (1885–1886) [НКРЯ]); *Надо заметить, что Ярмола считается самым бедным и самым ленивым мужиком во всем Перебрوده; жалованье и свой крестьянский заработок он пропивает; таких плохих волов, как у него, нет нигде в окрестности* (Куприн. Олеся (1896) [НКРЯ]).

Другое различие связано с указанием на источник мнения: вербально-трансмиссионное мнение локализовано — географически и/или социально, вследствие чего в предложениях с глаголом *слыть* регулярно встречаются слова, указывающие на субъекта высказываемой оценки. Например: *Среди нас они слыли аристократами* (Катаев. Алмазный мой венец (1975–1977) [НКРЯ]); *И знаете, у соседей слыву бездельником, потому, что в воскресенье бросаю все к чертовой матери и еду на озеро с удочкой* (Песков, Стрельников. Земля за океаном (1977) [НКРЯ]); *В дачном поселке, где я живу, меня называют ветрогоном и флюгером, но скажите, разве так уж плохо слыть ветрогоном, особенно если ты — географ* (Соколов. Школа для дураков (1976) [НКРЯ]). Интеллектуально-дедуктивное мнение не требует указания субъекта оценки; более того, универсальный характер дедуктивных операций делает указание субъекта мнения ненужным, а высказываемое мнение как бы приписывается всем. При употреблении глагола *считаться* указание на локализацию мнения является очень редким, например: *...растение это считается жителями берегов Аму-Дарьи весьма вредным, особенно для верблюдов* (Бутлеров. Теоретические и экспериментальные работы по химии (1851–1886) [НКРЯ]); *...большое число уголовных преступлений совсем не регистрируется, так как они считаются в тюремной сфере явлениями обычными, почти необходимыми* (Чехов. Остров Сахалин (1893–1895) [НКРЯ]).

По-видимому, следствием противопоставления вербально-трансмиссионного и интеллектуально-дедуктивного мнения в аспекте его локализации является то, что они отличаются с точки зрения соответствия выражаемого мнения действительности. Если сравнить употребление связок *слыть* и *считаться*, то можно сделать вывод о том, что мнение, оформленное при помощи связки *слыть*, чаще подвергается сомнению и оценивается как недостоверное: *Дедушка, например, слыл одним из лучших хозяев в губернии, а между тем я положительно знаю, что он ни бельмеса не смыслил в хозяйстве...* (Салтыков-Щедрин. Дневник провинциала в Пе-

тербурге (1872) [НКРЯ]); *Сергей Иванович Перевезенцев. Великий труженик — стучит ключом день и ночь. Единственный в поселке, у которого хватило духу не забросить в угол самоучитель английского языка. Теперь слывет лихим переводчиком* (Песков. Белые сны (1964) [НКРЯ]). Тем не менее такое употребление возможно и при оформлении мнения связкой *считаться*: *Хозяином считается, как и тогда, старик Григорий Петрович, на самом же деле всё перешло в руки Аксиньи; она и продает, и покупает, и без ее согласия ничего нельзя сделать* (Чехов. В овраге (1900) [НКРЯ]).

4. Модализация и изменение сочетаемости глагола *слыть*

Сочетаемость глагола *слыть* в отношении присвязочной части претерпела ряд существенных изменений, обусловленных двумя основными факторами: во-первых, процессами унификации синтагматических свойств глагольных связок и, во-вторых, изменением семантики *слыть* в результате его модализации.

Результатом первого процесса стало закрепление в конструкциях с глаголом *слыть* Тв. предикативного в качестве основной предикативной формы. Развитие модальной семантики глагола *слыть* сопровождалось расширением сочетаемостных возможностей глагола: присвязочная часть пополнилась группами *за* (+ Вин. п.), *под именем* (+ Род. п.), *как* (+ Им. п.), *в качестве* (+ Род. п.). В современном русском языке использование Тв. предикативного является нейтральным способом маркирования присвязочного имени в конструкциях со связками *слыть* и *прослыть* — остальные формы привносят в предикативную конструкцию дополнительные смысловые акценты.

4.1. Особенности соотношения Им. и Тв. надежей в присвязочной части в языке XVIII—XIX вв.

История взаимоотношений Им. и Тв. п. в присвязочной части — тема в славистике и русистике давнишняя и тем не менее остающаяся по-прежнему актуальной¹⁰. До середины XVIII в. основным способом выражения присвязочной части глагола *слыть* было имя существительное в Им. п.; с XVII в. изредка — при употреблении связки в форме инфинитива — имя существительное встречается в форме Тв. п. Во второй половине XVIII в. происходит существенное преобразование сочетаемости связки *слыть*: основной формой присвязочной части становится Тв. предикативный.

Н. Михайлов, исследуя функционирование Тв. п. в языке XVIII в. на значительном цитатном материале (около 13 000 примеров) [Михайлов

¹⁰ Упомянем несколько работ, суммирующих результаты прежних исследований и намечающих перспективы дальнейших изысканий: [Мразек 1964; Никольс 1985; Никунласси 1993; Nentschel 1994; Зельдович 2005; Гиро-Вебер 2007; Никитина 2011].

2012: 15], упоминает всего 9 зафиксированных им случаев использования форм Им. п. в присвязочной части, из них 4 (причем исключительно в стихотворных текстах) — со связкой *слыть*. Напротив, Тв. п., согласно корпусу примеров Н. Михайлова, используется в 127 цитатах (52 — поэтические тексты, остальные — проза) [Там же: 62, 63, 67]. Хотя к данным Н. Михайлова можно добавить еще по крайней мере 6 цитат из НКРЯ¹¹, Им. п. в присвязочной части в языке XVIII в. явно не частотен. В последней трети XVIII в. существительное и полное прилагательное в Тв. п. являются единственными формами присвязочного имени (63,5 и 36,5 % соответственно). Например: *...ибо слыл Усерд на войне храбрым и искусным полководцем* [Нов., Посл. рос. (1782): 241]; *...ныне молодой человек, желающий слыть ученым, не имеет большой нужды в грамоте...* [Кр., Речь (1792): 318].

Для первой половины XIX в. НКРЯ дает только 2 цитаты по модели *слыть* + Им. п.: *...я все слыл просто Никандр* (Нарежный. Российский Жилблаз (1814) [НКРЯ]); вторая половина XIX в. также дает несколько употреблений — в сочинениях историка С. М. Соловьева в качестве стилизации языка минувших времен: *...нашли английские люди новую землю, слывет Гирлян; князь у них свой, слывет Усминский* (Соловьев. История России с древнейших времен (1859) [НКРЯ]); в работах Ф. И. Буслаева как отражение фольклорно-поэтической или летописной традиции: *...есть травица высока, а набело походит, маточник словет* (Буслаев. О народной поэзии в древнерусской литературе (1859) [НКРЯ])¹².

Распространение в составе присвязочной части существительного и полного прилагательного в форме Тв. п. охватило всю систему полужнаменательных глаголов во второй половине XVIII в., особенно быстро вхождение новых предикативных форм происходило в сочетании с глагольными связками со значением проблематической модальности (*казаться—показаться, представляться—представиться*), к числу которых примыкали авторизирующие связки *почитаться* и *считаться*.

4.2. Динамика развития грамматической конструкции *слыть* + *за*

На рубеже XVIII и XIX в. наряду с Тв. предикативным в конструкциях с глаголом *слыть* начинается употребление формы «за + В. п.», например: — *«Правда твоя, Лев Александрита, — вздохнув, сказала императрица, — только и то правда, что головы, слывающие за глубокомысленных, часто бывают пустые головы»* (Жихарев. Записки современника (1806–1809) [НКРЯ]). Широкое распространение этой формы происходит с 1830-х гг.:

¹¹ Правда, 3 из них встречаются в сочинениях Татищева и отсылают к Софийской I летописи, Повести временных лет, Новгородской I летописи: *сие море словет Руское; до сего дни словет могила Ольгова, место доднесь словет Перуняна рень*.

¹² И. Николич в своем пособии для учащихся гимназий дает нормативное правило использования после глагола *слыть* имен существительных и прилагательных только в Тв. п.: Им. п. в качестве стилистической альтернативы даже не упоминается [Николич 1847: 7].

Они называются разбитными малыми, *слывут* еще в детстве и в школе за хороших товарищей и при всем том бывают весьма больно поколачиваемы (Гоголь. Мертвые души (1842) [НКРЯ]); Во всем околотке *слыву* я за примерную супругу... да что мне в том? (Тургенев. Неосторожность (1843) [НКРЯ]).

Причин распространения этой модели в русском языке могут быть две. Первая — распространение формы «за + В. п.» было вызвано, по-видимому, аналогическим влиянием со стороны связок *почитаться* и *считаться*, в присвязочной части которых существительное и полное прилагательное с этим предлогом отмечается с XVIII в. Вторая — позднее возникновение в русском языке таких конструкций и употребление их в специальной литературе (военное дело, политика, философия, дневники, частная переписка) может быть свидетельством калькирования модели либо с нем. *gelten für*, либо с франц. *passer pour*. По крайней мере, составители переводных словарей ясно видят соотнесенность русского *слыть за* с немецким или французским прототипом; так, в трехязычном русско-французско-немецком словаре составитель дает русскому *слыть* французский эквивалент *passer pour* и немецкий *gelten für* [Гейм 1826, 4: 156]; в «Полном немецко-русском словаре» русскому глаголу *слыть* (чем?) соответствует немецкое *gelten für* [Павловский 1859: 311].

Предикативное употребление существительного и полного прилагательного в конструкции с «за + В. п.» в сочетании с полузнаменательными глаголами распространилось в русском языке в XVIII в. Среди связочных глаголов с таким же управлением встретились: *видеться*, *казаться*—*показаться*, *почитаться*—*почесться*, *вменяться*—*вмениться*, *полагаться*, *признаваться*, *слыть*—*прослыть*, *служить*—*послужить*. С большинством из них форма «за + В. п.» перестает употребляться еще в XVIII в., ее заменил Тв. предикативный. В XIX в. употребление формы «за + В. п.» в конструкциях с полузнаменательными связками становится очень ограниченным. Полные прилагательные в этой форме совершенно выходят из употребления, а существительные в форме «за + В. п.» во второй половине XIX в. отмечаются лишь в сочетании со связками *показаться*, *считаться*, *почитаться*, *слыть* и *прослыть* [Руднев 2014; 2015]¹³.

Отличительной чертой связок *слыть* и *прослыть* от других связок, способных сочетаться с предлогом «за + В. п.», является динамика употребления этой конструкции (см. таблицу ниже).

В течение XIX в. полузнаменательные глагольные связки теряли способность к распространению именами в конструкции с «за + В. п.», тогда

¹³ В этих моделях можно было бы усматривать и калькирование подобных польских конструкций *czytać się za* (считаться за), *почtytać się za* (почитаться за), *pokazać się za* (показаться за), *przyznawać się za* (признаваться за), *śluchać za* (слыть за), если бы не поздний характер их фиксации в русском языке. Более вероятным является предположение об общем для русского и польского языков источнике — общеславянском или западноевропейском.

**Сочетаемость связок слыть и прослыть в русском языке XVIII–XIX вв.
(по данным НКРЯ)**

<i>Слыть</i>			
	XVIII в.	Пер. пол. XIX в.	Втор. пол. XIX в.
существительное			
Тв. п.	50 %	63,5 %	44%
«за + В. п.»	нет	11,5 %	30,5%
прилагательное			
Тв. п.	28,5 %	19,5 %	10 %
«за + В. п.»	нет	2 %	5,5 %
прочее	21,5 %	3,5 %	10 %

<i>Прослыть</i>			
	XVIII в.	Пер. пол. XIX в.	Втор. пол. XIX в.
существительное			
Тв. п.	61 %	85 %	67 %
«за + В. п.»	нет	2 %	22 %
прилагательное			
Тв. п.	25 %	13 %	9 %
«за + В. п.»	нет	нет	0,5 %
прочее	14 %	нет	1,5 %

как в сочетании со связками *слыть* и *прослыть* эта форма, наоборот, распространяется.

По мнению Г.А. Золотовой, модель «за + В. п.» в конструкциях с авторизующими глаголами *принять*, *считать* обозначает предикативный признак с оттенком ошибочной идентификации [Золотова 1988: 186]; аналогичный оттенок эта форма имеет в сочетании со связками *слыть* и *прослыть*. Устойчивость коллективного мнения формируется на присущем конструкции с «за + В. п.» значении «замещенного предмета (лица) или понятия» [Там же: 185]: *У некоторых дам он слыл за очень умного человека и перед ними обыкновенно печоринствовал* (Лесков. Некуда (1864) [НКРЯ]); *Подлиповцев не любят жители других деревень еще и за то, что подлиповцы своей пермякской веры держатся, слынут за ленивых, самых бедных, и их называют колдунами...* (Решетников. Подлиповцы (1864) [НКРЯ]).

Несмотря на то, что сочетания связок *слыть* и *прослыть* с «за + В. п.» были широко распространены, в XX в. их предикативное употребление сокращается. Возможно, они осознаются как стилистически маркированные, связанные с разговорно-просторечной стихией или книжно-литературным стилем. Предикативное употребление конструкции с «за + В. п.» гораздо шире представлено в современном украинском [Мразек 1990: 73] и белорусском языках, особенно в контактирующем с польским языком западно-

полесском диалекте [Блинова 2016: 117]. Тем не менее сочетания связок *слыть* и *прослыть* с предлогом «за + В. п.» встречаются ограниченно и в современном русском языке: ...*Дэлихьяр слыл за отлично спортсмена* (Кассиль. Будьте готовы, Ваше высочество! (1964) [НКРЯ]); *Яков Муренский слыл в городе за расчетливого, трезвого дельца* (Бадигин. Секрет государственной важности (1974) [НКРЯ]).

4.3. Динамика развития грамматической конструкции «слыть + как», «слыть + в качестве»

Архаизация и постепенный уход из употребления конструкций со связками *слыть* и *прослыть* + «за + В. п.», начавшиеся в конце XIX в., привели к распространению на их месте иных форм, выражавших схожее заместительнo-дубитативное значение. С конца XIX в. в сочетании с этими связками отмечается использование оборота, вводимого союзом-частицей *как*: *Добившись воли, Морок превратился в кабацкого завсегда и слыл по заводу как единственный вор* (Мамин-Сибиряк. Три конца (1890) [НКРЯ]). Такое употребление широко представлено и в современном русском языке: *Как ни странно, лет сорок-пятьдесят назад этот суровый и пустынный уголок Туркмении прослыл как «золотое дно»* (Огонек, 09.05.1954); *В штате Небраска, слывущем в Америке как «штат долгожителей», шутят: «У нас почти никто никогда не умирает»* (Песков, Стрельников. Земля за океаном (1977) [НКРЯ]); *Николай Борисович Земский ... в коллективе слыл как охальник и бузотер* (Орлов. Альтист Данилов (1980) [НКРЯ]).

В XX в. начинает употребляться конструкция, вводимая предложным сочетанием *в качестве*: *Одна, старая, Преображенская церковь слыла в качестве официального «государева богомолья», другая же, Покровская... сделалась центром, объединявшим местное красноярское население* [Окладн. и др., Др. Зашив. (1977): 40]; *При несомненной, рано обнаружившейся талантливости он [Тургенев] долго искал себя, сперва прослыл в качестве стихотворца, автора поэм «Параша», «Разговор», и потом как бы случайно набрел на темы и жанровые приемы «Записок охотника», прочивших его положение* [Кулеш., Анненков—мемуарист (1983): 28]. Такие конструкции в каком-то смысле тавтологичны, поскольку глагольные связки *слыть* и *прослыть* включают в свою семантику указание на известность в том или ином качестве («быть известным в качестве кого-, чего-либо»). При сочетании с именными группами, вводимыми предложной конструкцией *в качестве*, происходит актуализация семы «быть известным, славиться» и ослабляется смысловой компонент «мнение»¹⁴.

¹⁴ Составной предлог *в качестве* — калька с франц. *en qualité de* [Черкасова 1967: 174—176], распространившийся в XVIII в. (см. [СлРЯ XVIII, 10: 18]). В русском языке шло расширение его употребления и сочетаемости (см. [Прияткина 1975]). Об отличии кальки *в качестве* от французского прототипа см. [Морева, Шереметьева 2015].

4.4. Динамика развития грамматической конструкции «слыть + под именем / под названием»

Если говорить о тех особенностях сочетаемости, которые отличают *слыть* от *считаться*, то они касаются употребления в присвязочной части сочетаний *под именем*, *под названием*, *под прозвищем* и т. п. Этот лексикализованный комплекс является, скорее всего, лексико-синтаксической калькой с франц. *être connu(e) sous le nom*, нем. *gelten, bekannt sein unter dem Namen* ‘слыть под именем’ или с польск. *ślonyć pod imieniem, pod nazwą* ‘слыть под именем, под названием’.

Версия о калькированном характере конструкции *слыть под именем* не снимает вопроса о том, почему эти конструкции фиксируются в русском языке не ранее последней трети XVIII в. Судя по корпусу примеров НКРЯ, о более или менее широком распространении конструкции *слыть + под именем / под названием* можно говорить лишь после 30-х гг. XIX в. Например: *...и донныне слывет под этим названием крайний проход по Скорняжному ряду от Ильинки на Никольскую, где ныне харчевни и лавки* (Лажечников. Последний Новик (1833) [НКРЯ]); *Эта могила слывет под мифическим именем Девичь-горы* (Буслаев. Русский народный эпос (1861) [НКРЯ]); *По сторонам тянется тот мелкий лесочек, состоящий из тонкоствольных, ободранных и оплешивевших елок, который в простонародье слывет под именем «паршивого»...* (Салтыков-Щедрин. Губернские очерки (1856–1857) [НКРЯ]).

Можно предположить, что распространение конструкции *под именем* в присвязочной части глагола *слыть* было обусловлено происходившим с середины XVIII в. угасанием в структуре значений этого глагола семы ‘называться’. Утрата семы ‘называться’ была растянута во времени: между первыми случаями употребления конструкции *под именем* и ее закреплением в присвязочной части глагола *слыть* прошло более полувека. Формы типа *под именем*, *под названием* стали акцентировать внимание на номинативном аспекте — под каким именем тот или иной предмет известен.

Расцвет употребления конструкции *слыть + под именем / под названием / под прозвищем* приходится на вторую половину XIX — первые десятилетия XX в. В современном русском языке эта конструкция встречается редко. Например: *Он [гриб-слизняк] будто источает слезы, за что и в науке слывет под названием мокруха* [Зуев, Дары рус. л. (1966): 100]; *Под его [Меланхатона] влиянием такие деятели школы, как Штурм, Неандер, Троцендорф, положили начало той разновидности в гуманистической педагогике, которая ныне слывет под именем классицизма...* [Манд., Совр. пед. псих. (2015): 8].

По-видимому, конструкция вытесняется конструкцией *быть известным под именем / под названием*, которая является другим способом калькирования конструкций *être connu(e) sous le nom* и *gelten, bekannt sein unter dem Namen* и встречается в русском языке с последней трети XVIII в. Например: *Он [Брюс] сочинил календарь, который и ныне известен под име-*

нем «Брюсова календаря» [Нов., Оп. ист. сл. (1772): 288]; *Сия книга известна под названием сочинений Ломоносовых, но я, избегая стыда, если бы в библиотеке моей русскую книгу увидели, приказал переплетчику заглавие ее поставить по-французски* [Нов., Кошел. (1774): 88] *Древнее положение известно под именем влияния физического (influxus physici)* [Брянц., Сл. о св. вещ. (1790): 371].

В отличие от конструкции с глаголом *слыть* эта модель сохраняет продуктивность в современном русском языке, ср.: *Эта гипотеза известна под названием «расщепленной морфологии» и связана прежде всего с именем С. Андерсона...* (Плунгян, Проблемы грамматического значения в современных морфологических теориях (1999) [НКРЯ]).

Таким образом, значение ‘называться’ в глаголе *слыть*, включающее его в лексико-грамматическую группу глаголов именования, по сравнению с древнерусским периодом со второй половины XVIII в. стало выражаться более разнообразными морфолого-синтаксическими способами, сопровождаясь значительным расширением предложно-падежных моделей с фразеологизированным значением: *слыть + за, как, в качестве, под именем, под названием*. Это было обусловлено тем, что значение ‘называться’ было вытеснено на периферию семантической структуры *слыть* и для его реализации потребовались специальные лексические показатели, которые до середины XVIII в., т. е. до того момента, когда стало обнаруживаться ослабление номинативной семы, в сочетании с этим связочным глаголом не употреблялись.

Выводы

1. Развитие значения синкретичного глагола *слыть* в русском языке шло по пути сближения с глаголом ментальных операций *считаться*: в семантике глагола *слыть* с XVIII в. актуализировалась субституция семы слухового, речевого восприятия семой мнения. В русском литературном языке с XVIII в. основным становится значение ‘быть известным в качестве кого-, чего-либо’, ‘считаться кем-, чем-либо’, что вводит данный глагол в группу глагольных связей со значением кажимости.

2. В русском языке с XVIII в. востребованным оказалось значение общего мнения. По-видимому, это было обусловлено двумя причинами. С одной стороны, в русском языке существовало значительное число связочных глаголов со значением номинации (*называться, зваться, именоваться* и др.), где сема именования связана с материальным воплощением имени в звучащем слове. В глаголе *слыть* сема именования также позволяла ему выступать в качестве синонима связочных глаголов наименования.

3. С другой стороны, с XVIII в. возрастает потребность выражения отвлеченных значений в связи с расширением в социуме категорий ирреального мира (наука, искусство, философия, техника и др.), требующих своей

словесной экспликации. Между тем число связочных лексем со значением ‘общее мнение’ в составном именном сказуемом даже сейчас невелико и по сути ограничено связкой *считаться*, которая имеет отчетливый книжный оттенок и используется в научных и публицистических текстах. Модализация значения *слыть* и вызванные этим изменения в грамматической и семантической структуре глагольной связки обусловили ее вхождение в XVIII в. в круг связок со значением ‘общего мнения’.

4. В дальнейшем, по мере укрепления связки *считаться*, частотность связки *слыть* падает и происходит сужение стилистических сфер ее использования литературно-книжной (преимущественно повествовательным нарративом, связанным с устными источниками) или стилизованной речью.

5. Модализация связки *слыть* привела к существенной трансформации присвязочной части. Широко использовавшиеся в составе присвязочной части имена собственные со второй половины XVIII в. исчезают, и основным средством ее выражения становятся имена нарицательные, прилагательные и именные группы со значением характеристики.

6. Меняется и форма выражения присвязочной части: наряду с употреблением Тв. предикативного, который ближе к концу XVIII в. становится основной формой предикативного имени в сочетании с полузнаменательными связками, получают распространение такие конструкции, как *за* + Вин. п., *под именем* + Род. п., *как* + Им. п., *в качестве* + Род. п., которые позволяли аналитически выразить исконную, постепенно смещавшуюся на периферию семантику именованной связки *слыть*.

7. Связка *слыть* относится к числу уходящих из языка грамматических явлений. С 1920–1930-х гг. частотность ее употребления резко падает, однако в 1990–2000-е гг. отмечается некоторая активизация употребления связки. Современное употребление *слыть* характеризуется почти исключительным использованием присвязочной части в форме Тв. предикативного.

Источники

Арт. воинск. — Артикул воинский // Российское законодательство X–XX вв.: В 9 т. Т. 4. Законодательство периода становления абсолютизма. М., 1986. С. 327–365.

Богд., Опис. СПб — А. И. Богданов. Описание Санктпетербурга: Полное издание уникального русского историко-географического труда середины XVIII века. СПб., 1997.

Брянц., Сл. о св. вещ. — А. М. Брянцев. Слово о связи вещей во вселенной... говоренное... июня 30 дня 1790 года // Избранные произведения русских мыслителей второй половины XVIII века: В 2 т. Т. 1. М., 1952. С. 363–376.

Гафар., Прест. межд. характ. — З. Гафаров. Преступления международного характера в глобализирующемся мире. М., 2006.

Гейм 1826 — И. Гейм. Полный российско-французско-немецкий словарь, сочиненный по новейшему изданию Словаря Академии российской и других: Т. 1–4. Издание 2-е, противу первого издания Словаря российско-французско-немецкого

г-на профессора Ивана Гейма исправленное и во многом дополненное Карлом Мессом. М., 1826.

Гимади, О нек. мат. модел. — Э. Х. Г и м а д и. О некоторых математических моделях и методах планирования крупномасштабных проектов // Труды Института математики. Т. 10: Модели и методы оптимизации. Новосибирск, 1988. С. 89–115.

Десн., Сл. о юриспр. — С. Е. Д е с н и ц к и й. Слово о прямом и ближайшем способе к научению юриспруденции, в публичном собрании Императорского Московского университета... говоренное... июня 30 дня 1768 года // Избранные произведения русских мыслителей второй половины XVIII века: В 2 т. Т. 1. М., 1952. С. 187–235.

Ершов, Навстречу тайне — А. А. Е р ш о в. Навстречу тайне: очерки. Ташкент, 1989.

Зуев, Дары рус. л. — Д. П. З у е в. Дары русского леса. М., 1966.

Ильин, Иссл. и очер. — М. А. И л ь и н. Исследования и очерки: избранные работы об искусстве народных промыслов и архитектурном наследии XVI–XX веков. М., 1976.

Каз. ист. — Казанская история // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 10. СПб., 2000. С. 252–509.

Котник 1967 — Я. К о т н и к. Словенско-русский словарь. 2-е изд. Любляна, 1967.

Кр., Почт. Дух. — И. А. К р ы л о в. Почта Духов, или Ученая, нравственная и критическая переписка арабского философа Маликульмулька с водяными, воздушными и подземными духами // И. А. Крылов. Полное собрание сочинений: В 3 т. Т. 1. М., 1945. С. 11–280.

Кр., Речь — И. А. К р ы л о в. Речь, говоренная повесою в собрании дураков // И. А. Крылов. Полное собрание сочинений: В 3 т. Т. 1. М., 1945. С. 316–323.

Кулеш., Анненков—мемуарист — В. И. К у л е ш о в. П. В. Анненков — мемуарист // Анненков П. В. Литературные воспоминания. М., 1983. С. 5–32.

Лом., Др. рос. ист. — М. В. Л о м о н о с о в. Древняя российская история // М. В. Ломоносов. Полное собрание сочинений: В 11 т. Т. 6: Труды по русской истории, общественно-экономическим вопросам и географии. 1747–1765 гг. М.; Л., 1952. С. 163–286.

Манд., Совр. пед. псих. — Б. Р. М а н д е л ь. Современная педагогическая психология. Полный курс. Иллюстрированное учебное пособие для студентов всех форм обучения. М.; Берлин, 2015.

Нов., Кошел. — Н. И. Н о в и к о в. Кошелек // Н. И. Новиков. Избранные сочинения. М.; Л., 1951. С. 75–93.

Нов., Оп. ист. сл. — Н. И. Н о в и к о в. Опыт исторического словаря о российских писателях // Н. И. Новиков. Избранные произведения. М.; Л., 1951. С. 277–370.

Нов., Посл. рос. — Н. И. Н о в и к о в. Пословицы российские // Н. И. Новиков. Избранные сочинения. М.; Л., 1951. С. 221–258.

Нов., Трут. — Н. И. Н о в и к о в. Статьи из «Трутня» // Н. И. Новиков. Избранные сочинения. М.; Л., 1951. С. 3–33.

Окладн. и др., Др. Зашив. — А. П. Окладников, З. В. Гоголев, Е. А. А щ е п к о в. Древний Зашиверск. М., 1977.

Оп. Сиб. ц. — Описание новья земли, сиречь Сибирского царства // А. Титов. Сибирь в XVII веке: Сборник старинных русских статей о Сибири и прилежащих к ней землях. М., 1890. С. 55–101.

Орб., Кн. историограф. 1722 — Орбини Мавро (Мауро). Книга историография початия имени, славы и расширения народа славянского... Собрана из многих книг исторических, чрез господина Мавроурбина архимандрита Рагужско-го... Переведена с италианского на россииской язык и напечатана ... в Санктпитебургской типографии, 1722 году, августа в 20 день.

Пос., Кн. о скуд. и богат. — И. Т. Посошков. Книга о скудости и богатстве // И. Т. Посошков. Книга о скудости и богатстве и другие произведения. М., 1951. С. 5–244.

Посол. кн. с Ног. Ордой — Посольские книги по связям России с Ногайской Ордой. 1551–1561 гг. Казань, 2006.

Сказ. Тихонова — Сказка О. Тихонова, август 1744 г. // Памятники московской деловой письменности XVIII века. М., 1981. С. 114–115.

Сков., Разг. назыв. Алф. — Г. С. Скворода. Разговор, называемый Алфавит или Букварь мира (1760–1775) // Г. Скворода. Сочинения: В 2 т. Т. 1. М., 1973. С. 412–461.

Старажыт. беларус. літ. — Старажытная беларуская літаратура (XII–XVII стст.) / Уклад, прадм., камент. І. Саверчанкі. Мінск, 2007.

Тат., Разг. двух прият. — В. Н. Татищев. Разговор двух приятелей о пользе науки и училищах (1733) // В. Н. Татищев. Собрание сочинений: В 8 т. Т. 8. М., 1996. С. 51–132.

Трет., Рассужд. о прич. изобил. — И. А. Третьяков. Рассуждение о причинах изобилия и медлительного обогащения государств как у древних, так и у нынешних народов... говоренное... июня 30 дня 1772 года // Избранные произведения русских мыслителей второй половины XVIII века: В 2 т. Т. 1. М., 1952. С. 353–360.

Фонв., Пов. мн. глух. и нем. — Д. И. Фонвизин. Повествование мнимого глухого и немого // Д. И. Фонвизин. Собрание сочинений: В 2 т. Т. 2. М.; Л., 1959. С. 7–23.

Цып., Грам. кат. гл. — Е. А. Цыпанов. Грамматические категории глагола в коми языке. Сыктывкар, 2005.

Щерб., О повр. нрав. — М. М. Щербатов. О повреждении нравов в России // М. М. Щербатов. Избранные труды. М., 2010. С. 415–477.

Яв. челоб. Радилова — Явочная челобитная Ф. Радилова, 30 апреля 1747 г. // Памятники московской деловой письменности XVIII века. М., 1981. С. 187–188.

Литература

Апресян 2009 — Ю. Д. А пр е с я н. Исследования по семантике и лексикографии. Т. I: Парадигматика. М., 2009.

Арутюнова 1976 — Н. Д. А р у т ю н о в а. Предложение и его смысл: логико-семантические проблемы. М., 1976.

Арутюнова 1999 — Н. Д. А р у т ю н о в а. Язык и мир человека. М., 1999.

Барина 2012 — М. Ю. Б а р и н о в а. Связки с модальным значением кажимости // Рациональное и эмоциональное в русском языке. М., 2012. С. 28–31.

БАС, 7 — Словарь современного русского литературного языка: В 17 т. Т. 7 (Н). М.; Л., 1959.

БАС, 13 — Словарь современного русского литературного языка: В 17 т. Т. 13 (С — сняться). М.; Л., 1962.

Блинова 2016 — О. В. Блинова. «Літвєгы е за окримнэ плымне»: предикативное имя в западнополесском письменном языке (на славянском фоне) // Вестник СПбГУ. Сер. 9. Филология. Востоковедение. Журналистика. 2016. Вып. 2. С. 112–120.

Гиро-Вебер 2007 — М. Гиро-Вебер. Существительное в функции именного сказуемого в современном русском языке: возможно ли еще говорить о семантическом противопоставлении «Им. vs. Тв.»? // Вопросы языкознания. 2007. № 1. С. 18–26.

Зельдович 2005 — Г. М. Зельдович. Русское предикативное имя: согласованная форма, творительный падеж // Вопросы языкознания. 2005. № 4. С. 21–38.

Золотова 1988 — Г. А. Золотова. Синтаксический словарь: Репертуар элементарных единиц русского синтаксиса. М., 1988.

Ильенко 2009 — С. Г. Ильенко. Коммуникативно-структурный синтаксис современного русского языка. СПб., 2009.

Копытов 2004 — О. Н. Копытов. Взаимодействие квалификативных модусных смыслов в тексте (авторизация и персуазивность): Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Владивосток, 2004.

Лекант 1995 — П. А. Лекант. Функции связок в русском языке // Русский язык в школе. 1995. № 3. С. 90–95.

Михайлов 2012 — Н. Михайлов. Творительный падеж в русском языке XVIII века. Uppsala, 2012.

Морева, Шереметьева 2015 — Н. С. Морева, З. В. Шереметьева. Французские предложные выражения «en qualité de», «à titre de» «en guise de» на фоне русского предлога «в качестве» // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов, 2015. № 9 (51): В 2 ч. Ч. II. С. 139–143.

Мразек 1964 — Р. Мразек. Синтаксис русского творительного (Структурно-сравнительное исследование). Praha, 1964.

Мразек 1990 — Р. Мразек. Сравнительный синтаксис славянских литературных языков. Исходные структуры простого предложения. Vrnjo, 1990.

Никитина 2011 — Е. Н. Никитина. Конструкции с именительным и творительным предикативным в русском языке (к проблеме взаимодействия грамматических категорий) // Вопросы языкознания. 2011. № 6. С. 3–28.

Николич 1847 — И. Николич. Синтаксис русского языка, составленный сравнительно с языком немецким. Дерпт, 1847.

Никольс 1985 — Дж. Никольс. Падежные варианты предикативных имен и их отражение в русской грамматике // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XV. Современная зарубежная русистика. М., 1985. С. 342–387.

Никулласси 1993 — А. Никулласси. Именительный или творительный? Синтаксические прилагательные при полнознаменательных глаголах в русском языке: проблемы выбора падежа. Helsinki, 1993.

Павловский 1859 — И. Павловский. Полный немецко-русский словарь. Рига, 1859.

Петроченко 2006 — Т. В. Петроченко. Служебные лексемы с корреляционным компонентом (на материале лексикализованных предложно-падежных словформ): Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Владивосток, 2006.

Попова 2011а — Л. В. Попова. «А у нас-то клюкву жаровица зовут» // Русская речь. 2011. № 5. С. 89–96.

Попова 2011б — Л. В. Попова. Семантика именного сказуемого с глаголами-связками «именования» // Вестник Московского государственного областного университета. Сер. «Русская филология». 2011. № 3. С. 34–39.

- Попова 2013 — Л. В. П о п о в а. Связка в грамматической системе русского языка: Автореф. дисс. ... док. филол. наук. Архангельск, 2013.
- Прияткина 1975 — А. Ф. П р и я т к и н а. Союз «как» в значении «в качестве» (конструктивные свойства). Владивосток, 1975.
- Руднев 2014 — Д. В. Р у д н е в. Предикативное употребление существительного в форме «за + В. п.» в истории русского языка // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2014. Вып. 2 (26). С. 7–16.
- Руднев 2015 — Д. В. Р у д н е в. Связочные глаголы со значением общего мнения в русском языке XVIII века // Petra Philologica: профессору Петру Евгеньевичу Бухаркину ко дню шестидесятилетия. (Литературная культура России XVIII века. Вып. 6). СПб., 2015. С. 200–213.
- САР, 5 — Словарь Академии Российской: В 6 ч. Ч. 5 (от Р — до Т). СПб., 1794.
- Семенова 2007 — Т. И. С е м е н о в а. Лингвистический феномен кажимости (на материале современного английского языка): Автореф. ... док. филол. наук. Иркутск, 2007.
- Сл. син., 2 — Словарь синонимов русского языка: В 2 т. Т. 2: О–Я / Под ред. А. П. Евгеньевой. М., 2003.
- СЛРЯ XI–XVII, 25 — Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 25 (Скорынья — Снулый). М., 2000.
- СЛРЯ XVIII, 4 — Словарь русского языка XVIII века. Вып. 4 (Воздух — Выпись). Л., 1988.
- СЛРЯ XVIII, 10 — Словарь русского языка XVIII века. Вып. 10 (Кастальский — Крепостца). СПб., 1998.
- СЛРЯ XVIII, 14 — Словарь русского языка XVIII века. Вып. 14 (Напролет — Непоцелование). СПб., 2004.
- Смирнов 1899 — Н. С м и р н о в. Слова и выражения воровского языка, выбранные из романа Вс. Крестовского «Петербургские трущобы» // Известия Отделения русского языка и словесности Императорской академии наук. Т. IV. Кн. 3. СПб., 1899. С. 1065–1087.
- Срезневский, 3 — И. И. С р е з н е в с к и й. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам: В 3 т. Т. 3 (Р–Я и дополнения). СПб., 1912.
- СРНГ, 38 — Словарь русских народных говоров. Вып. 38. Скинуть — Сметушка. СПб., 2004.
- СРЯ, 4 — Словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. А. П. Евгеньевой. 3-е изд., стереотип. Т. 4. С–Я. М., 1988.
- Старослав. сл. — Старославянский словарь (по рукописям X–XI веков) / Под ред. Р. М. Цейтлин, Р. Вечерки и Э. Благовой. М., 1994.
- Хайдеггер 1997 — М. Х а й д е г г е р. Бытие и время. М., 1997.
- Хельмянова 2016 — Ю. С. Х е л ь м я н о в а. Категория кажимости и ее реализация в прозаическом наследии А. С. Пушкина: Дисс. ... канд. филол. наук. СПб., 2016.
- Черкасова 1967 — Е. Т. Ч е р к а с о в а. Переход полнозначных слов в предлоги. М., 1967.
- Черных, 2 — П. Я. Ч е р н ы х. Историко-этимологический словарь русского языка: В 2 т. Т. 2: Панцирь — Ящур. М., 1999.
- Шмелева 1988 — Т. В. Ш м е л е в а. Семантический синтаксис: Текст лекций из курса «Современный русский язык». Красноярск, 1988.

- Aikhenvald 2004 — A. A i k h e n v a l d. Evidentiality. Oxford, 2004.
- Hentschel 1994 — G. H e n t s c h e l. Zur Verbreitung des prädikativen Instrumentals im Polnischen des 16. und 17. Jahrhunderts // Polonica. T. XVI. Kraków, 1994. S. 181–191.
- Ifantidou 2001 — E. I f a n t i d o u. Evidentials and Relevance. Amsterdam; Philadelphia, 2001.
- Reinhart 1992 — J. R e i n h a r t. Zum urwestslavischen Verbum // Wiener Slawistischer Almanach. Bd. 30. 1992. S. 287–327.
- Reinhart 2003 — J. R e i n h a r t. Urslavisch *pol'vati* “misten; sich entleeren” // Münchener Studien zur Sprachwissenschaft. Heft 63. 2003. S. 145–162.
- Schmidt 1844 — J. A. E. S c h m i d t. Vollständiges russisch-deutsches und deutsch-russisches Wörterbuch. Bd. 1–2. Leipzig, 1844.
- Słownik staropolski, 8/4 — Słownik staropolski. T. 8. Z. 4 (51): Skociec — Smętek. Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk, 1980.
- Villanueva Svensson 2011 — M. V i l l a n u e v a S v e n s s o n. The accentuation on the infinitive type Latv. Kalt, Sl. *kõlti and the development of Indo-European molō-presents in Balto-Slavic // Baltistica. Vilnius, 2011. VII Priedas. P. 301–326.

Резюме

В статье представлен комплексный (грамматический, лексический, семантический, прагматический) анализ бифункциональной глагольной связки **слыть**, начиная с древнерусского периода до настоящего времени. Описываются механизмы семантико-грамматической трансформации синкретичного глагола **слыть** от номинативного значения (‘называться’) к современному модальному значению (‘считаться’).

Ключевые слова: составное именное сказуемое, глагольная связка, присвязочная часть, референция, модализация, номинация, характеристика.

Получено 31.03.17

ALEXANDR V. ZELENIN, DMITRY V. RUDNEV

COPULAR VERB *SLYT'*: THE HISTORY OF MODALIZATION

The article presents a complex (grammatical, lexical, semantic, pragmatic) analysis of the verbal copula *slyt'*, from the Old Russian period to the present. The present study describes mechanisms of semantic-grammatical transformation of the syncretic copular verb *slyt'* from the nominative meaning (‘to be called’) to the modern modal meaning (‘to be considered’).

Keywords: compound nominal predicate, copular verb, nominal part of predicate, reference, modalization, nomination, characterization.

Received on 31.03.17

А. Л. ЛЕОНТЬЕВА, К. В. ЛИТВИНЦЕВА

КОНСТРУКЦИЯ *СТАЛ БЫТЬ* В РУССКОМ ЯЗЫКЕ *

0. Объект исследования и постановка задачи

Конструкция *стать* + *быть* (*стать быть счастливым, стать быть в ярости, стать быть лучше*) в настоящее время воспринимается как неграмматичная или, по крайней мере, неудачная (см. [РГ-80, II: 249; Молдован 2010: 6; Руднев 2014: 77]). Тем не менее она достаточно активно использовалась в русских текстах XVIII века¹. Чаще всего в её состав входила также неглагольная предикативная часть (см. примеры выше), но возможны были и употребления без неё (ср. (1)):

- (1) *Потом стала быть тишь, и неприятельской флот стал назад отходить, и для того командующий наши вице-адмирал Крейс распустил красной флаг на своем карабле з большого топу, також и комедант в Кроншлоте* (А. М. Макаров (ред.). Гистория Свейской войны (Поденная записка Петра Великого) (1698–1721))².

В XIX веке конструкция практически сходит на нет: уже в языке Г. Р. Державина, Н. М. Карамзина, И. А. Крылова и их младших современ-

* Работа выполнена отчасти при финансовой поддержке РГНФ, грант № 17-04-12064 «Разработка модулей НКРЯ для автоматической разметки и словарной поддержки старорусских и церковнославянских текстов».

¹ Наиболее ранние употребления этой конструкции, зафиксированные в Национальном корпусе русского языка, датируются 1682–1709 гг. (И. А. Желябужский. «Дневные записки»). По данным Д. В. Руднева, эта конструкция встречается в русском языке с XI в. [Руднев 2014: 63]

² Здесь и далее, если не указано обратное, примеры взяты из Национального корпуса русского языка (НКРЯ).

Анна Леонидовна Леонтьева, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

Кристина Викторовна Литвинцева, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

ников она не встречается³, за исключением вводного *стало быть* (и его, возможно, более раннего варианта *стало*) (2), (3)⁴:

- (2) ...если ты поплакала, не получив от меня письма, **стало быть** ты меня еще любишь, женка (А. С. Пушкин. Письмо Н. Н. Пушкиной (1834.07.11));
- (3) Или вы хотели воспользоваться моей молодостью и неопытностью? (...) А что вы его достоинства превозносите, — я не знаю, можно ли человека узнать в три дни. **Стало**, вам только так угодно говорить и меня так, как ребенка, обманывать (А. Е. Лабзина. Воспоминания (1810)).

Оставшись за рамками литературного языка уже к началу XIX в., конструкция тем не менее встречается и в наши дни. В современных текстах русскоязычных интернет-форумов, не всегда ориентирующихся на литературные нормы, она едва ли не более частотна, чем в текстах XVIII в. (ср. (4)). Встречается она и в речи несбалансированных билингов со слабым русским языком, или, в других терминах, носителей эритажного русского языка (ср. (5)).

- (4) Из своего опыта могу сказать, что как только, я ... **стал быть собой**, а не подстраиваться «под всех» — мои дела резко пошли в гору [<http://www.easy-street.ru/chto-by-vy-izmenili-v-svoej-zhizni/>; Sketch Engine];
- (5) После перестройки форму отменили, что дало больше свободы ученикам... Но из-за⁵ отсутствия формы **стал быть заметным** статус ученика. У кого больше денег, тем лучше они могли одеваться [Sonia 2009–2010; RLC].

³ В некоторых, несколько архаизированных, идиолектах XIX в. конструкцию всё же можно встретить (например, в текстах Г. С. Батенькова — 1820–1863 гг. — соотношение конструкций с *быть* и без него составляет 57 к 43%).

⁴ В пользу утверждения о диахронической преемственности вводного *стало быть* по отношению к предикативному *стало быть* говорит тот факт, что в идиолектах XVIII—XIX вв., зафиксированных в Национальном корпусе, предикативная и вводная конструкции находятся в дополнительном распределении: как только у автора появляется вводное *стало быть*, в его текстах перестает использоваться предикативное *стало быть*. Представляется, что варьирование вводных конструкций с *быть* и без *быть* должно определяться теми же законами, что и варьирование их предикативных аналогов. В этом смысле необыкновенно интересным кажется закрепление в литературном языке варианта без *быть* в невводной конструкции и варианта с *быть* во вводной. Анализ вводного *стало быть* / *стало*, однако, представляет собой тему отдельного исследования и остается за рамками данной работы.

⁵ Для удобства читателя авторская орфография изменена в соответствии с общепринятыми правилами русского языка.

Конструкция ‘*стать* + *быть* + неглагольный предикат’ конкурирует с базовой конструкцией с глаголом *стать* и неглагольным предикатом (*стать счастливым, стать лучше* и т. п.). Представляется возможным говорить именно о конкуренции конструкций, поскольку в корпусах зафиксированы случаи употребления обеих конструкций в пределах одного и того же идиолекта (ср. (1) и (6)). Конструкция с *быть* представляется маркированным членом оппозиции, конструкция без *быть* — нормативным.

- (6) {...} *Христос ставиши как должно было Ходатаю, нашим Пророком, Священником, и Царем, весьма надлежаще Христос или Помазанник назвался* (архиепископ Платон (Левшин). Катихизис восьмой надесять в первую неделю Великаго Поста (1758)).

Задача, которую мы ставим перед собой, заключается в том, чтобы, используя корпусные данные, установить, какие факторы благоприятствуют выбору варианта с *быть*, а какие, наоборот, делают такой выбор нежелательным.

При решении поставленной задачи возникает вопрос: перед нами одна конструкция, которая существует на протяжении нескольких веков, или современная конструкция лишь внешне напоминает конструкцию XVIII в., но не связана с ней исторически? От того, как мы ответим на этот вопрос, зависит стратегия дальнейшего исследования.

С одной стороны, заманчиво считать, что употребления конструкции, достаточно активной в деловых текстах XVIII в., могли сохраниться в незафиксированной в письменных памятниках и в меньшей степени контролируемой разговорной речи и так дойти до наших дней. Однако рассматриваемая конструкция не встречается не только в письменных памятниках, но и в словаре В. И. Даля, а также в словарях народных говоров, призванных отражать особенности устной речи. Возможно, правда, что причиной тому стала ее синтаксическая обусловленность, зависимость от контекста (по умолчанию даже в XVIII в. использовалась конструкция без *быть*) и ориентированность словарей прежде всего на фиксацию лексических единиц, а не синтаксических конструкций. Анализ аутентичных, не отредактированных собирателями записей фольклорных текстов мог бы помочь в решении этого вопроса, но в настоящий момент мы, к сожалению, не владем достаточным количеством такого материала.

С другой стороны, эритажный русский язык и русский язык современной интернет-коммуникации принято считать самостоятельными, так называемыми *нестандартными* вариантами русского языка. Это значит, что они в основном функционируют по тем же законам, что и стандартный русский язык, но могут развивать собственные модели там, где в стандартной системе есть лакуны или неоднозначности. Иными словами, конструкция *стал быть*, возможно, действительно исчезает в системе стандартного русского языка к началу XIX в., но место её остается в системе незаполненным, что дает возможность создать конструкцию заново, без какой-либо

диахронической преемственности, в нестандартных вариантах языка — эритажном языке и языке интернет-коммуникации.

Вторая интерпретация кажется более вероятной. Поэтому было принято решение проанализировать сначала материал XVIII в. и потом, отдельно, современные тексты. Первое позволит нам понять те системные требования, которые предъявлялись к каждому из вариантов конструкции (*стать* vs. *стать быть*). Второе даст возможность понять, какие из этих требований оказались существенными, а какие нет.

Если верной окажется первая, а не вторая гипотеза (т. е. найдутся доказательства диахронической преемственности конструкций), то выбранная стратегия, как кажется, не будет противоречить и ей, поскольку ориентирована на описание отдельных периодов функционирования языка, а не на поиск связей между ними или постулирование их отсутствия. Этим наше исследование принципиально отличается от известных нам описаний рассматриваемой конструкции, сделанных в диахроническом ключе [Молдован 2010; Руднев 2014]. В них конструкция *стать* + *быть* описывается исследователями как незаимствованная, но распространившаяся под влиянием других языков (польского [Молдован 2010: 13] и латинского [Руднев 2014: 76]), стилистически выделенная и устаревшая. В синхронических же исследованиях, посвященных глаголу *стать* [Демиденко 1963; Камышева 1994; Зализняк, Шмелёв 2002; Падучева 2001; Короткова, Сай 2006; Самедова 2013; Стойнова 2016 и др.], конструкция *стать* + *быть* как неграмматичная не рассматривается.

1. Конструкция '*стать* + *быть* + неглагольный предикат' в языке XVIII века

Для решения поставленной задачи в НКРЯ был создан подкорпус текстов, авторы которых родились в период с 1600 по 1800 г.⁶; в этом подкорпусе были найдены все употребления глагола *стать* (1012 документов, 11 585 вхождений). Далее вручную были отобраны конструкции с лексемой *стать* в значении изменения ситуации и неглагольным предикатом (*стать счастливым*, *стать человеком/человек*, *стать ближе* и т. п.). Поскольку объектом настоящего исследования является именно варьирование конструкций, тексты, авторы которых, по данным НКРЯ, вообще не употребляли в рассматриваемой конструкции глагол *быть* (т. е. не демонстрировали варьирования конструкций), исключались из рассмотрения⁷.

⁶ 3048 документов общим объемом 855 902 предложения, 13425925 слов (дата обращения: 12.11.2017 г.).

⁷ В полученном подкорпусе встретилось также пять примеров, в которых употребление конструкции с *быть* оказалось единственным случаем употребления конструкции с глаголом *стать* и именным предикатом, — тем самым варьирования конструкций опять-таки не наблюдалось (см. Таблицу 1). Тем не менее, по-

В результате была собрана база данных из 332 примеров: 83 — с конструкцией с *быть* и 249 — с базовой конструкцией «*стать* + неглагольный предикат».

Оказалось, что конструкция с *быть* употребляется в идиолектах с разной относительной частотой — от 3 до 90% (см. Таблицу 1). У авторов, тексты которых зафиксированы в большом количестве (например, архиепископ Платон (Левшин)), наблюдается варьирование конструкций, не зависящее ни от стиля текста, ни от года его написания (ср. (7), (8)). Выявить корреляции той или другой конструкции с жанром текста также не удалось.

- (7) *Христос не для искупления падших Ангелов, но для падшаго человека Ходатаем стал: не от Ангел убо когда приемлет, но от семене Авраамова приемлет* (архиепископ Платон (Левшин). Катихизис двадцатой (1758));
- (8) *Сын Божий стал быть сыном человеческим, или о воплощении Сына Божия: что убо теперь о том говорить надобно?* (архиепископ Платон (Левшин). Катихизис пятой надесять (1758)).

Сказанное позволяет предположить, что в языке XVIII в. конструкция находится на стадии формирования, устоявшихся правил её употребления еще не существует — мы можем видеть лишь тенденции выбора того или иного варианта в определенных условиях.

1.1. Свойства элементов конструкции с глаголом «стать» и неглагольным предикатом

Поскольку объяснить выбор конструкции, опираясь на внешние факторы (год написания, стиль и жанр текста), не удастся, были выдвинуты гипотезы о возможных собственно языковых факторах, обуславливающих этот выбор: 1) форма глагола *стать*, 2) свойства неглагольного предиката (форма, семантический класс), 3) свойства подлежащего (референциальный статус, семантический класс, форма), 4) сирконстанты, 5) место в структуре дискурса. Выделенные факторы легли в основу дальнейшей разметки подкорпуса (выборки примеров, каждый из которых охарактеризован по набору параметров).

Выявить значимые корреляции свойств подлежащего (одушевленностью, референциальным статусом, количественными характеристиками и т. п.) с тем или иным вариантом конструкции не удалось.

Грамматические особенности **предиката** или его частей либо накладывают на выбор конструкции достаточно строгие ограничения (форма глагола *стать*), либо существенно чаще используются в составе одной из конструкций.

сколькy конструкция с *быть* является явно маркированным членом оппозиции, а язык XVIII в. представлен в корпусе не так подробно, как современный русский язык, эти примеры было решено из рассмотрения не исключать.

Таблица 1

**Употребление конструкции с глаголом *стать*
и именным предикатом в русском языке XVIII — начала XIX в.:
конкуренция конструкций**

Автор	Время написания текстов	Всего	<i>стать</i> (употр.)	<i>стать быть</i> (употр.)	<i>стать</i> (%)	<i>стать быть</i> (%)
Макаров А. М.	1698–1721	1	0	1	0	100
Еп. Пигирим	1720	1	0	1	0	100
Аничков Д. С.	1769	1	0	1	0	100
Комаров М.	1779	1	0	1	0	100
Зуев В. Ф.	1785	1	0	1	0	100
Богданов А. И.	1751	19	1	18	5	95
Леонтьев А. Л.	1762	3	1	2	33	67
Желябужский И. Я.	1687–1709	8	4	4	50	50
Десницкий С. Е.	1769–1775	2	1	1	50	50
Третьяковский В. К.	1735–1745	15	8	7	53	47
Чулков М. Д.	1766–1786	3	2	1	67	33
Рычков Н. П.	1770	3	2	1	67	33
Шаховской Я. П.	1766–1777	14	10	4	71	29
Нартов А. А.	1785–1786	4	3	1	75	25
Татищев В. Н.	1725–1771	25	21	4	84	16
Архиепископ Платон (Левшин)	1757–1780	138	116	22	84	16
Миллер Ф. И.	1776	16	14	2	87,5	12,5
Травин Л. А.	1806–1808	8	7	1	87,5	12,5
Стефан Савицкий	1762	29	25	4	86	14
Ломоносов М. В.	1739–1764	34	33	1	97	3
Батеньков Г. С. ⁸	1820–1863	6	2	4	33	67
Итого	—	332	250	82	75	25

⁸ Данный автор пишет во второй половине XIX в., однако язык его отличается высокой степенью архаичности. Он единственный из своих представленных в НКРЯ современников использует в речи конструкцию '*стать + быть*'. Поэтому было принято решение включить в корпус его тексты на тех же основаниях, что и произведения более ранних авторов.

Тем самым можно говорить о тенденциях употребления конструкций в определенных условиях, но не о четких правилах такого употребления. Более того, выявленные тенденции в разной степени характерны для разных идиолектов XVIII в., что также подтверждает мысль о том, что в XVIII в. рассматриваемая конструкция находится в стадии становления.

1.1.1. Форма глагола *стать*

В абсолютном большинстве случаев (82 из 83) конструкция с *быть* употребляется с формами прошедшего времени глагола *стать* (см. примеры выше)⁹. Только в одном случае употреблена форма сослагательного наклонения (9). Конструкция без *быть*, по всей видимости, не накладывает ограничений на форму глагола *стать* (см. (10)–(15)).

- (9) *Бог человеку дал закон, по которому бы он так поступал, чтоб никакова и наималейшаго греха противу его не сотворить: что естли бы исполнил человек, то из грешника стал бы быть праведником по тем законным словам...* (архиепископ Платон (Левшин). Катихизис пятой надесять (1758));
- (10) *Добрый может сделаться худым, но и худой переменяв развратное произволение может стать добрым* (архиепископ Платон (Левшин). Слово на день благовещения Пресвятыя Богородицы (1777));
- (11) *Когда воздух станет легче <...> тогда нижний от верхнего меньше сжимается и, следовательно, редее...* (М. В. Ломоносов. Волфианская экспериментальная физика, с немецкого подлинника на латинском языке сокращенная (1745));
- (12) *Став избавительницею России, не воспрещай далее разливаться источнику славы Твоя* (архиепископ Платон (Левшин). Слово в день Первоверховных апостол Петра и Павла (1770));
- (13) *У нас ежели бы один другаго снабдил, то он бы уже его одолжил; а ежели бы я взял что от тебя, то уже бы стал тобою одолжен* (архиепископ Платон (Левшин). Катихизис осьмый (1757));
- (14) *Ты въ небѣ царствуешь богъ, Нынѣ ставиши Сыномъ моимъ...* (В. К. Третьяковский. О Древнемъ, Среднемъ, и Новомъ стихотвореніи Россійскомъ // Ежемѣсячныя сочиненія къ пользѣ и увеселенію служащія. Генварь — Июнь, 1755 года (1755));
- (15) *<...> онъ же Федька говорил стрѣльцу Васькѣ Филипову тожь: что отъ Государя стало намъ тошно...* (Ф. И. Миллер. Извѣстіе о дворянахъ російскихъ (1776)).

1.1.2. Способы выражения неглагольного предиката

Конструкция с *быть* не накладывает безусловных запретов ни на одну из возможных форм неглагольного предиката. Однако данные НКРЯ по-

⁹ Косвенно на это же указывается в [Молдован 2010: 11] и [Руднев 2014: 62–64].

зволяют выявить формы, благоприятствующие и, наоборот, препятствующие выбору этого варианта конструкции (см. Таблицу 2).

Если неглагольный предикат выражен кратким пассивным причастием (16), предложной группой (17), прилагательным или причастием в именительном падеже (18), то предпочтительны конструкции с *быть*: частота этих конструкций существенно выше ожидаемой. Такое же повышение частоты наблюдается в предложениях с отсутствующей именной предикативной частью (19)¹⁰.

- (16) *По прошествии уже нескольких месяцев, как Коллегия экономики была отставлена и все бывшие в ведении оной вотчины духовных, как я уже выше описал, приняты были в управление Святейшего Синода и новые распоряжения и учреждения сочиняемы быть стали, <...> предложил мое мнение на нескольких листах к их рассмотрению и распоряжению...* (Я. П. Шаховской. Воспоминания (1766–1777));
- (17) *Галицкого князя Володаря Ростиславича дети вскоре по смерти отцове стали быть в несогласии* (В. Н. Татищев. История российская в семи томах. Том второй (1750));
- (18) *Но когда ко освящению Соборной сей Церкви Святых Первоверховных Апостол Петра и Павла время стало быть готовящееся, тогда Ея Императорскому Величеству Анне Иоанновне донесено было, чрез Господина Советника Нартова <...> чтоб Ея Величество, ко освящению оной Соборной Церкви, повелеть соизволила от Марциальных Вод взять оное паникадило в Петропавловской Собор...* (А. И. Богданов. Описание Санктпетербурга (1751));
- (19) *Для оных листов позолочения подряжены были золотых дел мастера, которые... оную позолоту весьма неровную и нечистую сделали, так что иной лист очень красен, а иной очень белесоват, и тем на шпиге стала быть во оных золотых листах нестрога великая, и далной ясности не имеющая...* (Там же).

Конструкции с *быть* имеют частотность существенно ниже ожидаемой, если неглагольный предикат выражен компаративом (20):

- (20) *Когда лошадь обопьется, что познается по тому, когда она дрожит, а нос и уши холодны бывают, то возьми гнилое яйцо, горчицы, тертой с уксусом, и смешай вместе, а после влей ей в горло, то легче станет* (М. В. Ломоносов. Лифляндская экономия (перевод) (1747)).

¹⁰ Мы благодарны анонимному рецензенту за тонкое замечание о том, что в современном русском языке в рассматриваемых случаях крайне сомнительно употребление глагола *стать*. Однако здесь вряд ли можно видеть регулярную замену *стать* на *быть*: в современном языке мы скорее изменим всю конструкцию, заменив нефинитные глагольные формы и предложные группы на соответствующий по смыслу финитный глагол (быть в употреблении → употребляться, быть сочиняемым → сочиняться и т. п.). Тем самым необходимость выбора между связочным *быть* или *стать* просто перестанет существовать.

По остальным параметрам, указанным в Таблице 2, расхождения частот, согласно значению критерия хи-квадрат, оказались статистически незначимыми.

Таблица 2

Зависимость выбора конструкции от формы неглагольного предиката¹¹

Форма неглагольного предиката	Всего (употр.)	Всего (%)	статья (употр.)	статья быть (употр.)	статья (%)	статья быть (%)
Существительное или местоимение в именительном падеже	21	7	18	3	86	14
Прилагательное или полное причастие в именительном падеже	10	3	6	4	60	40
Существительное в творительном падеже	61	18	50	11	82	18
Прилагательное в творительном падеже	23	7	18	5	78	22
Краткое прилагательное	71	21	56	13	81	19
Краткое пассивное причастие	66	20	44	23	67	33
Компаратив	26	8	24	2	92	8
Предикативное наречие	22	7	18	4	82	18
Сравнительный оборот	4	1	3	1	75	25
Отсутствует предикативная часть (глагол <i>стать</i> в значении 'появиться, начать существовать или восприниматься')	9	2	3	7	23	77
Предложная группа	17	5	10	7	59	41
Синтаксис неясен ¹²	1	0	0	1	0	100
Итого	332	100	250	82	75	25

¹¹ Поскольку количество употреблений рассматриваемых конструкций в языке XVIII в. невелико, было принято решение указывать в таблицах как абсолютные частоты (количество употреблений), так и относительные (% употреблений).

¹² *Видит Он, что явились нечаянно и рассеялись по всей подсолнечной люди, кои не согласны со всеми другими в самых общих разумениях; люди, которые отвергают все, чего все прочие с крайнею горячестию желали и искали, и которые притом имеют искреннюю любовь ко всему тому, от чего все другие бегают. Жалобы стали быть язык, не знаемый им, разве токмо в благополучии. Не довольно с них, что имеют в самом несчастье непоколебимое постоянство, имеют они еще в том и такую радость, которой часто не было и меры (В. К. Тредиаковский. Слово «О терпении и нетерпеливости» Фонтенелево, получившее награждение за красноречие (1743)).*

1.1.2.1. Краткие пассивные причастия в конструкциях с глаголом *стать*

При достаточно высоком показателе частотности таких предикатов (примерно 20% от общей выборки) оформление конструкции сильно различается в разных идиолектах: у одних авторов в сочетании с краткой формой пассивного причастия используются исключительно конструкции с *быть*, у других — только базовые конструкции, в текстах третьих процент употребления конструкции с *быть* не имеет существенного расхождения с процентом её использования во всем подкорпусе (см. Таблицу 3). Кроме того, многие авторы, произведения которых вошли в подкорпус, вообще не используют глагол *стать* в сочетании с краткими формами пассивных причастий (ср. Таблицу 1 и Таблицу 3).

Возможно, конструкция с краткой формой пассивного причастия и глаголом *стать* уже в XVIII в. начинает уходить из литературного языка, но имеющиеся данные не позволяют ни доказать, ни опровергнуть эту гипотезу.

Несколько размытая картина употребления конструкции с краткими формами пассивных причастий становится гораздо более четкой, если принять во внимание такой параметр, как вид причастия. 85% употреблений конструкции составляют формы совершенного вида (результативы), 15% — формы несовершенного вида в дуративном или многократном значении. При этом абсолютное большинство форм несовершенного вида приходится на конструкцию с *быть*. Единственное зафиксированное употребление базовой конструкции в сочетании с имперфективной формой краткого пассивного причастия (21) встретилось в тексте Стефана Савицкого, который вообще не употребляет конструкцию с *быть* и краткими формами пассивных причастий (см. Таблицу 3).

- (21) *Арктонійцы, которые въ арміи лъвое крыло держали, нападая жестоко на нашу конницу, великой оной вредъ причиняли и какъ еще они въ той жестокости **подкръпляемы стали** бунтующими Танахитами, то намъ уже почти никакой, и надежды спасенія неоставалось...* (Стефан Савицкий (перевод книги Л. Хольберга). Подземное путешествіе представляющее Исторію разнородныхъ съ удивительными и неслыханными свойствами животныхъ (1762)).

1.1.2.2. Предложная группа в конструкциях с глаголом *стать*

Выборка примеров с данным типом предиката немногочисленна (17 употреблений) и составляет около 5% от общего количества примеров. Распределение конструкции по идиолектам отражено в Таблице 4.

Поскольку выборка невелика, делать какие-то серьезные выводы о влиянии данного параметра вряд ли возможно. Все предложные группы, встретившиеся в выборке, обозначают: 1) локализацию субъекта ситуации (*что стало быть **под рукою***), 2) отношение экспериенцера к ситуации либо ее оценку говорящим (*что стало быть кому-л. **в диковинку, в сытость; что стало быть в совершенстве***), 3) саму ситуацию (*стать быть **в употреблении, в несогласии***). В последнем случае *быть* + предложная группа

Таблица 3

Варьирование конструкций с глаголом *стать* и кратким пассивным причастием
в функции предиката¹³

Автор	Всего употр.	Употреблений с кратким пассивным причастием и глаголом <i>стать</i>	<i>стать</i> (употр.)	<i>стать быть</i> (употр.)	<i>стать</i> (%)	<i>стать быть</i> (%)
Архиепископ Платон (Левшин)	138	26	21	5	81	19
Батеньков Г. С.	6	3	0	3	0	100
Богданов А. И.	19	10	0	10	0	100
Татищев В. Н.	25	2	2	0	100	0
Травин Л. А.	8	5	4	1	80	20
Тредиаковский В. К.	15	2	1	1	50	50
Стефан Савицкий	29	13	13	0	100	0
Чулков М. Д.	3	1	1	0	100	0
Шаховской Я. П.	14	3	1	2	33	67
Аничков Д. С.	1	1	1	0	0	100
Итого	258	66	44	22	67	33

¹³ Здесь и далее в таблицах представлены только те авторы, в текстах которых встретился по крайней мере один пример рассматриваемой конструкции.

Таблица 4

**Варьирование конструкций с глаголом *стать* и предложной группой
в функции предиката**

Автор	Всего	Всего <i>стать</i>	Всего <i>стать быть</i>	Употреблений с предложной группой и глаголом <i>стать</i>	<i>стать</i> (употр.)	<i>стать быть</i> (употр.)	<i>стать</i> (%)	<i>стать быть</i> (%)
Архиепископ Плагон (Левшин)	138	116 84%	22 16%	9	8	1	89	11
Ломоносов М. В.	34	33 97%	1 3%	1	0	1	0	100
Татищев В. Н.	25	21 84%	4 16%	2	1	1	50	50
Богданов А. И.	19	1 5%	18 95%	3	1	2	33	67
Миллер Ф. И.	16	14 87.5%	2 12.5%	1	0	1	0	100
Зуев В. Ф.	1	0	1 100%	1	0	1	0	100
Итого				17	10	7	59	41

синонимично глагольным предикатам (ср.: *употребляться*; *не соглашаться*, *враждовать*), которые значительно чаще сочетаются со *стать*, чем неглагольные. Во всех случаях конструкции со *стать* обозначают протяженные во времени ситуации — положения, состояния, деятельности.

Интересно заметить, что для М. В. Ломоносова, явно предпочитающего базовую конструкцию со *стать*, контекст предложной группы оказывается единственным, где он считает возможным использовать конструкцию с *быть* (22). Напротив, А. И. Богданов, в текстах которого конструкция с *быть* практически вытеснила базовую, единственным возможным контекстом для последней считает предикат, выраженный предложной группой (23). Объяснение этого факта мы видим в том, что в данном примере, возможно, перед нами иное, более старое значение глагола *стать*, аналогичное значению родственного ему глагола положения *стоять* ('появиться в пространстве').

- (22) *Шведы и датчане, несмотря что у них грамота едва ли не позже нашего стала быть в употреблении, первых своих королей прежде рождества Христова начинают, описывая их домашние дела и походы* (М. В. Ломоносов. Древняя российская история. Фрагменты (1754–1758));
- (23) *Было кладбище и у Церкви Вознесения Господня; ныне запрещено, понеже в жилье стало* (А. И. Богданов. Описание Санктпетербурга (1751)).

1.1.2.3. Прилагательные и причастия в именительном падеже в конструкции с глаголом *стать* (атрибутивная конструкция)

Количество примеров рассматриваемой конструкции с прилагательными и причастиями в именительном падеже крайне мало (10 случаев, 4 из которых — вариант с *быть*), чтобы делать какие-либо серьезные выводы. Тем не менее проследить общую закономерность здесь кажется возможным.

Еще в 60-е годы XX в. была выдвинута идея о том, что творительный падеж в предикативной позиции кодирует «возникший и проявляющийся в течение определенного отрезка времени» признак, именительный же — постоянный признак (см. [Борковский, Кузнецов 2006: 365]). Таким образом, можно считать, что выбору конструкции с *быть* благоприятствуют ситуации, в которых описываемый признак является постоянным.

К тому же смыслу постоянства признака можно свести упоминаемые Д. В. Рудневым типичные для XVIII в. контексты с именительным предикативным (атрибутивной конструкцией) — оценочный и «торжественный» [Руднев 2014: 72], ср. (24):

- (24) *Но Новый сей Царствующий Град новое себе жителство возымел, то и жителям своим новья регулы, новья вежества и искусства, во всем иное и лучшее учредил, так что от прежних времен весьма ныне во всем отмененное, прежде было грубое, неискусное, и аки бы сумрачное, но ныне всему свету стало быть приятное, ласко-*

вое, и увелливое, так что все приежжающия от всех российских городов всякия люди, оные оставляют тут прежнии грубые свои поступки, а восприемлют здешнее новое искусство, и так помалу, время от времени, к лучшему обхождению приобучась, ныне, с Помощию Божию, российский народ со всеми иностранными европейскими народами всяк не постыдно обходится (А. И. Богданов. Описание Санктпетербурга (1751)).

1.1.2.4. Конструкция *стал быть* в бытийных предложениях

Примеров данного варианта конструкции также крайне мало — 7 со *стал быть* и 3 с базовым *стал*, причем последние зафиксированы в единственном идиолекте (архиепископа Платона (Левшина)), где процент использования конструкции с *быть* значительно ниже среднего. В отличие от конструкций с ненулевой предикативной частью, в бытийных предложениях со *стать / стать быть* мы имеем дело не с новой характеристикой субъекта, а с установлением факта его существования или начала восприятия говорящим (25)–(28). В ряде примеров, по-видимому, возможны два варианта анализа — бытийное предложение vs. предложение с адъективным предикатом в именительном падеже (ср., например, (29), (30)). В данной работе мы считали такие спорные контексты бытийными предложениями, поскольку именно это осмысление казалось нам более естественным.

- (25) ...стрельцы ударили по барабанам тревогу, и все стали под знаменами и по уреченным местам в обозе, и почали стрелять из своих полковых пушек из обоза, только от них вреды мало чинилось, Бог хранил, а только ранили небольших, а у них **убыток стал быть и утрата от пушек великая** (И. А. Желябужский. Дневные записки (1682–1709));
- (26) Оное, съ поправкою прежняго заведенія, происходило такимъ образомъ: невдругъ унеговсъ, отъ должностей отставлялись для того, что чрезъ таковъ поступокъ, лъкарство бы было хуже болъзни. Но когда **стали быть порожджя мъста**, всякой оставляя ту должность, которая было ему непосиль, переводимъ былъ въ другую, которая больше поспособности егоказалась (Стефан Савицкий (перевод книги Л. Хольберга). Подземное путешествие представляющее Исторію разнородныхъ съ удивительными и неслыханными свойствами животныхъ (1762));
- (27) **И от пушечной стрельбы, и от бомб в городе немцам стала быть великая теснота**, только они пребывали в погребях да в ямах, а от немцев из города была пушечная стрельба небольшая (И. А. Желябужский. Дневные записки (1682–1709));
- (28) **И я ему велел говорить при келейниках, понеже у меня о нем в уме стало быть сомнение, что не послан ли от раскольников ради соделания какового злодейства...** (епископ Питирим. Доношение нижегородскому вице-губернатору Ю. А. Ржевскому (1720));

- (29) *А за ротами шел князь Федор Юрьевич. А за ними ехали все палатные люди. И с теми полками того числа пришли к Кожуховскому мосту. И в то время Ивана Ивановича Бутурлина пехота выступила от безымянного города и почала быть стрельба великая, также у пехоты князь Федора Юрьевича **стрельба стала быть по ним великая** (И. А. Желябужский. Дневные записки (1682–1709)). — Стрельба стала сильная vs. стала (= началась) сильная стрельба;*
- (30) *Остров Безымянной, новой, лежит промежу дву речек, Мойки и Фонтанки, которой был прежде за один со Адмиралтейским, и когда в 1711-м году перекопали Глухую Речку, именуемую Мойку, в Фонтанку, тогда уже **стал быть прямой остров** (А. И. Богданов. Описание Санктпетербурга (1751)). — Остров стал прямой (а был непрямой) vs. стал (= появился) прямой остров.*

Бытийные предложения — это единственный тип контекстов, где частота употребления конструкции с *быть* не просто выше средней по подкорпусу (24%), но превышает частоту базовой конструкции. Иными словами, для носителей русского языка XVIII в., по всей видимости, естественнее обозначить начало существования или восприятия объекта конструкцией с глаголом *быть*, чем без него, даже если для этого приходится использовать более громоздкое сочетание *стать* + *быть*.

1.1.2.5. Компаративы в конструкции с глаголом *стать*

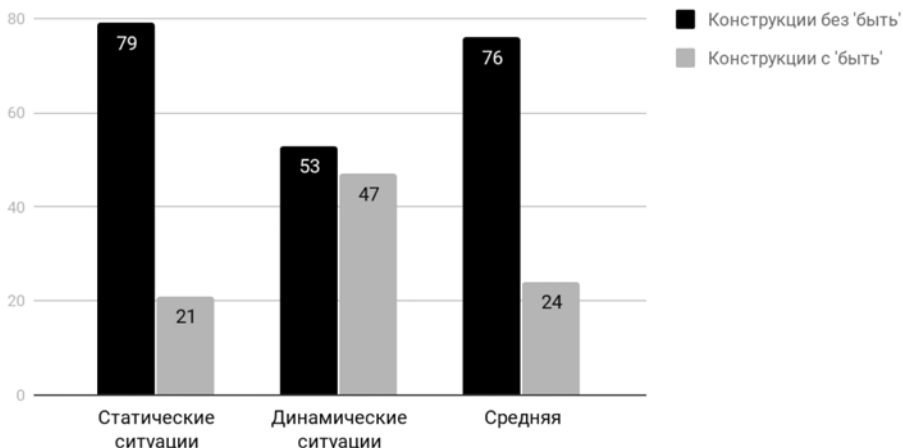
Как видно из Таблицы 2, абсолютное большинство употреблений (92%) конструкции с компаративным предикатом не включают *быть*. В двух примерах с *быть* предикаты обладают семантикой состояния (31) и количественной оценки (32). Если предикаты количественной оценки (*ближе*, *выше*, *глубже* и т. п.) в форме компаратива типичны также для базовой конструкции, то предикат с семантикой состояния в форме компаратива в составе базовой конструкции не встретился ни разу.

- (31) *Наловя несколько змей, приказал тайно, чтоб не ведали прочие, бросить в зорю, в которую траву они яд свой испустили. После чего, вышед пред солдат и держав в руке две змеи, показывал им и говорил: «Я слышу, что змеи чинят вам вред, но от сего времени того не будет. Не бойтесь, видите ли, что они меня не жалят». Солдаты, смотря на сие, дивились, присвоивали действие сие премудрости государской и **стали быть спокойнее** (А. А. Нартов. Рассказы о Петре Великом (1785–1786));*
- (32) *Как от вышеописанных обстоятельств, так и от несмотрения, или лакомства начальников, на казенных промыслах расход **более прихода стал быть**, то и паче казенные промыслы разорились, а более стали отдавать на откуп (В. Н. Татищев. Записка об отдаче на откуп рыболовных вод с целью увеличения казенных доходов (1741)).*

1.1.2.6. Акциональные свойства ситуаций в конструкциях с глаголом *стать* и неглагольным предикатом

Поскольку мы рассматриваем конструкции с неглагольными предикатами, очевидно, что большую часть обозначаемых ими ситуаций будут составлять ситуации статические — состояния (*стать спокойнее, стать счастливым*) и свойства (*стать дороже, стать холодным*). Динамические ситуации обозначаются в основном причастиями (*стали сочиняемы*) или, реже, предложными группами (*стали быть в употреблении*), что обуславливает в этой группе существенное повышение частотности конструкции с *быть* — до 47% (см. диаграмму). Большую часть динамических ситуаций, кодируемых конструкцией с *быть*, составляют многократно повторяемые ситуации — деятельности (ср. (33)–(34)).

Распределение частот конструкций в статических vs. динамических ситуациях

- (33) *По прошествии уже нескольких месяцев, как Коллегия экономики была отставлена (...) и новые распоряжения и учреждения сочиняемы были стали (...) должен был (...) письменно собранию Святейшего Синода предложить (...) в докладе ее императорскому величеству изъясненного намерения и прошения об оных деревнях...* (Я. П. Шаховской. Воспоминания (1766–1777));
- (34) *Наконец, в 1799 году, т. е. когда положено новое различие между преступлениями, подвергающими гражданской смерти, и между преступлениями, подвергающими наказанием другого рода, все осуждаемые, даже и за неважные вины, стали быть обрацаемы на заселение сего края* (Г. С. Батеньков. Общий взгляд на Сибирь (1822–1823));

(35) *И для такого намерения следует принять в рассуждение оные первоначальных и варварских народов состояния, в которых непросвещенным людям чиновложения почти не известны были, а как скоро являться начали, то больше **примечаемы и увеличиваемы быть стали** простым народом* (Д. С. Аничков. Рассуждение из натуральной богословии о начале и происшествии натурального богочитания (1769)).

1.1.3. Временные конструкции со *стать* и неглагольным предикатом

При работе с корпусом выяснилось, что на выбор конструкции с *быть* влияют временные сирконстанты. В предложениях без темпоральных сирконстантов распределение конструкций практически не отличается от среднего, в то время как при наличии темпоральных сирконстантов частота встречаемости конструкции с *быть* становится значительно выше средней, а частота базовой конструкции снижается (см. Таблицу 5). Корреляций с сирконстантами других семантических типов не обнаружилось.

Таблица 5

Конструкция с глаголом *стать* и неглагольным предикатом в сочетании с временными сирконстантами

	<i>стать</i>	<i>стать быть</i>
Высказывания с временным сирконстантом ¹ — количество примеров	87	47
Высказывания с временным сирконстантом — % употреблений	65	35
Средняя частота %	76	24

Как видно из Таблицы 6, на выбор конструкции влияют отнюдь не любые темпоральные сирконстанты.

Наиболее существенным представляется расхождение частот употребления конструкций в сочетании с *пока/пока не* — 100% употреблений приходится на базовую конструкцию (36), (37). Иными словами, конструкция с *быть* не используется, если момент, зафиксированный *стать*, представляет собой конечную точку предшествовавшей ситуации. То же можно на-

¹ В данную группу включены простые предложения с обстоятельством времени и сложные предложения с придаточными времени. Поскольку в фокусе внимания было именно наличие/отсутствие временного сирконстанта при обозначении ситуации, то нам не было важно, где именно находится конструкция с глаголом *стать* — в главной или в подчиненной клаузе.

Таблица 6

**Конструкции со *стать* / *стать быть*
в сочетании с темпоральными сирконстантами**

Сирконстант	<i>стать</i>	<i>стать быть</i>
<i>пока не X</i>	5 — 100%	0
<i>теперь</i>	1 — 100%	0
<i>вдруг</i>	3 — 75%	1 — 25%
<i>в период X</i>	5 — 63%	3 — 37%
<i>Когда + <i>стать</i>, тогда</i>	24 — 69%	11 — 31%
<i>Когда P, тогда + <i>стать</i></i>	16 — 67%	8 — 33%
<i>после X</i>	20 — 63%	13 — 37%
<i>напоследок</i>	2 — 67%	1 — 33%
<i>ныне</i>	4 — 50%	4 — 50%
<i>в момент, день и т. п. X</i>	4 — 50%	4 — 50%
<i>всегда</i>	0	1 — 100%
Среднее	74%	26%

блюдать в единственном встретившемся примере с *теперь*, где глагол *стать* обозначает не столько переход из одной ситуации в другую, сколько окончание предшествовавшего процесса небытия (ср. *предстала, появилась*)², знаменующее, соответственно, конец небытия (38).

- (36) *⟨...⟩ между тѣмъ самимъ временемъ, какъ таковымъ громомъ, продолжалъ меня поражать Катонъ мой, выпили мы съ нимъ вина, по нѣскольку рюмокъ, пока напившись пьяни, оба ницъ на землю повалились и отъ входящихъ въ домъ замертвевонъ **вытащены стали*** (Стефан Савицкий (перевод книги Л. Хольберга). Подземное путешествие представляющее Историю разнородныхъ съ удивительными и неслыханными свойствами животныхъ (1762));
- (37) *Пары двойной водки в воздухе держатся, пока он не станет редок* (М. В. Ломоносов. Волфианская экспериментальная физика, с немецкого подлинника на латинском языке сокращенная (1745));
- (38) *Бог, когда бы ныне вновь что нибудь в своем естестве принял, так бы я об нем подумать мог, что было время, когда его и не было: подобно как вижу, что **теперь** некоторая **вещь стала**, то могу заключить, что ее не было* (архиепископ Платон (Левшин). Кати-зисис осьмый (1757)).

² См. об этом [Короткова, Сай 2006: 96; Молдован 2010: 5; Руднев 2014: 59].

Мы видели, что в сочетании с обозначениями динамических повторяющихся ситуаций предпочтителен вариант с *быть*. Ту же тенденцию демонстрируют примеры с наречием *всегда*, где конструкция без *быть* вообще не встречается.

1.3. Место конструкции с «*быть*» и без «*быть*» в структуре нарратива

Если дискурс представляет последовательность следующих друг за другом эпизодов, то эпизод со *стал быть* обычно избегает финальной позиции — после него вводится эпизод, описывающий **более позднее событие** (40), (41). Эпизоды с конструкцией без *быть*, напротив, стремятся занять последнее место в цепочке повествования (42).

- (39) *Ты **стал быть** в благодати Христовой, да и изнемог, да и разслаб (архиепископ Платон (Левшин). Нравоучение (1757));*
- (40) *Которые же откупщики усмотрели, что взятые ими на откуп воды **стали быть неприбыльны**, то, додержав урочные годы, отказались, и как другие тех вод за прежнюю цену взять не похотели, то воевода, уже с убавкою оных отдать не смея, оставил без отдачи, или другим именем, под видом новых, за половину или треть прежнего оброка отдал (В. Н. Татищев. Записка об отдаче на откуп рыболовных вод с целью увеличения казенных доходов (1741));*
- (41) *Такое милосердие истребило в ней прежнюю к распутству склонность, и **стала воздержна** или, так сказать, после обнаружения сего дела более не смела (А. А. Нартов. Рассказы о Петре Великом (1785–1786)).*

Интересно, что данное свойство конструкции с *быть* позже найдет отражение во вводной конструкции *стало быть*, одной из функций которой будет возвращение к потерянной какое-то время назад мысли, линии разговора или повествования (ср. (42), (43)).

- (42) [Н. К., муж] *А район у нас замкнутый. То йсть из него особенно не выедешь / потому что там излучина реки. И вот сейчас это просто стало уже невыносимо с точки зрения жизненного пространства. Везде стоят машины / там / где было там пять этажей / стало двадцать пять этажей / **стало быть** / плюс ещё машины / плюс... (Лекция по психологии на тему: «Левое и правое полушария головного мозга» // Из коллекции НКРЯ, 2007);*
- (43) [Губернатор, Сергей Гармаш, муж, 47, 1958] *В житейском. [Ляпкин-Тяпкин, Александр Ильин, муж, 53, 1952] Этот человек / вы. Ну / конечно / не считая господина императора. [Губернатор, Сергей Гармаш, муж, 47, 1958] А вы / **стало быть** / берёте? (Павел Лунгин и др. Дело о «Мертвых душах» / к/ф (2005)).*

1.4. Выводы: употребление конструкций со «*стать*» vs. «*стать быть*» в языке XVIII в.

Итак, в русском языке XVIII в. конструкция со связкой *стать* в сочетании с именной предикативной частью и в бытийных предложениях конкурировала с конструкцией со связкой *стал быть*. Четких правил и ограничений на употребление каждого варианта не существовало, но наблюдались отдельные тенденции, которые можно свести к следующим: конструкция с *быть* предпочтительна при обозначении повторяющейся или начавшейся однажды и далее не прекращающейся, постоянной ситуации, имевшей место в прошлом, особенно в далеком прошлом. Конструкция с *быть* практически невозможна, если соответствующая ситуация осмыслится говорящим как конец предшествующей ситуации, и нежелательна, если она представляется как момент, точка на временной оси. Все эти значения передаются с помощью базовой конструкции с глаголом *стать*. Тем самым конструкция с *быть* кодирует ситуации, которые говорящий воспринимает как отрезки на временной оси. За начальную точку отрезка отвечает глагол *стать*, конечная точка обеспечивается последующей ситуацией или моментом речи/наблюдения (связанным с ограничением на временную форму).

2. Конструкции со *стать* vs. *стать быть* в современной интернет-коммуникации

Как было сказано выше, в современной интернет-коммуникации конструкция со связкой *стать быть* употребляется более активно, чем в XVIII в. (возможно, правда, что причина этого заключается в сравнительно небольшом количестве дошедших до нас письменных памятников XVIII в.). При этом многие существовавшие в XVIII в. ограничения в языке русскоязычной интернет-коммуникации не работают. Прежде всего это касается снятия запрета на употребление *стать быть* в формах непрошедшего времени (ср. (44) vs. (45)–(49)).

(44) *К трем часам ночи схватки **стали быть** каждые 5–7 минут и невыносимыми* (rodili.ru, Sketch Engine).

По данным Sketch Engine, в современном языке уже нет ограничений на форму глагола *стать* (ср. (10), (11)). Тем самым в фокус внимания говорящего попадает протяженная во времени ситуация, но не всегда ее конечная точка (ср. (13), (14)).

(45) *Если человек поступает в мед школу, это еще 4 года только учебу и после интернатуры ты **станешь быть** не специалистом а семейным врачом. Если ты хорошо учишься в медиколе, то можешь стать специалистом но учиться нужно дольше (еще дополнительные годы по специализации)* (newwomen.ru, Sketch Engine);

- (46) *Журнал, по замыслу, должен **стать быть** ежемесячным. Но сначала намечается промежуточный этап: один номер в два месяца (zhurnal.ru, Sketch Engine);*
- (47) *Что же касается Вашего образного суждения о «непаханом поле», то вы, конечно же, в основном правы. Но всё же я не **стал бы быть** столь категоричным (blog.kremlin.ru, Sketch Engine);*
- (48) *Ведь мы здесь для того, что-бы **стать быть счастливыми**, и поэтому сами выбираем, хотим ли мы и дальше что-бы этот кто-то нажимал на наши «кнопки» или может это и есть то, что называется «не моё» (iloveyouthankyou.ru, Sketch Engine);*
- (49) *Хорошо бы **быть** в курсе, что в Венгрии окна из массива дерева давненько стали хорошим вкусом, посему **станем быть** похожим на евросоюзное общество (monar.ru, Sketch Engine).*

Снимая ограничение на временную форму *стать*, мы тем самым лишаем ситуацию со *стать* конечной точки, перенося фокус внимания на её длительность. Конструкция «*стать + быть + имя*» в современном русском языке становится семантически близкой уже не базовой конструкции со *стать*, а конструкции со связкой *быть* (ср. (50)–(51)). В ряде случаев (ср. (47)) замена конструкции со *стать быть* на конструкцию со *стать* оказывается практически недопустимой, в то время как замена на конструкцию с *быть* предпочтительна (51).

- (50) *После интернатуры ты станешь / будешь не специалистом, а семейным врачом;*
- (51) *Но всё же я ^{??} не стал бы / ^{ок} не был бы столь категоричным.*

3. Заключение

Корпусный анализ функционирования конструкций со *стать / стать быть* и неглагольной предикативной частью в языке XVIII в. позволяет понять, в каких условиях предпочтительна та или другая конструкция, определить место каждой из них в системе языка этого периода. Конструкция без *быть* употребляется по умолчанию, когда необходимо указать на начало ситуации, контрастирующей с предшествующей (см. [Зализняк, Шмелёв 2002]). Добавление *быть* происходит, если описываемая ситуация является длительной (однократной или повторяющейся), с одной стороны, и происходящей до момента речи, желательно задолго до него — так, чтобы между ситуацией и моментом речи имела место третья ситуация (или несколько). Тем самым семантический вклад обоих компонентов конструкции (*быть* и *стать*) оказывается примерно равным.

К началу XIX в. конструкция с *быть* перестает употребляться как специальное средство кодирования ситуаций описанного типа. Иными слова-

ми, язык перестает выделять данный тип ситуаций как специфический, нуждающийся в особом средстве кодирования.

В нестандартном русском языке (эритажном и языке интернета) конструкция со *стать* + *быть* кодирует множество ситуаций, более широкое, чем в XVIII в. Если признак длительности остается релевантным, то время протекания ситуации перестает быть определяющим. В результате семантический вклад компонента *быть* оказывается сильнее вклада компонента *стать*, тем самым оказывается актуальным иной тип конкуренции конструкций — *стать быть* vs. *быть*.

Л и т е р а т у р а

Борковский, Кузнецов 2006 — В. И. Борковский, П. С. Кузнецов. Историческая грамматика русского языка. М., 2006.

Демиденко 1963 — Л. П. Демиденко. Грамматическая и семантическая эволюция словосочетаний типа «начать + инфинитив» и «стать + инфинитив» в русском языке // Ученые записки Красноярского гос. пед. ин-та. Красноярск, 1963. Т. 25. Вып. 1. С. 18–46.

Зализняк, Шмелёв 2002 — Анна А. Зализняк, А. Д. Шмелёв. Семантика ‘начала’ с аспектологической точки зрения / Н. Д. Арутюнова (ред.). Логический анализ языка: Семантика начала и конца. М., 2002. С. 211–224.

Камышева 1994 — С. Ю. Камышева. Формирование семантической структуры модуляционно-связочных глаголов в древнерусском языке: Дис. канд. филол. наук. Волгоград, 1994.

Короткова, Сай 2006 — Н. А. Короткова, С. С. Сай. Глагол *стать* в русском языке: семантика, синтаксис, грамматикализация // Третья конференция по типологии и грамматике для молодых исследователей. Материалы. СПб., 2006. С. 96–101.

Молдован 2010 — А. М. Молдован. К истории фазового глагола *стать* в русском языке // Русский язык в научном освещении. 2010. № 1 (19). С. 5–17.

НКРЯ — Национальный корпус русского языка. [Электронный ресурс] URL: <http://ruscorpora.ru/search-main.html>.

Падучева 2001 — Е. В. Падучева. Фазовые глаголы и семантика начинаемости // Известия РАН. Сер. лит. и яз. 2001. Т. 60. № 4. С. 29–39.

Руднев 2014 — Д. В. Руднев. Связочные глаголы в русском языке XVII–XIX веков: Дис. ... док. филол. наук. СПб., 2014.

РГ-80 — Русская грамматика / Под ред. Н. Ю. Шведовой. Т. 1–2. М., 1980.

Самедова 2013 — Н. Г. Самедова. Омонимические конструкции *стать* + инфинитив: закономерности поведения // Acta universitatis szegediensis. Dissertationes slavicae. Sectio linguistica. XXX, 2013. С. 151–170.

Стойнова 2016 — Н. М. Стойнова. Аналитическая конструкция будущего времени. Материалы для проекта корпусного описания русской грамматики (<http://rusgram.ru>). На правах рукописи. М., 2016.

RLC — Русский учебный корпус. [Электронный ресурс] URL: <http://webcorpora.net/RLC>.

Sketch Engine — Sketch Engine Project. [Электронный ресурс] URL: <https://the.sketchengine.co.uk>.

Резюме

В статье рассматривается маргинальная для современного русского языка конструкция со связочным глагольным конгломератом *стать* + *быть* и ее нормативный вариант со связкой *стать* и неглагольной предикативной частью (ср. *стал быть счастливым* vs. *стал счастливым*). Данные конструкции рассматриваются в языке XVIII в., где обе они употреблялись регулярно и являлись нормативными, с одной стороны, и в языке современной интернет-коммуникации — с другой. Выявляются системные требования, обуславливающие выбор той или иной из конкурирующих конструкций. Показывается, что для языка XVIII в. и для современной интернет-коммуникации эти требования не одинаковы. Делается вывод о различном семантическом вкладе связочных компонентов конструкции в XVIII и XXI вв.

Ключевые слова: современный русский язык, русский язык в диахронии, грамматика конструкций, нестандартный русский, валентность глагола, связка, стативный глагол, фазовый глагол, глагол *быть*.

Получено 25.10.2017

ANNA L. LEONTYEVA, KRISTINA V. LITVINTSEVA

THE CONSTRUCTION *STAT BYT'* ('BECAME') IN RUSSIAN

Two constructions in Russian can be used to describe the event of becoming something/someone: '*stat*' + non-verbal predicate' and '*stat*' + *byt'* + non-verbal predicate'. The first construction ('*stat*' + predicate') is normal because the semantics of the verb '*stat*' includes two elements: 'phase' and 'existence'. As a consequence, the second construction '*stat*' + *byt'* + predicate' might seem excessive. However, it is common in two periods of Russian language: 1) from the end of the 17th century to the beginning of the 19th century, and 2) in the 21st century in the language of the internet, wherein it is used not only by Russian native speakers but also by bilinguals whose heritage language is Russian. This implies that, although in nineteenth-century Standard Russian the construction became obsolete, it never completely disappeared from the colloquial language. At the same time, there is a difference between the old and the modern usage: in contrast to eighteenth-century texts, in contemporary usage this construction is less dependent on the chronological axis; the semantic accent has shifted from the phase verb *stat'* to the stative *byt'*.

Keywords: construction grammar, non-standard Russian, valency of verbs, stative verbs, phase verbs, copula, history of the Russian language, modern Russian language, the verb *to be*.

Received on 25.10.2017

Г. А. МОЛЬКОВ

СМЕШЕНИЕ БУКВ **ѐ** И **ѣ** В СЛУЖЕБНОЙ МИНЕЕ НАЧАЛА XII В. (СОФ. 188)*

В ранней древнерусской письменности нестабильность в использовании букв **ѐ** и **ѣ** наблюдается в орфографических системах двух разных типов. К первому можно отнести системы, на существование которых впервые обратил внимание Н. Н. Дурново. Он заметил, что смешение **ѐ** и **ѣ** свойственно большинству древнейших восточнославянских рукописей, но при этом «употребление **ѐ** вместо **ѣ** в памятниках русского письма сводится или к единичным примерам при огромном количестве случаев правильного написания, или к определенным категориям» [Дурново 2000: 468]. К таким категориям ученый отнес замену **ѣ** > **ѐ** в основах **мѣта-**, **тѣлес-** и **обръѣт-**, в неполногласных сочетаниях с **рѣ** и **лѣ**, в местоименных формах **тѣбѣ**, **себѣ**, в основах с начальным **ѣ-** и в существительных на **-ѣник** [Там же: 469–472]. За пределами перечисленных разрядов в изученных Н. Н. Дурново рукописях смешение двух графем представлено единичными примерами. Широкая распространенность этого типа орфографических систем в древнерусской письменности подтверждается данными исследований других рукописей¹. В частности, тот же набор позиций с меной **ѣ** > **ѐ** представлен во всех рукописях, специально исследованных на предмет этой особенности М. Г. Гальченко [2001: 61]. Обратная замена в системах этого типа (**ѐ** > **ѣ**) наблюдается гораздо реже и напрямую связана с перечисленными категориями; часто это происходит в местоименных формах (типа **тѣбѣ** вместо **тѣбе** в РП и ВП), в основах, подвергшихся ассоциации со словами с неполногласным **рѣ** (**дрѣвле**, **сребро** > **дрѣвле**, **срѣбро** как **дрѣво**, **срѣда**), в существительных на **-ѣник** [Дурново 2000: 473–474].

Ко второму типу, встречающемуся намного реже, можно отнести те рукописи, где смешение букв **ѐ** и **ѣ** происходит чаще и не вписывается в рамки категорий, обозначенных Н. Н. Дурново. Из этого типа ранее всего в поле

* Исследование выполнено при поддержке РФНФ (проект № 16-34-00008).

¹ Ср., например, в декабрьской минее Тип. 96 первой пол. XII в. [Федорова 2015б: 380–381]; в списке Лествицы сер. XII в. [Попова 2013: 29], Златоструя XII в. [Караулова 1975: 80–81].

Георгий Анатольевич Мольков, Институт лингвистических исследований РАН

зрения исследователей попал список Служебной минеи на сентябрь — октябрь из собрания РНБ, Соф. 188, начала XII в. [СК: № 64], которому посвящена данная статья. При издании минеи 1095–1096 гг. И. В. Ягич пользовался этой рукописью для восстановления лакун текста. Он обратил внимание на то, что в Соф. 188 наблюдается «полнейшее смешение ѣ с є» [Ягич 1889: 41]; приводимые им примеры (в основном с первых 30 листов рукописи) показывают, что мена букв в этой рукописи происходит в обоих направлениях. Аналогичная ситуация — двусторонняя мена є и ѣ в большом количестве примеров — наблюдается в списке Стихиаря 1157 (?) г. (ГИМ, Син. 589), примеры из которого приводит А. И. Соболевский [1907: 69]. Кроме этих двух рукописей, Б. А. Успенский упоминает также второй почерк Типографского устава XI–XII вв. (собр. Третьяковской галереи, К-5349) в числе памятников письменности, в которых «широко смешиваются буквы ѣ и є» [Успенский 2002: 163]².

Первоначально факты, связанные со смешением є и ѣ, рассматривались как следствие их фонетической близости в древнерусском языке XI–XII вв. [Ягич 1889: 42; Соболевский 1907: 69]. Однако благодаря исследованиям А. А. Шахматова, Н. Н. Дурново, В. В. Виноградова и В. М. Живова была надежно установлена орфографическая природа этого явления. На настоящий момент факты с меной ѣ > є в определенных категориях форм получили убедительную интерпретацию. Согласно гипотезе, впервые предложенной А. А. Шахматовым, «в церковном чтении ѣ произносилось как е, и это неминуемо вело к смешению их на письме» [Шахматов 1915: 325]. В подтверждение этого тезиса большое количество фактологических данных собрал Н. Н. Дурново. По наблюдениям ученого, фонетическое основание для смешения є и ѣ можно предполагать для отдельных категорий. В связи с тем, что ѣ, по мнению Дурново, «звучало приблизительно как *je* или сложный звук, начинавшийся с артикуляции *i*» [Дурново 2000: 482], ѣ может передаваться через є в начальной позиции, после гласных и палатальных согласных, где противопоставление *je* / *je* нейтрализовалось.

Относительно других разрядов со смешением Н. Н. Дурново замечает, что словоформы, в которых часто допускается мена ѣ на є, отсутствовали в живом древнерусском языке. Написание є на месте ѣ связано, по его мнению, с тем, что чуждые языку писцов слова и словоформы усваивались в их оригинальном, южнославянском фонетическом виде, пропущенном через призму восточнославянской системы гласных. Дурново называет это явление «русским церковным произношением ѣ» [Там же: 480]³. Однако генезис этого произношения, как замечает В. М. Живов [2006: 191], может быть и не связан напрямую с акустическим восприятием болгарского звука, но опосредован орфографией.

² В. М. Живов приводит тот же перечень древнейших рукописей с частым смешением є и ѣ [Живов 2017: 725].

³ И. В. Ягич также пишет о «церковнославянском ѣ», который вошел в древнерусский язык «и как знак, и как звук» [Ягич 1889: 42].

В пользу этого говорит более частое написание с неэтимологическим гласным в тех случаях, когда в языке существовали соответствующие морфемы, различающиеся только звуками /ѣ/ — /ѥ/. Такая ситуация наблюдается для существительных на **-ѣннѣ** [Обнорский 1924: 212; Дурново 2000: 478].

Кроме того, благоприятствующие условия для замены **ѣ** > **ѥ** существовали при написании рефлексов сочетания **tert.* И. В. Ягич высказал догадку о том, что русские писцы писали здесь **ѥ** «потому, что думали, что **прѣ** (так произносили они церковное **прѣѣ**) не что другое, как сокращение народной, полногласной формы **перѣ**» [Ягич 1889: 44]. Подробнее этот вопрос был рассмотрен В. М. Живовым, который обратил внимание на более раннюю и последовательную русификацию неполногласных сочетаний **рѣѣ** на фоне **лѣѣ**. В связи с тем, что книжному **рѣѣ** во всех случаях соответствовало древнерусское **ѣрѣ** (при отсутствии такой однозначной корреляции для неполногласного **лѣѣ**), замена **рѣѣ** > **рѣ** могла регулироваться правилом: «пиши **ѣ** там, где в разговорном произношении слышится /ѣ/, пиши **ѥ** там, где в разговорном произношении слышится /ѥ/» [Живов 2006: 194].

Представленная интерпретация относится только к орфографическим системам, в которых смешение **ѣ** и **ѥ** ограничено узким кругом написаний. В объяснении систем другого типа — с более широким, «полнейшим», как его охарактеризовал И. В. Ягич, смешением двух букв на письме — среди исследователей наблюдается некоторая неопределенность. На раннем этапе осмысления фактов подобного рода как фонетических Ягич связывал написание Соф. 188 с «отсутствием резкой звуковой разницы» между соответствующими звуками [Ягич 1889: 42]. Однако такое утверждение не находит поддержки в написаниях древнейших рукописей. По мнению В. В. Виноградова, существование в древнерусском языке говоров с монофтонгизацией **ѣѣ** в **ѥѥ**, по данным рукописей, возможно предполагать для периода «не ранее второй половины XII века» [Виноградов 1923: 244]. Предложенная орфографическая трактовка систем первого типа и тот факт, что «рукописи со смешением **ѣѣ** и **ѥѥ** известны уже с древнейшей эпохи и могут происходить из регионов, где фонемы /ѣ/ и /ѥ/ не смешиваются ни в древнейший период, ни позднее» [Живов 2017: 724]⁴, показывают, что для частого смешения этих букв в отдельных рукописях XI–XII вв. нужно искать другое объяснение.

Гипотеза, объясняющая широкое смешение **ѣѣ** и **ѥѥ** в разных позициях в ранней древнерусской письменности, была предложена Б. А. Успенским.

⁴ Ср. также графические «эффекты» ранних берестяных грамот (XI — первой половины XII в.), связанные со смешением **ѣѣ** и **ѥѥ**: по словам А. А. Зализняка, фонетический источник этого явления исключается в связи с дальнейшим фонетическим развитием **ѣѣ** внутри новгородского диалекта. Исследователь предполагает проникновение этой особенности в орфографию бытовых текстов из книжной письменности [Зализняк 1986: 108].

По его мнению, источником наблюдаемого явления могло быть расхождение между книжным и разговорным произношением слогов с ϵ и ѣ , при том что в книжном согласный перед ϵ произносился твердо, а перед ѣ — мягко [Успенский 2002: 164]. Это приводило к тому, что в книжном произношении слог рѣ звучал так же, как ре — в разговорном (т. е. /r'e/); это искусственное тождество, согласно гипотезе исследователя, создавало путаницу в написании в книжных текстах.

Отличие этого объяснения от гипотезы Шахматова — Дурново состоит в том, что специфическое для книжного языка произношение ятя связывается не с ограниченным кругом форм, отсутствовавших в разговорном языке, а признается потенциально возможным в любом слоге с ѣ . Основная же непоследовательность аргументации Б. А. Успенского состоит в том, что гипотеза, объясняющая написания рукописей типа Соф. 188 (с их перечня ученый начинает изложение), на факты самих этих рукописей не опирается. Б. А. Успенский апеллирует к данным других древнейших рукописей (Изборников 1073 и 1076 гг., Архангельского евангелия 1092 г., Минеи XII в. Син. 161, Ефремовской кормчей, кондакарей XII–XIII вв. и нек. др.), к литургическому произношению старообрядцев, даже к свидетельствам писателей XVIII в. [Там же: 172], но не приводит ни одной формы из Соф. 188 или Стихираря Син. 589, в которых анализируемое явление представлено наибольшим количеством примеров. Несколько форм, хотя не самых характерных, приводится только из Типографского устава [Там же: 166, 168], в одном из почерков которого представлено широкое смещение ѣ и ϵ .

Таким образом, высказанная Б. А. Успенским гипотеза опирается в основном на тот же древнерусский материал, что и исследование Н. Н. Дурново, и не учитывает показания орфографических систем с «полнейшим» смещением ѣ и ϵ . В настоящем исследовании попытка проинтерпретировать данные таких систем на примере одной из рукописей опирается на предварительный анализ всего объема данных, касающихся написаний двух букв в ее почерке.

При интерпретации фактов частого двустороннего смещения ѣ и ϵ в почерке начала XII в. следует обратить внимание на то, что такая система существует в письменности одновременно с типовыми заменами $\text{ѣ} > \epsilon$; как будет показано ниже, в Соф. 188 присутствуют замены обоих типов. По этой причине, на наш взгляд, следует предполагать единый источник нарушения этимологического принципа записи ѣ и ϵ в рукописи: иначе пришлось бы предполагать, что один и тот же книжник в написании этих букв пользуется двумя (или более?) разными орфографическими принципами. При отсутствии описания этой системы преждевременно было бы говорить о «неразличении ѣ и ϵ » в ней, как это делает, например, В. М. Живов, и о необходимости выработать «более сложный концептуальный аппарат» [Живов 2006: 180, сноска 1] для объяснения такой системы.

1. Представим количественные данные по употреблению букв **ѣ** и **ѧ** в Соф. 188. Рукопись содержит 251 лист формата 4° [СК: 105]⁵, основной текст, написанный одним почерком, расположен на л. 2–250 (более 500 000 графем). Для описания особенностей орфографии Соф. 188 была произведена сплошная выборка материала.

Общий объем неэтимологических написаний **ѣ** и **ѧ** на фоне их стандартной записи, а также соотносительный объем замен **ѣ** > **ѧ** и **ѧ** > **ѣ** в Соф. 188 показан в Таблице 1⁶. При подсчетах в таблице не учитывались такие позиции с заменой, обычные в древнерусской орфографии XI–XII вв., как **ре**, **ле** в неполногласных сочетаниях, замены в местоименных формах **тебе**, **себе** / **тебѣ**, **себѣ**, в основе **тѣлес-** и в существительных на **-еник/-ѣник**, в начале слова (в дальнейшем будем условно называть их типовыми позициями).

Таблица 1

Мена **ѣ** и **ѧ** в Соф. 188. Общие данные

Фонема	Кол-во	%	Буква	Кол-во	%
/ѣ/	7311	77,5	ѣ > ѧ	2093	22,5
/ѧ/	20551	97	ѧ > ѣ	625	3

Имеющиеся данные с аналогичными подсчетами для орфографических систем со смешением **ѣ** и **ѧ** по отдельным рукописям показывают большой отрыв написаний Соф. 188 от орфографии с типовыми заменами **ѣ** > **ѧ**. Как отмечалось выше, замена **ѧ** на **ѣ** в таких системах наблюдается в единичных случаях, составляющих доли процента от общего числа употреблений графемы. Замена **ѣ** > **ѧ** наблюдается только в объеме, сопоставимом с меной **ѧ** > **ѣ** в Соф. 188. По подсчетам С. А. Липовой, в Изборнике 1076 г.

⁵ Язык рукописи не имеет каких-либо ярких диалектных признаков. И. В. Ягич отмечает, что в Соф. 188, «несмотря на значительный объем ее, нет ни одного примера новгородского смешения **ц** с **ч**, напротив, в ней заметны кой-какие черты, напоминающие памятники южнорусские старого типа (XI—XII в.)» [Ягич 1889: 41]. Нами не отмечено каких-либо отклонений от древнейшей нормы в написании редуцированных гласных, что соответствует датировке рукописи началом XII в., предложенной Ягичем [1886: XXXIV] на основании преимущественно палеографических данных и отраженной в [СК].

⁶ В Соф. 188 достаточно много подновленного текста. Чаще всего начиная с 30-х листов подновлены нижние строки, однако отдельные листы с осыпавшимся текстом (примерно в середине рукописи) подновлены более темными чернилами в большей степени. В приводимых ниже подсчетах примеры из подновленного текста также учитываются — в тех случаях, когда реставратор следует орфографии изначального текста или когда орфография стандартизируется, но невооруженным глазом видно, что буква **ѧ** или **ѣ** написана поверх своего дублета.

«этимологически верно ѣ употребляется 2845 раз, исключительными оказываются менее 2,5% написаний» [Липовая 2007: 241–242].

Более точно позволяют сопоставить Соф. 188 с показаниями других рукописей данные М. Г. Гальченко. Исследовательница производила подсчеты также без учета типовых позиций с меной; среди рукописей XII в. наибольший процент написаний буквы ϵ вместо ѣ дали Добрилово евангелие 1164 г. (ок. 1%), Выголексинский сборник конца XII в. (2%) и Типографское евангелие конца XII в. (ок. 1%) [Гальченко 2001: 62]. Таким образом, орфографическая система Соф. 188 за рамками типовых позиций демонстрирует мену ѣ и ϵ примерно в 10 раз чаще, чем обычные системы, допускающие смешение двух букв.

В такой ситуации действительно возникает ощущение «полнейшей», относящейся уже к графическому уровню дублетности ѣ и ϵ . Именно этим общим количественным соотношением, видимо, руководствовались исследователи при оценке орфографии Соф. 188. Тем не менее уже заметное отставание $\epsilon > \text{ѣ}$ (3%) от $\text{ѣ} > \epsilon$ (22,5%) показывает, что дублеты неравноправны, и, кроме того, оно не соответствует распределению, ожидаемому в рамках объяснения причин смешения, предложенного Б. А. Успенским. Как пишет исследователь, при смешении книжного и разговорного чтения слогов с ϵ и ѣ «формы с ϵ могут записываться через ѣ (сѣло), а отсюда смешение может идти и дальше и формы с ѣ могут записываться через ϵ (дело)» [Успенский 2002: 169]. Это означает, что мена $\epsilon > \text{ѣ}$ должна встречаться чаще, чем $\text{ѣ} > \epsilon$, как и обстоит дело в новгородско-псковских памятниках XIII в., изученных Н. М. Каринским, на исследование которого Б. А. Успенский ссылается непосредственно после процитированного утверждения. Однако в Соф. 188 ситуация противоположная; уже самая общая проверка (данные Таблицы 1) показывает, что происхождение нестандартной орфографической системы этой рукописи не может быть связано с правилами чтения слогов с ϵ и ѣ , реконструкция которых для XII в. сама по себе является сугубо гипотетической.

Детальное рассмотрение конкретных позиций, допускающих мену букв в Соф. 188, и их относительной частотности позволяет сделать предположение об источнике этого явления, связанном с закономерностями развития древнерусской орфографии старшего периода.

В связи с многочисленностью примеров с заменой букв в рукописи обобщим данные в виде таблицы, материал в которой дан в порядке убывания доли нестандартных написаний морфемы⁷. Для морфем с этимологическим ѣ это распределение выглядит следующим образом (курсивом выделены морфемы, суммарно представленные менее чем 10 примерами):

⁷ Морфемы рассматриваются более дифференцированно — по основам — в случае частотности основы (ср. **нѣнѣ** в таблице).

Таблица 2

Мена **ѣ** > **ѣ** в Соф. 188 в отдельных морфемах

Морфема	ѣ		ѣ	
	КОЛ-ВО	%	КОЛ-ВО	%
(за)прѣт-	14	100	—	
болѣзнь	59	89	7	11
вьсѣмь	114	86	18	14
слѣд-	73	82	16	18
слѣп-	6	75	2	25
цѣвниц-	3	75	1	25
рѣш-	35	73	13	27
лѣј-/рѣј-	8	73	3	27
рѣз-	5	71	2	29
желѣз-	7	70	3	30
фл. И-В дв. ч.	46	65,5	24	34,5
фл. ДП ед. сущ.	128	63	74	37
цѣн-	5	62,5	3	37,5
хлѣб-	5	62,5	3	37,5
фл. -ѣмь/-ѣми в мест.	5	62,5	3	37,5
грѣх-	105	62	64	38
тѣмь (ТП)	212	62	131	38
гнѣв-	8	61,5	5	38,5
нѣнѣ	128	60	85	40
лѣн-	3	60	2	40
рѣт-	36	57	27	43
колѣв-	6	54,5	5	45,5
фл. МП ед. прил.	48	52	44	48
лѣп-	26	50	26	50
колѣн-	4	50	4	50
нѣсть	14	48	15	52
сѣнѣд-	6	46	7	54
фл. ДП ед. прил.	41	43,5	53	56,5
лѣств-	3	43	4	57
крѣп-	76	43	101	57
цѣл-	70	43	93	57
(о)цѣст-	9	43	13	57
мѣн-	15	42	21	58
първѣнц-	2	40	3	60
человѣк-	4	40	6	60
вьсѣхъ (Р-МП)	63	39	99	61
стрѣл-	6	37,5	10	62,5
рѣк-	11	37	19	63

Морфема	€		ќ	
	кол-во	%	кол-во	%
т'ќхъ	20	36	36	64
фл. МП сущ.	148	34	288	66
<i>в'ќскр'ќс-</i>	3	33	6	67
<i>свер'ќп-</i>	1	33	2	67
<i>бес'ќд-</i>	2	33	4	67
-ќ(ва)ти	149	30,5	341	69,5
нареч. суф. -ќ	82	29,5	195	70,5
аор. б'ќ-	6	28,5	15	71,5
д'ќл(ити)	6	26	17	74
-ќи(ш)-	27	26	77	74
в'ќт- / об'ќт-	13	25,5	48	74,5
в'ќньц-	38	23	126	77
с'ќм(ен)-	6	23	20	77
в'ќс-	16	22,5	55	77,5
зв'ќр-	10	22	36	78
д'ќ- (в сущ. и глаг.)	7	21	26	79
м'ќс-	2	20	8	80
л'ќт-	7	19	30	81
д'ќв-	2	18	9	82
фл. РП сущ.	3	17,5	14	82,5
б'ќг-	7	17	34	83
т'ќш-	2	16,5	10	83,5
нев'ќст-	11	15	63	85
в'ќс-	2	13	13	87
м'ќр-	3	12	22	88
в'ќк-	8	9,5	76	90,5
с'ќн-	2	9,5	19	90,5
с'ќд-	3	9	29	91
в'ќд-	33	8,5	353	91,5
с'ќк-	5	7	64	93
в'ќр-	43	6	623	94
ст'ќн-	1	5	18	95
б'ќд-	14	5	265	95
зв'ќзд-	1	3,5	28	96,5
сп'ќх-	1	3	29	97
св'ќт-	21	3	778	97
цв'ќт-	1	3	36	97
д'ќл(ати)	2	2,5	80	97,5
м'ќст-	1	2	49	98
п'ќ(ти)	4	0,5	916	99,5

Не учтены в Таблице 2 встретившиеся только в неэтимологическом написании редко употребляемые в рукописи морфемы/основы: **сѣтъа-жеахомъ** 9 (старославянское написание суффикса имперфекта **-ѣах-** в рукописи более не встречается); **разгнкце/никъмь** 11; **вълезъ** 103 об.; **се/тованиа** 104; **газъыкы немъ** 250.

Более редкие написания с обратной меной **ѣ > ѣ** представлены в Соф. 188 в следующих морфемах:

Таблица 3

Мена **ѣ > ѣ** в Соф. 188 в отдельных морфемах

Морфема	ѣ		ѣ	
	кол-во	%	кол-во	%
вѣсѣд-	15	79	4	21
пѣщер-	6	75	2	25
пѣк-	3	75	1	25
трѣпѣ(т/щ)-	5	71,5	2	28,5
пѣщ-	46	68,5	21	31,5
дѣсѣт-	2	66	1	34
вѣщ-	13	62	8	38
трапѣз-	8	57	6	43
дѣсн-	6	54,5	5	45,5
вѣтъх-	8	53	7	47
-ѣс- (в * <i>es</i> -основах)	136	49,5	139	50,5
пѣчат-	2	33	4	67
надѣж-	12	32,5	25	67,5
вѣд-	29	28	75	72
вѣл-	17	26	48	74
-ѣро (собир. числ.)	1	25	3	75
въсѣмь	2	25	6	75
одѣж-	3	20	12	80
въждѣл(ѣтн)	2	20	8	80
мѣч-	7	20	28	80
фл. ИП -овѣ	2	18	9	82
тѣпл-	5	18	23	82
тѣк-	15	16,5	76	83,5
фл. ДП дв.ч.	1	14	6	86
мѣд-	1	14	6	86
стѣпен-	1	14	6	86
фл. аор. 2—3 ед.	38	12,5	262	87,5
фл. наст. вр. 2—3 ед.	14	10,5	117	89,5
фл. РП на *-ѣ, *-ѣс	19	9	200	91
пѣтр-	2	9	21	91
тѣв-/сѣв-	17	9	177	91

Морфема	ε		ϕ	
	кол-во	%	кол-во	%
грѣв-	1	9	10	91
вьсе(гда)	19	7	260	93
фл. аор. на -стѣ (2 мн.)	10	6,5	142	93,5
нен/немь	2	6	31	94
прил. суф. -ѣв-	1	6	15	94
глагол. суф. -ѣва-	1	5,5	18	94,5
вѣс- / вѣз-	26	5	463	95
фл. ДП -ѣви	1	4,5	21	95,5
се	1	4	23	96
прич. суф. -ѣн-	29	3,5	784	96,5
рѣбр-	1	3,5	27	96,5
вѣсел-	5	3	159	97
-ѣн- (в *еп-основах)	7	3	223	97
рек-	1	3	29	97
преж(д)ѣ	2	2,5	77	97,5
фл. пов. накл. на -тѣ	2	2	116	98
фл. Зват.ф.	23	< 1,5	> 1500	> 98,5
вѣл(нк)-	3	1	292	99
нѣ-	3	0,2	1575	99,8

Не включены в Таблицу 3 те случаи, когда мена в морфеме встретилась по одному разу при отсутствии в Соф. 188 ее этимологических написаний: **вѣзлахоу** 31 об., **Сѣвѣрѣтѣса** 72 об., **дѣвѣльство** 218 об.⁸

Материал Таблиц 2 и 3 показывает, что взаимная замена букв ϕ и ε в орфографии писца Соф. 188 — явление, имеющее центр и периферию. Центральную часть составляют морфемы (или основы), в которых нестандартное написание преобладает или является равноправным вариантом стандартного этимологического, периферию — отклонения от правильных для писца рукописи написаний, которые, вероятно, появились под воздействием орфограмм центральной части. Периферийные явления можно поставить в один ряд с единичными примерами смешения ε и ϕ вне типовых позиций, которые встречаются почти во всех ранних рукописях (см. примеры — [Дурново 2000: 472–473]). Только они могут считаться проявлением не-

⁸ В двух последних примерах неэтимологическое написание может быть связано с антиципацией гласного следующего слога. Такой фактор, на наш взгляд, в системе написаний Соф. 188 может рассматриваться только применительно к морфемам с единичными заменами. В отличие от них, например, основа **вѣсѣд-**, дающая максимальную долю неэтимологических написаний, по данным Таблицы 3, пишется в виде **ϕѣсѣд-** явно сознательно (т. к. этот вариант записи преобладает), а не вследствие невнимательности писца и антиципации ϕ в следующем слоге.

упорядоченности в использовании двух букв. Основная же масса написаний с заменой в Соф. 188 имеет осознанный орфографический характер.

2. Рассмотрим морфемы, где произведена замена **ѣ** > **ѥ**. В Таблице 2 представлено 26 морфем и основ, которые пишутся в нестандартном виде в половине случаев и чаще, при этом в большинстве из них (16 из 26) неэтимологическое **ѥ** пишется после **р** или **л**. В таких морфемах последовательность замены в почерке достигает максимальных показателей. За счет этого написания после **р** и **л** выделяются на фоне остальных общим соотношением неэтимологических написаний: в таких морфемах мена происходит в 529 позициях из 850, т. е. в 62% примеров (при 22,5% для **ѣ** > **ѥ** в целом). Видимо, в соседстве с буквами плавных согласных можно предполагать основной источник своеобразной орфографии писца.

Важно отметить, что этот фактор оказывается несущественным для мены **ѥ** > **ѣ**: в 20 первых морфемах Таблицы 3 (20% случаев с меной и больше) гласный стоит не после сонорных плавных. Встретившиеся замены на **ѣ** в морфемах после **р** (**грев-**, **ревр-**, **рек-**) единичны. Приведенный материал говорит о том, что в рамках самой частотной позиции с заменой — в морфемах после **р**, **л** — нет смешения букв **ѣ** и **ѥ**, их мена является однонаправленной (**ѣ** > **ѥ**).

Такой механизм очевидным образом связан с одной из типовых позиций замены **ѣ** на **ѥ** в ранней древнерусской орфографии, а именно с меной в неполногласных сочетаниях с **рѣ** и **лѣ**. Это подтверждается и функционированием данной орфограммы в составе **tert*, **telt* в Соф. 188: русификация таких морфем в рукописи проведена очень последовательно. Ряд основ писец рукописи пишет только через **ѥ**: **преж(д)ѥ** (79 раз), **врем-** (27), **мреж-** (5), **-мрети** (4), **чресл-** (4), **-жрети** (4), **стрег-** (3), **врещи** (2), **брем-** (2), **жреб-** (2), **чреп-** (2), **вретищ-** (1), **прек-** (1), **-врести** (1), **жребл** (1); **влек-/облек-** (22), **плен-** (9), **шлем-** (1). В меньшем количестве морфем с данным рефлексом возможна вариативность с преобладанием написаний через **ѥ** (см. Таблицу 4). Исключением на общем фоне является основа **плѣвел-** с написанием через **ѣ**, встретившаяся всего один раз.

Таким образом, вариативность в написаниях рефлексов **tert*, **telt* сопоставима с данными Таблицы 2: например, доля русифицированных написаний основы **(нѥ)врѣг-** совпадает с долей написаний через **ѥ** основы **волѣзн-**⁹; показатели для основы **срѣд-** аналогичны показателям для **рѣш-**, **рѣз-**.

⁹ Для орфографии писца Соф. 188 различие **р** / **л**, по всей видимости, нерелевантно, в отличие от основной массы древнейших почерков, где **рѣ** > **рѥ** происходит последовательнее, чем **лѣ** > **лѥ** [Дурново 2000: 480]; Соф. 188 объединяется по данному показателю с несколькими почерками XI—XII вв. — вторым почерком Архангельского евангелия 1092 г., Мстиславовым евангелием, первым почерком Устава студийского второй половины XII в. [Там же: 470]. С системой написаний Мстислава евангелия имеется дополнительное сходство: здесь, как и в Соф. 188, замены **ѣ** > **ѥ** после **л** последовательнее, чем после **р** [Федорова 2015a: 165].

Таблица 4

Вариативное написание рефлексов **tert*, **telt* в Соф. 188

Морфема	трѣт		трет (терет)	
	кол-во	%	кол-во	%
чрѣв-	1	1	91 (11)	99
прѣ-	34	2	1553	98
прѣд-	4	3	120	97
трѣв-	2	5	37	95
врѣд-	2	6,5	29	93,5
млѣк-	1	10	9	90
(не)врѣг-	1	11	8	89
дрѣв-	14	17,5	66	82,5
срѣд-	12	29	27 (2)	71

Орфографическое влияние написаний **tert*, **telt* на отдельные морфемы с **рѣ/лѣ** (с этимологическими *rě*, *lě*) отмечалось исследователями в некоторых рукописях XI–XII вв. По данным Н. Н. Дурново, в четырех памятниках «**е** вместо **ѣ** встречается более или менее часто в основе **обрѣт-**» [Дурново 2000: 472]. В Соф. 188 эта основа также чаще (58%) пишется через **е**. В более поздней рукописи — Евангелии Верковича к. XIII в. — по данным М. Г. Гальченко, «подавляющее большинство написаний после **р**» с заменой **ѣ** > **е** приходится на корни **грѣх-**, **обрѣт-** и основу **зърѣ-** [Гальченко 2001: 66].

В орфографии изучаемой рукописи аналогия с написаниями **tert*, **telt* доведена до предела: любой слог **рѣ/лѣ** становится объектом внимания и подлежит перекодировке. Если в стандартной ранней орфографии «в словах, известных живому русскому языку, писцы сочетаний **ре** и **рѣ** не смешивали» [Дурново 2000: 481], то писец Соф. 188 использовал операцию **рѣ** > **ре**, не учитывая каких-либо ограничений. При таком подходе действует простой принцип: **ре**, **ле** правильнее, чем **рѣ**, **лѣ**. Тот факт, что в этимологических **tert*, **telt* этот принцип реализован полнее (ср. 100% **ре**, **ле** для значительной части таких морфем), связан с написаниями антиграфа: в рукописи, с которой переписывалась Соф. 188, видимо, болгарские написания **tert*, **telt* уже частично были заменены на русские (т. е. рукопись была древнерусского извода). При повторной правке такой орфографии (исходя из описанного принципа) болгаризмов в области **tert*, **telt* осталось совсем мало.

Кроме рассмотренных морфем, действием сформулированного принципа (**ре**, **ле** правильнее, чем **рѣ**, **лѣ**) можно объяснить также большинство написаний с меной в глаголах на **-ѣ(ва)ти** — в 115 из 149 примеров перед устранимым **ѣ** находится **р** или **л** (**оузърѣвѣ** 13 об., 103 об., **въждѣлѣста** 16 об., **повѣлѣвакѣтѣ** 19 об., **повелѣнок** 38, **дшѣтълѣньнѣти** 69, **Зазърѣвѣ** 75, **нетълѣньнѣти** 76 об., **нетълѣньноу** 77 об., **въждѣлѣвѣ** 78, **Презърѣ** 97 об., **зърѣти** 98 об., 99 об., 117 об., 227 и др.); часто неэтимологическое **е** пишется

в словоформе ДП ед. **силѣ** (10 об., 15 об. (ter), 16, 43, 50 об., 75 об., 93, 112 об., 113 об., 127 об. (bis), 130 об., 142 (bis), 145 об., 148 об. (bis), 154, 157 об. (bis), 170 (ter), 185, 196 об. (bis), 202 об., 208, 226, 231 об., 237 об., 239 об., 240); реже после плавных происходит замена и в других суффиксах или окончаниях (**на колѣхъ** 31 об., **въ мирѣ** 160, 182, 189 об., 209 об., 215, 218, 237, 247, 250, **всѣсвѣтълѣи** 170 об., **премоудрѣк** 149 и др.).

Однако с действием указанного принципа может быть ассоциирована только часть примеров замены **ѣ** на **ѣ**, представленных в Таблице 2. В сумме все эти примеры составляют лишь около трети от всего объема написаний с меной **ѣ** > **ѣ** в рукописи. Частотные замены в Соф. 188 наблюдаются и в позициях, никак не связанных со слогами **рѣ/лѣ**.

Для интерпретации остальной массы нестандартных написаний следует обратить внимание на то, что позиция **tert*, **telt* — лишь одна из нескольких типовых, провоцировавших **ѣ** вместо **ѣ** на русской почве. Если она могла дать такой большой резонанс в орфографической системе, то и остальные позиции у писца, внимание которого явно направлено на написания **ѣ**, **ѣ**, имевшиеся в антиграфе, должны были иметь сходные побочные эффекты — амплификацию принципа, лежащего в основе типовой замены. Рассмотренные выше написания после **р**, **л** показывают, что орфография Соф. 188 выстраивается в отрыве от произношения соответствующих форм. Такие слова, как **слѣдъ**, **грѣхъ**, не должны были вызывать у древнерусского писца сложностей с произнесением, но тем не менее записывались им в виде **слѣдъ**, **грѣхъ**, т. е. вопреки звучанию¹⁰. По-видимому, замена «нежелательного» **рѣ** на «более правильное» **рѣ** в данном случае — явление исключительно письменного текста. Этот важный момент необходимо учитывать и при анализе остальной массы неэтимологических написаний в рукописи.

3. Общей предпосылкой возникновения типовых замен, в интерпретации Н. Н. Дурново, являлся момент соотнесения двух форм — одной с **ѣ**, а другой с **ѣ** (**прѣ-/перѣ-**, **тѣл-/телѣс-**, **тебѣ-/тебѣ**, **-ѣте/-ѣте**, **-ѣник/-ѣник**, **-ѣль/-ѣль**). Если абсолютизировать этот принцип (как писец Соф. 188 поступил с заменой **рѣ**, **лѣ** > **рѣ**, **лѣ**), можно получить следующее орфографическое правило: делать замену буквы следует в тех случаях, когда есть соотносимые формы/морфемы/основы, различающиеся буквами **ѣ** и **ѣ**. Применительно к описанной выше ситуации (**ѣ** > **ѣ** заметно более частое, чем **ѣ** > **ѣ**) по этому правилу писец в большинстве случаев в написании с этимологическим **ѣ** меняет его на **ѣ**, если есть соотносимое написание с этимологическим **ѣ**. Среди написаний с заменой, приводимых в Таблицах 2 и 3,

¹⁰ Это показывает, что объяснительные модели, предлагаемые Б. А. Успенским и В. М. Живовым, к системе написаний Соф. 188 неприменимы, т. к. важный их компонент — опора писцов на тот или иной вариант произношения определенных языковых единиц.

в соответствии с этим правилом выделяются несколько групп, сформированных вокруг определенного элемента.

Писец Соф. 188 явно расценивает написание местоименной формы мн. ч. **вѣсѣмѣ** как неправильное (несмотря на то, что произносит ее как /вѣсѣмѣ/): в 86% случаев (114 раз) он пишет ДП мн. ч. в виде **вѣсѣмѣ**. Это нестандартное написание наиболее частотно из числа не связанных со слогами **рѣ** / **лѣ**. Менее часто, но тоже в заметном количестве примеров через **ѣ** записываются и другие формы местоимения **вѣсѣ**: в 39% случаев формы Р-МП мн. ч. (**вѣсѣхѣ**, 63 раза) и 6 из 8 встретившихся форм ТП ед. (**вѣсѣмѣ**). Замена **ѣ** > **ѣ** здесь связана с тем, что в парадигме этого местоимения часть форм начинается на **вѣсѣ-**, а часть — на **вѣсѣ-**¹¹, т. е. данная корреляция организована на основе той же оппозиции букв, что и связанные с типовыми заменами. Обратная операция (**ѣ** > **ѣ**) наблюдается в рамках этой пары заметно реже (7% случаев), и почти только (за исключением **вѣсѣи** 136) в дериватах с первой частью **вѣсѣ-** (15 из 19 форм приходятся на наречие **вѣсѣгда**; кроме него: **вѣсѣчѣсѣ**: 56 об., **вѣсѣдѣтелѣ**- 64 об., 241 об.).

Неэтимологические написания в рассмотренном местоимении связаны с еще одной оппозицией — элементов **-ѣм/-ѣм** и **-ѣх/-ѣх**, различающихся буквами **ѣ** и **ѣ**. Эта корреляция могла быть поддержана соотношением флексий местоименной парадигмы и именных. Для **-ѣм-** соответствие имелось в совпадающих в южно- и восточнославянском ареалах именных флексиях ДП мн. **jo*-склонения, а также в южнославянской флексии ТП ед. той же парадигмы; но кроме этого, оба написания (и **-ѣм-**, и **-ѣх-**) имели параллель с **ѣ** в именных окончаниях других склонений в их болгарской огласовке с прояснением редуцированных — такие окончания, заимствованные через письменную норму, были известны на Руси в эпоху до падения редуцированных. Такие именные окончания используются в некоторых древнерусских рукописях XI в. Ср. в Чудовской псалтыри: **звѣремѣ** — 4 раза; **бранемѣ** 85а, **дѣтемѣ** 134а, **клѣтемѣ** 138а, **людемѣ** 148г и др.; МП мн. — **гжслехѣ** 16г, **страстехѣ** 111б, 112а, **тѣлесехѣ** 75а, **небесехѣ** (**нѣсехѣ**) — 4 раза, **словесехѣ** — 4 раза [Обнорский 1912: 347]; в Толстовской псалтыри (РНБ, Ф.п.І.23), по нашим наблюдениям: **людемѣ** 17 об., 31, 75, 81, 105, 115, 123 об., 130 об., 141 об., 156, 173 об., 177 (bis), 194 (bis), 195 об., 196 об., 208 об., 255 об.; **лѣтемѣ** 56, **вавилонанемѣ** 68 и др.; **на нѣсехѣ** 16, 18 об., 25 об., **о людехѣ** 35, **въ гоуслехѣ** 39, **въ бранехѣ** 42 и мн. др. При таком соотношении замены **-ѣм-** > **-ѣм-**, **-ѣх-** > **-ѣх-** получали дополнительную мотивировку: исходные элементы воспринимались как немаркированные, а варианты с **ѣ** как специфически книжные. Это в совокупности с основным принципом (менять **ѣ** на **ѣ** в соотносимых элементах) могло

¹¹ Характерно, что в Милятином евангелии, написанном, как и Соф. 188, в первой половине XII в., писец Домка также обращает внимание на корреляцию форм **вѣсѣ-**/**вѣсѣ-** и выстраивает на этой основе орфографическую дистрибуцию вариантов **вѣс-**/**вѣс-** [Мольков 2015: 716].

вызвать активность замен в Соф. 188; таким образом, замена **вьсѣѣмъ** > **вьсѣемъ** проводилась сразу по двум соображениям, буква **ѣ** оказывалась на стыке двух корреляций — **вьсѣѣ-/вьсѣе-** и флективных **-ѣм-/ѣем-**.

Замены коррелятивных элементов флексии (**-ѣм-** > **-ѣем-** и **-ѣх-** > **-ѣхх-**) используются в Соф. 188 и за пределами парадигмы местоимения **вьсь** с сохранением их относительной частотности — а именно при написании форм указательного местоимения **чѣ**. В большинстве примеров форма ТП ед. (62%, 212 раз) записывается как **чѣемъ**; менее половины форм Р-МП мн. (36%, 20 раз) этого местоимения также пишется через **ѣ** — **чѣхъ**. Реже в рукописи употребляются соответствующие формы других местоимений, но и для них выдерживается преимущественное использование нестандартной орфограммы; 5 из 8 таких форм пишутся через **ѣ**: **инѣмъ** 3, **ѣднѣми** 13, 54, 189, **онѣми** 244.

За пределами местоимений тот же принцип действует в членных формах прилагательных. В общей сложности в 59 формах (47% случаев) мена **ѣ** > **ѣ** происходит в МП ед. муж. рода в сочетании **-ѣм-** (**сѣмьртнемъ** 54, **разоумьнкьмъ** 58 об.¹², **мрачьнемъ** 104 об., 129 об., **вѣжьствьнемъ** 107 об., **неправдьнемъ** 108 и др.) и во флексии Д-МП ед. жен. рода **-ѣи**¹³ (**сѣмьртньней** 31 об., **отрочьстен** 42, **пресвьтълен** 51, **грѣховьненей** (!) 99, **цркъвьнен** 100 об. и др.); аналогичные замены в 5 случаях произведены в формах дв. ч. (**вьсѣсрѣчьнен** 53 об., **прѣчьстен** 82, **врачьствьнен** 138, **срѣчьчьнен** 203 об., **чьстьньки** 232 об.).

Вероятно, в орфографическом плане к этой группе написаний можно отнести и замену **-ѣх-** > **-ѣхх-** в МП существительных (11 из 148 примеров, указанных в соответствующей строке Таблицы 2).

Следующий элемент, привлекавший внимание оппозицией **ѣ** / **ѣ**, — конечная буква словоформы, составляющая отдельную морфему. Такое общее обозначение необходимо, поскольку в Соф. 188, как показывают Таблицы 2 и 3, мене подвержена фактически любая финальная морфема в слове, план выражения которой состоит из **ѣ** или **ѣ**. Описываемая ситуация характерна, во-первых, для окончаний существительных (**ѣ**: Д-МП ед., И-В дв. / **ѣ**: Зват. ф., РП ед. склонения на согласный и *и*, ИП мн. **и*-склонения)¹⁴ и ряда кратких форм прилагательных (Д-МП ед., И-В дв., Зват. ф.); во-вторых, для суффикса наречий (**ѣвѣ/прежде**). В общей сложности в Соф. 188 мене подвержено 576 подобных позиций, причем мена **ѣ** > **ѣ** ожидаемо происходит намного чаще, чем обратная замена. В рамках же мены **ѣ** > **ѣ** доля нестандартных написаний выглядит однородно, независи-

¹² Использование графемы **ѣ** наряду с **ѣ** для замены **ѣ** подробнее рассматривается далее, в п. 6.

¹³ Орфограмма **-ѣи** вместо **-ѣи** организована по тому же принципу, что и пара **-ѣм-/ѣем-**: на основе соотносимых этимологических флексий **-ѣи** и **-ѣи**.

¹⁴ Ср. среди типовых замен орфографическое смещение разных падежных форм **тѣе/тѣѣѣ, сѣе/сѣѣѣ**.

мо от типа морфемы, хотя во флексиях имен наблюдается несколько бóльшая последовательность (44,5%), чем в суффиксах наречий (43%).

Наибольшей последовательностью в использовании нестандартной записи среди имен, как можно видеть из Таблицы 2, отличаются формы дв. ч. (65,5%) и ДП ед. (63%). Среди наречий выделяется представленное отдельной строкой в Таблице 2 наречие **нѣинѣ** (60% написаний с **ѣ**)¹⁵. Именно в этих трех разрядах с меной **ѣ** > **ѣ** неэтимологические написания были поддержаны фонетически (см. рассмотрение этого вопроса ниже, п. 6).

В ту же корреляцию, связанную с конечной морфемой, менее активно вступали глагольные аористные формы. В глагольной парадигме флективный **ѣ** встречается только в формах 1 л. дв. ч., поэтому по отношению к написаниям глагольных форм антиграфа писец Соф. 188 имел возможность править орфографию в основном в направлении **ѣ** > **ѣ** (частотные аористные формы 2—3 ед. на **-ѣ** и формы 2 мн. на **-стѣ**), которое для него менее актуально, чем **ѣ** > **ѣ**. Как видно из Таблицы 3, такая правка проходила в 12,5% и 6,5% случаев соответственно, что сопоставимо с меной **ѣ** > **ѣ** в именной флексии РП ед. склонений на согласный (9%).

Все рассматривавшиеся до сих пор группы примеров были связаны преимущественно с односторонней заменой **ѣ** > **ѣ**. В совокупности (в словах с **р**, **л**, в окончаниях местоимений и имен) такая правка проведена в 1658 примерах; это составляет более $\frac{3}{4}$ всех неэтимологических **ѣ** вне типовых позиций в Соф. 188, что говорит о первостепенной роли для орфографии **ѣ/ѣ** принципа замещения этимологического **ѣ** буквой **ѣ** при возможности установить описанные корреляции.

4. Однако среди типовых позиций смешения двух букв есть и такие, в которых замена может производиться в обе стороны (хотя также с преобладанием **ѣ** > **ѣ** над **ѣ** > **ѣ**). К случаям неэтимологического **ѣ** в пределах типовых позиций относятся написания **тѣвѣ** в Р-ВП, **-ѣниј-** на месте **-ѣниј-**, **-ѣль** вместо этимологического **-ель** [Дурново 2000: 471–472]. За пределами частотных позиций — слов с плавными сонорными и флективных написаний — в Соф. 188 наблюдаются более локальные пары квазиомонимов. Среди них мена **ѣ** > **ѣ** более распространена (наряду с **ѣ** > **ѣ**), чем в описанных выше группах.

Чаще всего с **ѣ** на месте **ѣ** (79% случаев) в Соф. 188 пишется основа **-вѣсѣд-** (в виде **-вѣсѣд-**). Кроме того, достаточно часто (26 примеров) через **ѣ** пишется частотная приставочная морфема **вѣс-/вѣз-**. С ними соотносится элемент с этимологическим **ѣ** — корневая морфема **вѣс-**, в которой в 22,5% случаев (16 раз) также наблюдается мена буквы гласного¹⁶. Хотя

¹⁵ Похожая орфография наречия **нѣинѣ** наблюдается в списке Златоуструя XII в., где неэтимологическое написание **нѣине** использовано 38 раз при всего 4 написаниях **нѣинѣ** и 10 — **нѣина** [Караулова 1975: 82].

¹⁶ М. Г. Гальченко также отмечает «особую частоту» неэтимологических написаний корня **вѣс-** [Гальченко 2001: 68].

ность букв **-ѣн-** корня **мѣн-**. Чтобы показать выделенность этой морфемы на фоне рядоположенных элементов, приведем в отдельной таблице данные по нескольким корням, начинающимся с **мѣ-**.

Таблица 5

Замена **ѣ** > **е** в корнях на **мѣ-**

Морфема	е кол-во	%	ѣ кол-во	%
мѣн-	15	42	21	58
мѣст-	1	2	49	98
мѣс-	2	20	8	80
мѣр-	3	12	22	88

Ассоциация корня **мѣн-** и последовательности **-ѣн-** в суффиксальной части на первый взгляд неочевидна, но на примере конкретных словоформ просматривается, ср.: **неизменьнѣ** 40 об. как **нетъленнѣ** 55 об.

Реже (в 23% случаев, 38 раз) аналогичная замена наблюдается в последовательности **-ѣн-** в составе основы **вѣнѣц-**. В этом случае уже трудно подобрать какое-то дополнительное основание для сближения с суффиксальным **-ѣн-**, кроме самой последовательности этих букв. Тем не менее среди корней, начинающихся на **вѣ-**, основа **вѣнѣц-** занимает место, аналогичное положению **мѣн-** среди корней на **мѣ-**.

Таблица 6

Замена **ѣ** > **е** в корнях на **вѣ-**

Морфема	е кол-во	%	ѣ кол-во	%
вѣнѣц-	38	23	126	77
вѣр-	43	6	623	94
вѣд-	33	8,5	353	91,5
вѣс-	2	13	13	87
вѣк-	8	9,5	76	90,5

Ситуация со смешением **-ѣн-/-ен-** хорошо показывает природу рассматриваемого явления. Аналогично операции **рѣ, лѣ** > **ре, ле**, полностью оторвавшейся в сознании правящего орфографии писца Соф. 188 от корней с группой **tert/*telt*, мена **-ѣн-** > **-ен-** (реже обратная) отрывается от причастий и начинает применяться как орфографический штамп в содержащих ее основах прилагательных и в отдельных корнях. За пределами обозначенного круга замена буквы гласного перед **н** не используется и редкие исключения можно рассматривать как ошибки против принятого принципа. Так, в других корнях, имеющих последовательность **-ѣн-**, замены единичны

(см. **сѣн-**, **стѣн-** в Таблице 2), а, например, к слову **пѣнник** операция **ѣн > ен** совсем не применяется. Мену **ѣ > е** в корнях, начинающихся на **мѣ-** (см. Таблицу 5), можно отнести к орфографическим ошибкам, допущенным под влиянием корня **мѣн-**.

Более частые мены вне **-ѣн-** в корнях, начинающихся на **в** (например, 43 раза **вєр-** вместо **вѣр-**¹⁹), также в строгом смысле являются ошибками против принятых правил замены, за которыми писцу в данном случае было труднее уследить в связи со сложностями системы, описанными в следующем разделе.

Таким образом, отношения элементов, заключающих орфограмму **-ѣн/-єн-**, оказываются двухступенчатыми. Ее формирование происходит в связи с наличием отделенных морфемными швами элементов, а на следующем этапе в сферу ее действия втягиваются и те морфемы, которые имеют последовательность **-ѣн-** в своем составе. «Орфографическое мышление» (по выражению А. А. Зализняка²⁰) писца выделяет основы **мѣн-** и **вѣнць-** на фоне других, начинающихся на тот же слог, и устанавливает их связь с морфемами, послужившими отправной точкой для появления орфограммы.

5. Следует обратить внимание, что последняя рассмотренная пара квазиомонимов, как и наиболее частая позиция с меной в Соф. 188 после сонорных и мены, связанные с корреляциями в составе флексий (**-ѣм-**, **-ѣх-**), — это двубуквенная последовательность. Если для пар **вѣс-/вєс-**, **вѣд-/вєд-** ассоциация, которую имел в виду писец, достаточно очевидна, то для двубуквенной последовательности из-за ее краткости в некоторых случаях достаточно трудно уловить ход мысли, приведший к соотношению двух элементов. Например, для корня **мѣн-** обнаруживается ассоциация с другими последовательностями **-ѣн-** только через параллель конкретных форм: **неизменьнѣ/нетѣленьнѣ**.

Для нескольких буквенных последовательностей, несомненно имеющих для писца Соф. 188 статус орфографических клише, сложно однозначно установить ход мысли, придавший им орфографический статус. Таких примеров можно выделить два, при этом в обоих случаях используется менее активное направление мены между **ѣ** и **є** — **є > ѣ** (ср. бóльшую активность такой мены и в парах **вѣс-/вєс-**, **вѣд-/вєд-**).

Яркой особенностью орфографии изучаемой рукописи является одинаково допустимое написание с **є** и с **ѣ** форманта **-єс-** в основах существительных (и производных от них), генетически принадлежавших типу склонения на ***-es-**. Как можно видеть из Таблицы 3, эта частотная в тексте минее позиция 139 раз пишется в исконном виде, а 136 раз (49,5%) — с заменой на **ѣ**: **бѣсловѣствѣюта** 5 об., **чюдѣсѣ** 8 об., 17 об., 20 об., 28 об.,

¹⁹ Ср. с «повышенной частотой» замен **вѣр-** > **вєр-** в материалах М. Г. Гальченко [2001: 69].

²⁰ См. [Зализняк 1986: 96].

29, 30 об., 36 об., 64 об., 83 об., 85, 90 об., 91 об., 95 об., 101, 108 об., 110, 113, 122 об., 124, 125, 157 об., 165, 167, 194 об., 201, 216, 218 об., 219 об. (bis), 220, 249, **чюдѣса** 9 об., 27 об., 28 об., 95 об., 96, 162 об., 176 об., 180 об., 221, 248, **вєсловѣснє** 29, **словѣсь** 29, 31 об., 58 об., 95 об. (bis), 105 об., 139 об., 140, 148, 149 об., 166, 182 об., 183, 196 об., 197 об., 200 об., 209, 220, 228, 235, 238, **чюдѣсьмь** (ДП) 38 об., 230 об., **оудѣсь** 53 об., **словѣса** 76 об., 90, 149, 212, 228 об., 238, 248 об., **къ колѣсьмь** (!) 77 об., **въ чюдѣсьхъ** 83 об. и мн. др.

Сложность в интерпретации этой особенности заключается в том, что для сочетания **-єс-** не находится квазиомонима **-ѣс-**. Среди рассмотренных ранее написаний можно учесть факт корреляции в паре **ѣс-/єс-** (где $\epsilon > \text{ѣ}$ чаще, чем $\text{ѣ} > \epsilon$). С учетом упомянутого влияния **-ѣн-** на **мѣн-**, **вѣн-** такое воздействие не исключено, т. к. подчиняется той же логике²¹.

Дополнительно писец мог обратить внимание на морфологический фактор: замена **-єн-** > **-ѣн-** проводилась в существительных на ***-єн-**, и в другом подтипе склонения на согласный он решил поступать аналогичным образом. Но по частотности мены в существительных на ***-єн-** и на ***-єс-** сильно отличаются, и исключительно этой параллелью рассматриваемое явление объяснить нельзя.

Однако в системе написаний **ѣ / є** в Соф. 188 с данной особенностью коррелирует еще один факт: замена перед **с**, обычная для основ **словєс-**, **чюдєс-**, **оудєс-**, ни разу не используется в частотной основе **тѣлєс-** (встретилась 57 раз)²². Можно предположить, что специфическая для писца орфограмма соотносится с еще одной из типовых позиций смещения **ѣ/є**. Типовая замена **ѣ > є** в **тѣлєс-**, противопоставленная сохранению **ѣ** в **тѣл-** с усечением **-єс**, свойственна орфографии писца Соф. 188:

Таблица 7

Написание **тѣл-** / **тѣлєс-** в Соф. 188

	ѣ (кол-во)	%	є (кол-во)	%
тѣлєс	10	17,5	47	82,5
тѣл-	73	94	5	6

²¹ В связи с этим обращают на себя внимание частотные (больше половины употреблений) замены $\epsilon > \text{ѣ}$ в основах **дєсѣт-**, **дєсн-**, также содержащих последовательность **-єс-** (см. Таблицу 3). Ассоциацию со словами исконного ***єс-** склонения здесь позволяет предполагать тот факт, что в других лексемах, содержащих слог **дє**, писец Соф. 188 может безупречно следовать этимологии. Так, словоформа **нѣдєжє** в памятнике пишется 36 раз — и только в таком виде.

²² Отметим, что этот факт лишний раз свидетельствует об упорядоченности взаимозамен **ѣ** и **є** в рукописи: писец не просто меняет любое **-єс-** на **-ѣс-**, но сознательно обозначает сферу, где эту замену можно произвести (основа **тѣлєс-** в эту сферу не входит).

Ход мысли писца можно восстановить только гипотетически. Например, он мог решить, что в основах на **-es-* в принципе надо производить замену²³. В **тѣлес-** он в соответствии с общей практикой заменял **ѣ** на **ѣ**, а в других словах с тем же формантом ему приходилось делать обратное, т. к. буквы **ѣ** в их составе не было.

Возможно, все перечисленные факторы, заключенные в орфографической системе писца, в совокупности привели к равноправности написаний типа **словес-** и **словѣс-** в рукописи.

Второе орфографическое клише организовано по принципу квазиомонимов, но в его сферу действия включается достаточно большое количество лексем, из-за чего эта группа написаний сложно организована, имеет центральную часть и периферию.

Центром этой группы являются корень с чередованием согласных **-вѣт/-вѣщ-**, с одной стороны, и корни **-вет-**, **-вещ-** — с другой. При внимании писца к морфемам, различающимся буквами **ѣ/ѣ**, эти сочетания представляют трудность, т. к. варианты с **ѣ** могут относиться к омофоничным корневым морфемам. В качестве отправной точки можно взять написания корня **(об)вѣт/(щ)-**, который в четверти примеров пишется с заменой **ѣ > ѣ**: **отъ обещанна** 44, **обещанна** 45 об., **обещаникъмъ** 47, **вещакши** 103, **вещаникъ** 117, 142 об., 243 об., 247 об., 248, **Ветнискъими** 148 об., **бѣвещаннѣ** 148 об., **бѣвещатель** 148 об., **вещаннѣ** 218 об. Его квазиомоним — корень **вещ-** — пишется с противоположной заменой в 62% случаев: **вѣщи** 20 об., 164, 180, 193 об., **вѣщъствынъмъ** 56, **вѣщъ** 95 об. (bis), 166 об., **невѣщъствынъими** 169 об., **въ вѣщи** 178 об., **вѣщъми** 180, **вѣщъствынъмъ** 180 об., **вѣщии** 200 об. При наличии у ятевого корня варианта с конечной **т** его квазиомонимом одновременно служит и корень, содержащий этимологическую последовательность **вет-**; морфема **ветъх-** в 53% примеров пишется через **ѣ**: **вѣтъхааго** 23, 119 об., 165, 180 об., **вѣтъсе** 52, **вѣтъхъмъ (!)** 127 об., **вѣтъхою** 220 об., **вѣтъха** 232. Как и в рассмотренных выше парах квазиомонимов **вѣс-/вещ-**, **вѣд-/вещ-**, замены на **ѣ** оказываются активнее противоположных.

Периферию со стороны ятевых морфем составляет корень с тем же чередованием, допускающий замену, — **свѣт-/свѣщ-**. Обе модификации этого корня используются в тексте минеи достаточно активно, но через **ѣ** может писаться только вариант **свѣт-** (21 раз, 3%); вариант **свѣщ-** все 193 раза пишется этимологически²⁴.

²³ «Основа **тѣлес-** живому русскому языку не была известна» [Дурново 2000: 476], и другие основы с основой **es-* склонения также «были чужды живой восточнославянской речи» [ИГДРЯ I: 133], воспринимались как книжные и в связи с этим подлежащие перекодировке.

²⁴ Представленные в Таблице 6 корни, начинающиеся на **вѣ-**, видимо, под влиянием квазиомонимов **вѣд-/вещ-**, **вѣт-/вет-** также дают небольшой процент замен **ѣ > ѣ**.

Со стороны морфем с этимологическим /е/ центральная часть этой группы оказывается поддержана сильнее за счет формирования орфографического клише на основе пары **-вѣщ/-вещ-**. По данным Таблицы 3, заметно выделяется по частотности целая группа морфем, имеющих этимологическое **-ещ-** в составе: **пещ-**, **пещер-**, **трепещ-** (с вариантом **трепет-**). В них замена на **ѣ** происходит даже последовательнее, чем в корне **вещ-**. Из них особенно показательно благодаря частотности написание слова **пещь**: в нестандартном виде оно пишется 46 раз (68,5% примеров).

В свою очередь между корнями **пещ-**, **пещер-**, **трепещ-** и некоторыми другими корнями, содержащими **пе-**, устанавливаются такие же отношения, как между **вѣд-**, **вѣт-** и другими корнями на **вѣ-**. Замены **е > ѣ** наблюдаются в основе **трапез-** (57% примеров, 8 раз из 14) и **пек(ч)-** (3 раза из 4), хотя полностью отсутствуют, в частности, в основе **печал-** (18 примеров)²⁵.

6. Последний разряд неэтимологических написаний в Соф. 188, представленный значительным количеством примеров, соотносится с еще одной типовой позицией мены — позицией нейтрализации звуков, передававшихся графемами **ѣ** и **е**. Словоформы с начальным **ѣ** в тексте мины не встретились, но замена **ѣ > е** после палатальных, как видно из Таблицы 2, в основах с сочетанием /t'ě/ (**цѣвн-**, **цѣн-**, **цѣл-**, **цѣст-**, **гнѣв-**²⁶, **нѣнѣ**²⁷)

²⁵ На связи нестандартной орфографии слов **пещь** и **трапеза**, **печать** настаивать нельзя, т. к. ассоциативный ряд по отношению к центральной паре **вѣщ/-вещ-** получается слишком длинным. Возможно, причина, по которой писец Соф. 188 чаще пишет **трапѣза**, чем **трапеза**, связана с другой (но также неочевидной) параллелью.

²⁶ О палатальности /п/ в этой основе см. [Васильев 1913: 72–73; Гольшенко 1987: 60; Федорова 2015а: 166–167]; ср. также примеры с меной, аналогичные Соф. 188: [Дурново 2000: 482].

²⁷ Палатальность /п/ в слове **нѣнѣ**, как и в основах типа **гнѣв-**, неэтимологическая [Vaillant 1958: 698]. Выше (в п. 3) данное наречие уже рассматривалось в связи с меной букв в суффиксе наречий. Однако на фоне других наречных форм с неэтимологическим написанием суффикса **нѣнѣ** выделяется орфографически, что, видимо, говорит о формировании орфографии данного наречия под влиянием дополнительного (фонетического) фактора. Замена **ѣ** в форме **нѣнѣ** в Соф. 188 происходит с показательным соотношением графем **к** и **е**. Если в написаниях, рассмотренных в пп. 2–5, буква **к** использовалась sporadически, то написание **нѣнк** является основным для данного наречия в памятнике (115 раз, при том что запись **нѣне** используется только 13 раз, а стандартное написание через **ѣ** — 85 раз). Очевидно, такое использование буквы **к** коррелирует с ее использованием для обозначения палатальности согласного в раннедревнерусской письменности [Гольшенко 1987: 46]. Другие написания **е** после палатальных согласных так последовательно не маркируются буквой **к**, но следует отметить участие фонетического фактора (позиционной нейтрализации звуков, передаваемых **к** и **ѣ**) в именных флексиях. Показательно, что почти половина неэтимологически записанных флексий дв. чис-

происходит в диапазоне от 43 до 75% употреблений. Эта группа написаний, как уже говорилось, выделяется на фоне прочих, т. к. причина замены после палатальных не является чисто орфографической. Возможно, с этим связана несколько меньшая активность таких замен по сравнению с рассмотренными выше.

7. Как показало детальное рассмотрение материала, случаи смещения **ѣ** и **ѣ** в Соф. 188 не распространяются равномерно на все позиции употребления букв. Несмотря на то что в целом мена допускается в рукописи в большом количестве морфем, по частотности заметно выделяются те позиции, которые соотносятся с обычными в ранней древнерусской письменности системами, смешивающими **ѣ** и **ѣ** в ограниченном наборе категорий. Писец Соф. 188 не ограничивался известным набором типовых позиций, но применял ту же механическую операцию замены буквы в расширенном круге морфем и основ. Замену **рѣ**, **лѣ** > **ре**, **ле** в сочетаниях типа **tert* он распространяет на любой слог **рѣ**, **лѣ** независимо от этимологии; необходимость замены в основе **тѣлес-** он распространяет на все основы с формантом **-ѣс-**; наконец, корреляцию морфем, различающихся **ѣ** и **ѣ**, которая провоцирует замену в большинстве типовых позиций, он начинает использовать без оглядки на регистр соотносимых вариантов — замены происходят в том числе и в квазиомонимичных морфемах, одинаково свойственных восточнославянскому языку (**-ѣн/-ѣн-**, **ѣс-/ѣс-**, **ѣд-/ѣд-** и др.).

Если оставить в стороне упоминавшиеся примеры, в которых применение обозначенных орфографических принципов неочевидно (напр., замена **ѣ** > **ѣ** в словах **трапѣза**, **дѣсница**; не ясна обратная замена в 4 из 10 случаев в основе **чѣловѣк-** и др.), то следующие данным принципам примеры составят 81,5% всех неэтимологических написаний **ѣ**, **ѣ** в рукописи (2215 форм). Эта цифра показывает, насколько далека от графического («полнейшего») смещения двух букв картина, наблюдаемая в Соф. 188.

Оставшиеся, не входящие с очевидностью в сферу действия орфографически мотивированных замен примеры, вероятно, являются побочным эффектом очень дробной, часто регламентирующей исправления в пределах двубуквенных сочетаний системы замен. В рукописях со стандартной орфографией, использующих типовые замены **ѣ** и **ѣ**, «остаются случаи, которые нельзя объяснить ни описками, ни ошибками» [Дурново 2000: 478]. По-видимому, процент таких случаев должен быть пропорционален сложности орфографической системы, и в усложненной системе Соф. 188 должно ожидать повышенное количество неоправданных замен. При этом нужно учитывать, что часть этих неоправданных замен может быть

ла (26 примеров из 47) приходится на форму **роуѣ**. Среди форм ДП ед. частотным написанием с заменой отличается в Соф. 188 форма **вѣдѣ** (41 раз). Возможно, наличие таких частотных форм с заменой после палатального **ѣ** обусловило больший процент неэтимологических написаний именно этих флексий (см. п. 3).

подчинена некой индивидуальной мнемотехнической логике писца и что в рамках конкретных морфем (не подпадающих под какую-либо категорию) примеры неэтимологических написаний составляют меньшинство (в основе **зѣѣздѣ** — 1 из 29 примеров, в основе **мѣдѣ** — 1 из 7, в форме **се** — 1 из 24, в частице **не** — 3 из 1578 и т. п.), в отличие от многих «правильных» нетиповых замен.

8. Необычное внимание писца Соф. 188 к написаниям **ѣ** и **е**, его стремление амплифицировать совокупность орфограмм, связанных с этими буквами, вызывает вопрос о причинах данного явления. Возникновение этой нестандартной орфографической системы необходимо рассматривать на фоне аналогичных явлений в древнерусской орфографии XI — первой пол. XII в.

Орфограммы, связанные с заменой **ѣ** и **е**, являются одной из черт, формирующихся в восточнославянской письменности древнейшего периода и связанных с устранением языковых болгаризмов. Перечень наиболее частотных болгаризмов приводит В. М. Живов, относя к ним наряду с **рѣ** в рефлексах **tert* также **-тъ** в 3 л. презенса, этимологически правильное употребление юсов, флексии ТП ед. **-омь**, **-емь**, болгарское написание рефлексов редуцированных с плавным, **жд** на месте **dj* и обозначение палатальных сонорных [Живов 2006: 28]. Все перечисленные черты с разной степенью последовательности начинают русифицироваться уже в XI в., и в процессе масштабной правки в отношении любой из них восточнославянские писцы могут допускать ошибки, проводя замену вне этимологически правильного круга позиций.

Чаще всего такие необоснованные замены имеют единичный характер. Так, один из писцов Изборника 1073 г. придает болгарский вид слову, не имевшему сочетания **dj*, и пишет **дрѣждаливыи** [Владимирова 1987: 64]. В целом ряде рукописей встречаются формы с заменой **-ом-** на **-ъм-** не в окончании ТП ед., имевшем разный вид в древнеболгарском и древнерусском, а в ДП мн. В том же Изборнике ДП мн. на **-ъмь** встречается дважды [Еленски 1960: 189]. Также единичные примеры в XI в. отмечены в минеях ок. 1095 и 1097 гг., в древнейшем списке XIII слов Григория Богослова [ИГДРЯ I: 27–28]. Орфографическая перекодировка **-тъ** > **-ть** в некоторых почерках может быть спорадически проведена вне соответствующих глагольных форм; в частности, в Остромировом евангелии 1056–1057 гг. есть написание **богатъ**, **пилатъ**, **тъ** [Козловский 1885–1895: 44].

Однако известны и случаи, когда подобные ошибки при правке орфографии не являются единичными, но проводятся систематично. Интересный образец такой системы написаний на базе орфограммы **-тъ** > **-ть** представлен в Погодинском евангелии XI в. Эта замена за пределами глагольных форм 3 л. начинает регламентироваться набором частных орфографических правил; в частности, книжное имя собственное **пилатъ** пишется в основном почерке рукописи исключительно в виде **пилатъ** [Мольков 2016: 234]. Отсутствие этого слова в разговорном языке, видимо,

способствовало его записи в нестандартном виде, однако и в употребительных словах может применяться та же орфограмма. Слово **братъ** в рукописи также чаще пишется в виде **братъ** [Там же: 235]. Очевидно, написание этого слова через **ь** противоречило его реальному произношению /bratъ/, но считалось писцом приоритетным в связи с актуальностью типовой замены **-гъ** > **-тъ** в глаголах и решением писца расширить сферу действия этой орфограммы. Ситуация с расхождением написания и произношения параллельна соответствию **всьемъ** — /vs'ěmъ/ в Соф. 188.

Более сложную систему, но также с опорой на одну из типовых орфограмм использует основной писец Милятина евангелия первой пол. XII в. Необходимость модификации внешнего вида окончания ТП ед. в *о-склонении он распространяет на все типы склонения в муж. и сред. роде и закрепляет за каждым определенный, искусственно выбранный вариант [Мольков 2014: 27]. В некоторых случаях такой искусственный вариант явно расходится с произношением: так, ТП ед. от слова **имѣ** записывается в виде **именьмъ** при звучании /im'ěnъ/.

Общей чертой орфографических систем, расширяющих сферу действия какой-либо орфограммы, связанной с оппозицией южно- и восточнославянских языковых элементов, является их маргинальность. Наблюдаемые в отдельных рукописях нестандартные орфографические системы были, по-видимому, инициативой конкретных писцов, их реакцией на сложную систему перекодировки орфографии, приспособленной под иную языковую систему. Типологически общим также является то, что такие системы связаны с возникновением полностью искусственных написаний, не совпадающих ни с предполагаемым книжным, ни с живым произношением. Эти крайности приводили к тому, что использование подобных систем ограничивалось узусом конкретного писца и не получало дальнейшего распространения.

Для решения вопроса о том, насколько закономерности, наблюдаемые в письме Соф. 188, были индивидуальны для писца этой рукописи, необходим анализ других известных почерков с нестандартной орфографией **ѣ** и **ѣ**. А. И. Соболевский приводит небольшую подборку примеров из Стихираря 1157 г.: **сѣмѣрти, корѣне, повѣдѣната, на неѣси, тѣзримѣнитъница, на колѣсници, вѣзмѣздыника, принѣсти, рожьшѣю** (ТП), **пѣрѣѣ, ижѣ** [Соболевский 1907: 69]. Уже по этим написаниям можно судить о том, что нестандартная орфография в Соф. 188 и в Стихираре не тождественна: в Соф. 188 не встречается замен **ь** > **ѣ**, не используются написания типа **ижѣ**. Однако привлекает внимание возможность замен в существительных на *-es- в обеих рукописях. Интересно, что Н. Н. Дурново в числе выходящих за рамки типовых категорий примеров также приводит формы от основ этого склонения: **истѣсемъ, тѣлѣснѣпа, чрѣвѣса** [Дурново 2000: 474]. Возможно, какие-то элементы описанной орфографии с частой заменой **ѣ** и **ѣ** распространялись за пределы индивидуального употребления.

Литература

Васильев 1913 — Л. Л. Васильев. Об одном случае смягчения звука *p* в общеславянском языке, являющегося не посредством следующего за ним древнего *j* // Русский филологический вестник, 1913. Ч. 3–4. С. 71–76.

Виноградов 1923 — В. В. Виноградов. Исследования в области фонетики севернорусского наречия. Очерки из истории звука **ѣ** в севернорусском наречии // Известия Отделения русского языка и словесности РАН. Т. XXIV. Кн. 1–2. Пг., 1923. С. 150–245.

Владимирова 1987 — Л. А. Владимирова. О некоторых языковых особенностях в Изборнике Святослава 1073 года // Древнерусский литературный язык в его отношении к старославянскому. М., 1987. С. 62–69.

Гальченко 2001 — М. Г. Гальченко. О написаниях с **є** вместо **ѣ** в югозападнорусских рукописях XII–XIV вв. // М. Г. Гальченко. Книжная культура. Книгописание. Надписи на иконах Древней Руси. Избранные работы. СПб., 2001. С. 60–72.

Голыщенко 1987 — В. С. Голыщенко. Мягкость согласных в языке восточных славян XI–XII вв. М., 1987.

Дурново 2000 — Н. Н. Дурново. Русские рукописи XI и XII вв. как памятники старославянского языка // Н. Н. Дурново. Избранные работы по истории русского языка. М., 2000 [1924–1926]. С. 391–494.

Еленски 1960 — Й. Еленски. Към историята на еровите гласни в староруски език (Върху материал от Светославовия сборник, 1073 г.) // Езиковедско-этнографски изследвания в памет на академик Стоян Романски. София, 1960. С. 169–194.

Живов 2006 — В. М. Живов. Восточнославянское правописание XI–XIII века. М., 2006.

Живов 2017 — В. М. Живов. История языка русской письменности. М., 2017.

Зализняк 1986 — А. А. Зализняк. Новгородские берестяные грамоты с лингвистической точки зрения // В. Л. Янин, А. А. Зализняк. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1977–1983 гг.). М., 1986. С. 89–219.

ИГДРЯ I — С. И. Иорданиди, В. Б. Крысько. Историческая грамматика древнерусского языка. Т. I: Множественное число именного склонения. М., 2000.

Караулова 1975 — Ф. В. Караулова. О некоторых фонетических особенностях рукописи Златоуструя XII века // Вопросы языкознания. Вып. 2, ч. 1. Саранск, 1975. С. 78–84.

Козловский 1885–1895 — М. М. Козловский. Исследование о языке Остромирова Евангелия // Исследования по русскому языку. Т. I. СПб., 1885–1895. С. 1–127.

Липовая 2007 — С. А. Липовая. К истории «ять» в древнерусской письменности XI века (на материале Изборника 1076 года) // Вестник Чувакского ун-та. 2007. № 1. С. 241–248.

Мольков 2014 — Г. А. Мольков. Развитие орфографической системы новгородского писца Домки (на примере оформления флексии творительного падежа единственного числа в мужском и среднем роде) // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2014. № 3 (57). С. 21–30.

Мольков 2015 — Г. А. Мольков. Язык и письмо Милятина евангелия // Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований РАН. Т. XI. Ч. 3. СПб., 2015. С. 683–742.

Мольков 2016 — Г. А. М о л ь к о в. Особенности языка и письма Погодинского евангелия (РНБ, Погод. 11) // *Die Welt der Slaven*. 2016. Jg. LXI, Heft 2. С. 230–253.

Обнорский 1912 — С. П. О б н о р с к и й. К истории глухих в Чудовской псалтыри XI века // *Русский филологический вестник*. Т. 68. № 4. 1912. С. 337–379.

Обнорский 1924 — С. П. О б н о р с к и й. Исследование о языке Минее за ноябрь 1097 года // *Известия Отделения русского языка и словесности РАН*. Т. 29. С. 167–226.

Попова 2013 — Т. Г. П о п о в а. Язык и графико-орфографическая система древнейшей славянской рукописи *Лествицы* Иоанна Синайского. Предварительные замечания // *Palaeoslavica*. Vol. XXI. № 1. 2013. С. 15–57.

СК — Сводный каталог славяно-русских рукописных книг, хранящихся в СССР. XI–XIII вв. М., 1984.

Соболевский 1907 — А. И. С о б о л е в с к и й. Лекции по истории русского языка. М., 1907.

Соколова 1930 — М. А. С о к о л о в а. К истории русского языка (Рукопись московской библиотеки им. Ленина, № 1666) // *Известия по русскому языку и словесности АН СССР*. Т. III. 1930. С. 75–135.

Успенский 2002 — Б. А. У с п е н с к и й. История русского литературного языка (XI–XVII вв.). М., 2002.

Федорова 2015а — М. А. Ф е д о р о в а. Орфография Мстиславова евангелия и проблема узкой датировки памятников раннедревнерусского периода // *Вестник СПбГУ. Серия 9. Филология. Востоковедение. Журналистика*. 2015. № 2. С. 164–176.

Федорова 2015б — М. А. Ф е д о р о в а. Графико-орфографическая система декабрьской минее из собрания РГАДА (Тип. 96) // *Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова*. Вып. 5. Лингвистическое источниковедение и история русского языка. 2014–2015. М., 2015. С. 368–396.

Шахматов 1915 — А. А. Ш а х м а т о в. Очерк древнейшего периода истории русского языка. Пг., 1915.

Ягич 1886 — И. В. Я г и ч. Служебные минее за сентябрь, октябрь и ноябрь. В церковнославянском переводе по русским рукописям 1095–1097 г. (Памятники древнерусского языка. Том I). СПб., 1886.

Ягич 1889 — И. В. Я г и ч. Критические заметки по истории русского языка // *Сборник Отделения русского языка и словесности Имп. академии наук*. Т. 46. № 4. СПб., 1889.

Vaillant 1958 — A. V a i l l a n t. Grammaire comparée des langues slaves. Tome II, Morphologie: Deuxième partie, Flexion pronominale. Lyon, 1958.

Резюме

В ранней древнерусской письменности существовало два вида орфографических систем со смешением букв **ѣ** и **ѣ**: основная, допускавшая смешение в определенном наборе позиций, и более редкая – с частым смешением двух букв, не становившаяся до сих пор предметом специального исследования. На примере рукописи Соф. 188 в данной статье рассматриваются особенности орфографической системы второго вида. Анализ сплошной выборки материала по смешению **ѣ** и **ѣ** в рукописи позволяет показать, что основная часть замен буквы носит системный характер. Несмотря на то что в целом мена допускается в рукописи в большом количестве

морфем, по частотности заметно выделяются те позиции, которые непосредственно соотносятся с обычной в ранней древнерусской письменности системой, смешивающей **ѣ** и **ѣ̆** в ограниченном наборе категорий. Писец Соф. 188, отталкиваясь от известного набора типовых позиций, применял ту же механическую операцию замены буквы в расширенном круге морфем и основ. Например, замену **рѣ̆, лѣ̆** > **рѣ, лѣ** в сочетаниях типа **tert* он распространяет на любой слог **рѣ̆, лѣ̆** независимо от этимологии; необходимость замены в основе **тѣ̆лѣс-** он распространяет на все основы с формантом **-ѣс-** и т. п.

Возникновение такой нестандартной орфографической системы сопоставимо с рядом явлений в древнерусской орфографии XI – первой пол. XII в., связанных с устранением отдельных болгаризмов.

Ключевые слова: древнерусский язык, орфография, орфографическая система, смешение **ѣ** и **ѣ̆**.

Получено 09.09.2017

GEORGY A. MOLKOV

VARIATION OF THE LETTERS **ѣ** AND **ѣ̆** IN THE OFFICE MENAION OF THE EARLY 12TH CENTURY (RNL, SOF. 188)

In early Old Russian writing there were two types of spelling systems in which there was confusion of letters **ѣ** and **ѣ̆**: the main one with the substitution **ѣ̆** > **ѣ** in a specific set of positions, and the rarer one with frequent interchange of the two letters; the latter has not yet been the subject of a special study. This article discusses features of the spelling system of the second type found in the manuscript Sof. 188. Analysis of complete sampling of material on variation of the letters **ѣ** and **ѣ̆** in the manuscript shows that the bulk of the letter substitutions is of a systemic nature. In spite of the fact that letter substitution occurs in general in the manuscript in a large number of morphemes, it predominates in those positions which directly correspond to the standard ones. The scribe of Sof. 188, proceeding from a well-known set of standard positions, applies the same operation of the letter exchange to a larger circle of morphemes and stems. For example, he extends the substitution **рѣ̆, лѣ̆** > **рѣ, лѣ** found in **tert*-reflexes to any syllable **рѣ̆, лѣ̆** regardless of etymology; he transfers the obligatory replacement in the root of oblique forms of the noun **тѣ̆ло** 'body' to all **es*-stems, etc.

The emergence of such a non-standard spelling system is comparable to a number of phenomena in the Old Russian orthography of the 11th – the first half of the 12th centuries, associated with elimination of Old Bulgarian features.

Keywords: Old Russian, orthography, spelling system, **ѣ** and **ѣ̆** variation.

Received on 09.09.2017

Е. А. МИШИНА

**К ВОПРОСУ О ВИДОВОЙ СЕМАНТИКЕ
ПРОСТЫХ (БЕСПРИСТАВОЧНЫХ) ГЛАГОЛОВ
В ДРЕВНЕРУССКОМ ЯЗЫКЕ***

Развитие категории глагольного вида — один из наиболее дискуссионных и сложных вопросов в истории славянских языков в целом и каждого отдельного славянского языка в частности. О том, как именно проходил этот процесс, с какими периодами и вехами в развитии данной категории мы сталкиваемся, высказываются самые разные точки зрения, и до сих пор между исследователями ведутся споры. Представляется, что в настоящий момент для более адекватного понимания ситуации, сложившейся в древнейший период, необходимо прежде всего последовательное исследование и описание разных семантических и словообразовательных классов глаголов. Одним из наименее изученных классов (с точки зрения выражения аспектуальной семантики) следует признать класс простых глаголов (не имеющих ни приставки, ни суффикса). Настоящая статья представляет собой опыт лишь предварительного исследования данного класса в древнерусском языке старшего периода: список привлеченных глаголов далек от полного и все сделанные выводы нуждаются в дальнейшей проверке на более широком материале. Тем не менее определенные тенденции видны уже на данном этапе. Исследование проводилось на материале древнерусских оригинальных памятников, грамматическая разметка которых включена в Древнерусский подкорпус Национального корпуса русского языка (НКРЯ). Большую часть памятников составляют летописи (Повесть временных лет, Суздальская, Киевская, Волынская, Галицкая, Новгородская первая), а также Вопросание Кирика и три повести древнерусского писателя XII в. Кирилла Туровского (Повесть о беспечном царе и его мудром советнике, Притча о душе и теле, Сказание о черноризском чине), кроме

* Исследование выполнено при поддержке гранта Российского научного фонда (проект № 16-18-02095), предоставленного через Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН. Статья подготовлена к XVI Международному съезду славистов (Белград 20–27 августа 2018 г.).

того, привлекался материал берестяных грамот, включенных в Древнерусский подкорпус. Поскольку историк языка, как правило, вынужден проводить исследование на ограниченном материале, а наряду с частотной лексикой встречается и редкая¹, по каждой лемме результаты сопоставлялись с данными исторических словарей [Срезневский; СДРЯ; СРЯ XI–XVII], а также с данными переводных памятников, включенных в Древнерусский подкорпус НКРЯ, представляющих, за исключением Изборника 1076 г., древнерусские переводы XI–XIII вв. по спискам XII–XV вв.: Изборник 1076 г., Житие Андрея Юродивого, История иудейской войны Иосифа Флавия, «Александрия», Повесть об Акире премудром, «Пчела», Чудеса Николы. Если данные словарей противоречили данным, полученным на материале исследованных древнерусских памятников, то такие глаголы на этом этапе исключались из рассмотрения. Для чистоты эксперимента данные по переводным памятникам (включенным в Древнерусский подкорпус НКРЯ) отделялись от данных оригинальных памятников, что позволяет исключить при анализе случаи возможного влияния греческого оригинала на выбор той или иной глагольной формы (на наш взгляд, случаи такого влияния не единичны). Тем не менее данные переводных памятников всегда принимались во внимание для «внешнего» контроля: учитывалась статистика, а также противоречивость/непротиворечивость свидетельств переводных и непереводных памятников. Если данные переводных памятников противоречили данным оригинальных древнерусских памятников, то такие глаголы на текущем этапе также исключались из рассмотрения. За кадром также пока остались наиболее редкие глаголы, зафиксированные единичные формы которых не позволяют сделать надежный вывод.

Традиционно считается, что в исходной системе древнерусского языка видовые противопоставления возникают с развитием вторичной имперфективации. Вторичный имперфектив (образованный с помощью суффикса от префиксального глагола) противопоставлялся по виду префиксальному и первоначально был маркированным членом оппозиции, выражающим семантику несовершенного вида (*омыти* — *омывати*) [Маслов 1961/2004: 471–473; Силина 1982: 273–274; Кукушкина, Шевелева 1991: 44–45]. Простые же глаголы (не имевшие ни перфективирующего префикса, ни суффикса имперфективации), согласно традиционному мнению, в древнейший период оставались неохарактеризованными² по виду (способными выступать в контекстах, типичных как для совершенного вида (далее — СВ), так и несовершенного вида (далее — НСВ)) и, соответственно, не были втянуты в видовое противопоставление [Кузнецов 1953:

¹ Так, о видовой принадлежности некоторых древнерусских глаголов на данный момент невозможно утверждать ничего определенного, поскольку известно не более 1–3 непоказательных употреблений, фиксируемых словарями.

² Термин «неохарактеризованности» применительно к виду был введен Р. Ружичкой [Ruzicka 1957: 15–23; 42–47; Ружичка 1962: 308–319].

224–229, 258–259; Силина 1982: 274; 1995: 376–377; Кукушкина, Шевелёва 1991, 45–47] и др. Такое представление, несмотря на его верность в выстраивании генеральной линии видového развития, необходимо признать некоторым упрощением. На наш взгляд, картина была более неоднородной. Дело в том, что уже в самых ранних памятниках письменности наряду с неохарактеризованными симплексами (такими, безусловно, большинство) встречаются также симплексы, которые следует признать охарактеризованными по виду. Ряд простых глаголов уже был втянут в процесс образования видových пар. Так, например, очень рано сложились такие видовые пары, как *дати* (СВ) — *даяти* (НСВ), *пустити* (СВ) — *пуцати* (НСВ), и некоторые др. Ниже мы попытаемся продемонстрировать неоднородность класса простых глаголов в отношении видовой семантики.

1. Методика и алгоритмы определения видového значения

До сих пор актуальным и до конца нерешенным остается вопрос методики и критериев, на основе которых можно определить видовое значение конкретных глагольных основ в тот или иной реконструируемый период. Достижения современной аспектологии, в частности детальное изучение частно-видových значений и нарративной семантики (см. работы Ю. С. Маслова, А. В. Бондарко, Ю. Д. Апресяна, Е. В. Падучевой и др.), позволяют нам опереться на семантико-функциональный подход и в качестве основного критерия взять так называемые диагностические контексты, в которых встречаемость или невстречаемость тех или иных основ может свидетельствовать об их видовой принадлежности. Такими контекстами являются актуально-длительное настоящее, конкретно-процессное прошедшее, сочетание с фазовыми глаголами и некоторые другие контексты [Кукушкина, Шевелёва 1991].

Однако при исследовании древнерусского языка опереться исключительно на семантический критерий оказывается невозможно в силу того, что историку языка (в отличие от синхрониста) недоступна методика эксперимента. Опереться можно только на ограниченную выборку примеров, а в силу жанровой специфики древних текстов многие показательные контексты (такие, например, как актуальное настоящее или конкретно-фактическое будущее) встречаются редко по сравнению с непоказательными контекстами, допускающими конкуренцию видов (например, контекстами многократности). Так, неактуальное настоящее (например, настоящее гномическое), не являющееся показательным, широко представлено в текстах гномологических и гомилетических жанров (типа «Пчелы» и Изборника 1076 года), в то время как конкретно-фактическое будущее представлено в таких жанрах достаточно редко. Кроме того, историков языка всегда подстерегает опасность вчитывания современных смыслов в древний контекст.

В такой ситуации при определении видового значения основы, на наш взгляд, перспективно применять комплексный подход, учитывающий как контекстно-аспектуальное поведение глагола в диагностических контекстах, так и морфологический критерий (в свое время постулируемый еще В. Вайаном [Вайан 1948/2002] и Э. Кошмидером [Koschmieder 1934]). От глаголов СВ не должны образовываться формы действительного причастия настоящего времени и имперфекта, но регулярно образуются формы действительного причастия прошедшего времени и аориста; в то время как от глаголов НСВ, наоборот, регулярно образуются действительные причастия настоящего времени и имперфекта, но не должны образовываться действительные причастия прошедшего времени и практически не употребляются формы аориста³. В большинстве случаев, когда мы имеем дело с основными видо-временными значениями и употреблениями (как правило, минимально ограниченными по сочетаемости в контексте), дело обстоит именно так. Тем не менее морфологический критерий может быть применен только с учетом семантических особенностей контекста, типов употреблений и явлений языковой периферии, поскольку в ранних восточнославянских памятниках (впрочем, как и в современном русском языке) в определенных случаях противоречия между значением вида и времени могут сниматься. Так, от глагольных основ СВ могли образовываться формы имперфекта в контекстах многократности и при отрицании [Маслов 1954/2004; Зализняк 2008; Мишина 2012; 2015; 2017; Жолобов 2016], формы презенса со значением неактуального настоящего и настоящего исторического [Зализняк 1993; Мишина 1997; 2001; 2002], формы действительного причастия настоящего времени в значении предшествования [Кузьмина, Немченко 1982: 290–294] и в контекстах с отрицанием [Мишина 2012]. С другой стороны, формы аориста в некоторых случаях довольно регулярно образовывались и от имперфективных основ [Мишина 2015; 2016].

Следует также иметь в виду, что наблюдаемая нами аспектуальная система в древнерусском языке демонстрирует определенную асимметричность: разные морфологические критерии (то есть наличие или отсутствие тех или иных временных форм) имеют разный вес. Так, в качестве «очень сильного» выступает критерий сочетаемости с фазовыми глаголами, в то время как запрет на образование тех или иных временных форм может иметь исключения. К примеру, запрет на образование форм имперфекта и действительного причастия настоящего времени (за исключением окказиональных типов, в которых снимается противоречие между значением СВ и значением времени) оказывается более сильным для глаголов СВ, нежели запрет на образование форм аориста и действительного причастия прошедшего времени для глаголов НСВ. Иначе говоря, противоречие, воз-

³ К настоящему исследованию привлекались только формы действительных причастий, хотя, по-видимому, формы страдательных причастий ведут себя аналогичным образом.

никающее между семантикой имперфекта и семантикой СВ, довольно сильное, а следовательно всегда требуются определенные контекстные условия, позволяющие это противоречие снять или смягчить (немотивированные употребления имперфектов от глаголов СВ практически не встречаются). Между тем серьезного противоречия между семантикой аориста (факт в прошлом) и семантикой НСВ нет, вследствие чего немотивированные употребления форм аориста от глаголов НСВ хотя и редки, но встречаются (см. об этом ниже в разделах III–IV).

На первый взгляд, сказанное выше противоречит постулируемому морфологическому критерию, однако, в действительности, противоречия нет. Алгоритм определения видового значения глагольной основы должен состоять из двух этапов. На первом этапе предполагается применение морфологического критерия, то есть выяснение того, какие именно временные формы встречаются от того или иного глагола, на втором — выявление основных и периферийных значений. В результате на основе анализа статистических данных и зафиксированных значений можно будет сделать вывод о видовом статусе глагола или же о его неохарактеризованности.

Так, например, если фиксируются только формы аориста, действительного причастия прошедшего времени, отсутствуют случаи сочетания с фазовыми глаголами, а формы презенса имеют значение конкретно-фактического будущего и не встречаются в контекстах актуального настоящего, может быть сделан вывод о том, что такой глагол функционирует как глагол СВ. В случае функционирования также форм имперфекта, действительного причастия настоящего времени и форм презенса в значении настоящего, на втором этапе необходимо проанализировать, какие именно значения имеют формы имперфекта, презенса и причастия: основные или периферийные (иначе говоря, проверить, допускают ли контексты, в которых зафиксированы те или иные «маргинальные» формы, употребление СВ). Поскольку большинство периферийных видо-временных значений на данный момент известно и детально описано, они могут быть легко учтены при анализе. Полученные результаты позволят понять, свидетельствует ли функционирование образуемых форм о видовой неохарактеризованности глагола или же данный глагол можно считать принадлежащим к СВ. Таким образом, опора на комплексный подход практически всегда позволит сделать вывод о видовой принадлежности определенной глагольной лексики (разумеется, при наличии достаточного количества примеров в показательных контекстах).

2. Простые глаголы, неохарактеризованные по виду

Древняя видовая неохарактеризованность по сути та же двувидовость. Двувидовые глаголы есть и в современном русском языке. Основу данного класса составляют простые биаспективы, сохранившие свою неохарактере-

ризованность (двувидовость) с древнейших времен до настоящего времени. Кроме того, этот класс постоянно пополняется многочисленными суффиксальными заимствованиями (преимущественно иноязычного происхождения) на *-овать*, *-ировать*, *-изовать*, *-изировать*, *-ицировать* и т. п., см., например, [Зализняк, Шмелёв 2000: 71]. Следует отметить, что в современном русском языке простых биаспективов, являющихся наследниками более древнего состояния, достаточно мало: *бежать*, *вельть*, *венчать*, *жалеть*, *женить(ся)*, *казнить*, *крестить*, *молвить*, *ранить*, *судить* и некоторые др. Однако в древнерусском языке этот класс был гораздо шире, чем в современном русском⁴, и именно широта этого класса является одним из серьезных факторов, препятствующих тому, чтобы считать категорию вида в древнерусский период окончательно сложившейся. По отношению к древнему периоду мы будем, следуя традиции, называть этот класс неохарактеризованным, а не двувидовым, на том основании, что впоследствии многие глаголы из этого древнего класса охарактеризовались и перешли в класс глаголов СВ или НСВ. Процесс этого перехода мы наблюдаем уже в древнейший период⁵. Поскольку неохарактеризованные симплексы могли свободно употребляться в контекстах, типичных как для СВ, так и НСВ, от них, как правило, свободно (без каких-либо контекстных ограничений, или ограничений в сочетаемости) образуются формы и аориста, и имперфекта, действительного причастия как настоящего, так и прошедшего времени, а также могут встречаться сочетания с фазовыми глаголами. Статистические данные по встретившимся в исследованных памятниках временным формам от неохарактеризованных симплексов представлены в Таблице 1.

Из таблицы видно, что в случае с частотными глаголами, как правило, бывает достаточно опоры на морфологический критерий, чтобы на основе анализа образуемых форм (аорист/имперфект/действ. прич. наст. и прош. вр./сочетаемость с фазовыми глаголами) сделать вывод о видовой неохарактеризованности глагола. Сложнее дело обстоит с редкими лексемами, так как в случае ограниченной статистики надежность вывода снижается⁶. В этом случае необходимо проанализировать значения встретившихся

⁴ Данный факт отмечался многими исследователями, см., например, [Ульянов 1895: 175–176]. Более широким по сравнению с современным русским языком (хотя и значительно суженным в сопоставлении с древнерусским) этот класс глаголов продолжал оставаться ещё в XVI–XVII вв. [Никифоров 1952; Прокопович 1962] и др. Разумеется, в данном случае речь не идет о поздних суффиксальных заимствованиях.

⁵ Следует, конечно, учитывать, что любой термин в определенном смысле условен и отражает скорее традицию, а в сущности, речь идет об одном и том же языковом явлении. Как известно, и в современном русском языке некоторые двувидовые глаголы (из заимствований) постепенно сдвигаются в сторону видовой парности [Piperski 2016].

⁶ Возвратные глаголы представлены в таблице отдельно от их невозвратных коррелятов (нередко один из них менее частотен), но для определения вида, как правило, показательна статистика в совокупности по обоим коррелятам.

временных форм (привлекая для анализа также формы презенса). В отношении наиболее редких глагольных лексем следует также признать, что при отсутствии фиксации достаточного количества показательных форм остается ждать накопления языкового материала в будущем. На данном этапе в приведенные таблицы не были включены глаголы, если общее количество фиксаций по исследованным памятникам было меньше пяти или же возникали трудности в интерпретации из-за небольшого количества показательных примеров.

Таблица 1⁷

Простые глаголы, неохарактеризованные по виду

	Сочетаемость с <i>начати</i> , <i>почати</i> ⁸	Имперфект	Дейст. прич. наст. вр.	Аорист	Дейст. прич. прош. вр.
благословити	+	0/1	0/6	14/2	3/0
благословитисѧ	—	—	—	1	1/0
бѣжати	—	3/5	37/2	123/63	9/12
вити	+	5/34	13/37	23/7	2/8
витисѧ	+	67/2	30/36	90/38	31/10
велѣти	+	15/29	51/15	16/0	3/2
вести	—	2/2	11/1	58/8	1/1
видѣти	+	7/30	56/203	101/206	400/17
водити	+	5/6	5/15	14/1	6/1
воевати	+	9/8	23/9	75/3	9/2
вѣровати	+	1/2	7/10	0/1	2/2
вѣщати	+	1/1	1/0	5/6	1/0
гонити	+	5/7	13/12	12/0	1/0
гънати	—	4/4	7/3	46/11	5/4
даровати	—	0/1	1/0	8/1	0/2
дивитисѧ	+	2/39	2/20	1/6	2/4

⁷ В таблице представлена статистика по оригинальным и переводным древнерусским памятникам, включенным в Древнерусский подкорпус НКРЯ. Первая цифра в ячейке отражает статистику по оригинальным памятникам, вторая (данная через «/») — по переводным. Пометы «+» и «—» обозначают встречаемость/невстречаемость форм или конструкций. Аналогичным образом информация подается в последующих таблицах.

⁸ В настоящей работе мы опирались на данные о сочетаемости/несочетаемости глагольных лексем с глаголами *начати*, *почати*, представленными в работе И. С. Юрьевой [Юрьева, в печати]. Поскольку сочетаемость с фазовыми глаголами в древнерусском языке, как и в современном русском, является сильным критерием для определения видового значения (в древнерусском, как и в современном русском, действовал запрет на сочетаемость глаголов СВ с фазовыми глаголами), в этом столбце не приводятся количественные показатели (в данном случае избыточные), а отмечается наличие/отсутствие такой сочетаемости.

	Сочетаемость с начати, почати ⁸	Имперфект	Дейст. прич. наст. вр.	Аорист	Дейст. прич. прош. вр.
доумати	+	8/13	2/3	5/5	3/2
желати	—	2/1	6/6	1/0	1/0
жити	+	36/9	38/85	1/5	7/1
зъвати	+	9/8	8/23	4/5	0/7
ити	—	52/49	126/89	617/133	59/101
казати	+	0/7	8/18	7/5	2/1
казнити	+	—	8/0	2/0	2/0
кланатисѧ	+	5/5	9/11	7/6	2/1
клати	+	1/3	1/4	—	—
клатисѧ	+	0/2	2/9	7/5	2/0
крѣстити	+	—	4/0	9/0	4/0
крѣститисѧ	—	—	0/1	10/1	5/0
коупити	+	10/2	2/3	1/4	2/2
лѣсти	—	0/1	0/2	5/0	—
летѣти	—	1/3	5/2	4/1	2/0
молити	+	7/8	3/11	2/3	1/0
молитисѧ	+	19/63	38/85	5/11	2/5
мощи	—	21/30	36/110	50/20	7/3
мыѣти	+	9/50	14/65	3/11	9/6
нести	—	6/2	4/8	18/2	3/2
обѣдати	+	—	1/1	1/0	13/1
пити	+	3/7	6/22	6/2	3/2
писати	+	1/3	3/3	7/8	0/4
плакати	+	3/7	6/14	3/2	1/0
плакатисѧ	+	26/6	13/24	46/6	3/0
пленити	—	3/2	3/0	12/14	3/9
полонити	—	—	—	6/5	—
праздновати	—	0/2	0/3	6/1	3/4
просити	+	7/6	72/29	13/3	1/3
проситисѧ	+	2/0	2/0	3/0	—
слышати	+	1/10	17/29	61/54	316/181
соудити	+	—	2/2	1/5	1/3
съмѣти	—	10/4	9/11	21/15	3/2
съпати	—	1/5	8/14	—	4/4
тещи	—	2/21	6/23	5/4	0/6
тродитисѧ	—	1/3	—	6/4	0/7
ходити	+	21/36	31/76	78/2	8/7
хотѣти	—	92/49	293/227	62/23	4/2
чьстити	+	4/2	4/5	2/1	2/0
цѣловати	+	14/9	12/20	3/3	1/3
цѣсти	+	1/3	3/2	114/9	46/6

3. «Недоимперфективы»⁹

В [Прокопович 1962] отмечается, что в языке памятников XVII в. многие из неохарактеризованных простых глаголов обнаруживают явную тенденцию к видовой дифференциации и закреплению за ними значения определенного вида, о чём свидетельствуют статистические данные. Наш материал показывает, что в древнерусский период среди неохарактеризованных простых глаголов уже есть такие, которые находятся на стадии тяготения к значению одного из видов, причем у неохарактеризованных симплексов движение, как правило, происходит в сторону НСВ (такие глаголы предлагается условно назвать «недоимперфективами»)⁹. Статистические данные по образуемым временным формам простых глаголов, функционирование которых тяготеет в исследованных памятниках к контекстам НСВ, представлены в Таблице 2.

Таблица 2¹⁰

Простые глаголы, тяготеющие к семантике несовершенного вида

	Сочетаемость с <i>начати</i> , <i>почати</i>	Имперфект	Дейст. прич. наст. вр.	Аорист	Дейст. прич. прош. вр.
БОЛѢТИ	+	2/2	10/18	1/0	2 обст./1
БОЛѢТИСѦ	+	6/13	24/178	0/1	0/1
ВЕСѢДОВАТИ	+	2/6	0/14	1/2 [1 обст.]	1/1 обст.
ВЕСЕЛѢТИСѦ	+	2/11	9/18	2/0	0/1 обст.
ВѢДАТИ	—	10/10	9/24	1?/5 [2?]	0/1
ВЛАДѢТИ	+	0/5	3/23	2/0	0/1 обст.
ГАДАТИ	+	1/0	2/1	1/0	4 [3 обст.]/0
ГЛАГОЛАТИ	+	66/182	211/314	12/55	6 [1 обст.]/ 11 [1 обст., 2 отр.]
ГНѢВАТИ	—	—	0/2	—	—

⁹ Интересно, что в современном русском языке в отношении многих двувидовых глаголов (из современных заимствований) наблюдается схожая тенденция: они сдвигаются в своём функционировании именно к НСВ, употребляясь гораздо чаще в контекстах, типичных для НСВ, см. об этом в [Piperski 2016].

¹⁰ Общие принципы подачи информации в таблицах см. в сноске 7 к Табл. 1. Дополнительные пометы, используемые в таблицах: «?» означает, что нет полной уверенности в том, что форма определена верно (например, в случае омонимии форм имперфекта и аориста 1-го лица), или возможна ошибка. Квадратные скобки «[]» означают выборку из общего указанного количества (например, 2 из 5). Помета «обст.» отмечает сочетание с обстоятельством, обозначающим временной период или продолжительность действия. О сочетаемости форм аориста и действительного причастия прошедшего времени от глаголов НСВ с обстоятельствами, ограничивающими время протекания действия, речь пойдет ниже, в разделе IV.

	Сочетаемость с начати, почати	Импер- фект	Дейст. прич. наст. вр.	Аорист	Дейст. прич. прош. вр.
гнѣватисѧ	+	3 / 20	3 / 13	0 / 2	—
гравити	+	1 / 3	6 / 7	2 / 0	—
дѣлати	+	0 / 10	3 / 20	3 / 0	—
жаловати	+	2 / 6	5 / 9	3 [2 обст.]	—
жаловатисѧ	+	1 / 0	3 / 0	—	—
жещи	+	2 / 2	7 / 2	1 обст. / 1 ¹¹	—
жити	+	36 / 9	38 / 85	1 / 5	7 [5 обст.] / 1
зърѣти	+	3 / 14	36 / 94	0 / 1	3 [1 обст.] / 1 обст.
искати	+	15 / 20	21 / 18	2 обст. / 1	4 / 0
мѣлвити	+	46 / 6	13 / 13	0 / 3 [1 обст.]	6 [2 обст.] / 0
рѣвъновати	—	2 / 2	5 / 5	0 / 1	1 / 0
слоужити	+	4 / 7	6 / 10	1 / 0	2 [1 обст., 1 отр.] / 1
слоушати	+	7 / 2	6 / 13	1 / 0	1 отр. / 0
сѣлати	+	11 / 2	10 / 2	1 / 1	1 отр. / 0
сѣлатисѧ	+	5 / 0	2 / 0	1 / 0	1 обст. / 0
сѣщи	+	2 / 25	20 / 13	5 / 0	1 / 0
сѣщисѧ	—	1 / 2	2 / 0	—	0 / 1 обст.
творити	+	65 / 51	41 / 108	0 / 3	1 / 3 [2 отр.]
творитисѧ	—	8 / 25	7 / 19	—	—
оучити	+	6 / 11	9 / 15	—	0 / 1?
оучитисѧ	+	0 / 4	0 / 4	0 / 1	0 / 8 [3 отр., 1 обст.]

Как видно из таблицы, у простых глаголов, уже в древнерусский период демонстрирующих сдвиг в сторону семантики НСВ, количество употреблений имперфекта и действительного причастия настоящего времени преобладает (для некоторых глаголов значительно) над формами аориста и действительного причастия прошедшего времени. Выше (в разделе I) уже было сказано о том, что в отношении значимости (с точки зрения аспектуальной семантики) наличия/отсутствия тех или иных временных форм в древнерусский период мы имеем дело с ассиметричной картиной. Так, отсутствие/наличие форм имперфекта и действительного причастия настоящего времени оказывается более значимым и показательным для вывода о том, относится ли глагол к СВ, чем отсутствие/наличие форм аориста и действительного причастия прошедшего времени для глаголов НСВ.

¹¹ В памятниках, включенных в Древнерусский подкорпус НКРЯ, не встретилось форм аориста от глагола **жещи**, однако одна форма (**жѣгоша**) зафиксирована в надписи XI в. из Новгородской Софии, см. [Гиппиус, Михеев 2013], еще одна зафиксирована в СДРЯ (в статье **наопако**: из Пролога XIV в.).

Действительно, несмотря на преимущественное образование от глаголов СВ (о чем неумолимо свидетельствует статистика по памятникам), аорист мог при необходимости образовываться и от глаголов НСВ как форма, указывающая исключительно на отнесенность действия к прошлому, см., например, [Горшкова, Хабургаев 1997: 320]. Что касается действительных причастий, то на выбор формы настоящего или прошедшего времени влияние мог оказывать не только вид глагола, но также таксисные отношения. Иначе говоря, выбор времени причастия в ряде случаев мог быть обусловлен необходимостью выразить временные соотношения (предшествование или одновременность) между основным и второстепенным действием, см., например, [Абдулхакова 2007: 33–34]. Данные обстоятельства, накладываясь на общую тенденцию (зафиксированную статистикой), снижают показательность форм аориста, а в ряде случаев и причастий, что в свою очередь осложняет задачу, стоящую перед исследователями. Важно также учитывать, что употреблению тех или иных временных форм могли способствовать и другие дополнительные (внеаспектуальные) факторы (как, например, отрицание, залог, сочетаемость с обстоятельствами, субстантивация и др.).

В качестве примера рассмотрим два глагола из Таблицы 2: **оучити** и **оучитисѧ**. Как видно из таблицы, от глагола **оучити** в древнерусский период не встречаются формы действительного причастия прошедшего времени (в исследованных памятниках встретился один сомнительный пример), в то время как от глагола **оучитисѧ** эти формы образуются (зафиксированы примеры в переводных памятниках). Анализ употреблений показал, что довольно часто данные формы встречаются в контекстах с отрицанием. Исследования современного русского языка демонстрируют схожие тенденции. В грамматическом словаре А. А. Зализняка отмечается, что возможные, но очень редкие образования действительных деепричастий прошедшего времени встречаются практически всегда в контексте с отрицанием [Зализняк 2003: 85], см. также [Князев 2009: 481–482]. Данные современного подкорпуса НКРЯ показывают, что формы деепричастия прошедшего времени от глагола *учиться* — *учивишись*, воспринимаемые в настоящий момент как достаточно устаревшие, ещё встречаются (хотя и редко) в текстах XIX, а также начала XX в., причем из 28 зафиксированных примеров 20 с отрицанием. При этом от глагола *учить* зафиксировано только два примера в текстах XIX в. В [Добрушина 2009: 19] и [Биккулова 2011] отмечается, что материал современного подкорпуса НКРЯ не подтверждает тезиса о том, что в современном русском языке деепричастия на *-в*, *-вши* от глаголов НСВ, как правило, встречаются именно с отрицанием. Представляется всё же, что этот вывод преждевременен, требует проверки и, на наш взгляд, скорее обусловлен спецификой и ограниченностью материалов, попавших в НКРЯ. Так, результаты поиска в Яндексе показывают, что в современном русском языке деепричастные формы от возвратного глагола *учивишись* хотя и редки, но окказионально возможны именно в кон-

тексте с отрицанием: *Реально ли получить роль в кино, никогда не играв в театре и не учившись на актёра?*; *Искусный повар в нужный час добывает сохранившийся в пальцах рецепт так, как мы вспоминаем древний танец, никогда ему не учившись*. От глагола *учить* такие формы встречаются совсем редко: *Как рассказать стих, не учив его?* И, как кажется, звучат хуже. На примере глагола *учиться* мы попытались показать, что определенные ограничения (в данном случае связанные с залогом и отрицанием), которые мы наблюдаем в современном русском языке, имели место уже в древнерусский период, и данное обстоятельство требует более внимательного изучения.

Таким образом, в будущем предстоит более пристально и на более широком материале исследовать группу простых глаголов, демонстрирующих сдвиг в сторону НСВ, уделив особое внимание анализу функционирования форм аориста и действительных причастий прошедшего времени, а также факторам, которые могли влиять на выбор временной формы. Не исключено, что новые данные позволят пересмотреть и уточнить предложенную классификацию, а также уточнить аспектуальный статус глаголов, для которых зафиксированы единичные «неправомерные» формы. Из осторожности на данном этапе такие глаголы (например, **жещи**, **рьвновати**, **слюшати** и др.) были помещены в промежуточный подкласс, но не исключено, что в будущем окажется возможным переместить некоторые из них в группу глаголов НСВ.

4. Простые глаголы несовершенного вида

Среди простых бесприставочных глаголов есть и такие, которые уже в древнерусский период можно считать глаголами НСВ. Их не так много, как неохарактеризованных (на данный момент выявлено около двух десятков), однако представляется принципиально важным, что такие глаголы есть. Статистические данные по образуемым формам представлены в Таблице 3.

Из таблицы видно, что от приведенных глаголов регулярно образуются формы имперфекта и действительного причастия настоящего времени. У большинства глаголов зафиксированы сочетания с фазовыми глаголами и не зафиксированы формы аориста и действительного причастия прошедшего времени. Исключение составляют несколько глаголов (**горѣти**, **държати**, **ждати**, **кънажити**, **лежати**, **работати**, **стояти**, **сѣдѣти**), от которых, как видно из таблицы, образуются формы аориста и действительного причастия прошедшего времени. В ряде случаев количество этих форм сопоставимо с количеством зафиксированных форм имперфекта и действительного причастия настоящего времени, а у глагола **стояти** даже его превышает. Однако употребление практически всех аористов и действительных причастий прошедшего времени оказывается контекстуально

Таблица 3¹²

Простые глаголы несовершенного вида

	Сочет. с начати, почати	Имперфект	Дейст. прич. наст. вр.	Аорист	Дейст. прич. прош. вр.
БЛЮСТИ	—	0 / 3	12 / 7	—	—
БЛЮСТИСА	—	0 / 2	7 / 6	—	—
БОРОТИ	—	2 / 0	6 / 0	—	—
БОРОТИСА	+	4 / 1	9 / 5	—	—
БРАНИТИ	+	6 / 18	1 / 8	—	—
БРАНИТИСА	—	7 / 12	1 / 7	—	—
ВАБИТИ	+	2 / 5	10 / 2	—	—
ВЕЛИЧАТИ	—	0 / 1	0 / 1	—	—
ВЕЛИЧАТИСА	—	5 / 3	2 / 8	—	—
ГОРѢТИ	+	2 / 0	4 / 17	3 обст. / 0	—
ГЪРДѢТИ	+	0 / 4	2 / 13	—	—
ГЪРДѢТИСА	—	—	4 / 3	—	—
ДЪРЖАТИ	+	18 / 29	35 / 43	11 [10 обст., 1?] / 4 [1 обст., 2?]	4 [3 обст., 1?] / 1
ДЪРЖАТИСА	—	3 / 2	6 / 4	—	—
ЖЪДАТИ	+	3 / 6	20 / 7	8 обст. / 1	3 обст. / 1 обст.
КАПАТИСА	+	0 / 3	4 / 7	—	—
КРАСТИ	+	2 / 0	2 / 5	—	—
КЪНАЖИТИ	+	4 / 0	24 / 0	3 обст. / 0	7 обст. / 0
ЛЕЖАТИ	—	8 / 27	24 / 56	8 обст. / 3 [1 обст., 2?]	1 обст. / 3 обст.
ЛЮБИТИ	+	17 / 14	40 / 35	1 / 0	0/1 плн. + субст.
ПРАВИТИ	+	4 / 4	9 / 1	1? / 0	—
РАБОТАТИ	+	0 / 1	5 / 5	3 обст. / 0	—
СВѢТИТИ	—	0 / 1	0 / 2	—	—
СВѢТИТИСА	—	1 / 5	4 / 10	—	—
СЛАВИТИ	+	4 / 9	26 / 10	—	—
СЛАВИТИСА	—	0 / 1	—	—	—
СТОЯТИ	—	66 / 68	83 / 107	85 обст. / 6 [2 обст. 3?]	20 обст. / 3 [1 обст., 1 субст.]
СЪДѢТИ	—	25 / 22	58 / 82	13 обст. / 2	13 обст. / 2 [1 обст., 1 плн.]
ТЪЩАТИСА	+	5 / 9	0 / 6	—	—
ХВАЛИТИ	—	1 / 8	17 / 15	—	—
ХВАЛИТИСА	+	—	6 / 7	—	—

¹² Принципы подачи информации в таблицах см. выше, в сносках 7 и 10. Не встречающиеся ранее пометы «плн.» и «субст.» означают, что зафиксированное действительное причастие прошедшего времени встретилось в полной форме и/или субстантивнуется в контексте. Данные факторы, по-видимому, тоже значимы, хотя их подробное обсуждение в настоящей статье не предполагается.

обусловленным. В большинстве случаев такие употребления ограничены сочетаемостью с обстоятельствами, указывающими на продолжительность действия (за счет чего снимается противоречие между значением вида и времени), и характерны прежде всего для древнерусских оригинальных памятников письменности. Как было показано в [Мишина 2016], употребления форм аориста и действительного причастия прошедшего времени от глаголов НСВ в сочетании с обстоятельствами времени, ограничивающими время протекания действия, следует рассматривать как особый контекстуально обусловленный тип употребления.

5. Простые глаголы совершенного вида

В [Аркадьев 2015: 146–147] со ссылкой на данные [Зализняк, Шмелёв 2000: 79, сн. 1] и [Schuyt 1990: 221] приводится список простых глаголов, относящихся к СВ в современном русском языке. В современном русском языке симплексов СВ сравнительно немного, в древнерусском их было еще меньше (это самый маленький подкласс), но принципиально важным представляется то, что в древнерусский период этот подкласс уже можно выделить.

Начнем с перечисления тех глаголов, упомянутых в [Аркадьев 2015], которые были исключены нами из рассмотрения применительно к древнерусскому:

- глаголы, появившиеся в языке значительно позже: *бросить* — с XVII в., *контузить* — ещё позже;
- глаголы, довольно долго сохранявшие свою видовую неохарактеризованность: *купити*, *благословити* (см. выше Таблицу 1);
- глаголы, исторически приставочные (даже если без приставки в древнерусский период они не употреблялись) или суффиксальные: *стати* (*станоу*), *оударити*. В древнерусский период такие глаголы уже относились к СВ, но они не являются простыми;
- глаголы на *-ити*, у которых форма имперфекта омонимична однокоренным глаголам на *-ати*: *ключити(сѧ)*, *лишити(сѧ)*, *пленити(сѧ)*;
- глаголы, представленные в исследованных памятниках единичными (или непоказательными) примерами: *рѣшити(сѧ)*, *дѣти(сѧ)*, *основати*, *скачити*. В настоящий момент об этих глаголах можно сказать лишь то, что их употребление не демонстрирует противоречий с данными современного русского языка. Однако для вывода об их аспектуальном статусе необходимо накопление материала и дальнейшее исследование их функционирования.

Проведенное исследование позволяет утверждать, что ряд глаголов из современного списка симплексов СВ уже в ранний древнерусский период вели себя как СВ: *дати(сѧ)*, *лечи*, *лишити(сѧ)*, *пасти(сѧ)*, *простити*, *поустити(сѧ)*, *родити(сѧ)*, *сѣсти*, *гавити(сѧ)*. Некоторые из них (например,

дати, лечи, пасти, сѣсти) принадлежат к СВ в большей части современных славянских языков. В древнерусском языке (по сравнению с современным) список симплексов СВ расширяется за счет простых глаголов, не употребляющихся без приставки в современном русском литературном языке (**врещи(сѧ), стрѣлѣти**) или же потерявших в современном языке ряд лексических значений, а с ними и значение СВ (**грѣшити, слѣпити**). В Таблице 4 приведена статистика по формам от простых глаголов, демонстрирующих семантику СВ (с обозначением типов периферийных контекстов, допускающих СВ).

Таблица 4¹³

Простые глаголы совершенного вида

	Сочет. с начати , почати	Имперфект	Дейст. прич. наст. вр.	Аорист	Дейст. прич. прош. вр.
врещи	—	1 узуал. / 1 узуал.	0 / 1 узуал.	1 / 4	3 / 0
врещисѧ	—	—	—	0 / 2	—
грѣшити	—	—	—	5 / 0	1 / 0
грѣшитисѧ	—	—	—	2 / 0	—
дати	—	7 отр. / 11 отр.	18 отр. / 1 отр.	282 / 46	33 / 16
датисѧ	—	—	—	6 / 1	—
лечи	—	—	—	8 / 7	2 / 2
пасти ‘упасть’	—	—	—	44 / 38	18 / 25
пастисѧ ‘упасть’	—	—	—	7 / 16	0 / 6
простити	—	—	—	1 / 3	0 / 1
поустити	—	2 отр. / 1 отр.	3 отр. / 2 отр.	185 / 50	11 / 7
поуститисѧ	—	—	—	1 / 1	1 / 0
родити	—	—	—	24 / 10	4 / 17
родитисѧ	—	—	—	71 / 17	2 / 38
слѣпити	—	—	—	3 / 0	3 / 0
стрѣлѣти	—	—	—	3 / 0	2 / 1
сѣсти	—	—	—	162 / 64	13 / 22
ѡвити	—	—	—	16 / 7	2 / 1
ѡвитисѧ	—	—	—	27 / 52	1 / 12

¹³ Общие принципы подачи информации в таблицах см. выше в сноске 7. Текстовые комментарии отражают типы периферийных контекстов, допускающих СВ (см. об этих контекстах выше в разделе I): «узуал.» — кратнo-перфективные контексты, в которых глагольные формы выражают повторяющееся действие; «отр.» — контексты с отрицанием.

Как видно из таблицы, данные глаголы не сочетаются с фазовыми глаголами, не образуют форм имперфекта и действительного причастия настоящего времени. Редкие «маргинальные» формы имперфекта и действительного причастия прошедшего времени засвидетельствованы исключительно в определенных периферийных контекстах (см. пометы в таблице), где конфликт между значением вида и времени смягчается, и вследствие этого возможно употребление СВ: в контекстах многократности [Маслов 1954/2004; Зализняк 2008; Мишина 2017] и отрицания [Маслов 1954/2004; Мишина 2012; 2017]. Форма презенса у данных глаголов имеет значение будущего или неактуального настоящего. Следует отметить, что большинство из приведенных глаголов уже в древнейший период имело соотносительные глаголы НСВ, что, возможно, способствовало их ранней аспектуальной охарактеризованности, ср.: **грѣшити** — **грѣшати**, **дати** — **давати**, **лечи** — **лежати**, **пасти** — **падати**, **простити** — **прощати**, **поустити** — **поущати**, **родити(сѧ)** — **рожати(сѧ)**, **стрѣлити** — **стрѣлѣти**, **сѣсти** — **сѣдѣти**, **гавити(сѧ)** — **гавлѣти(сѧ)**.

Интересно, что простых глаголов, находящихся на промежуточном пути — демонстрирующих сдвиг к семантике СВ, — на данный момент не обнаружилось, за исключением глагола **рещи (речи)**, см. статистику по образуемым формам в Таблице 5:

Таблица 5

	Сочет. с начати , почати	Имперфект	Дейст. прич. наст. вр.	Аорист	Дейст. прич. прош. вр.
рещи (речи)	—	1 узуал. / 1 узуал.	430 / 20	1308 / 1377	212 / 204

Как видно из таблицы, в отношении функционирования личных форм **рещи (речи)**, по всей вероятности, уже в древнерусский период вел себя как глагол СВ: частотны формы аориста, а все зафиксированные (единичные) формы имперфекта имеют кратно-перфективное значение¹⁴. Показательно также, что у глагола **рещи** не засвидетельствована сочетаемость с фазовыми глаголами, что согласуется с семантикой СВ. В отношении же функционирования причастных форм глагол **рещи** демонстрирует черты аспек-

¹⁴ Еще одна форма имперфекта от глагола **рещи** (тоже в кратно-перфективном значении) засвидетельствована в Синайском патерике, см. [Жолобов 2016: 74]. Следует отметить, что имперфекты от глагола **рещи** рассматриваются как имперфекты СВ, по-видимому, начиная с работы Ю. С. Маслова [Маслов 1954/2004: 151], см. также [Зализняк 2008: 95; Жолобов 2016: 74], что в целом справедливо по отношению к личным формам глагола **рещи**, но всё же требует, на наш взгляд, определенных оговорок относительно его аспектуального статуса.

туальной неохарактеризованности: наряду с действительными причастиями прошедшего времени от него столь же регулярно образуются формы действительного причастия настоящего времени, что на текущем этапе исследования не позволяет нам безоговорочно отнести глагол **рещи** к глаголам СВ, а всё же присвоить ему промежуточный статус «недоперфектива». Однако следует также признать, что в данном случае статистика по причастным формам не столь показательна, как статистика по личным формам. В функционировании причастных форм настоящего и прошедшего времени от глагола **рещи** наблюдается определенная асимметричность. В то время как форма прошедшего времени (**речь, рѣкъше, рѣкъшоу...**) встречается не только в контекстах, вводящих прямую речь, форма настоящего времени (**ръка, рькоучи**) употребляется исключительно при вводе прямой речи, по-видимому, выступая в этом случае в роли своего рода актуализирующего маркера прямой речи. Изучение особенностей функционирования причастных форм от глагола **рещи** — задача будущих исследований.

6. Выводы

Итак, как мы попытались показать, уже в древнерусский период класс простых глаголов представлял собой неоднородное множество в отношении выражения аспектуальной семантики. Исследованный материал позволяет выделить несколько подклассов:

- простые глаголы, аспектуально неохарактеризованные, способные употребляться в контекстах, типичных как для СВ, так и НСВ (самый многочисленный подкласс);
- простые глаголы, аспектуально охарактеризовавшиеся и выражавшие семантику НСВ;
- простые глаголы, аспектуально охарактеризовавшиеся и выражавшие семантику СВ (самый малочисленный подкласс);
- простые глаголы, всё ещё сохранявшие аспектуальную неохарактеризованность, однако демонстрирующие сдвиг в сторону НСВ («недоимперфективы»).

Выделение подкласса простых глаголов, демонстрирующих сдвиг в сторону СВ, остаётся под вопросом, поскольку на данный момент к этому классу можно отнести только один глагол — **рещи (речи)**. Показательно, что в современном русском языке в отношении функционирования двувидовых глаголов наблюдаются те же тенденции. Многие из двувидовых глаголов сдвигаются в сторону нормальной видовой парности, постепенно становясь глаголами СВ или НСВ, причем чаще наблюдается сдвиг в сторону именно НСВ [Piperski 2016: 18]. Кроме того, как отмечают исследователи, колебания в определении тех или иных глаголов как двувидовых или же принадлежащих определенному виду наблюдаются и в современных словарях, и в восприятии носителей языка [Piperski 2016; Павлова 2017].

Важным представляется вывод о неравноценной значимости разных морфологических и семантических параметров, а также запретов при определении аспектуального статуса глагола. В качестве наиболее значимых оснований для отнесения глагола к классу СВ или НСВ с точки зрения показательности/непоказательности выступают разные наборы параметров. Таким образом, мы наблюдаем ассиметричное соотношение.

Направление дальнейшего исследования аспектуальной семантики простых глаголов в древнерусском языке должно, с одной стороны, двигаться в сторону расширения круга памятников с целью накопления более масштабной статистики, а с другой — быть посвящено выявлению и более детальному анализу разного рода факторов, способствовавших или препятствовавших процессу втягивания простых глаголов в видовое противопоставление. При этом спектр параметров, которые следует учитывать, довольно широк: лексическая семантика глагола, принадлежность к тому или иному морфологическому классу, наличие парного глагола, сочетаемость, особенности синтаксиса и др. Целесообразным в дальнейшем представляется проведение более детального исследования, учитывающего в том числе и разные значения каждой глагольной лексемы.

Источники

Александрия — В. М. Истрин. Александрия русских хронографов. Исследование и текст. М., 1893. С. 5–105.

Вольнская летопись — Полное собрание русских летописей. Т. II. Ипатьевская летопись. М., 1998. С. 848–938.

Вопрошание Кирика — Ркп. ГИМ, собр. Синодальное, № 132 (Новгородская или Климентовская кормчая), XIII в. Л. 517–539.

Галицкая летопись — Полное собрание русских летописей. Т. II. Ипатьевская летопись. М., 1998. С. 715–848.

Житие Андрея Юродивого — А. М. Молдован. Житие Андрея Юродивого в славянской письменности. М., 2000. С. 159–450.

Изборник 1076 — Изборник 1076 года / Изд. подгот. М. С. Мушинская, Е. А. Мишина, В. С. Голышенко. Т. I. М., 2009. С. 157–707.

История Иудейской войны — «История Иудейской войны» Иосифа Флавия. Древнерусский перевод. Т. I. М., 2004. С. 63–684.

Киевская летопись — Ипатьевская летопись. Ркп. БАН 16.4.4. Л. 106 об. — 245.

Новгородская первая летопись — Новгородская Первая летопись старшего извода по Синодальному списку. Ркп. ГИМ, собр. Синодальное, № 786. Л. 1–169.

Повесть временных лет по Ипатьевскому списку — Полное собрание русских летописей. Т. II. Ипатьевская летопись. М., 1998. С. 1–285.

Повесть о беспечном царе и его мудром советнике Кирилла Туровского — Ркп. ГИМ, собр. Синодальное № 935, XVI в. Л. 72–81 об.

Повесть об Акире премудром — А. Д. Григорьев. Повесть об Акире премудром. М., 1913. С. 3–235.

Притча о душе и теле Кирилла Туровского — Ркп. ГИМ, собр. Чудовское, № 20, XIV в. Л. 286 об. — 294 об.

Пчела — «Пчела»: Древнерусский перевод / Изд. подг. А. А. Пичхадзе, И. И. Макеева. Т. I. М., 2008.

Сказание о черноризском чине Кирилла Туровского — ГИМ, собр. Синодальное, № 132 (Новгородская или Климентовская кормчая), XIII в. Л. 604а—613а.

Суздальская летопись — Полное собрание русских летописей. Т. I. Лаврентьевская летопись. Москва, 1997. С. 287—540.

Чудеса Николы — Сказание чудес Николая Мирликийского. Ркп. РНБ, Ф.п.I, 46, XII в. Л. 66—76.

Л и т е р а т у р а

Абдуллакова 2007 — Н. Р. А б д у л л а к о в а. Из истории русского деепричастия. Казань, 2007.

Аркадьев 2015 — П. М. А р к а д ь е в. Ареальная типология префиксального перфектива (на материале языков Европы и Кавказа). М., 2015.

Биккулова 2011 — О. С. Б и к к у л о в а. Деепричастие // Материалы для проекта корпусного описания русской грамматики (<http://rusgram.ru>). На правах рукописи. М., 2011.

Вайан 1948/2002 — А. В а й а н. Руководство по старославянскому языку. М., 2002 (репринт изд. 1948 г.).

Гиппиус, Михеев 2013 — А. А. Г и п п и у с, С. М. М и х е е в. О подготовке свода надписей-граффити Новгородского Софийского собора // Письменность, литература, фольклор славянских народов. История славистики: XV Международный съезд славистов. Минск, 20—27 августа 2013 г. Докл. рос. делегации. М., 2013. С. 152—179.

Горшкова, Хабургаев 1997 — К. В. Г о р ш к о в а, Г. А. Х а б у р г а е в. Историческая грамматика русского языка. 2-е изд. М., 1997.

Добрушина 2009 — Е. Р. Д о б р у ш и н а. *Видев и увидя*: жизнь и смерть нестандартных деепричастий // Корпусные исследования по русской грамматике. М., 2009. С. 15—33.

Жолобов 2016 — О. Ф. Ж о л о б о в. От праславянского языка к старославянскому: о перфективном имперфекте // Вопросы языкознания. 2016. № 3. С. 64—80.

Зализняк 1993 — А. А. З а л и з н я к. Презенс совершенного вида в значении «презенса напрасного ожидания» // В. Л. Янин, А. А. З а л и з н я к. Новгородские грамоты на бересте (Из раскопок 1984—1989 гг.). М., 1993. С. 275—279.

Зализняк 2003 — А. А. З а л и з н я к. Грамматический словарь русского языка: Словоизменение. Ок. 110 000 слов. 4-е изд., испр. и доп. М., 2003.

Зализняк 2008 — А. А. З а л и з н я к. Слово о полку Игореве. Взгляд лингвиста. 3-е изд. М., 2008.

Зализняк, Шмелёв 2000 — Анна А. З а л и з н я к, А. Д. Ш м е л ь е в. Введение в русскую аспектологию. М., 2000.

Князев 2009 — С. И. Б о г д а н о в, В. Б. Е в т ю х и н, Ю. П. К н я з е в и др. Морфология современного русского языка: учебник для высших учебных заведений Российской Федерации. СПб., 2009.

Кузнецов 1953 — П. С. Кузнецов. Историческая морфология русского языка. М., 1953.

Кузьмина, Немченко 1982 — И. Б. Кузьмина, Е. В. Немченко. История причастий // Историческая грамматика русского языка. Морфология. Глагол. М., 1982. С. 280–411.

Кукушкина, Шевелёва 1991 — О. В. Кукушкина, М. Н. Шевелёва. О формировании современной категории глагольного вида // Вестник Московского университета. Сер. 9: Филология. 1991. № 6. С. 38–49.

Маслов 1954/2004 — Ю. С. Маслов. Имперфект и аорист в славянских языках // Ю. С. Маслов. Избранные труды. М., 2004 (переработка статьи 1954 г.). С. 141–248.

Маслов 1961/2004 — Ю. С. Маслов. Роль так называемой перфективации и имперфективации в процессе возникновения славянского глагольного вида // Избранные труды: Аспектология. Общее языкознание. М., 2004. С. 445–476.

Мишина 1997 — Е. А. Мишина (Горбунова). Глагольные формы в географических описаниях по материалам восточнославянских памятников старшего периода (в сопоставлении с современными говорами) // Вопросы русского языкознания. Вып. VII. Русские диалекты: история и современность. М., 1997. С. 47–66.

Мишина 2001 — Е. А. Мишина. Настоящее историческое в восточнославянских памятниках XI–XV веков // Древние языки в системе университетского образования: их исследование и преподавание. М., 2001. С. 197–212.

Мишина 2002 — Е. А. Мишина. Настоящее узуальное и потенциальное в восточнославянских памятниках XI–XV вв. // Лингвистическое источниковедение и история русского языка 2001. М., 2002. С. 199–228.

Мишина 2012 — Е. А. Мишина. «Ситуация напрасного ожидания» и отрицание // Русский язык в научном освещении. 2012. № 2 (24). С. 219–241.

Мишина 2015 — Е. А. Мишина. Семантика глаголов и семантика времен в древнерусском и старославянском языках (в свете взаимодействия с аспектуальной семантикой) // Аспектуальная семантическая зона: Типология систем и сценарии диахронического развития: Сборник статей V Международной конференции Комиссии по аспектологии Международного комитета славистов. Университет Киото Сангё, Киото, 2015. С. 174–180.

Мишина 2016 — Е. А. Мишина. Об особых употреблениях форм аориста и действительного причастия прошедшего времени в древнерусских летописях // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова. Вып. 10. Материалы международной научной конференции «Грамматические процессы и системы в синхронии и диахронии» (30 мая — 1 июня 2016 г.). М., 2016. С. 420–436

Мишина 2017 — Е. А. Мишина. К изучению перфективного имперфекта в древнерусском языке (в сопоставлении со старославянским) // Russian Linguistics. 2017. Vol. 41 (1). С. 1–15.

Никифоров 1952 — С. Д. Никифоров. Глагол, его категории и формы в русской письменности второй половины XVI века. М., 1952.

НКРЯ — Национальный корпус русского языка. URL: <http://www.ruscorpora.ru>.

Павлова 2017 — А. Павлова. Некоторые особенности двувидовых глаголов и их восприятие билингвами и монолингвами // Linguistik online. 2017. Vol. 83 (4). С. 51–79.

Падучева 1996 — Е. В. Падучева. Семантические исследования. Семантика времени и вида в русском языке. Семантика нарратива. М., 1996.

Прокопович 1962 — Е. Н. Прокопович. Глаголы, не входящие в систему видовой соотносительности (По памятникам русской письменности XVII в.) // Историческая грамматика и лексикология русского языка: Материалы и исследования. М., 1962.

Ружичка 1961 — Р. Ружичка. Глагольный вид в «Повести временных лет» // Вопросы глагольного вида. М., 1962.

Силина 1982 — В. Б. Силина. История категории глагольного вида // Историческая грамматика русского языка. Морфология. Глагол. М., 1982. С. 158–279.

Силина 1995 — В. Б. Силина. Видо-временные отношения // Древнерусская грамматика XII–XVIII вв. М., 1995. С. 374–464.

СДРЯ — Словарь древнерусского языка XI–XIV вв. Вып. 1–. М., 1988–.

СРЯ XI–XVII — Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 1–. М., 1975–.

Срезневский — И. И. Срезневский. Словарь древнерусского языка. Репринтное издание. Т. I–IV. М., 1989.

Ульянов 1895 — Г. К. Ульянов. Значение глагольных основ в литовско-славянском языке. Ч. II. Варшава, 1895.

Юрьева (в печати) — И. С. Юрьева. Инфинитивные конструкции с глаголом **начати (почати)** // Очерки древнерусского и старорусского синтаксиса (в печати).

Koschmieder 1934 — E. Koschmieder. Nauka o aspektach czasownika polskiego w zarysie. Próba syntezy. Wilno, 1934.

Nørgård-Sørensen 1997 — J. Nørgård-Sørensen. Tense, aspect and verbal derivation in the language of the Novgorod birch bark letters // Russian Linguistics. 1997. Vol. 21 (1). P. 1–21.

Piperski 2016 — A. Piperski. Between imperfective and perfective: quantitative approaches to the study of Russian biaspectual verbs // https://www.academia.edu/21426579/Between_imperfective_and_perfective_quantitative_approaches_to_the_study_of_Russian_biaspectual_verbs [21.03.2016].

Růžička 1957 — R. Růžička. Der Verbalaspekt in der altrussischen Nestorchronik. Berlin, 1957.

Schuyt 1990 — R. Schuyt. The Morphology of Slavic Verbal Aspect: A Descriptive and Historical Study. Amsterdam, 1990.

Резюме

Статья посвящена исследованию аспектуальной семантики простых (бесприставочных) глаголов в древнерусском языке. Традиционно считается, что в древнерусский период эти глаголы были неохарактеризованными по виду. Однако проведенный анализ показывает, что уже в древнейший период класс простых глаголов представлял собой неоднородное множество в отношении выражения аспектуальной семантики: выделяется несколько подклассов. В статье предлагаются методика (базирующаяся на комплексном подходе, учитывающем ряд морфологических и семантических параметров) и алгоритмы, позволяющие определить аспектуальное значение конкретной глагольной лексемы. Делается вывод о том, что для определения аспектуального статуса глагола СВ или НСВ разные морфологические и семантические параметры (а также запреты) оказываются неравноценны по своей значимости, что свидетельствует об определенной асимметричности аспектуальной системы, наблюдаемой в древнерусском языке.

Ключевые слова: глагольный вид, критерии определения аспектуальной семантики, простые глаголы, древнерусский язык.

Получено 02.02.2018

EKATERINA A. MISHINA

ON THE ASPECT OF SIMPLEX (NON-PREFIXED) VERBS IN OLD RUSSIAN

The article is devoted to the aspectual semantics of simplex (non-prefixed) verbs in Old Russian. Traditionally, these verbs have been considered to be aspectually unspecified in the Old Russian period. However, our analysis shows that already in the ancient period the class of simplexes was heterogeneous with respect to aspectual semantics; several subclasses can be distinguished. The article offers a method (based on a complex approach that takes into account a number of morphological and semantic parameters) and algorithms that allow us determine the aspectual meaning of a particular verbal lexeme. It is also argued that for determining the aspectual status of a perfective or an imperfective verb morphological and semantic parameters (and prohibitions) have different degrees of importance. That indicates a certain asymmetry of the aspectual system observed in the Old Russian language.

Keywords: verbal aspect, criteria for determining aspectual semantics, simplex verbs, Old Russian language.

Received on 02.02.2018

М. Н. ШЕВЕЛЕВА

ЕЩЕ РАЗ ОБ ИМПЕРФЕКТЕ СОВЕРШЕННОГО ВИДА В ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКИХ ПАМЯТНИКАХ

В основу этой статьи легла «Заметка об имперфекте совершенного вида», помещенная на сайте Института славяноведения РАН в электронном сборнике, посвященном юбилею А. А. Зализняка [Шевелева 2015]. За прошедшие три года интерес к проблеме имперфекта совершенного вида в древних славянских текстах заметно оживился: недавние работы О. Ф. Жолобова и Е. А. Мишиной существенно продвинули нас в понимании специфики этого грамматического феномена в восточнославянских памятниках [Жолобов 2015; 2016а; 2016б; Мишина 2015а; 2015б; 2017]. В свете результатов этих исследований возникла потребность в уточнении и дополнении соображений, высказанных в нашей «Заметке об имперфекте совершенного вида».

1. В классической работе Ю. С. Маслова [Маслов 1954; сокращенный и уточненный вариант: Маслов 1984/2004] детально описана семантика и типы употребления имперфекта СВ в древнерусских памятниках на фоне данных других древних и новых славянских языков и показано, что регулярная представленность имперфекта СВ в так называемом кратноперфективном значении «многократно повторявшее[го]ся в прошлом действии[я], каждый отдельный акт которого достиг завершения» [Маслов 1984/2004: 150], отличает древнерусские памятники от старославянских, где имперфект от основ СВ, в том числе и в данном значении, крайне редок. Образцовый пример Ю. С. Маслова из Повести временных лет: *Егда же подьяхуться, начьяхуть роптати на князь* [ПВЛ, Лавр., 996 г., л. 43 об.] '...а когда подвыпьют, начинали роптать на князя' [Там же: 151].

При этом такое употребление имперфекта СВ сближает древнерусские книжные памятники с древнечешскими¹, а также со старохорватским и со-

¹ Как пишет Ю. С. Маслов, «(о)ба языка — древнерусский и древнечешский — обнаруживают поразительное сходство в этом вопросе, вплоть до деталей» [Маслов 1984/2004: 172].

временным болгарским языками [Маслов 1954: 92–111; 1984/2004: 148, 171–175], что позволило Ю. С. Маслову предположить возможность независимого параллельного развития кратного-перфективного значения имперфекта СВ (и вообще имперфекта СВ) в разных славянских языках на определенном этапе эволюции видо-временной системы [Маслов 1954: 132–138; 1984/2004: 175].

Кроме того, Ю. С. Маслов отмечает и некротные значения имперфекта СВ, которые он квалифицирует как модальные: значение возможности или готовности — *яко ся вѣмѣстѣше рука* ПВЛ, 1074 г., Лавр., 192 ‘сколько (едва) помещалось (поместится = может войти)’; близкое им значение нежелания субъекта произвести действие в контекстах с отрицанием — *и не припустяху его к собѣ* ПВЛ, 1097 г., Лавр., л. 92 ‘...не хотели пустить’ и под. [Маслов 1954: 112–113; 1984/2004: 165–167] — эти значения относительно редки для восточнославянских памятников, как, впрочем, и для старославянских (см. подробнее ниже); Ю. С. Маслов предполагает, что они развились еще позже кратного-перфективного [Там же]².

После работы Ю. С. Маслова кратного-перфективное значение имперфекта СВ стало рассматриваться как характерная черта ранней вост.-слав. книжной традиции, отличающая ее от старославянского языка.

Особенно характерен имперфект СВ для киевских памятников XII в. — Повести временных лет (ПВЛ), Жития Феодосия Печерского (ЖФП), Слова о полку Игореве (СПИ). Наличие имперфекта СВ в СПИ — точно в том же кратного-перфективном значении, которое широко представлено в ПВЛ и ЖФП, — А. А. Зализняк рассматривает как один из грамматических признаков, свидетельствующих о принадлежности СПИ киевскому XII в. и тем самым доказывающих подлинность СПИ [Зализняк 2008: 94–106]. Как показал А. А. Зализняк, во всех случаях употребления этих форм в СПИ (а число их относительно общего количества форм имперфекта в тексте достаточно велико) имперфект СВ точно соответствует кратного-перфективному значению и типу контекстного употребления, известному по ПВЛ и ЖФП [Там же: 101–105] (например, в СПИ: *Камо турь поскачаше своимъ златымъ шелоомъ посвѣчивая тамо лежать поганья головы Половецкыя* ‘[всякий раз] куда бы ни поскакал’ (‘куда ни поскачет, там лежат...’) [Там же: 102–103] и др.). Эта грамматическая особенность, объединяющая СПИ с ПВЛ и ЖФП, бесспорно свидетельствует о связи СПИ с киевской традицией XII в. [Там же].

В работах Е. А. Мишиной и О. Ф. Жолобова оспаривается положение о нехарактерности имперфекта СВ, в том числе в его основном кратного-перфективном значении, для старославянского языка; сомнения «в восточнославянск(ом) статус(е) подобных форм» высказывались ранее В. Б. Крысько [Крысько 2014: 123–124; ср. 2011: 827–829]. Действительно, примеры

² Характеристика семантики этих значений дана у Ю. С. Маслова лишь в самых общих чертах из-за их нечастой встречаемости в текстах (см. об этом ниже, п. 5).

форм имперфекта СВ в старославянских текстах отмечались исследователями. Так, еще А. Вайан указывает на возможность образования имперфекта от глаголов СВ и называет такие примеры в старославянских (ст.-сл.) памятниках: один пример в сборнике Клоца (**ѣмъже сѧ оутѣкнѣаше, кланѣаше сѧ емоу** Клоц. 582) и несколько примеров из Супрасльской рукописи (Супр.), где, по словам А. Вайана, имперфекты совершенного вида встречаются «довольно часто», они означают (как и в единичном примере из Клоц.сб.) «возможность, обычность или кратность действия» (**егда бо въ ратехъ обрѣтахомъ сѧ и помолтахомъ бога** Супр. 72, «где совершенный вид **помолтахомъ** обозначает “всякий раз, как мы молили”», и др.) [Вайан 1952: 379–380] — значение, известное нам по восточнославянским (вост.-слав.) текстам.

Е. А. Мишиной и О. Ф. Жолобовым тщательно проанализирован материал ст.-сл. памятников — в результате обнаружилось, что употребление имперфекта СВ в Супрасльской рукописи вполне сопоставимо с такими вост.-слав. текстами, как Киевская летопись (КЛ), Суздальская летопись (СЛ), Галицкая и Волынская летописи (ГЛ и ВЛ) и ранние древнерусские переводные памятники; отмечено также по одному примеру в ст.-сл. Клоц.сб. и Саввиной книге [Жолобов 2016а: 69–72; Мишина 2017: 4–7]³. В названных работах показано, что эти ст.-сл. примеры — подавляющее большинство которых приходится на Супр.⁴ — демонстрируют то же значение имперфекта СВ, что и в использующих подобные формы киевских памятниках XII в., ср., например:

не вегда ли кгда начнѣхомъ сѧ брати глаголахомъ ꙗлмоса сего Супр. 37, 9—10 ‘Не всегда ли, как начнем бороться, произносим этот псалом’ [Жолобов 2016а: 70; Мишина 2017: 4];

ср. также яркий пример из Супр. с изложением известного евангельского рассказа о схождении ангела в купель и «возмущении воды»:

снниѣаше тамо рече ангелъ и възмжштѣаше водѣ. и иже би вьлѣзлъ по възмжштѣнии воды. наслаждааше сѧ ицѣлѣныѧ. (...) тамо оубо иже снниѣаше по прѣвѣтѣмъ. оубо не ицѣлѣаше (Супр. 248 об., 10–16) ‘всякий раз, как сходил (сойдет) ангел и возмущал (возмутит) воду, первый из больных, кто опускался в воду, [всегда] получал исцеление.

³ В [Жолобов 2016а: 69] приведен еще пример из Мариинского евангелия, однако он менее надежен.

⁴ Надо заметить, что точные количественные данные по имперфекту СВ в Супр. в этих работах несколько разнятся: Е. А. Мишина насчитывает в Супр. 13 форм имперфекта от глаголов СВ, О. Ф. Жолобов, опираясь на характеристику видового значения основы по данным Старославянского словаря, — 17 форм. Такие колебания связаны, по всей видимости, с неоднозначностью определения в ряде случаев видового значения основ и принципами отбора бесспорных примеров (см. об этой проблеме ниже).

⟨...⟩ а следующий [после первого] кто ни сойдет, уже не исцелялся (не исцелится)» [Жолобов 2016а: 70; 2016б: 93; Мишина 2017: 5].

Эти данные, несомненно, убеждают в том, что перфективный имперфект с тем же основным значением, что в восточнославянских памятниках, был вполне известен и старейшим южнославянским текстам — старославянским: в отношении употребления имперфекта СВ те и другие «различались все же не столь принципиально» [Мишина 2017: 5]. Почти полное отсутствие таких примеров в ст.-сл. евангелиях Е. А. Мишина и О. Ф. Жолобов предлагают объяснять дискурсивно-прагматическими факторами: особым типом евангельского нарратива, в котором повторяющиеся события встречаются редко [Мишина 2015; 2017: 5; Жолобов 2016а: 72].

Следует, правда, заметить, что и Ю. С. Маслов говорит не об отсутствии имперфекта СВ в старославянском языке, а о том, что для старославянского языка такое употребление мало характерно, т. е. представлено лишь в небольшом числе примеров, — старославянский язык «значительно реже пользуется имперфектом совершенных глаголов, чем языки древнерусский и древнечешский» [Маслов 1954: 99].⁵

Обратим при этом внимание на то, что абсолютное большинство приводимых всеми исследователями ст.-сл. примеров имперфекта СВ принадлежит Супр. рукописи — единственному старославянскому памятнику, знающему имперфект СВ и по его представленности сопоставимому с памятниками восточнославянскими (см. выше). Предлагаемое объяснение этого отличия Супр. от прочих ст.-сл. текстов, прежде всего от ст.-сл. евангелий, только спецификой евангельского дискурса (см. выше) сталкивается с определенными трудностями.

Обратим внимание, что приведенный выше пассаж из Супр. о «возмущении воды» и исцелении всякого, кто первым опускался в воду, восходит как раз к евангельскому тексту и в старейших евангельских кодексах он читается без имперфекта СВ — ср. в Мариинском евангелии: **анѣл бо гнѣ на всѣ лѣта съхощааше въ кѣпелѣ і възмѣщашааше водѣ. і иже прѣвѣ вълажааше по възмѣщени водѣ. съдравъ бывааше ѣцѣмъ же недѣгомъ одрѣжимъ бывааше** (Мар.ев., Ио. 5:4); ср. также приведенное О. Ф. Жолобовым чтение вост.-слав. Типографского евангелия XII в.: **анѣлъ бо гнѣ на всѣ лѣта съхощааше въ кѣпѣлѣ и възмѣщааше водѣ. и иже прѣвѣкъ вълажааше по възмѣщени водѣ. сдравъ бывааше. ѣцѣмъже недѣгомъ шдрѣжимъ бывааше** (ЕвТип 144в, 6–15) [Жолобов

⁵ Ю. С. Маслов приводит представляющиеся ему надежными ст.-сл. примеры имперфекта СВ: их насчитывается 7 для кратно-перфективного значения и 3 для модального значения «отрицаемой возможности (готовности)» (типа **многую же часоу минѣвшоу и ношти оуже прѣполовѣшти са не прѣстанѣше тѣкъшті и великомъ гласомъ выпѣшти** Супр., 515, 18 'не хотела перестать') [Маслов 1954: 99–100, 114–115], причем наиболее яркие приведенные в недавних работах ст.-сл. примеры входят в их число.

2016б: 93] — по-видимому, именно таким было исконное чтение ст.-сл. перевода Евангелия.

Появление имперфекта СВ в этом контексте, прекрасно соответствующем условиям реализации кратно-перфективного значения, является особенностью именно Супр. рукописи, отличающей ее от основного корпуса ст.-сл. текстов, — контекстные условия для использования имперфекта СВ здесь, как мы видим, максимально благоприятны.

Старославянские тексты в данном отношении еще нуждаются в исследовании, однако предположение об отсутствии в них необходимых для употребления перфективного имперфекта типов контекста вызывает сомнения. Показательны с этой точки зрения и отмечавшиеся исследователями примеры имперфекта СВ в древнечешских библейских переводах (XIV—XV вв.), в том числе и в евангелиях, — в ст.-сл. евангелиях в соответствующих чтениях имперфект СВ отсутствует (см. примеры: [Маслов 1954: 94; Гавранек 1962: 180]). Условия для реализации кратно-перфективного значения в этих контекстах оказываются вполне подходящими, однако в кирилло-мефодиевском переводе имперфект СВ не используется.

Причины этих различий в отношении к имперфекту СВ между ст.-сл. евангельскими текстами и Супр. надо искать, думается, не только в различиях типа дискурса.

Стоит обратить внимание на то, что в Супр. представлены и другие особенности в употреблении глагольных форм, отличающие ее от прочих ст.-сл. памятников. Прежде всего это достаточно частое употребление перфекта 3 л. без связки, из всех ст.-сл. памятников известное с такой частотностью только в Супр. [Вайан 1952: 280] — черта, также сближающая Супр. с памятниками русского извода церковнославянского языка. Эти черты сходства Супр. с языком ранних вост.-слав. книжных текстов (а также западнославянских — ср. выше о сходстве употребления имперфекта СВ в древнерусских и древнечешских памятниках) явно неслучайны, и вряд ли они объясняются только дискурсивными факторами — перед нами системное сходство в сфере форм прошедшего времени. Возникает вопрос о диалектной основе этих специфических особенностей, отличающих язык Супр. от большинства ст.-сл. памятников.

Как известно, вопрос о диалектной локализации Супр. сложен, т. к. сборник, видимо, представляет соединение текстов «различного происхождения»; рукопись считают восточноболгарской, однако несомненно содержащей некоторые западнославянские (чешско-моравские) черты [Там же: 21–22], например отражение рефлексов **ort* > *ро-* (*роботѣ* 58, *розвити* 522, *розвонникъ* 558, 559, *розвѣ* 401, 556, 559 и др.) [Там же: 61].

Заметим, что еще один пример имперфекта СВ из ст.-сл. источников принадлежит Клоц.сб. (см. выше) — памятнику, также с западнославянскими диалектными чертами [Там же: 21].

Естественно возникает вопрос о том, нет ли связи между этими западнославянскими чертами, отраженными в Супр. (и Клоц.сб.), и особенно-

стями Супр. в системе прошедших времен — употреблением имперфекта СВ и перфекта 3 л. без связки. Причем это может быть даже отражением не собственно западнославянизмов, восходящих к протографам соответствующих текстов, а системы восточно-болгарских диалектов XI в., обнаруживающей в данном отношении сходство с системами диалектов западнославянских (древнечешских) и восточнославянских и отличающейся от системы, представленной в кирилло-мефодиевских переводах.

Помимо названных примеров из Супр. и Клоц.сб., в старославянских памятниках обнаружен один пример имперфекта СВ из восточноболгарской Саввиной книги — в значении, которое в широком смысле тоже можно трактовать как кратное-перфективное (в силу наличия идеи кратности действия), но не в самом типичном для него контексте — вне соотнесения с другими имперфектами в паре или цепи, ср.: **и прѡндѣше ѿс грады вса. и вса оуча въ сньмищнхъ...** (Сав.кн., л. 40б, с. 203) ‘И прошел/проходил Иисус все города, уча...’ (см. об этом контексте [Мишина 2017: 7])⁶.

2. Благодаря последним исследованиям расширился круг известных нам переводных вост.-слав. памятников, в которых зафиксирован имперфект СВ: такие формы обнаружены в Синайском патерике конца XI в., в обоих житиях из Выголексинского сборника конца XII в. (Житии Нифонта и Житии Феодора Студита — ЖН и ЖФС), в Изборнике 1073 г., см. [Жолобов 2016а; 2016б; Мишина 2017]⁷; примеры имперфекта СВ отмечены также в переводных житиях старших списков Пролога [Крысько 2011: 828–829]. Большинство этих текстов, известных в ранних вост.-слав. списках, представляют переводы южнославянского происхождения (исключение в этом перечне составляет, видимо, только ЖФС, перевод которого восточнославянский [Пичхадзе 2011]).

Надо заметить, правда, что отбор безусловно надежных примеров имперфекта СВ представляет определенную сложность, с чем могут быть связаны и некоторые различия в статистических данных у разных исследователей (см. выше примеч. 3). Помимо омонимии форм имперфекта от основ СВ на *-i-* и производных от них основ НСВ на *-a-* (типа *отъпущаше* — от *отъпустити* и от *отъпущати*, *обличаше* — от *обличити* и от *обличати*, *прославляше* — от *прославити* и от *прославляти* и т. п., см. об этом [Зализ-

⁶ К числу древнейших славянских переводов, возможно связанных с деятельностью Мефодия, предполагают отнесение также Скитского патерика, в тексте которого неоднократно употребляется имперфект СВ, — В. Б. Крысько считает эти данные свидетельством в пользу наличия перфективного имперфекта в языке ранних южнославянских переводов [Крысько 2014: 123–124].

⁷ Наличие таких примеров в Изборнике 1073 г., правда, отмечал еще Ю. С. Маслов, причем он считал более вероятным, что «имперфекты совершенного вида имелись уже и в протографе» Изборника, т. е. могут быть отнесены к южнославянским (старославянским) [Маслов 1954: 100].

няк 2008: 95]), двусмысленны в видовом отношении оказываются также образования от исконно неохарактеризованных по виду основ (простых бесприставочных) и видовые омонимы СВ — НСВ на *-a-* (типа *показати, отъръзати, прочитати* и под.⁸). Хотя все исследователи исходят из того, что любые двусмысленные в плане видового значения имперфекты из подсчетов исключаются, спорные случаи среди приводимого материала все-таки встречаются. Так, среди имперфектов СВ Синайского патерика приводится форма *речаше* (*аще когда речаше ъмоу братъ. яко хоцю ти рещи мысль своѡ. глаше ъмоу съ кротъкомъ гласомъ...* СинПат, 92) — контекст вполне соответствует кратно-перфективному значению [Жолобов 2016а: 74]. Вероятно, эта форма действительно имеет здесь значение СВ, однако надо иметь в виду, что бесприставочный глагол *рещи* (*речи*) исконно был неохарактеризован по виду, и, хотя в эпоху старейших текстов он, скорее всего, уже имел значение СВ, следы его былой неохарактеризованности проявляются в возможности образования презентного причастия типа *рькуще* (*рькуче, рекуче*), *реки* (*река*) и под. — нет гарантии, что и имперфект типа *речаше* не стоит в том же ряду.

Встречаются в списках приводимых примеров и имперфекты от омонимичных основ СВ — НСВ на *-a-* (*-ja*), например: *показаше* ЖФС, 154; *привазаше* Изб. 1073 г.; *помазаше* ЖН, 28; *покрыаше* СинПат, 116 об. и некоторые др. (см. [Жолобов 2016а: 72–74; 2016б: 94]).

Число надежных форм имперфекта СВ в названных памятниках оказывается все же несколько меньшим, однако в целом это принципиально не меняет общей картины: имеющийся теперь материал свидетельствует о наличии перфективного имперфекта в этих переводных текстах.

Сомнений в том, что кратно-перфективный имперфект СВ был известен в XI в. на южнославянской территории, нет. Наличие такого употребления в восточно-болгарской зоне в XI в., сближающейся, видимо, в данном отношении с восточнославянской и западнославянской (древнечешской), бесспорно. Неясным остается вопрос о том, чем объясняется отсутствие имперфекта СВ в большинстве ст.-сл. памятников.

Ю. С. Маслов шел по пути объяснения этого факта большей древностью ст.-сл. переводов («старославянского языка») сравнительно с другими зафиксированными древними славянскими языками — именно на этом базируется его гипотеза об относительно позднем и независимом (параллельном) развитии имперфекта СВ в отдельных славянских языках [Маслов 1954: 132–138; 2004/1984: 175]. Старославянский язык оценивался Ю. С. Масловым как язык еще со слабым развитием имперфекта СВ, стоящий «несколько особняком» сравнительно с древнерусским, древнечешским, старохорватским и особенно современным болгарским, где имперфект СВ получает регулярное развитие [Маслов 1954: 104, 132–134].

⁸ Об омонимии тематического *-a-* и суффикса имперфективации *-a-* в таких образованиях см. [Кукушкина, Шевелева 1991: 43–44].

Можно согласиться с О. Ф. Жолобовым в том, что гораздо естественнее совпадающие данные разных славянских языков трактовать как свидетельство праславянского происхождения имперфекта СВ (см. [Жолобов 2016а: 74–76]). Однако это не отменяет возможности существования диалектных различий и в степени употребительности имперфекта СВ, и в представленности того или иного типа его употребления, в том числе и различий внутри южнославянского и восточнославянского ареалов.

Проблему отсутствия имперфекта СВ в ст.-сл. переводе евангелия вряд ли можно объяснить более архаичной системой живых славянских диалектов времени этого перевода, как это предлагал Ю. С. Маслов, но объяснение данного факта так или иначе надо связывать со спецификой языка перевода: это может быть как отражением каких-то диалектных различий в употребительности имперфекта СВ, так и особенностью языка ст.-сл. евангелий, возможно — некоторой экспрессивной маркированностью имперфекта СВ, сдерживающей его использование. Не будем забывать, что во всех славянских языках, знающих имперфект СВ, употребление этой формы характеризуется в значительной степени факультативностью (см. материалы в [Маслов 1954], см. подробнее об этом ниже). Данные ст.-сл. языка еще нуждаются в исследовании, но при этом все сказанное никак не противоречит возможности существования диалектных различий в употребительности имперфекта СВ по славянским диалектам в эпоху XI–XII вв.

Для нас сейчас главный интерес представляет вопрос о наличии таких различий на восточнославянской территории — именно этой проблеме посвящена заметка [Шевелева 2015].

А. А. Зализняк обратил внимание на то, что широкая представленность имперфекта СВ характерна для южнодревнерусских памятников и нехарактерна для новгородско-псковских: имперфекты СВ практически отсутствуют в Новгородской первой летописи (НПЛ) обоих изводов и в псковских летописях. Тем самым предполагается существование диалектного различия по данному признаку внутри восточнославянской зоны, относящегося к древнерусской эпохе [Зализняк 2008: 98–99].

Е. А. Мишина склонна относить почти полное отсутствие имперфекта СВ в НПЛ за счет типа дискурса [Мишина 2017: 6] — отличного в том числе и от летописей Южной Руси.

Показательным в этой связи оказывается сравнение представленности имперфекта СВ в старших списках Повести временных лет (ПВЛ), включая отражающую Начальный свод конца XI в. Новгородскую первую летопись младшего извода (НПЛмл), а в некоторых записях — и старшего извода (НПЛст).

Обратимся к нашим данным.

3. Из всех списков ПВЛ шире всего имперфект СВ представлен в Лаврентьевском (Лавр.), отражающем первую редакцию ПВЛ. В более поздних Академическом (А) и Радзивилловском (Р) списках той же группы и в

меньшей степени в Ипатьевском списке (Ипат.), отражающем вторую редакцию ПВЛ, встречаются замены имперфекта СВ на имперфект НСВ или на презенс СВ, детально проанализированные Ю. С. Масловым [Маслов 1954: 85–92; 1984/2004: 156–165]. Эти замены демонстрируют утрату древнего грамматического способа выражения кратности и перфективности в прошлом одной формой и переход к современному типу употребления в таких контекстах либо прошедшего НСВ, либо презенса СВ в претеритальном контексте — «жертвовать приходилось либо совершенным видом, либо прошедшим временем», причем последнее оказалось возможным только за счет помощи претеритального контекста [Маслов 1984/2004: 165].

Лаврентьевский список в этом пункте (впрочем, как и во многих других), очевидно, лучше всего сохраняет текст составителя ПВЛ 10-х гг. XII в.

Максимальной употребительности имперфект СВ достигает в рассказах ПВЛ о событиях в Печерском монастыре, прежде всего в статье 1074 г. — рассказах о печерских старцах, где представлено около половины всех случаев имперфекта СВ (в Лавр. — 28 примеров). Имперфекты СВ здесь встречаются практически на каждом листе (л. 62–66), причем неоднократно, складываясь в парные и цепные конструкции, ср.:

*И тако **изидаше** из мон^астырѧ взимаа мало коврижекъ. [и]вшедъ в печеру и **затвораше** двери печерьѣ и засыпаше перстью и не љше нико-муже. аще ли **будаше** нужное орудье. то оконцемъ малымъ бѣсѣдоваше* (ПВЛ, 1074 г., Лавр., л. 62 об. = Ипат., л. 68, А — *будеть*);

*Аще братъ етеръ **выидаше** из манастирѧ. всѧ бра^тѧ имаху ѡ томъ печаль велику* (ПВЛ, 1074 г., Лавр., л. 63 об.; Ипат. — *вън идаше*, л. 69 об.);

*Аще кто коли **принесаше** дѣтищъ боленъ кацѣмъ любо недуго^т одержи^т. **принесашу** в манастирь* (ПВЛ, 1074 г., Лавр., л. 63 об.; Ипат. *принесаше*, но *приношаху*, л. 70);

*Аще которыи братъ оумышлаше ити из манастирѧ и **оузраше** и пришедъ к нему обличаше мысль его и оутѣшаше брата. Аще к нему что речаше ли добро ли зло. **сбудашетса** старче слово* (ПВЛ, 1074 г. Лавр., л. 63 об.; РА — *збываешеться*; Ипат. — *оузраше*, но *сбываешеться*, л. 70);

ср. в рассказе о бесе, искушавшем монахов во время церковной службы:

*аще **прилнаше** кому цѣтокъ. в поющихъ ѿ братьѧ. мало постоаявъ и раслабленъ оумо^т. вину створъ каку любо **изидаше** ис цркви. шедъ в кѣлю и **оуснаше** и не **възвраташетса** в црковь до ѿпѣтѧ* (ПВЛ, 1074 г. Лавр., л. 64; Ипат. — *прилнаше*, но *исходаше*, *спаше*, л. 70 об.). *Аще ли вержаше на другаго и не **прильнаше** к нему цѣтокъ. стокаше крѣпо^т в пѣньи дондеже **ѡлогаху** оутренюю и тогда **изидаше** в кѣ/люю свою* (ПВЛ, 1074 г. Лавр., л. 64–64 об.; Ипат. *не прилнаше*, *ѡлогаху*, но *идаше*, л. 70 об.) — и др. на л. 65, 65 об. (9 форм имперфекта СВ!), л. 66.

Встречаются имперфекты СВ и в записях 90-х гг. XI в.: *Аще кто вылъзаше ис хоромины хотѣ видѣти. абые оуязвень будаше невидимо ѿ бѣсовъ* (ПВЛ, 1092 г., Лавр., л. 71 об.; РА — *вылазаше, будеть*; Ипат. — явно вторичное дефектное чтение *вылъзаше*, во втором случае *баше*) — см. подробнее об этом контексте ниже; ср. в панегерике Владимиру из Повести об ослеплении Василька Тербовльского:

Володимиръ бо такъ баше любезнѣвъ любовь имѣа к митрополито^м и къ еп^спмъ и къ игумено^м. паче же чернечьскыи чинъ любѣа и черници любѣа приходящаа к нему напиташе и напакаше аки мѣти дѣти своа. аще кого видаше ли шюмна ли в коем зазорѣ не осудаше но всѣа на любовь прекладаше (ПВЛ, 1097 г., Лавр., л. 89; РА = Ипат., XII — *осужаше*)⁹ и др.

В начальной части ПВЛ имперфекты СВ встречаются несколько реже, но они тоже есть. Хорошо известные примеры читаются в этногеографическом Введении, добавленном, по общему мнению (см. об этом, например, [Гиппиус 2006б: 84–87]), составителем ПВЛ в 10-х гг. XII в.:

Аще поѣхати будаше обѣрину. не дадаше въпрачи конѣ ни вола. но велѣаше въпрачи .Г. ли .Д. ли .Ѡ. женъ в телѣзу (ПВЛ, Введ., Лавр., л. 4 об.); *Аще кто оумраше твораху трызно надѣ нимъ и по семь твораху кладу велику и възложашуть и на кладу мртвца. сожъжашу. и посемь собравше кости вложашу в судину малу и поставашу на путѣ^х* (ПВЛ, Введ., Лавр., л. 5; Ипат. — *оумраше*, но *возложать, съжигашу*, далее имперфект СВ *вложашу* и двусмысленный *поставашу*, л. 6 об.).

Не менее известный пример принадлежит рассказу о пирах Владимира под 996 г. (именно этот пример приводится Ю. С. Масловым в качестве образцового — см. выше):

Егда же подъльхашуться начьнахуть роптати на князь (ПВЛ, 996 г., Лавр., л. 43 об. = Ипат., л. 47 об.).

Это описание жизни Владимира после крещения восходит к предшествующим ПВЛ сводам XI в., по-видимому — к своду начала 70-х гг. XI в. [Гиппиус 2012: 54].

К тому же времени, скорее всего, восходит и «Речь Философа» [Там же], в составе которой тоже читается имперфект СВ:

Егда са начашу каати и помиловашеть и^х (ПВЛ, 986 г., Лавр., л. 32 об.; Р — *начинаху*, А — дефектное *начаше*; Ипат. — *и егда са начну каати*, л. 38 — очевидно, презенс без *-ть* или результат контаминации презенса и первоначального имперфекта СВ).

⁹ Видовая принадлежность имперфектов *напиташе* и *прекладаше* от омонимов СВ—НСВ на *-а-* не может быть определена однозначно, но более вероятным представляется видеть в них образования от вторичных имперфективов с суффиксом *-а-*, т. е. имперфект НСВ.

Правда, «Речь Философа» содержит и более поздние вставки составителя ПВЛ, но наш пример хоть и находится в относительной близости от такой вставки (см. [Гиппиус 2001: 159–160]), с большей вероятностью принадлежит раннему слою текста.

Таким образом, имперфекты СВ фиксируются уже в записях ПВЛ, восходящих к сводам последней трети XI в., при этом в поздней части ПВЛ их употребительность растет. В абсолютном большинстве примеров ПВЛ имперфект СВ выступает в типичных контекстах кратного-перфективного значения (см. приведенные примеры).

Обратимся к Новгородской первой летописи. Как известно, НПЛмл отражает предшествующий ПВЛ и лежащий в ее основе Начальный свод 90-х гг. XI в.¹⁰ В части НПЛмл, имеющей соответствие в полной версии ПВЛ по Лавр. и Ипат. спискам, все имперфекты СВ полностью устранены: они заменены либо на имперфект НСВ, либо на аорист СВ, либо на презент СВ в контексте прошедшего.

Так, в раннем примере из рассказа о пирах Владимира вместо имперфектов СВ: *Егда же подъльвахуться начьнахуть роптати...* (996 г., Лавр., л. 43 об — см. выше) — читается: *Егда же подливахуся, начаша роптати...* (996 г., НПЛмл, л. 73 об.). В контексте из «Речи Философа» вместо: *Егда са начаху каяти и помиловашеть и^x* (986 г., Лавр., л. 32 об.) — читается: *Егда ся начинаху каяти...* (986 г., НПЛмл, л. 54 об.).

Подобные замены обнаруживаются и в печерских рассказах из статьи 1074 г. — правда, в НПЛмл эта статья обрывается на рассказе о смерти Феодосия Печерского и большая часть имперфектов СВ из Лавр. летописи здесь просто не имеет соответствий, однако начальная часть статьи сохранена, и сразу же обнаруживаются замены, ср. приведенный выше контекст:

И тако изидаше из монастыря взимаа мало коврѣжекъ. [и] вшедь в пещеру и затвораше двери пещерѣ и засыпаше перстью и не гліше никому же. Аще ли буудаше нужное орудье. то оконцемъ малы^m бесѣдоваше (1074 г., Лавр., л. 62 об. = Ипат., л. 68) 'и так выходил (каждый раз) из монастыря... и, войдя в пещеру, затворял двери... если же случилось (случится) необходимое дело, беседовал через окошко' — ср. в НПЛмл: и тако исхожаше изъ монастыря, взимая мало хлѣба, единъ укрух, и паки вшедиши в пещеру, затворяше двери пещерѣ и засыпаше перстью, не глаголаше никомуже; аще ли кому бываше нужное орудье, то оконцемъ малы^m бесѣдоваше (НПЛмл, л. 97).

В принципе все эти замены тех же типов, что и в РА списках Лаврентьевской группы и частично в Ипат. версии ПВЛ (см. выше), но здесь они особенно последовательны. НПЛ вообще не сохраняет имперфектов СВ в части, восходящей к ПВЛ.

¹⁰ На некоторых участках, в частности в записях с 1045 по начало 1074 г., текст НПЛмл восходит непосредственно к ПВЛ (см. [Гиппиус 2007: 25–26]).

Возникает вопрос, принадлежат ли эти замены поздним переписчикам НПЛмл или первоначальному тексту Новгородской летописи — общему протографу обоих изводов, так называемому «официальному экземпляру новгородской владычной ⟨...⟩ летописи, в основе которого лежал княжеский свод, созданный около 1115 г.» [Гиппиус 2012: 40]. На первый взгляд, предположение о подновлениях позднейших переписчиков кажется более естественным, тем более с учетом аналогичных (хоть и не столь последовательных) замен в версии Ипат. летописи и особенно в поздних списках Лавр. и Ипат. групп.

Обратим, однако, внимание на контекст из статьи 1092 г., восходящий к следующим после текста Начального свода выдержкам из киевского летописного источника [Там же: 40] и читающийся с заменами имперфекта СВ в обоих изводах НПЛ. Это рассказ о загадочном бедствии в Полоцке, частично уже приводимый выше, — приведем этот контекст полностью:

*Предивно бы^ѣ [чюдо] Полотьскѣ въ мечтѣ ны бываше в ноци станаше по длици. яко члѣви рицюще бѣси. Аще кто **вытѣзаше** ис хоромины. хота видѣти. абѣ оуказвень **будаше** невидимо ѿ бѣсовъ казвою и с того умираху (1092 г., Лавр., л. 71 об.)* ‘если кто выходил (выйдет) из дому, желая увидеть, он тотчас был (бывал, будет) невидимо ранен бесами’ —

ср. в младшем изводе НПЛ:

*Наидѣ рана на Полочаны, яко нѣкако бяше ходити по улицамъ, яко мнѣти вои множество, а конемъ копыта видѣти; да аще кто из избѣ **вылазаше**, напрасно убиень **бываше** невидѣмо (1092 г., НПЛмл, л. 98 об.);*

в старшем изводе НПЛ:

*да аще кто из ытьбы **вылезеть**, напрасно убиень **бываше** невидимо (НПЛст, 1092 г., л. 6).*

Этот контекст, читающийся с заменами имперфекта СВ в обоих изводах НПЛ (правда, неполностью совпадающими) и явно восходящий к общему протографу НПЛст и НПЛмл, склоняет в сторону предположения о ранней датировке таких замен. Чтение НПЛст с заменой имперфекта СВ киевского источника на презенс СВ (*вылезеть*) и имперфект НСВ (*бываше*) — переписчика XIII в., точно копирующего, как показано в [Гиппиус 2006а], свой протограф XII в., — несомненно свидетельствует о том, что по крайней мере в данном контексте эти замены восходят к XII в. Тем самым этот контекст НПЛст показывает, что не следует все замены имперфекта СВ в НПЛмл приписывать переписчикам XV в.

Приведенные данные свидетельствуют в пользу предположения о нехарактерности имперфекта СВ для новгородских памятников XII в.

Обратим при этом внимание, что в НПЛмл читается один имперфект СВ в Предисловии, отсутствующем в ПВЛ и восходящем, как показал А. А. Гиппиус, к Начальному своду 1090-х гг. [Гиппиус 2006б; 2010]:

тѣи бо князи не збираху многа имѣния, ни творимыхъ вирь...; но оже будяше правая вира, а ту возмь, дааше дружинѣ// на оружье (НПЛмл, л. 1–1 об.) — наиболее вероятно видеть в этой форме *будяше* воспроизведение «аутентично[го] употреблении[я] книжника конца XI в.» [Гиппиус 2010: 182].

Еще один пример имперфекта СВ читается в НПЛмл под 922 г. — он тоже не находит соответствия в ПВЛ, где статья этого года (в Лавр. и Ипат. и соответствующих поздних списках) вообще оставлена незаполненной. Здесь имперфект СВ имеет, по всей видимости, модальное значение в контексте отрицания — реже, чем кратно-перфективное, но тоже встречающееся в киевских памятниках XII в. (см. [Маслов 1984/2004: 165–167; Мишина 2012; 2017: 7–10])¹¹, ср.:

...и примучи Угльчѣ, възложи на ня дань, и вдасть Свѣньдельду. И не вдадьяшется единѣ град, именемъ Пересѣчень (922 г., НПЛмл, л. 31) 'не хотел отдаться' —

ср. в ПВЛ: *а Двѣдъ Игоревичъ сѣдлаше кроме и не припустиху его к собѣ* (1100 г., Лавр., л. 92 — так же Ипат., л. 94) 'не хотели пустить' [Маслов 1984/ 2004: 166; Мишина 2017: 7–8], ср. в Киевской летописи: *тотъ бо не вдадьяше Мьстиславу вѣстати ратью по Ирславѣ* (КЛ, 1128 г., Ипат., л. 108 об.) 'не дал/не хотел дать' [Там же] — подробнее об этом значении имперфекта СВ см. ниже.

Эти два примера имперфекта СВ в НПЛмл восходят, по всей видимости, к киевскому Начальному своду начала 90-х гг. XI в. При этом большая часть таких форм, имевшихся, очевидно, в Начальном своде, была устранена в новгородской летописи XII в.

Рассмотренные данные старейших летописей свидетельствуют в пользу гипотезы о нехарактерности имперфекта СВ для новгородской традиции XII в. — в отличие от традиции южнодревнерусской. Обратим внимание на то, что абсолютное большинство и вновь исследованных источников, где обнаружен имперфект СВ, имеет южнорусскую локализацию: ВыгСб конца XII в., Изборник 1073 г., перевод Истории Иудейской войны И. Флавия (ИИВ) — все юго-западного происхождения; такую же локализацию имеет, скорее всего, и СинПат конца XI в. При этом два текста из этого списка переводных памятников, содержащих перфективный имперфект, представляют собой переводы вост.-слав. происхождения (ЖФС и ИИВ — см. [Пичхадзе 2011: 36–39, 41–42 и др.]), остальные — видимо, восточно-болгарского.

4. Однако гипотеза о нехарактерности имперфекта СВ для новгородских памятников XII в. и более поздних сталкивается с проблемой интерпрета-

¹¹ Е. А. Мишина называет такое значение имперфекта СВ «имперфектом напрасного ожидания» — см. подробнее ниже.

ции данных Жития Андрея Юродивого (ЖАЮ) — старейшего переводного памятника северо-западного происхождения. Перевод ЖАЮ относится к концу XI в. или самому началу XII в. и широко отражает древненовгородские особенности на всех уровнях [Молдован 2000: 16–18, 31, 103–107 и др.].

В ЖАЮ имперфект СВ встречается, хоть и не столь часто, как в киевских памятниках XII в. (ПВЛ, ЖФП, СПИ): здесь отмечено 13 примеров на около 760 случаев форм имперфекта [Зализняк 2008: 97], что примерно в 5 раз меньше доли имперфекта СВ в ПВЛ. При этом значение и типы употребления имперфекта СВ в ЖАЮ совершенно тождественны тем, что мы видели в ПВЛ и других южнодревнерусских источниках.

Все имеющиеся в ЖАЮ примеры имперфекта СВ имеют кратно-перфективное значение; синтаксические контексты сходны с теми, что представлены в ПВЛ; так же, как в рассмотренных выше примерах из ПВЛ, имперфекты СВ часто формируют парные и цепные конструкции, ср.:

Егда же ноць настанаше, вьсташа ѿтуда чресь всю ноць прѣдъ дверми церкви прибываше въ млтвахъ и в моленьи (ЖАЮ, Тип., л. 20) ‘когда наступала ночь (всякий раз)...’;

ср. ряды имперфектов СВ в рассказе о том, как нищие всякий раз отбирали у Андрея поданную ему милостыню:

...нъ оугладаше мѣсто таино. кдѣ будаше сборъ нищихъ да идаше к нимъ. носли чаты в руцѣхъ творца сѧ играи да быша не разумѣть дѣла юго. сѣдъ начнаше играти чатыми. да югда кто ѿ нищихъ дерзнувъ вьсхыщаше оу него. пѣхнаше юго пѣстью. се же видивше прочѣи нищи мьстити хотѣше друга своего поидашу на нь с батогы. вину же обрѣтъ бѣганьѣ. повѣрѣ же чатѣ побѣгнаше ѿ нихъ. они же к тому начнаху грабити чаты юго (ЖАЮ, Тип., л. 10 об.);

ср. в рассказе о том, как Андрей обычно утолял жажду:

аще налѣзаше лужу кал’ну ѿ дож’да бывшю. приклонивъ колѣнѣ дунаше на ню крѣтмь трижды и тако пиаше (ЖАЮ, Сол., л. 12) и др.

Нет сомнения в том, что это точно такое же грамматически правильное употребление имперфекта СВ, как в ПВЛ, ЖФП, СПИ и других южнодревнерусских памятниках. При этом ЖАЮ хорошо отражает древненовгородские диалектизмы в разных точках: и лексические, и фонетико-орфографические, и грамматические [Молдован 2000], см. также [Шевелева 1996] и др. Странно, что в отношении имперфекта СВ, если он отсутствовал в новгородской диалектной системе, переводчик повел себя каким-то особым образом и исключительно в этом пункте стал ориентироваться на киевский язык. Отметим, что в отношении еще одного глагольного диалектного различия переводчик ЖАЮ такого исключения не делал: речь идет о вторичных имперфективах с суффиксом *-ыва-/ива-*, вполне употре-

бительных в южнодревнерусских памятниках уже с конца XI в., а в древненовгородских — несколько позднее [Шевелева 2013 и др.], — в ЖАЮ имперфективы на *-ыва-/-ива-* полностью отсутствуют, что подтверждает более позднее распространение этой модели в древненовгородском диалекте сравнительно с диалектами Южной Руси. С имперфектом СВ в архаичном ЖАЮ картина оказывается иной.

Е. А. Мишина предлагает объяснять более широкое употребление имперфекта СВ в ЖАЮ сравнительно с НПЛ разным типом дискурса [Мишина 2017: 6], что в принципе было бы вполне вероятно, однако не подтверждается заменами имперфекта СВ киевских летописных источников в новгородском летописании — контексты с их типом дискурса здесь одни и те же.

С другой стороны, нельзя забывать, что процесс перестройки системы прошедших времен в вост.-слав. диалектах в раннедревнерусскую эпоху уже явно имел место: данные бытовых текстов несомненно свидетельствуют о возможности бывшего перфекта в XII в. употребляться в разных значениях, в том числе в нарративной цепочке — см., например, новгородскую берестяную грамоту № 724, представляющую такую цепочку *л*-форм («перфектов»), берестяные грамоты № 605, 105 и некоторые другие тексты [Зализняк 2004: 173]. Самое непротиворечивое объяснение древнерусской ситуации в сфере прошедших времен, как кажется, предложено А. А. Зализняком: предполагается оттеснение уже в раннедревнерусскую эпоху аориста и имперфекта в сферу пассивного зная при сохранении возможности при необходимости (при создании летописного и под. оригинального текста) их грамматически правильного употребления — ситуация, типологически сходная с современной французской и с современным сербохорватским языком [Там же: 173–174].

Таким образом, можно полагать, что в XII в. имперфект СВ — как и всякий имперфект вообще — находился в сфере пассивного зная носителей древнерусского языка. Однако различие между представленностью перфективного имперфекта в киевских и новгородских летописных источниках, как и различие в этом отношении между новгородскими летописями и ЖАЮ, вряд ли можно объяснить одним только отсутствием имперфекта в разговорном языке вост.-слав. книжников. Остается вопрос, почему киевская книжная традиция прекрасно сохраняет имперфект СВ в XII в., а новгородская — за исключением стоящего особняком ЖАЮ — его уже теряет¹².

¹² Надо сказать, что среди исследованных О. Ф. Жолобовым источников, в которых обнаружился имперфект СВ, новгородское происхождение имеет только Захариинский паримейник 1271 г. [Жолобов 2016а: 75–76]. Первоначальный перевод этого текста очень древний южнославянский, и, хотя несколько форм имперфекта СВ Захариинского паримейника не находят соответствий в других списках паримейника [Там же], вряд ли можно с надежностью атрибутировать их переписчику данного списка конца XIII в. — не исключено существование каких-то более ранних промежуточных списков, к которым восходят эти форм. В любом случае — независимо от локализации списка и даже с учетом исключительно книжного ха-

Видимо, связь с диалектной системой здесь все-таки есть.

По всей вероятности, объяснение этого противоречия между данными новгородских летописей и ЖАЮ следует искать в различии темпов перестройки временной системы и утраты имперфекта СВ между южнодревнерусской и северо-западной диалектными зонами. Судя по всему, переведенное в конце XI в. или по крайней мере не позднее начала XII в. ЖАЮ (см. [Молдован 2000: 106–113]) отражает систему, в которой имперфект СВ употреблялся так же, как в Киеве; может быть, он только начинал становиться несколько менее употребительным. Это система более архаичная, нежели та, которую отражает НПЛ обоих изводов¹³. Данные же новгородских летописей указывают на то, что ко времени создания общего протографа обоих изводов НПЛ в XII в. имперфект СВ уже, скорее всего, новгородскими летописцами заменялся — так, как он позднее будет заменяться в летописях северо-восточной Руси и других более поздних.

По-видимому, диалектное различие между киевской и древненовгородской зонами состояло в том, что в Новгороде имперфект СВ раньше утратился — уже в XII в., тогда как в киевской литературной традиции XII в. он, напротив, особенно употребителен. Вероятно, это различие может быть связано с общим различием в хронологии перестройки системы прошедших времен в восточнославянском ареале: есть основания предполагать, что, вопреки традиционному мнению (см. [Кузнецов 1953: 236–238]), на северо-западе она началась несколько раньше, чем в диалектах Южной Руси (см. [Шевелева 2016])¹⁴.

Специфическая грамматическая форма имперфекта СВ уходит прежде всего (см. [Зализняк 2008: 96]) — в том числе из пассивного знания. Соответственно, раньше выходит из употребления имперфект СВ и из книжной новгородской традиции — когда в киевской традиции он еще вполне употребителен.

Таким образом, можно предполагать, что диалектные различия в употреблении имперфекта СВ между южнодревнерусской и древненовгород-

актера текста — эти формы очень архаичны для конца XIII в., что делает несколько сомнительным возможность их порождения под пером переписчика Захаринского пармейника (о хронологии утраты имперфекта СВ см. ниже).

¹³ Заметим, что и наблюдения А. М. Молдована о переработке текста ЖАЮ при составлении Проложной редакции жития в XII в. свидетельствуют об архаичности языка перевода памятника для XII в. и о «хронологической отдаленности Проложной редакции от архетипа ЖАЮ. Это дает определенные основания относить перевод ЖАЮ к XI в.» [Молдован 2000: 113].

¹⁴ Более продвинутой ситуацию новгородские источники XII в. показывают и в сфере не книжного плюсквамперфекта (не засвидетельствовано первичное результативное значение, но при этом засвидетельствовано более позднее значение «давнопрошедшего») [Шевелева 2016 и др.], и в некоторых других позициях, в частности в менее архаичном распределении аориста/перфекта в зависимости от режима интерпретации текста в летописях [Шевелева 2009: 170–171].

ской зонами были связаны не с наличием/отсутствием этого образования как такового, а со временем его утраты — в связи с несколько более ранней утратой простых претеритов и выходом имперфекта СВ из сферы пассивного знания в Новгородской земле сравнительно с Киевской.

5. Недавние посвященные имперфекту СВ работы О. Ф. Жолобова и Е. А. Мишиной продвинули нас в понимании специфики семантики этого образования. Для значительной части примеров, которые Ю. С. Маслов относил к «мнимым случаям» имперфекта СВ [Маслов 1954: 128–130], предложена вполне убедительная семантическая интерпретация.

В трактовку основного значения имперфекта СВ (кратно-перфективного) последние работы добавили новый материал и внесли некоторые уточнения, связанные с контекстными типами его реализации. Очевидно, что главным для этого значения в разных его типах является семантический компонент *к р а т н о с т и*, которая может реализоваться не только как классическая повторяемость, но и как «дистрибутивная множественность» субъекта или объекта/адресата (примеры типа: *о в ъ ж е к о л ѣ н о м а л и ц е п о к р ы в а ш е а д р о у г и н и ц ь з а д ъ х н ѣ ш е с ѧ . и н и ѣ т а к о м р ѣ т ѣ ѡ ц ѣ п а а ш е . . .* Супр., л. 233 об.) [Жолобов 2016а: 69, 71–72, 76]¹⁵.

Особенно интересны новые данные относительно более редких значений имперфекта СВ, гораздо менее детально описанных Ю. С. Масловым. Такие значения имперфекта СВ, отделяемые Ю. С. Масловым от кратно-перфективного на основании отсутствия семантического компонента кратности и циклической взаимосвязанности двух или более действий [Маслов 1984/2004: 167], существенно реже представлены в древнерусских и в других древних славянских текстах [Там же; Маслов 1954: 112–116]. Ю. С. Маслов охарактеризовал их в общем виде как модальные различных «оттенков», из-за скудности материала не давая им детального описания [Маслов 1954: 112–113; 1984/2004: 166–167].

В недавних работах такие попытки предприняты — обратимся к имеющимся сейчас данным по этим «некратным» употреблением имперфекта СВ в вост.-слав. памятниках.

Контексты имперфекта СВ с отрицанием Е. А. Мишина рассматривает как особый тип — модальное значение, называемое ею по аналогии с соответствующим значением презенса СВ «имперфектом напрасного ожидания» [Мишина 2012; 2017: 7–11]. Можно спорить о том, оправданно ли все контексты имперфекта СВ с отрицанием относить к этому модальному типу и стоит ли контексты со значением хабитуальных ситуаций трактовать таким образом только на основании наличия отрицания, выделяя их тем самым из области кратно-перфективного значения имперфекта СВ (см. [Мишина 2017: 9]), однако для контекстов немногочисленного действия это

¹⁵ О. Ф. Жолобов отделяет такой тип значения имперфекта СВ от собственно кратно-перфективного [Жолобов 2016а: 71], однако при широком понимании кратности, как кажется, различия не слишком существенны.

особое модальное значение явно просматривается, ср. приведенный выше пример из Начального свода по НПЛмл:

...и примучи Угльчѣ, и вдасть Свѣньдѣльду. И не вдадается единъ градъ именемъ Перестѣчень (922 г., НПЛмл, л. 31) 'не сдавался / не сдался / не хотел отдаться';

ср. также примеры: *а Дѣвь Игоревичъ сѣдше кромѣ и не приустлаху юго к собѣ (ПВЛ, 1100 г., Лавр., л. 92 = Ипат., л. 94) 'не подпускали / не подпустили / не хотели подпустить'; Посла же Агрипа къ тѣмъ градомъ. и вдавѣ роукѣ и оумирі а: Гамала же не вдадшестя надѣкаше бо са на твердость (ИИВ, 420в); ...аще коли хотахъ любовь имѣти с тобою. невѣрнии Галичанѣ не вдадахут ми (ГЛ, л. 264 об.) '...неверные галичане никогда не позволяли / не хотели позволить' [Мишина 2012: 222–228; 2017: 7–9], ср. также [Маслов 1984/2004: 166].*

Аналогия с соответствующим употреблением презенса СВ («напрасного ожидания») — типа: *а нынѣ вода новоую женоу а мнѣ не вѣдасть ничь-тоже* НБГ, № 9 XII в. [Зализняк 1993: 275–279]) здесь вполне уместна: даже круг представленных в таком употреблении глаголов оказывается сходным (см. [Мишина 2017: 8–10]).

Надо сказать, что модальное значение имперфекта СВ возможно и без отрицания. Обратим внимание на яркий контекст из упоминавшихся уже печерских рассказов ПВЛ под 1074 г., в которых употребительность имперфекта СВ очень высока (см. выше, п. 3), — речь в этом контексте идет о затворившемся в пещере старце Исакии:

бѣ же іадѣ юго проскура юдина. и // та чересъ днѣ. воды в мѣру пѣаше. приносашеть же юму великыи Антонии и подаваше юмоу оконцемъ іако са вмѣсташе рука. тако приимаше пищю (ПВЛ, 1074 г., Лавр., л. 64 об. = Ипат., л. 71) 'сколько вмещалось (могло вместиться) / сколько вместит рука'.

Этот пример представляет полное — абсолютно точное с точки зрения аспектуально-модального значения — соответствие подобному употреблению презенса СВ, называемому обычно «настоящим потенциальным» [Бондарко 1971: 105–107], и именно презенс СВ заменит впоследствии в таком потенциальном контексте имперфект СВ — так же, как заменил его в контекстах узуально повторяющегося действия (кратно-перфективных), см. об этом выше. Параллелизм с современным употреблением презенса СВ здесь оказывается никак не менее ярким, чем для кратно-перфективного значения и чем для модального значения «напрасного ожидания», — в данном случае соответствие безупречно, т. к. презенс СВ прекрасно вписывается и в перевод контекста¹⁶.

¹⁶ На параллелизм употребления и грамматической семантики имперфекта СВ и презенса СВ (различия здесь состоят только в темпоральном значении формы и

Строго говоря, признак единичности/повторяемости в таких модальных контекстах потенциальности или упорного отказа субъекта совершать действие («напрасного ожидания») оказывается нейтрализован: скорее всего, ситуация имела место не один раз, но в принципе это неважно, не «в фокусе» — так же, как в соответствующих типах употребления презенса СВ¹⁷.

На параллелизм с презенсом СВ указывает и отмечающаяся исследователями близость значения некоторых контекстов с имперфектом СВ к наглядно-примерному значению, хорошо известному у презенса и также представляющему потенциальную многократность (приводится пример из Супр.: **сильнѣ дѣломъ проклинааше смокъвницѣ и ісѣхнѣаше** ‘...проклинал смоковницу — и засохла/засыхала’) [Жолобов 2016а: 71; Мишина 2017: 6].

Заметим, что все эти значения имперфекта СВ находятся в сфере потенциальности, т. е. модальности возможности/невозможности или желания/нежелания совершения действия хотя бы один раз. Эта модальность «потенциальности» оказывается связана с семантикой (потенциальной) кратности — отсюда характерное развитие ее у имперфекта, причем у имперфекта СВ, поскольку маркируется перфективность каждого отдельного «образца» действия — так же, как у презенса СВ.

Таким образом, все отмечаемые в памятниках модальные значения имперфекта СВ находят соответствия в подобных значениях и даже типах употребления презенса СВ. В свое время сходство такого рода заметил еще Ю. С. Маслов, однако Ю. С. Маслов решительно противопоставлял эти модальные значения кратного-перфективному по признаку кратности/некратности действия [Маслов 1954: 112–113; 1984/ 2004: 166–167] — в действительности такого жесткого противопоставления в их семантике, как кажется, нет. При этом сходство с соответствующим употреблением презенса СВ и последующая им замена имперфекта СВ наблюдается и в тех и в других случаях.

Обратим внимание на то, что этот замечательный параллелизм имперфекта СВ и презенса СВ указывает на их системное родство (ср. о том же [Жолобов 2016а: 66–67, 76]), а имевшее впоследствии место в истории русского языка замещение всех этих контекстных позиций презенсом в значении прошедшего демонстрирует общую тенденцию к расширению возможностей употребления презенса в разных типах претеритальных контекстов.

Надо сказать, что и презенс НСВ, особенно его употребление в рассказе о сменяющих друг друга прошедших событиях (настоящее историческое

нейтрализуются в претеритальном контексте) уже обращали внимание исследователи — см. об этом [Маслов 1954: 75, 97, 112–133 и др.; Гавранек 1962: 180].

¹⁷ Отметим, что О. Ф. Жолобов также не делает принципиального различия между кратными и некратными значениями имперфекта СВ, видя во всех них семантику дистрибутивной множественности [Жолобов 2016а: 76].

«событийное»), вытесняет в определенный момент возможные прежде в таком контексте формы прошедшего НСВ (исконно имперфекта НСВ в нарративной цепочке — подобное употребление, хорошо известное в вост.-слав. памятниках, называли «консекутивным имперфектом» [Петрухин 2001] или «событийным имперфектом» [Новикова 2016], — позднее прошедшего НСВ на *-л-* в нарративе [Там же: 14–17]) — это архаическое употребление прошедшего НСВ сохранилось в фольклорных текстах (типа былинного: *Выпрягал кобылку он солову, / Клал соику на ноженку /.../, Садился на кобылку на солову* [Там же: 14]). Вытеснение прошедшего НСВ из такого типа контекстов можно связывать с растущей активностью употребления презенса в рассказе о прошлом [Там же: 17].

Таким образом, последующее утверждение презенса СВ в рассмотренных нами контекстах имперфекта СВ является частью общей тенденции к распространению презенса на различные типы контекстов прошедшего, в случае презенса СВ — модальные и узуальные.

Эти узуальные и модальные значения имперфекта СВ, воспринятые потом презенсом СВ в контексте прошедшего¹⁸, семантически явно взаимосвязаны. В эпоху старейших памятников все они были известны, в том числе и на вост.-слав. территории.

Очень вероятно, что диалектные различия в разных славянских диалектных зонах в ту эпоху были связаны со степенью употребительности (активности) имперфекта СВ или отдельных его значений (контекстных типов). Следует иметь в виду, что употребление имперфекта СВ вообще в значительной степени факультативно: он легко мог варьироваться в пределах одного контекста с имперфектом НСВ (причем во всех славянских языках, знающих эту форму, — см. примеры выше, см. об этом также [Маслов 1954; Зализняк 2008: 94–95]), а его использование было обусловлено, видимо, большей выразительностью, передачей комплекса соответствующих смыслов, остающихся специально не выраженными при употреблении «нейтрального» имперфекта НСВ. Этот статус семантически маркированной и не строго обязательной к употреблению формы мог приводить к различиям в «популярности» имперфекта СВ между разными славянскими диалектными зонами и даже между разными книжными традициями.

В пределах вост.-слав. ареала в древнерусскую эпоху диалектное различие было связано, очевидно, с более ранней утратой имперфекта СВ на новгородской территории сравнительно с югом Древней Руси — в связи с несколько более ранним процессом перестройки всей системы прошедших времен, распространявшимся, как можно предполагать, в направлении с севера на юг.

¹⁸ Судя по наличию такой замены в НПЛст (см. выше), этот процесс имел место, по крайней мере в Новгороде, уже в древнерусскую эпоху — в XII в.

Литература и источники

- Бондарко 1971 — А. В. Б о н д а р к о. Вид и время русского глагола (значение и употребление). М., 1971.
- Вайан 1952 — А. В а й а н. Руководство по старославянскому языку. М., 1952.
- ВыгСб конца XII в. — Выголексинский сборник / Изд. подгот. В. Ф. Дубровина, Р. В. Бахтурина, В. С. Голышенко. М., 1977.
- Гавранек 1962 — Б. Г а в р а н е к. Вид и время глагола в старославянском языке // Вопросы глагольного вида. М., 1962. С. 175–183.
- Гиппиус 2001 — А. А. Г и п п и у с. Рекоша дружина Игоревы... К лингвотекстологической стратификации Начальной летописи // Russian Linguistics. Vol. 25. 2001. С. 147–181.
- Гиппиус 2006а — А. А. Г и п п и у с. Новгородская владычная летопись XII–XIV вв. и ее авторы (История и структура текста в лингвистическом освещении) // Лингвистическое источниковедение и история русского языка. 2004–2005. М., 2006. С. 114–251.
- Гиппиус 2006б — А. А. Г и п п и у с. Два начала Начальной летописи: к истории композиции Повести временных лет // Вереница литер: К 60-летию В. М. Живова. М., 1996. С. 56–96.
- Гиппиус 2007 — А. А. Г и п п и у с. К проблеме редакций Повести временных лет. I // Славяноведение. 2007. № 5. С. 20–44.
- Гиппиус 2010 — А. А. Г и п п и у с. Предисловие к «Софийскому временнику» (Киевскому Начальному своду): текст, язык, источники // Русский язык в научном освещении. 2010. № 2 (20). С. 143–199.
- Гиппиус 2012 — А. А. Г и п п и у с. До и после Начального свода: ранняя летописная история Руси как объект текстологической реконструкции // Русь в IX—X веках. Археологическая панорама. М.; Вологда, 2012. С. 17–63.
- ГЛ — Галицкая летопись по Ипатьевскому списку (см. Ипат.).
- ЖАЮ — Житие Андрея Юродивого // А. М. Молдован. Житие Андрея Юродивого в славянской письменности. М., 2000.
- ЖН — Житие Нифонта по списку Выголексинского сборника XII в. (см. ВыгСб).
- Жолобов 2015 — О. Ф. Ж о л о б о в. О древнерусском имперфекте // Ученые записки Казанского университета. Т. 157, кн. 5. Гуманитарные науки. 2015. С. 28–35.
- Жолобов 2016а — О. Ф. Ж о л о б о в. От праславянского языка к старославянскому: о перфективном имперфекте // Вопросы языкознания. 2016. № 3. С. 64–80.
- Жолобов 2016б — О. Ф. Ж о л о б о в. Простой индикатив в Выголексинском сборнике // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2016. № 1 (63). С. 91–99.
- ЖФП — Житие Феодосия Печерского по списку Успенского сборника конца XII в. // Успенский сборник XII—XIII вв. / Изд. подгот. О. А. Князевская, В. Г. Демьянов, М. В. Ляпон. М., 1971.
- ЖФС — Житие Феодора Студита по списку Выголексинского сборника XII в. (см. ВыгСб).
- Зализняк 1993 — А. А. З а л и з н я к. К изучению языка берестяных грамот // В. Л. Янин, А. А. Зализняк. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1984–1989 гг.). М., 1993. С. 191–321.
- Зализняк 2004 — А. А. З а л и з н я к. Древненовгородский диалект. 2-е изд., переработанное с учетом находок 1995–2003 гг. М., 2004.

- Зализняк 2008 — А. А. З а л и з н я к. «Слово о полку Игореве»: взгляд лингвиста. 3-е изд., доп. М., 2008.
- ИИВ — «История Иудейской войны» Иосифа Флавия: Древнерусский перевод / Изд. подгот. А. А. Пичхадзе, И. М. Макеева, Г. С. Баранкова, А. А. Уткин. Т. I—II. М., 2004.
- Ипат. — Полное собрание русских летописей. Ипатьевская летопись. М., 1998. Т. 2.
- Крысько 2011 — В. Б. К р ы с ь к о. Морфологические особенности житийной части Софийского пролога // Славяно-русский Пролог по древнейшим спискам. Синаксарь (житийная часть Пролога краткой редакции) за сентябрь—февраль. Т. II: Исследования / Изд. подгот. В. Б. Крысько, Л. В. Прокопенко, В. Желязкова, И. М. Ладыженский, А. М. Пентковский. М., 2011. С. 798–837.
- Крысько 2014 — В. Б. К р ы с ь к о. Об издании Скитского патерика // Вопросы языкознания. 2014. № 5. С. 122–148.
- Кузнецов 1953 — П. С. К у з н е ц о в. Историческая грамматика русского языка. Морфология. М., 1953.
- Кукушкина, Шевелева 1991 — О. В. К у к у ш к и н а, М. Н. Ш е в е л е в а. О формировании современной категории глагольного вида // Вестник Моск. ун-та. Сер. 9. Филология. 1991. № 6. С. 38–49.
- Лавр. — Полное собрание русских летописей. Лаврентьевская летопись. Вып. 1–3. М., 1997. Т. 1.
- Маслов 1954 — Ю. С. М а с л о в. Имперфект глаголов совершенного вида в славянских языках // Вопросы славянского языкознания. М., 1954. Вып. 1. С. 68–138.
- Маслов 1984/ 2004 — Ю. С. М а с л о в. Перфективный имперфект в древнерусском литературном языке // Ю. С. М а с л о в. Избранные труды: Аспектология. Общее языкознание. М., 2004. С. 141–175.
- Мишина 2012 — Е. А. М и ш и н а. «Ситуация напрасного ожидания» и отрицание // Русский язык в научном освещении. 2012. № 2 (24). С. 219–241.
- Мишина 2015а — Е. А. М и ш и н а. Несколько наблюдений над употреблением перфективного имперфекта в древнерусском и старославянском (в напрасном ожидании редких форм) // <http://www.inslav.ru/zalizniak80/congatlutions/Mishina.pdf>.
- Мишина 2015б — Е. А. М и ш и н а. Семантика глаголов и семантика времен в древнерусском и старославянском языках (в свете взаимодействия с аспектуальной семантикой) // Аспектуальная семантическая зона: Типология систем и сценарии диахронического развития: Сборник статей V Международной конференции комиссии по аспектологии Международного комитета славистов. Киото, Университет Киото Сангё, 2015. С. 164–170.
- Мишина 2017 — Е. А. М и ш и н а. К изучению перфективного имперфекта в древнерусском языке (в сопоставлении со старославянским) // Russian Linguistics. 41/1. 2017. С. 1–15.
- Молдован 2000 — А. М. М о л д о в а н. Житие Андрея Юродивого в славянской письменности. М., 2000.
- Новикова 2016 — М. В. Н о в и к о в а. Особенности нарративных функций видо-временных форм в севернорусских былинах в сопоставлении с памятниками русской письменности XII—XVII вв.: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2016.

НПЛ — Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л., 1950.

ПВЛ — Повесть временных лет (см. Лавр., Ипат., НПЛ).

Петрухин 2001 — П. В. Петрухин. *Syntaxis verbi: Консекутивный имперфект в ранних восточнославянских летописях* // Русский язык в научном освещении. 2001. № 1. С. 219–238.

Пичхадзе 2011 — А. А. Пичхадзе. *Переводческая деятельность в домонгольской Руси: лингвистический аспект*. М., 2011.

СПИ — «Слово о полку Игореве» (см. Зализняк 2008).

Супр. — Супрасльская рукопись // С. Северьянов. *Супрасльская рукопись*. СПб., 1904.

Шевелева 1996 — М. Н. Шевелева. «Житие Андрея Юродивого» как уникальный источник сведений по исторической фонетике русского языка (Новые данные о рефлексах сочетаний редуцированных с плавными) // Актуальные проблемы современной русистики: Диахрония и синхрония (Вопросы русского языкознания, вып. VI). М., 1996. С. 20–65.

Шевелева 2009 — М. Н. Шевелева. «Согласование времен» в языке древнерусских летописей // Русский язык в научном освещении. 2009. № 2 (18). С. 144–174.

Шевелева 2013 — М. Н. Шевелева. Имперфективы с суффиксом *-ыва/-ива* в севернорусских летописях // Русский язык в научном освещении. 2013. № 2 (26). С. 205–240.

Шевелева 2015 — М. Н. Шевелева. Заметка об имперфекте совершенного вида // <http://www.inslav.ru/zalizniak80/congratulations/Sheveleva.pdf>.

Шевелева 2016 — М. Н. Шевелева. К вопросу о хронологии процесса перестройки системы прошедших времен в восточнославянском ареале: диалектные различия // III Международный научный симпозиум «Славянские языки и культуры в современном мире»: Труды и материалы. М., 2016. С. 280–282.

Резюме

В статье рассматриваются проблемы употребления имперфекта совершенного вида в восточнославянских памятниках на фоне данных старославянских источников; с учетом новейших исследований славянского перфективного имперфекта обсуждаются вопросы его семантики и представленности в разных славянских диалектных зонах XI—XII вв. Высказывается предположение, что в эпоху старейших памятников диалектные различия и различия между разными книжными традициями могли быть связаны со степенью употребительности имперфекта совершенного вида — образования, семантически маркированного и в значительной степени факультативного. В пределах восточнославянского ареала диалектное различие было связано, очевидно, с более ранней утратой имперфекта совершенного вида в древненовгородской зоне сравнительной с южнодревнерусской в связи с несколько более ранним процессом перестройки всей системы прошедших времен и выходом имперфекта совершенного вида даже из сферы пассивного знания.

Ключевые слова: имперфект совершенного вида, южнодревнерусские и древненовгородские памятники, древнерусские летописи, диалектные различия.

Получено 04.11.2017

MARIA N. SHEVELEVA

**ONCE MORE ON THE IMPERFECT OF PERFECTIVE VERBS
IN OLD RUSSIAN TEXTS**

The paper examines the use of the perfective imperfect in Old Russian texts of southern vs. Novgorodian dialect areas against the background of Old Church Slavonic; questions of its currency and semantics are discussed. The hypothesis is suggested that in the 11th — 12th centuries distinctions among different dialects and text traditions included the extent of frequency of the perfective imperfect, inasmuch as it was a semantically marked and largely optional form. Within the East Slavic dialect area distinction between the southern Old Russian twelfth-century texts, where the perfective imperfect was common, and the Novgorodian chronicles, where it was not in use, may be conditioned by an earlier process of general transformation of the Past Tense system and the loss of the perfective imperfect even from the domain of passive knowledge.

Keywords: Old Russian, Perfective Imperfect, dialect distinctions, southern Old Russian texts, Novgorodian chronicles.

Received on 04.11.2017

Е. Э. БАЗАРОВ

**О ГЛАГОЛЬНО-ИМЕННЫХ КОНСТРУКЦИЯХ
С ПОЛУЗНАМЕНАТЕЛЬНЫМ ГЛАГОЛОМ
В ДЕЛОВЫХ ДОКУМЕНТАХ ЗАБАЙКАЛЬЯ КОНЦА XVII в.**

Вводные замечания

В истории русского делового языка XVIII век представляет собой особый переломный период, ознаменовавший эпоху формирования языковых норм нового типа. Деловой язык вовлекается в сферу культурных преобразований и претерпевает радикальные изменения, связанные со взаимодействием старого приказного языка и книжно-литературной традиции, проникновением в деловой язык западноевропейских заимствований и элементов живой разговорной речи. В связи с этим, на первый взгляд, складывается впечатление о бессистемном употреблении и хаотичном взаимодействии в нем языковых единиц. Однако исследования деловой письменности выявляют общую тенденцию к стандартизации, которую можно назвать одной из главных движущих сил становления норм русского делового языка XVIII в. Она выражается в процессе регламентации как особенностей оформления делового документа (использование книг и тетрадей вместо традиционных столбцов, соблюдение принципа единообразия при построении формуляра, оформлении реквизитов, следование жанровым канонам), так и его языкового содержания (употребление клишированных слов и речевых штампов, формирование делопроизводственной терминологии, синтаксическая организация текста документа). Особо отметим как следствие стандартизации документов употребление «книжно-славянских элементов в качестве стилиобразующих средств делового письма» [Майоров 2006: 53], что соотносится с общим процессом «экстраполяции литературного языка нового типа на те сферы, которые первоначально были вне пределов его функционирования» [Живов 1996: 123].

В деловой письменности этого периода отражается процесс нормализации нового делового языка, выражающийся, с одной стороны, в заимствовании языковых элементов приказной традиции, с другой стороны — в сближении

Базаров Евгений Эрдемович, Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

узуса делового письма с книжным языком, точнее во влиянии на язык документов книжного регистра, что в конечном итоге привело к формированию официально-делового стиля, для которого стандартизация является одной из стилевых черт.

Изменявшийся на протяжении XVIII в. характер взаимоотношений между деловым и книжно-письменным языком сильно отличался от строго раздельного и непересекающегося сосуществования книжного (церковнославянского) и традиционного языка приказов (восходящего к разговорной речи), имевшего место в предшествующую эпоху. Однако верно ли представление языковой ситуации допетровского времени как модели жесткой дифференциации двух письменных традиций и не является ли такой взгляд на культурную обстановку той эпохи слишком схематичным? Так, Т. В. Кортава рассматривает приказный (в терминологии автора — первоначально «юридический», «позднее — приказный») язык как особый тип письменного языка (наряду с церковнославянским литературным языком), который был «древнерусским по происхождению, связанным с языком устного обычного права» [Кортава 1999: 49], однако ограниченным в функциональном и стилистическом отношении сферой делопроизводства. Памятники юридической письменности находились за гранью литературного языка, не являлись кодифицированными и обработанными «в соответствии с языковыми представлениями того времени» [Там же]. С другой стороны, исследователь отмечает, что делопроизводители на практике опирались на церковнославянскую письменность, наличие в приказном языке стандартизованных юридических формул и текстовых образцов «сближает» церковнославянский и приказный язык [Там же: 53], который к концу XVII в. расширяет свои функциональные возможности.

Становление норм делового языка нового типа проявлялось прежде всего на лексическом и словообразовательном уровнях, по этой причине наблюдается широкая вариативность в написании одного и того же слова (ср.: *гошпиталь* — *гошпиталь*; *огурничество* — *огурство*, *вспомоществование* — *вспоможение* и др.), а также функционирование многочисленных слов-дублетов, характеризующихся различной генетической природой и стилистической нагрузкой: *баба* — *женка*, *закрывать* — *зареветь* и др. [Майоров 2006: 165]. Показательным в этом смысле является пример осознанной замены стилистически разнородных глаголов, когда в документах, описывающих одну и ту же ситуацию, сначала используется, очевидно, близкий к разговорной речи глагол *расшибить*: «*ј тогда рече^н но^у Щеголе^с держащей в рука^х ј с вино^м стаканъ броси^т о по^т и **росци^б**» (1771) (ГАРБ, ф. 88, оп. 1, д. 83, л. 14), «*онои Щеголевъ тогда^ж невѣдѣмо о^т чего осердясь броси^т с вино^м на по^т ј **розши^б**» (ГАРБ, ф. 88, оп. 1, д. 83, л. 16 об.); затем употребляется нейтральный глагол *разбить*: «*ј онъ Пьянковъ кого имянно по^дчивали ј каки^м о^бразомъ хруста^т нои стаканъ с вино^м (**расби^л**)* (зачеркнуто. — Е. Б.) Щеголе^с **разби^т** ... онъ Пьянко^с за безмѣрнымъ и безчювственнымъ своѣмъ пъя^нствомъ не упомни^т» (ГАРБ, ф. 88, оп. 1, д. 83, л. 18–18 об.).**

Вместе с тем в равной степени утверждались и синтаксические нормы — так, в языке документов XVIII века отмечается тенденция к активному использованию описательных конструкций с полужнаменательными глаголами типа *чинить решение*, характеризующихся разной степенью устойчивости в узусе деловой письменности. О конструкциях подобного типа и пойдет речь в настоящей статье.

1. Описание конструкций с полужнаменательными глаголами в лингвистической литературе

Под конструкциями с полужнаменательными глаголами (далее — КПЗГ) мы предлагаем понимать глагольно-именные сочетания, построенные по модели «полужнаменательный глагол + отглагольное существительное». Семантическое содержание в них выражается при помощи именного компонента, а переходный глагольный компонент в большей мере служит для обозначения категориального значения процессуальности, организует грамматическую и логическую связь между именем субъекта действия, если он выражен грамматически или подразумевается, и наименованием самого действия. Конструкции данного типа строятся таким образом, что формальный объект не является таковым в смысловом отношении, а содержит информацию о самом действии и включается в состав предикативной основы с помощью полужнаменательного глагола. Действие, как правило, может быть названо либо собственно глаголом, либо КПЗГ, т. е. в первом случае денотативное содержание выражается самой глагольной лексемой, условно говоря, синтетическим способом, а во втором случае — аналитически. Таким образом, отличительной особенностью рассматриваемых описательных конструкций является то, что они часто (но не всегда) обнаруживают соответствия с однословными компонентами, сохраняя при этом то же (или близкое) семантическое содержание: *проводить исследование* — *исследовать*; *осуществлять закупку* — *закупать*; однако, например, словосочетание *вести переговоры* и слово *переговариваться* с трудом можно назвать членами коррелятивной пары; для конструкции *заклучить перемирие* сложно подобрать эквивалентное данному лексическому составу и одновременно нормативное слово.

Глагольные компоненты КПЗГ, как, впрочем, и сами конструкции, в лингвистической теории не имеют единого обозначения. Многочисленные варианты их номинации («описательные фразеологические обороты», «глагольно-именные описательные выражения», «аналитические лексические коллокации» и др.) достаточно подробно перечисляются Е. Н. Лагузовой [Лагузова 2003: 3]. Для наименования глагольных компонентов могут использоваться такие термины, как «функциональные глаголы», «полуспомогательные глаголы», «глаголы-операторы», «глагол поддержки», «глагол широкой семантики», «глагол широкого семантического объема»,

«расширители» [Апресян 2004: 3]. М. В. Всеволодова и В. А. Кузьменкова вслед за Т. В. Шмелевой предлагают называть такой глагольный компонент экспликатором [Всеволодова, Кузьменкова 2003: 7]; Г. А. Золотова — компенсатором, играющим важную роль в транспозиции средств прямой номинации в средство косвенной номинации [Золотова 1982: 158]. В рамках теории «Смысл ↔ Текст» рассматриваемые нами глаголы в основном соотносятся с лексическим параметром *Op_{g1}*, представляющим собой «полувспомогательный глагол, соединяющий название 1-го участника ситуации (производителя действия. — *Е. Б.*) в качестве подлежащего с названием самой ситуации (...) в качестве дополнения» [Апресян 1995: 45].

В семантическом отношении КПЗГ обнаруживают сходство с глагольным словосочетанием, между элементами которого развиваются отношения информативного восполнения, или восполняющие (также комплетивные) отношения. Особенность восполняющих отношений между словами в словосочетании заключается в том, что «зависимое слово не несет ни объектного, ни определительного значения, а содержательно необходимо восполняет собою главенствующее слово» и способствует образованию минимального, содержательно самостоятельного словосочетания, поскольку главное слово является информативно недостаточным [Русская грамматика 2005: 19]. При таком определении комплетивных отношений кажется, что и полузнаменательные компоненты КПЗГ следует включать в класс информативно недостаточных, однако к их числу в основном относят связочные глаголы *быть, стать, сделаться, оказаться* и т. п. [Там же: 19]. В семантическом отношении структура сравниваемых словосочетаний является схожей: и те и другие состоят из неполнознаменательных глаголов и существительных (хотя в случае со связочными глаголами — слов именных частей речи в целом), содержащих необходимую семантическую информацию, при этом конструкции со связочным глаголом с трудом могут быть трансформированы в однословный элемент без утраты смысла (ср.: *картина оказалась подделкой* не то же, что *подделать картину, картину подделали* или *картина подделана*), в то время как КПЗГ с большей вероятностью можно заменить знаменательным эквивалентным словом. Принципиально важной разницей между данными словосочетаниями в современном русском языке является признак переходности/непереходности глагольного компонента: полузнаменательные глаголы КПЗГ, как правило, являются переходными (разумеется, при использовании их в активном залоге); информативно недостаточные глаголы в словосочетаниях с комплетивными отношениями чаще всего являются непереходными.

В справочных пособиях по практической стилистике современного русского языка КПЗГ традиционно рассматривают как результат семантического расщепления сказуемого — замены глагола-предиката на сочетание полузнаменательного глагола и однокоренного отглагольного существительного. Понятие «семантическое расщепление сказуемого», как нам кажется, не отражает особенностей функционирования КПЗГ в полной мере.

Несомненно, данное определение актуально при использовании КПЗГ в качестве предикативного центра предложения. Недостатком такой формулировки является то, что основной фокус в ней сосредоточен лишь на функциональной стороне, при этом за рамками остается факт интенсивного употребления (с давних времен, в том числе и в XVII–XVIII вв.) полужнаменательных глаголов, входящих в состав КПЗГ, в нефинитных формах, более того, вообще не в позиции сказуемого — предикативного центра предложения: «...**учиня** *то^m досмотръ* именья <sic!> книги ... присла^m» (1704) (ГАРБ, ф. 262, оп. 1, д. 1, л. 21 об.); «за верное доказательство и за *о^mкрытые нарушающих Ея Императорскаго величества узаконеніи и чинящихъ* порядочно в кяхтинскомъ фарпосте з саграничны^m купцами и мунгалами торгующимъ в комерціи **подрывъ** преступникахъ <...> ис того това^{py} в награждение половина выдана быть имеетъ» (1768) (ГАРБ, ф. 88, оп. 1, д. 40, л. 78 об.); «сею подпискою обязуюсь в том, что за **учиненной** ныне мною <...> **побег** положенное по опре^{de}лению Удинской каменданской канцеляри наказание **учинено**» (1777) [ПЗДП: 165]; «на посланной к нему <...> о **учиненіи** по прозбе Черноуцкогo роду иуленги Алтая Булконова <...> **разбирателства** приказъ» (1782) [ПЗДП: 27] и т. д.

Также, на наш взгляд, аргументом, подкрепляющим предположение о содержательной недостаточности термина «семантическое расщепление сказуемого», является то, что в подобном определении не отражается и не учитывается возможность трансформации КПЗГ из конструкций активного залога в пассивный. Понятие расщепления сказуемого на соответствующие компоненты учитывает лишь использование этих словосочетаний в действительном залоге, хотя еще в деловом языке XVII–XVIII вв. они активно использовались и в страдательном залоге. Наряду с конструкциями активного залога — «*оⁿ Бо^pкоⁿ над аманатами дуⁿа <...> не учинил*» (1681) (РГАДА, ф. 1142, оп. 1, д. 22, л. 61); «*приходили де <...> Василии Гаврилов да <...> Иванъ Захаровъ и чинили де с темъ Курбатовымъ и з бывшими в томъ зимовье салдатами ссору и драку*» (1769) [ПЗДП: 129]; «*ему Светлеговско^{my} <...> учинить наказание прогнаниемъ шпицрутень чрезъ тысячу человекъ шесть разъ*» (1788) [ПЗДП: 15] — регулярно фиксируются пассивные обороты: «*чтоб какую вашу оплошкою какова дурна не учинилось*» (1681) (РГАДА, ф. 1105, оп. 1, д. 2, л. 61); «*у ни^x де учинила^c драка*» (1681) (РГАДА, ф. 1142, оп. 1, д. 22, л. 126); «*По сему определению о³ наченому крестьянину Стефану Стоⁿникову **наказаніе учинено** того ^ж мая 15 дня*» (1747) (ГАРБ, ф. 262, оп. 1, д. 31, л. 27).

Пассивные конструкции содержат предикат, не предполагающий никакого расщепления сказуемого, поскольку он сам по себе является «продуктом» такого расщепления — вопрос: сказуемого или всё же глагола? Наблюдаемая неполнота устоявшегося определения косвенно подтверждается словами Ю. Д. Апресяна о том, что при изучении подобных конструкций «традиционно рассматривались главным образом такие перифразы, при которых сохраняется подлежащее исходного глагола» [Апресян 2004: 3].

Данные наблюдения наводят на мысль, что при рассмотрении отношений между глаголом и эквивалентной ему КПЗГ следует говорить о семантическом расщеплении не сказуемого и даже не глагола, а самой семантики действия глагола — такое определение отражает не только функциональные, но и лексико-грамматические характеристики глаголов. КПЗГ позволяют распределить между элементами грамматическую (в ползузнаменательном компоненте), точнее видо-временную или близкую к ней, характеристику, свойственную классу глаголов и выражающую абстрактное значение действия, и семантическую информацию (в имени существительном), называющую конкретное действие, обозначаемое соответствующим однословным коррелятом. Вместе с этим процессом, думается, происходит и актуализация значения процессуальности — конструкция дает возможность более явно обозначить протекание данного действия во времени. Разумеется, такая особенность выражения грамматической информации в глагольном компоненте актуальна только для самой глагольно-именной конструкции, поскольку при образовании существительного от ползузнаменательного глагола (*учинение разбирательства*) видо-временная характеристика утрачивается.

2. Анализ употребления частотных полузнаменательных глаголов *чинить/учинить* в памятниках забайкальской деловой письменности конца XVII в.

Изучение данных языковых единиц на историческом материале является достаточно перспективной и актуальной задачей¹.

Большинством исследователей отмечается факт увеличения конструкций подобной структуры в XVII–XVIII вв. [Филиппова 1968: 7–8; Самойлова 1969: 13]; В. В. Виноградов пишет, что «эти обороты усиленно развивались с половины XVIII в.», а уже в XIX в. активно использовались в различных стилях литературного языка [Виноградов 1982: 450]. Е. Н. Лагузова отмечает, что в XVIII в. происходит изменение семантической структуры глагольных компонентов, которое она определяет как «грамматизацию», и на рубеже XVIII–XIX вв. на базе глагольных и именных лексем складываются продуктивные модели конструкций современного русского языка [Лагузова 2003: 5, 13].

¹ Подобные словосочетания в контексте исторического развития русского языка рассматривались в работах Л. Я. Костючук на материале грамот XI–XIV вв. [Костючук 1963; 1964], в текстах XVII–XVIII вв. подобные конструкции рассмотрены Н. Г. Самойловой [Самойлова 1967; 1969], Н. И. Тарабасовой [Тарабасова 1964], В. М. Филипповой [Филиппова 1968]. М. М. Копыленко, затрагивал проблему глагольно-именных оборотов в контексте «выявления исконно славянских сочетаний лексем» — одной из актуальных задач диахронической фразеологии [Копыленко, Попова 1972: 86].

Однако необходимо признать, что такие словосочетания было бы ошибочно относить к числу новообразований языковой системы рассматриваемого периода. Структурно подобные и схожие по функционально-семантическим особенностям глагольно-именные сочетания были известны древнерусскому языку с давних времен (ср.: *веселье играти, (сѣ)творити безмолвие, творити добродѣяние, дати руку* и т. д.).

Наиболее продуктивными и употребительными в языке деловой письменности XVIII в. являются конструкции с полужнаменательными глаголами *чинить* и *учинить*. Н. Г. Самойлова пишет, что эти глаголы, генетически общеславянские, были наиболее употребительными в древнерусском языке, причем изначально они сочетались с существительными, называющими конкретные предметы, а в XVII в., как отмечает исследователь, происходит «отход от первоначального значения конкретного действия» в сторону использования с абстрактными существительными, которое «становится более обычным» [Самойлова 1967: 58]; словосочетания с глаголом *чинить* и *учинить*, по утверждению автора, принадлежат к «официально-книжному стилю речи» [Там же: 62]. В. М. Филиппова утверждает, что в последние десятилетия XVII в. и в начале XVIII в. возможности данного активного глагола в сочетании с именами существительными с непердметным значением были неограниченными, «по частотности он занимал первое место и употреблялся в разных речевых сферах» [Филиппова 1968: 50]. Н. И. Тарабасова относит их к числу широко распространенных трафаретных языковых единиц и полагает, что такие сочетания «были необходимыми элементами языка автора (писца)» [Тарабасова 1964: 171].

В памятниках забайкальской деловой письменности конца XVII в. глаголы *чинить* и *учинить*, действительно, являются широко используемыми в роли полужнаменательных компонентов глагольно-именных конструкций. По мнению В. М. Филипповой, в XVIII в. активность сочетаемостных возможностей этих глаголов постепенно снижалась, однако исследование текстов региональной деловой письменности XVIII в. показывает, что на протяжении столетия в деловом регистре они продолжают активно употребляться.

Сочетаемостные возможности глаголов *чинить/учинить*, являвшихся наиболее распространенным строительным материалом для интересующих нас конструкций, в памятниках забайкальской деловой письменности, как и следует полагать, были достаточно широкими по сравнению с остальными словами. В «Словаре русского языка XVIII века» А. П. Майорова у глагола «чинить» выделяется три значения: «1. Совершать, делать, осуществлять. ⟨...⟩ чтоб исполнение чинили непременно ⟨...⟩ 2. Причинять. А обывателям по дароге живущим обидь и налогъ не чинить ⟨...⟩ 3. Оказывать. Оные казаки чинили ему всякое послушание...» [Майоров: Словарь 2011: 517].

В исследованных памятниках забайкальской деловой письменности конца XVII в. нами обнаружены сочетания глаголов *чинить* и *учинить* со следующими существительными:

1. Хитрость (5)²:

- (1) *или в чемь какую хитрость в гдрве ка³не учините...* (1681) (РГАДА, ф. 1105, оп. 1, д. 2, л. 57);
- (2) *и над гдрвою ка³ною въ ясаино^м зборе никако' хи^трости и порухи не учинити* (1679) (РГАДА, ф. 1142, оп. 1, д. 13, л. 29).

2. Поруха (5):

- (3) *«и ко^нным пгшии^м всяки^х чино⁶ служилых от вои^тски^х люде' какие порухи не учинилось»* (1679) (РГАДА, ф. 1142, оп. 1, д. 13, л. 88);
- (4) *«а буди вн Матфиј за нашею порукою {...} какую хитрость и поруху учини^т...»* (1679) (РГАДА, ф. 1142, оп. 1, д. 13, л. 29).

Слово *поруха* является многозначным, очевидно, в данных контекстах могут реализовываться несколько значений, таких как 'убыток', 'помеха', 'беда, неприятность', и наиболее общее — 'вред, повреждение, порча' [Словарь XI–XVII, Вып. 17: 139]; проблематичным остается вопрос, коррелирует ли данное словосочетание с глаголом *порушати* в значении 'разрушить; поломать, повредить что-либо' [Там же: 143]. На наш взгляд, такое соответствие не может быть установлено.

3. Насильство (4):

- (5) *«он Федка Катаев е' Феклице говорит всякие непристо^ные слова и хоче^т де чини^т блу^дное наси^тство»* (1681) (РГАДА, ф. 1142, оп. 1, д. 22, л. 111);
- (6) *«да і все^м и^м аманато^м угрожае^т и хоче^т на^д ним' чини^т тако^ж блу^дное наси^тство»* (1681) (РГАДА, ф. 1142, оп. 1, д. 22, л. 94)

4. Дурно (3):

- (7) *«что^б прише^д какие воровские неясашные люди какова ду^рна на^д вами служилые люди не учинили»* (1690–1691) (РГАДА, ф. 1105, оп. 1, д. 9, л. 11);
- (8) *«чтоб какою вашею оплошкою какова дурна не учинилось і служилы^х люде' ото всякого дурна унимать...»* (1681) (РГАДА, ф. 1105, оп. 1, д. 2, л. 61).

Слово *дурно* имеет значение 'что-либо дурное, плохое; вред, зло' [Словарь XVIII, Вып. 7: 32–33], также 'все дурное, плохое', 'злое дело', 'зло, вред, неприятность' [Словарь XI–XVII, Вып. 4: 377]. Глагольного коррелята данной конструкции словари не фиксируют.

5. Наказание (2):

- (9) *и ему Микишке за ту прописку наказа^нья учини^т и дг^ла ве^ршить бе^з ука^зы* (1680) (РГАДА, ф. 1105, оп. 1, д. 2, л. 22);

² Далее количество обнаруженных контекстов будет указываться в скобках после обозначения существительного, зависимого от полужнаменательного глагола.

(10) *за вашу оплошку и нераденье учинят ва^м жестокое наказание* (1681) (РГАДА, ф. 1105, оп. 1, д. 2, л. 57).

6. Обида (2):

(11) *ясаины^м инозе^мца^м тгьсноты і оби^д не чинить* (1689) (ГАРБ, ф. 262, оп. 1, д. 1, л. 20 об.);

(12) *а к ясаинымъ людемъ де^ржа^м бы тебѣ ласка' и привѣтъ а жесточи налогу и оби^м никаких не чини^м* (1690–1691) (РГАДА, ф. 1105, оп. 1, д. 9, л. 40).

7. Бесчинство (1):

(13) *і ево Якушка бье^м и всяко^ю неподо^бною мате^рною бра^ню <sic!> бра-ни^м³ і всякое бе^зчи^нство чини^м* (1681) (РГАДА, ф. 1142, оп. 1, д. 22, л. 121).

Значение слова — ‘нарушение установленного порядка; непристойные поступки, действия’ [Словарь XVIII, Вып. 2: 18]; ‘бесчинство’ [Словарь XI–XVII, Вып. 1: 181]; глагольный коррелят: *бесчинствовати* — ‘проявлять непочтительность, неуважение к кому-л., чему-л.; бесчестить’ [Словарь XI–XVII, Вып. 1: 181], *безчинствовать* — ‘творить бесчинства’ [Словарь XVIII, Вып. 2: 18].

8. Блуд (1):

(14) *виноват Феклицу де Василеву дочку ... о пол ударил и на лавку ва-лил для блудного дела а блуда де с нею не учинил* (1681) (РГАДА, ф. 1142, оп. 1, д. 22, л. 113).

9. Драка (1):

(15) *и у ни^х де учинила^с драка* (1681) (РГАДА, ф. 1142, оп. 1, д. 22, л. 126).

10. Жесточь (1):

«*жесточи <...> не чини^м*» (см. пример (12)).

Слово *жесточь* определяется как ‘жестокость, суровость’ [Словарь XI–XVII, Вып. 5: 98–99]; ‘жестокое обращение, поступок, слова’ [Словарь XVIII, Вып. 7: 120]. Глагольным коррелятом выступает глагол *жесточити* в значении ‘подвергать жестокости, притеснять’ [Словарь XI–XVII, Вып. 5: 98]; однако в [Словарь XVIII, Вып. 7: 120] у глагола *жесточить* зафиксировано значение ‘делать жестоким, ожесточать’, что с малой долей вероятности может признаваться соответствующим значением глагола.

11. Казнь (1):

(16) *і тгьмъ при^ста^вника^мъ учинена будеть смртная казнь* (1681) (ГАРБ, ф. 262, оп. 1, д. 1, л. 20 об.).

³ См. ниже о плеонастических выражениях.

12. Налог (1):

налогу ⟨...⟩ *не чини*^м (см. пример (12)).

В данном контексте достаточно сложно определить точное значение существительного *налог* и, соответственно, его глагольного коррелята. С одной стороны, вполне возможно, что слово имеет лексическое значение ‘добавочный, сверх обычного сбор; обложение, побор; налог’ [Словарь XI–XVII, Вып. 10: 137], ‘оброк, подать, сборы, выплачиваемые подданными, населением’ [Словарь XVIII, Вып. 13: 232]. Следовательно, конструкция соответствует глаголу *наложити* в значении ‘установить, определить, назначить (побор), обложить (какой-либо повинностью), обременить налогом’ [Словарь XI–XVII, Вып. 10: 139]; *наложитъ* — ‘назначить, установить (цену, повинность, денежный сбор и т. п.)’ [Словарь XVIII, Вып. 13: 234]. С другой стороны, слово *налог* может быть истолковано как ‘угнетение, притеснение’ [Там же: 232], ‘утеснение, обременение, неудобство; тяжкое, трудное положение, состояние’ или ‘угнетение, притеснение, обида’ (в словаре данные значения разведены) [Словарь XI–XVII, Вып. 10: 137–138]. В этом случае коррелятом является глагол *наложити* в значении ‘подвергнуть чему-либо тягостному’ [Там же: 138–139]. При этом следует уточнить, что глагол *наложити* в последнем значении обнаруживает схожесть с рассматриваемыми нами ползузнаменательными глаголами: «*наложити* ⟨...⟩ *страхъ бжши и муки вгчньня*», «*наложили* ⟨...⟩ *неблагословение*» [Там же: 138], т. е. семантическая информация содержится в зависимом от него существительном. Более точное указание на ползузнаменательный характер данного значения глагола находим в [Словарь XVIII]: ‘в соч. с некоторыми сущ. означает: подвергнуть чему-л. (в соответствии со значением сущ.)’, например, «наложить муки, страх, тягость» [Там же, 13: 233]. В таком случае не совсем ясно, какое же именно действие понимается под «тягостным» или чему именно подвергаются ясачные люди, скорее всего, следует полагать, что глагол *наложитъ* как коррелят рассматриваемого словосочетания *учинить налог*, обозначающего притеснения ясачных людей, имеет смысловое содержание ‘подвергать притеснениям’.

Такая непрозрачность и неочевидность лексического значения существительного, зависимого от ползузнаменательного глагола, зачастую может создавать серьезные проблемы для исследователя, занимающегося изучением КПЗГ в диахроническом аспекте. Мы склонны полагать, что в вышеуказанном контексте с большей вероятностью речь идет всё же о притеснениях ясачных людей (несмотря на несколько неясные формулировки, зафиксированные в словарях), нежели об их денежном обложении, хотя думается, что оба понятия не являются взаимоисключающими и *налогообложение* вполне может охватываться понятием *притеснение*.

13. Оборона (1):

(17) *i o^м не^{оо} Ивашко и^х аманато^о велг^л сто^лнику i воево^{оe} Федо^{пу} Деме^нтьевичю Вое[’]кову учини^м оборо^{ну}* (1681) (РГАДА, ф. 1142, оп. 1, д. 22, л. 94).

14. Оклад (1):

- (18) *а буде о^н Савка похочеть служить в Даурах ... великого гдря жалованья **оклад** ему **учинит*** (1679) (РГАДА, ф. 1142, оп. 1, д. 13, л. 77).

Существительное *оклад*, очевидно, имеет значение ‘установленный размер жалования, выплачиваемого служащему в деньгах или натурой’ [Словарь XVIII, Вып. 16: 228]; ‘установленный (в качестве максимального, желательного) размер денежного жалования, земельных (поместных) пожалований, натуральных выдач’ [Словарь XI–XVII, Вып. 12: 322], которое коррелирует со значением глагола *окласть (окладывать)* — ‘назначить, установить жалованье, плату кому-л.’ [Словарь XVIII, Вып. 16: 229]; *окладывати* — ‘назначать размеры оклада (служилым людям)’ [Словарь XI–XVII, Вып. 12: 325].

15. Протрава (1):

- (19) «Сын ево Павло⁶ Василе’ **протраву** по всяких гдревы^х дела^х **чини^т**» (1679) (РГАДА, ф. 1142, оп. 1, д. 13, л. 52).

В словаре определяется как синоним слова *потрава* — ‘потрава, порча, истребление’ [Словарь XI–XVII, Вып. 18: 17], данное значение существительного соответствует значению глагола *потравити* — ‘испортить, истребить, уничтожить’ [Там же: 17]. Кажется, что из перечисленных вариантов толкования больше подходит ‘порча’ и, соответственно, ‘портить’, хотя данные слова всё же больше сочетаются с конкретными существительными: «*товарь потравить*», «*хлѣбу и сѣну потрава*» [Там же]. Можно также предположить, что в забайкальском узусе это слово могло приобретать несколько иные оттенки значения вроде ‘вредительство’, однако с учетом того, что второе значение глагола *потравити* — ‘опустошить, разорить’, становится ясно, что существительное в данном контексте имеет значение ‘разорение’ (ср. *учинить протраву казне* — *разорить казну*), которое не фиксируется в «Словаре русского языка XI–XVII веков». Думается, что верность предположения о наделении данного слова в узусе забайкальской деловой письменности (а может, делового языка вообще) «новым» значением маловероятна и требует подтверждения посредством дополнительных исследований в области лексического своеобразия местного узуса. В «Словаре русского языка XVIII века» А. П. Майорова, описывающем лексику Забайкалья, дано толкование слова мужского рода «протрав» — «потрава», при этом последнему не дано определения [Майоров: Словарь 2011: 96]. Очевидно, в забайкальском регионе данное слово могло функционировать и иметь парадигму склонения существительного мужского рода.

16. Убийство (1):

- (20) *и гдрь ... веле^т того и³ме^нника смертью⁴ верши^т для того докместь о^н Бо^рко^н над аманатами ду^рна и **уби^тства не учинил*** (1681) (РГАДА, ф. 1142, оп. 1, д. 22, л. 61).

⁴ Неразборчиво.

Выявленные конструкции с определенной долей условности можно разделить на устойчивые, свойственные региональному деловому узусу XVIII в., в том или ином виде представленные в текстах документов в последующие годы, и свободные — словосочетания, которые в дальнейшем не имели широкого распространения в деловой письменности. К числу первых из представленного списка можно отнести обороты с большим количеством контекстов: *чинить хитрость, поруху, дурно, наказание, обиду*. Очевидно, в эту категорию также входят сочетания с существительными *досмотр, драка* и *убийство*. Особое внимание следует обратить на конструкцию *учинить казнь*. Данные из московских сказок 1704 г. [Сказки] подтверждают её идиоматический характер, поскольку в резолютивной части документов используется клишированная конструкция «*а буде(т) я... в сказке сказал что ложно (и) великий государь указал бы казнить меня (смертью) / учинить мне (смертную) казнь*».

Следует отметить и тот факт, что не все перечисленные выше конструкции преобразуются в однословный глагол: для словосочетания *учинить дурно* в словарях вообще не зафиксировано возможного варианта глагола (*дурнет*, очевидно, не является таковым, а глагола *дурнить* нет, однако гипотетически он, по всей видимости, мог бы соотноситься с конструкцией); в других случаях мы сталкиваемся с проблемой соответствия сочетаний отдельным значениям глаголов, зафиксированных в словарях (см. выше *поруха, протрава*); в силу отсутствия изданных томов словарей, содержащих слова на букву «Х», под вопросом остается глагольное соответствие продуктивного и устойчивого словосочетания *учинить хитрость*; вероятно, стоит провести аналогию с современным словом *хитрить*, хотя можно с уверенностью предположить, что данный глагол был образован от качественного прилагательного ещё в древнерусскую эпоху.

Как одну из проблем исследования данных конструкций в ретроспективном направлении можно обозначить и возникающие затруднения с определением точного лексического значения существительного, что вызывает трудности с установлением соответствующего глагола или его конкретного значения (оттенка значения).

3. Об использовании менее частотных полузнаменательных глаголов

Устойчивые словосочетания с глаголами *творить/сотворить* (далее — *(со)творить*) были распространены ещё в древнеславянских книжных текстах [Копыленко, Попова 1972: 90–105]. Это дает основание полагать, что фиксируемые в деловой письменности XVII в. конструкции с этим глаголом пришли именно из книжного регистра.

Полузнаменательный глагол *(со)творить* менее распространен в деловом языке конца XVII в. и, что важно, не выявлен в документах XVIII в.:

1. (со)творить грех (6):

- (21) *і о^н де Лука тово члѣка хто **твори^л** блу^дно^е грѣх^ъ виде^л ли или нѣтъ про то о^н Бориско сказа^л не вѣдает* (РГАДА, ф. 1142, оп. 1, д. 22, л. 105);
- (22) *ј в то де время идучи виде^л в черемошнике **твори^л** де на^т теленко^м блу^дно^е грѣх^ъ невѣдомо како^е члѣкѣ* (РГАДА, ф. 1142, оп. 1, д. 22, л. 105);

2. сотворить насильство (1):

- (23) *в ночи в омона^тцкоі избе **сотворилъ** онъ Софро^н насильство над ни^м омонатом* (РГАДА, ф. 1142, оп. 1, д. 22, л. 116);

3. сотворить блудное дело (1):

- (24) *...что я со^творил с ни^м блудное дело* (РГАДА, ф. 1142, оп. 1, д. 22, л. 118).

Необходимо отметить, что приведенные конструкции были найдены в рамках одного «Дела о злоупотреблениях» 1681 г., что может вызвать вопрос о характере узуальности/окказиональности такого словоупотребления. Более того, глагол *(со)творить* в качестве опорного слова в составе конструкций рассматриваемой структуры в деловых документах, как видно, используется в ограниченном круге контекстов, что, по всей видимости, является не частным случаем отказа писца от вышеуказанного глагола, а отражением общей тенденции к неиспользованию его в деловом языке — это подтверждается и тем, что в исследованных нами региональных документах XVIII в. данные глаголы не обнаружены. В опубликованных памятниках деловой письменности Забайкалья XVIII в. имеется только один пример с использованием этого глагола: «*тѣх кои с противнымъ мудрование^м і которые хотя і по невѣжеству но ^мупорства **то** (кр^стъ на себѣ изображаютъ двѣмя пер^{ст}ы а не трепер^{ст}нымъ сложениемъ. — Е. Б.) **творятъ** вбои^х писа^т в раско^л невзирая ни на чтѣ...*» [Меженина 2015: 16]. Думается, что глагол *творить* в сочетании с указательным местоимением *то*, замещающим описание принятой у старообрядцев традиции двуперстного сложения пальцев при начертании креста, использован писцом в соответствии с лексическим составом устойчивого оборота *(со)творить крестное знамение*. В книге «Памятники забайкальской деловой письменности XVIII века» [ПЗДП] данного глагола нет.

Перечисленные конструкции обнаруживают тесную связь с близкими по семантическим особенностям словосочетаниями, центром которых выступает глагол *(у)чинить*. Из контекстов видно, что в языковом сознании писца происходит своего рода контаминация генетически книжного глагола *(со)творить* с типичным для приказного языка словом *(у)чинить*⁵ в соче-

⁵ См. *насильство* (5), (6); *блуд* (14).

тании с абстрактными существительными *блуд*⁶ / *блудное дело*⁷, *насильство*⁸ и *грех*⁹, которые, кстати говоря, также смешиваются, в результате чего мы имеем сочетания *блудной грех* и *блудное насильство*, где интегральной семой выступает понятие *блуд*. Слово *блуд* и *блудное дело*, очевидно, следует рассматривать как равнозначные варианты, поскольку слово *дело* не вносит каких-либо дополнительных оттенков значения в словосочетание, а скорее служит для абстракции, обозначения опредмеченного действия, названного прилагательным. Думается, что исходным вариантом в ряду таких контаминированных сочетаний является книжный, используемый еще в древнюю эпоху оборот *(со)творити блуд* [Копыленко, Попова 1972: 101, 103]. Однако в деловом языке наблюдается своеобразная экспансия глагола *чинить* и на те словосочетания, тематика которых предполагала использование книжного глагола *(со)творить*.

Интересным, на наш взгляд, является наблюдение за однословными глагольными эквивалентами перечисленных выше конструкций в рамках этого дела 1681 года объемом 135 листов. Показательно то, что случаи употребления таких глагольных соответствий, т. е. замены конструкций на синонимический глагол, встречаются всего 2 раза:

(25) *и онъ Софро^н спалъ во^{ле} ево и штаны жо^{пы} ст^{ену}ль и сильнич^а^м хотелъ* (РГАДА, ф. 1142, оп. 1, д. 22, л. 116);

(26) *запл^е о^у масте^р Ива^ншко Ши^рш^ь ево Бо^гконона наси^лнич^а^л блу^дны^м^л наси^лство^м в са^дне^м про^{хо}д^о* (РГАДА, ф. 1141, оп. 1, д. 22, л. 94).

Относительно функционально-стилистического своеобразия подобных конструкций, а также в контексте использования КПЗГ и слов-соответствий интересное, на наш взгляд, замечание находим в работе Н. Г. Самойловой, посвященной анализу данных частной переписки. Исследовательница предполагает, что в русском языке к XVII столетию складывается развитая система фразеологических единиц, «которая охватывает все стороны духовной жизни народа» и может быть разделена на три типа фразеологизмов: «народно-разговорного, официально-делового и книжного стилей речи»¹⁰ [Самойлова 1969: 13]. Думается, что книжные с функциональной точки зрения словосочетания с глаголом *(со)творить* использовались для называния преступлений сексуального характера, а именно мужеложства и изнасилования, причем как против женщины, так и против животного, которые,

⁶ См. (14).

⁷ См. (24).

⁸ См. *чинить насильство* (5), (6), *сотворить насильство* (23).

⁹ См. *(со)творить грех* (21), (22).

¹⁰ Несомненно, использование термина «стиль речи» для периода до XVII в. является исторически необоснованным, однако в данном высказывании, несмотря на терминологическую погрешность, более ценной представляется суть, касающаяся классификации фразеологизмов.

скорее всего, упоминались в книжных текстах религиозного содержания (безусловно, как грешные); соответственно, они извлекались из языкового сознания писца, знакомого с подобными текстами, в виде идиоматических оборотов и использовались в письмах и документах юридического характера. С другой стороны, мы видим плеонастический оборот *насилъничать (блудным) насильством*: словосочетание *блудное насильство* было устойчивым в древнерусском языке [Словарь XI–XVII, Вып. 10: 248]. На наш взгляд, такое семантически избыточное словоупотребление обнаруживает параллели с народно-разговорными и фольклорными сочетаниями (ср.: *долго сказка сказывается, да не скоро дело делается; трубы трубят в Новеграде* из «Слова о полку Игореве»; пример из делового документа *бранью бранит*. Примечательно то, что в [Словарь XVIII, Вып. 2: 126] этот оборот относится к числу обладающих свободной устойчивой сочетаемостью, что подтверждается многочисленными примерами использования его в текстах деловых документов).

Как видно, в языке деловых документов XVII в. в качестве полужнаменательных глаголов используются *чинить, учинить*, менее активно — *творить* и *сотворить*. Однако нами также зафиксированы, помимо вышеуказанных, непродуктивные для деловой письменности конструкции со связочными глаголами, схожими в плане смыслового содержания с рассматриваемыми конструкциями. Речь идет о следующих глаголах:

— становиться (1):

(27) *и о^м тово де в ка^знь великихъ гдре' становя^мца недоборы»* (1687) (РГАДА, ф. 1105, оп. 1, д. 5, л. 28);

— стать (1):

(28) *и они ба^ргузинские ту^нгусы о том скучают^м, что и^м с одной сторо^{ны} великое утеснение стало* (1680) (РГАДА, ф. 1105, оп. 1., д. 2, л. 11 об.).

Основанием для того, чтобы установить соответствие между данными связочными и рассматриваемыми нами полужнаменательными глаголами, послужило наличие семантически сходных с ними глагольно-именных оборотов с глаголом (у)чинить(ся):

1) со словом *недобор*:

(29) *в Кучицко^м остроге в гдрвом ясачно^м зборе на ннышине' на 1678 и на про^шлыј годъ учини^тся недобо^р немалоі* (1678) (РГАДА, ф. 1142, оп. 1, д. 13, л. 62);

(30) *и о^м то^оо ваше^ю оплошко^ю ј нераденье^м учинитца в ясачно^м зборе недобо^р...* (1680) (РГАДА, ф. 1105, оп. 1, д. 2, л. 57);

2. со словом *теснота*:

(31) *ясашны^м инозе^мца^м тьсноты і оби^о не чинить»* (1689) (ГАРБ, ф. 262, оп. 1, д. 1, л. 20 об.).

Конструкции с существительным *утеснение* в текстах конца XVII в. не фиксируются, но имеется близкий по лексическому составу контекст. На данном этапе нашего исследования первое словоупотребление конструкции с существительным *утеснение* датируется 1716 годом:

- (32) *о^м чего **чинить** помянуто^{му} Селенгинскому Троицко^{му} мнстру обиду и напрасное **утеснение*** (ГАРБ, ф. 262, оп. 1, д. 1, л. 67 об.).

В приведенных примерах (29) и (30) актуализируется проблема связи переходного глагола *чинить* (*учинить*) и возвратного непереходного глагола *чиниться* (*учиниться*). Полузнаменательные глаголы в пассивном залоге функционально сближаются со связочными. Кажется, что связочные глаголы шире используются в бытийном значении — с целью обозначения факта существования того или иного предмета, признака или действия, в то время как полузнаменательные глаголы в действительном залоге способствуют выражению семантики действия, или процессуальности. Принципиальное различие между ними — в переходности/непереходности: полузнаменательные глаголы являются переходными (разумеется, в действительном залоге), а связочные глаголы — непереходные. В случае же использования глагола *учинить* в страдательном залоге (*недобор учинился*) он, соответственно, становится непереходным и начинает выполнять функцию связочного глагола, обозначая совершение какого-либо действия или ситуации (недобора) в прошлом как факт, случившийся до момента создания текста, номинируя имевшее место действие (или состояние), которое названо грамматическим субъектом.

Таким образом, в исследованных нами текстах конца XVII — начала XVIII в. в качестве полузнаменательных глаголов обнаружены только анализируемые выше *чинить*, *учинить*, *творить* и *сотворить*. Конструкции с глаголами *чинить* и *учинить* в двусоставных предложениях чаще всего используются в пассивном залоге (ср.: *приставникам учинена будет смертная казнь*; *у них учинилась драка*). Активный залог встречается в придаточных предложениях (ср.: *чтоб люди не учинили дурна*; *а буди он хитрость и поруху учинит*). Так же часто они используются в односоставных инфинитивных предложениях с модальным значением приказа — *ему наказание учинить*. Реже — в неопределенно-личных предложениях: *учинят вам жестокое наказание*; в безличных — *конным и пешим порухи не учинилось*; в роли инфинитива в составном глагольном сказуемом — *велел чинить оборону*.

Несмотря на немногочисленность глаголов, думается, данные документов конца XVII в. позволяют утверждать, что тенденция к аналитическому способу выражения смысла, свойственная деловой письменности, наметилась уже в это время. В XVIII в. она начинает расти и охватывает большее число глаголов и отглагольных существительных, сочетающихся с полузнаменательными глаголами. Вероятно, такое обилие данных словосочета-

ний в деловой письменности связано и с принципом стандартизации делового письма, который заключается в перенесении языковых шаблонов и трафаретов, устоявшихся способов выражения из одних текстов в другие. В этой связи представляется перспективным дальнейшее изучение конструкций с полужнаменательными глаголами на материале памятников деловой письменности XVIII в.

Литература и источники

Апресян 1995 — Ю. Д. А п р е с я н. Избранные труды. Т. I. Лексическая семантика. Синонимические средства языка. М., 1995.

Апресян 2004 — Ю. Д. А п р е с я н. О семантической непустоте и мотивированности глагольных лексических функций // Вопросы языкознания. 2004. № 4. С. 3–18.

Виноградов 1982 — В. В. В и н о г р а д о в. Очерки по истории русского литературного языка XVII–XIX веков. М., 1982.

Всеволодова, Кузьменкова 2003 — М. В. В с е в о л о д о в а, В. А. К у з ь м е н к о в а. Описательные предикаты как фрагмент русской синтаксической системы // Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология. 2003. № 5. С. 7–29.

ГАРБ — Государственный архив Республики Бурятия: ф. 88, оп. 1 — Управление Верхнеудинской комендатуры; ф. 262, оп. 1 — Селенгинский Троицкий монастырь.

Живов 1996 — В. М. Ж и в о в. Язык и культура в России XVIII века. М., 1996.

Золотова 1982 — Г. А. З о л о т о в а. Коммуникативные аспекты русского синтаксиса. М., 1982.

Копыленко, Попова 1972 — М. М. К о п ы л е н к о, З. Д. П о п о в а. Очерки по общей фразеологии: Учебное пособие по спецкурсу для филологов. Воронеж, 1972.

Кортава 1999 — Т. В. К о р т а в а. Московский приказный язык XVII века как особый тип письменного языка: Дис. ... док. филол. наук. М., 1999.

Костючук 1963 — Л. Я. К о с т ь о ч у к. К вопросу об устойчивых словосочетаниях в языке деловой письменности XI–XIV вв. // Ученые записки ЛГПИ им. А.И. Герцена. 1963. Т. 248. С. 273–285.

Костючук 1964 — Л. Я. К о с т ь о ч у к. Устойчивые словосочетания в древнерусском деловом языке (по грамотам XI–XIV вв.): (Структурно-грамматическая характеристика): Автореф. ... дис. канд. филол. наук. Л., 1964.

Лагузова 2003 — Е. Н. Л а г у з о в а. Описательный глагольно-именной оборот как единица номинации: Автореф. ... дис. док. Филол. Наук. М., 2003.

Майоров 2006 — А. П. М а й о р о в. Очерки лексики региональной деловой письменности XVIII века. М., 2006.

Майоров: Словарь 2011 — А. П. М а й о р о в. Словарь русского языка XVIII века: Восточная Сибирь. Забайкалье. М., 2011.

Меженина 2015 — Т. Н. М е ж е н и н а. Деловая письменность Троицкого Селенгинского монастыря первой половины XVIII века. СПб., 2015.

ПЗДП — Памятники забайкальской деловой письменности XVIII века / Под ред. А. П. Майорова. Улан-Удэ, 2005.

РГАДА — Российский государственный архив древних актов: ф. 1105, оп. 1 — Баргузинская приказная изба; ф. 1142, оп. 1 — Нерчинская приказная изба.

Русская грамматика 2005 — Русская грамматика: научные труды. Т. II. Синтаксис / Е. А. Брызгунова, К. В. Габучан и др. М., 2005.

Самойлова 1967 — Н. Г. С а м о й л о в а. Устойчивые словосочетания с глаголом *чинить* (*учинить*) в древнерусском языке (на материале частной переписки XVII — начала XVIII вв.) // Ученые записки МОПИ им. Н. К. Крупской. 1967. 204. Вып. 14. С. 55–62.

Самойлова 1969 — Н. Г. С а м о й л о в а. Устойчивые словосочетания в частной переписке XVII — начала XVIII вв. (К вопросу о формировании устойчивых словосочетаний): Автореф. ... дис. канд. филол. наук. М., 1969.

Сказки — А. А. П р е о б р а ж е н с к и й, Е. И. З а о з е р с к а я. «Сказки» торговых людей о торгах и промыслах: 1704 г. М., 1984.

Словарь XI–XVII — Словарь русского языка XI–XVII веков. Вып. 1 (А—Б). М., 1975; Вып. 4 (Г—Д). М., 1977; Вып. 5 (Е — Зинутие). М., 1978; Вып. 10 (Н — Натися). М., 1983; Вып. 12 (О — Опарный). М., 1987; Вып. 17 (Помаранець — Потшати). М., 1991; Вып. 18 (Потка — Преначальный). М., 1992.

Словарь XVIII — Словарь русского языка XVIII века. Вып. 2 (Безпристрастный — Вейэр). Л., 1985; Вып. 7 (Древо — Залежь). СПб., 1992; Вып. 13 (Молдавский — Напрокудить). СПб., 2003; Вып. 16 (Обломить — Онца). СПб., 2006.

Тарабасова 1964 — Н. И. Т а р а б а с о в а. О некоторых особенностях языка деловой письменности // Источниковедение и история русского языка. М., 1964. С. 157–172.

Филипова 1968 — В. М. Ф и л и п п о в а. Развитие глагольной фразеологии в русском литературном языке XVIII в. // Русская литературная речь в XVIII веке. Фразеологизмы. Неологизмы. Каламбуры. М., 1968. С. 3–160.

Резюме

В статье рассматриваются аналитические конструкции, состоящие из полужнаменательного глагола и абстрактного существительного, равнозначные глаголу в лексико-семантическом отношении, использующиеся в деловых документах конца XVII в. Затрагивается актуальный вопрос об интерпретации глагольно-именных конструкций подобной структуры в современной лингвистике, в том числе обсуждается полнота термина «семантическое расщепление сказуемого». Рассмотрены лексико-семантические и синтаксические особенности глаголов, употребляющихся в деловом языке в роли полужнаменательных, и существительных, сочетающихся с ними. Автор полагает, что тенденция к активному использованию данных конструкций в деловом языке, развивавшаяся на протяжении XVIII в., переломного для русского языка периода, наметилась еще в конце XVII столетия. В качестве иллюстративного материала привлекаются тексты памятников забайкальской деловой письменности конца XVII в.

Ключевые слова: деловой язык XVII в., глагольно-именная конструкция, полужнаменательный глагол, семантическое расщепление сказуемого, забайкальская деловая письменность, активный и пассивный залог

Получено 20.10.2017

EVGENIY E. BAZAROV

**ON VERB-NOUN CONSTRUCTIONS WITH A DELEXICALIZED VERB
IN TRANSBAIKAL BUSINESS DOCUMENTS OF THE LATE 17TH CENTURY**

The article deals with analytical constructions consisting of a delexicalized verb and an abstract noun, semantically equivalent to a verb, in business documents of the late 17th century. The currently much-discussed question of interpretation of such constructions is touched upon, in particular the completeness of the term "semantic cleavage of the predicate" is disputed. Lexico-semantic and syntactic features of verbs and nouns used in constructions of this type are considered. The author argues that a tendency to extensive use of similar structures in the business language, which developed during the 18th century (a turning period for the Russian language), had emerged already at the end of the 17th century. This point is illustrated by Transbaikalian business documents from that chronological period.

Keywords: business language of the 17th century, verbal-nominal construction, delexicalized verb, semantic cleavage of the predicate, Transbaikal business documents, transitive/intransitive verb, active and passive voice.

Received on 20.10.2017

ПОЛЕМИКА

Н. Б. МЕЧКОВСКАЯ

БЕЛОРУССКАЯ «ТРАСЯНКА» КАК ЯБЛОКО РАЗДОРА И КАК ОСЕЛОК МЕТОДА¹

В первом номере журнала «Русский язык в научном освещении» за 2017 г. напечатана статья профессора университета в Ольденбурге (Германия) Герда Хентшеля «Одиннадцать вопросов и ответов по поводу белорусской “трасянки”». Статья представляет собой одну из итоговых публикаций по исследовательскому проекту «Трасянка в Беларуси: “смешанный идиом” как результат белорусско-русского языкового контакта. Языковая структура, механизмы социологической идентификации и социоэкономические аспекты языка», который выполнялся в университете Ольденбурга под руководством Г. Хентшеля и социолога Б. Киттеля при поддержке фонда «Фольксваген». Первые публикации в рамках проекта датированы 2006 г.; к настоящему времени библиография работ Г. Хентшеля (иногда с соавторами) насчитывает более 50 позиций.

Впервые проведено массовое количественное обследование смешанной белорусско-русской речи более 100 человек. На основе записей речи жителей 7 белорусских городов был сформирован корпус высказываний объемом в 210 тыс. словоупотреблений (для сравнения: объем романа «Война и мир» — около 500 тыс. словоупотреблений). Исследование конкурирующих белорусских или русских языковых единиц проводилось по отдельным подсистемам на разных уровнях языковой структуры. Впервые проведено социолингвистическое интервьюирование около 1400 человек, говорящих на трасянке.

Для белорусских лингвистов Ольденбургский проект может служить образцом и школой современной методологии. Скажу больше: лингвистическое качество и авторитет работ Г. Хентшеля, прибавляя вес, актуальность и привлекательность самим знаниям о белорусском языке, выводят лингвистическую белорусистику на международный уровень.

¹ *Трасянка*, народное обозначение смешанной белорусско-русской речи (метафорический дериват от крестьянского обозначения смеси сена с соломой для корма скота), здесь употребляется совершенно безоценочно и потому далее без кавычек.

В итоговой статье Г. Хентшеля и в ряде его предшествующих публикаций сформулирован ряд вопросов, по которым имеются расхождения между немецкими и некоторыми белорусскими исследователями трасянки (сам Г. Хентшель называет в этой связи Г. А. Цыхуна и автора этих строк). Полемика представителей разных исследовательских традиций естественна, однако важно, чтобы она была корректной. Добросовестная полемика предполагает аккуратное представление позиции оппонента, надежнее всего — путем цитирования. К моему сожалению, полемизируя с моими работами о трасянке, автор не приводит ни одной цитаты и, за исключением двух случаев, не указывает даже страниц, на которых написано то, с чем он спорит. В следующих ниже заметках я хотела бы изложить суть наших разногласий и обосновать свою точку зрения эмпирическими данными.

1. Чем трасянка отличается от переходных говоров белорусско-русского пограничья?

Г. Хентшель, ставя вопрос о том, есть ли у трасянки узус, и отвечая на него положительно и при этом споря с моим пониманием трасянки, пишет:

В белорусской лингвистике преобладает мнение о том, что трасянка «несистемна», т. е. в ее основе не лежит система, так как она не имеет узуса. Наиболее четко это мнение сформулировано Н. Мечковской (ср. [Мечковская 1994: 313; 2000: 108]). С ее точки зрения, появление белорусских или русских вариантов непредсказуемо, спонтанно и хаотично, или, иными словами, распределение вариантов всех переменных, различающихся в белорусском и русском языках, нестабильно. С этим мнением согласен и Г. Цыхун [Cychun 2014] (с. 223).

Вот что в 1994 г. я писала об узусе в трасянке: «Своеобразие трасянки в том, что в ней (в отличие от диалекта) отсутствует речевой узус. Трасянку составляют множество стихийно и в разной степени русифицированных индивидуальных вариантов белорусской речи» [Мечковская 1994б: 313]. Слов о том, что «появление белорусских или русских вариантов непредсказуемо, спонтанно и хаотично», ни в цитированной статье, ни в других моих публикациях нет. Напротив, численное преобладание в речи сельских жителей белорусских черт в фонетике, морфологии, в служебных и местоименных словах вполне предсказуемо, поэтому когда я исследовала количественное соотношение белорусских и русских дифференцирующих черт в речи четырех пожилых белорусских крестьянок, я обратилась не к их произношению и грамматике, но к лексике, причем к составу именно знаменательных частей речи (результаты см. ниже).

В переходных говорах² на пограничье близкородственных языков речевой узус имеется, и диалектолог может перечислить черты, составляющие

² «Переходные говоры» — это тоже «смешанная речь». Напомню название одной из публичных лекций Бодуэна де Куртенэ: «О смешанном характере всех язы-

узус данного переходного говора. Однако в говоре с признаками трясянки в разговоре двух соседок легко заметить разные и, следовательно, неузуальные для говора русизмы; сама насыщенность речи русизмами разная. Пропорции белорусских и русских черт различны и широко колеблются в пределах даже одной деревни. Иначе говоря, узуса в соотношении белорусских и русских языковых явлений в трясянке нет.

В подтверждение сказанного приведу результаты моего количественного анализа лексики четырех диалектных текстов, записанных в двух далеких друг от друга регионах Беларуси: 1) на востоке, в 7 км от России — в Горецком районе Могилевской области; 2) на белорусско-польско-литовском пограничье: Браславский район Витебской области; в период между войнами Браславщина входила в состав Польши³.

В названных текстах были выделены те знаменательные белорусские и русские слова, которые являются частью лексики, дифференцирующей два языка. У дифференцирующих слов разные корни или аффиксы либо имеются морфологические различия. Удельный вес дифференцирующих аллолекс (словоупотреблений) знаменательных лексем в рассмотренных четырех текстах составил 58, 43, 17 и 24 процента (порядок перечисления соответствует последовательности строк в Таблице 1, см. ниже), иначе говоря, в трех из рассмотренных текстов бóльшая часть знаменательных слов лексически совпадает с их русскими соответствиями; в первом тексте, напротив, больше дифференцирующих лексем. Затем были отмечены все случаи выбора (в каждом тексте) дифференцирующей белорусской или русской словоформы. Лексические повторы и словоформы одной лексем суммировались. Ниже в качестве иллюстрации приводится один из четырех текстов (самый краткий в целях экономии места). После текста следует систематизация лексического материала в табличной записи.

Антаніна В., 1922 г.р., полька, римско-католического вероисповедания, Браславский р-н.: — *Ну, я беларускага вапічэ ня панімаю. У мяне на кварціры <...> Седча жыла. Ёйны муж канчаў у Мінску ўжо курсы на ўрача. Ён прыяжджаў, памагаў нам. Ну дык, я вапічэ; ён па-беларуску як начнець гаварыць, я ж... Такі мужчына харошы, падумаць — врач, а гаварыць. <...> Мы не прывыклі да яго. Наш язык, я ж вам, дзеці, гавару... там і рускае, і беларускае, і нашае самадумане слова. Гэтак мы прывыкшы. <...> Не, не. Гэта я толькі ягонай жонцы гаварыла. Гэткі харошы мужчына, а мужчына на красівы. Ой, ну чаго ён па-беларуску стаў гаварыць? І гэта, яго жонка, тожа смяялася. Гаворыць: «Ну какой гэта беларускі язык. Паеду ў Мінск,*

ков» (1901). Языковой контакт и смешение языков — это способ их существования и главный фактор языковых изменений.

³ Магнитофонные записи сделаны в 2004 г. к. ф. н. Е. А. Казанцевой. Выражаю ей признательность за возможность использовать эти записи в настоящей работе. Записи из браславских деревень опубликованы как иллюстративный материал в исследовании [Казанцева 2005] о национально-языковой самоидентификации жителей Браславщины.

— гаварыць, — я стыдаюся гаварыць. Стыджуся — Ну, ужо раз па-руску, а я паслухаю, гэта арцісты якія гавараць. І па-польску нравіцца, бо я хадзіла ў школу...» [Казанцава 2005, 213].

В Таблице 2. представлены итоговые цифры по записям речи четырех информантов⁴.

Судя по приведенным данным, ареальный фактор влияет на сохранность белорусской лексики: в северо-западном ареале русифицированность несколько ниже. Польское и католическое самоопределение одной из информанток не сказалось на большей сохранности ее белорусской речи (по сравнению с речью православной белоруски). Степень лексической русифицированности крестьянской белорусской речи высока, но при этом в идиолектах она разная. Таково одно из подтверждений того, что в трасянке нет узуального соотношения белорусских и русских слов.

В Заключении к статье 2013 г. Г. Хентшель приходит к близкому выводу, подтверждая ту характеристику трасянки, которая была высказана в белорусском языкознании более 20 лет назад [Мечковская 1994а: 108; 1994б: 313; Цыхун 1998; 2000]. Вот этот вывод:

Предложенное выше описание правил распределения белорусских, русских (и общих) эквивалентных единиц на разных структурных уровнях ясно указывает на то, что не существует одного гомогенного смешанного белорусско-русского идиома как относительно стабильного смешанного кода, используемого по всей Белоруссии [Хентшель 2013: 69].

Замечу, однако, что Г. Хентшель иначе (чем принято в системных исследованиях), более абстрактно и опосредованно, понимает системность в субстандартных идиомах в аспекте вариантных реализаций переменных: системность состоит в наличии устойчивых моделей в распределении частотности имеющихся вариантов (с. 224). Однако возникает вопрос, насколько модели распределения частотности вариантов в десятках (или сотнях?) переменных релевантны для осознанного или хотя бы для неосознанного выбора того или иного варианта носителями идиома? Ведь если модели не уловлены языковым сознанием говорящих, то «квант» языковой узуальности не образуется. Может ли сходному (у нескольких говорящих) выбору вариантов помочь «частотная интуиция» (или «внутренний счетчик» частотности языковых единиц, существование которого в сознании говорящих постулировала психолингвистика еще 1960-х гг.) — пока неизвестно. Подавляющее большинство церебральных познавательных процессов, происходящих в сознании обычного человека, недоступно его саморефлексии.

⁴ Все обследованные тексты напечатаны в [Мечковская 2007; Ме́чkovskaja 2014]. Отмечу, что противопоставление знаменательных и служебных слов (к которым отнесены также и местоимения) в настоящей публикации проведено более строго, поэтому итоговые цифры в данной статье изменились, однако последовательность четырех текстов, выстроенная по убыванию в них русизмов, сохранилась.

Таблица 1

**Выбор между белорусским или русским знаменательным словом
в речи Антаніны В**

№	Белорусско-русские соответствия, представленные в своих языках разными лексемами	В речи информанта представлена аллолекса	
		белорусской лексемы	русской лексемы
1	наогул — вообще		вапшчэ (2 раза)
2	разумею — понимаю		панімаю
3	кватэра — квартира		кварціра
4	ўжо — уже	ўжо (2 раза)	
5	дапамагаў — помогал		памагаў
6	пачнець — начнет		начнець
7	прыгожы — красивый		красівы
8	мова — язык		язык (2 раза)
9	жонка — жена	жонка (2 раза)	
10	сарамлюся — стыжусь		стыджуся, стыдаюся (2)
11	паслухаю — послушаю	паслухаю	
12	спадабаецца — нравится		нравіцца
	17 (100 %)	5 (29 %)	12 (71 %)

Таблица 2

**Процентное соотношение выбора
белорусских или русских знаменательных слов в речи четырех информантов**

	Информанты	Количество случаев выбора между блр. и рус. аллолексой	Процент выбора аллолексы	
			бело-русской	русской
1	Людміла Ф., 1924 г.р., белоруска, православная, образование начальное, Горецкий р-н	58 (100 %)	17 %	83 %
2	Ніна К., 1926 г.р., белоруска, православная, образование начальное, Горецкий р-н	43 (100 %)	26 %	74 %
3	Антаніна В., 1922 г.р., полька, римско-католич. исповедания, образование начальное, Бра-славский р-н	17 (100 %)	29 %	71 %
4	Галіна Д., 1932 г.р., белоруска, православная, образование начальное, Браславский р-н	24 (100 %)	42 %	58 %

Признавая, что «нет однородного смешанного белорусско-русского идиома», Хентшель предупреждает, что этот вывод «может быть неправильно истолкован как подтверждение позиции минских ученых. (...) Они правы, но тривиальным образом» [Там же: 70]. Правомерен вопрос: почему надлежит отказываться от выводов, которые для профессионального лингвиста достаточно очевидны и эмпирически подтверждены, в пользу по сути тех же результатов, но полученных неочевидным образом на основе трудоемких и потому несистематических подсчетов? Не исключено, руководителя проекта здесь привлекает сама сложность и трудоемкость метода. Только как быть с «бритвой Оккама»? (См. ниже, раздел 5.)

Для исследователя трасянки рассмотренные выше четыре текста — это самый простой случай, потому что различия между четырьмя крестьянскими идиолектами минимальны: у них белорусская фонетика и грамматика и предельно русифицированная лексика. В силу возраста информантов, уровня образования, образа жизни, речь этих женщин в разных ситуациях (дома, в гостях, в магазине, на приеме у врача) варьируется незначительно, хотя при этом они в той или иной мере чувствуют различия между своей речью и речью соседки-учительницы, а также той белорусской речью, которую слышат по радио и, реже, по телевизору. Рассмотренная разновидность трасянки не приближает к ответу на главный вопрос в исследовании смешанной речи: где проходит внешняя граница между трасянкой и нетрасянкой и если смешанная белорусско-русская речь неоднородна по пропорциям в ней белорусского и русского элементов, то какие разновидности внутри трасянки удастся различить?

2. Почему невозможно перечислить языковые приметы трасянки, кроме главной: это смешанная белорусско-русская речь?

Как известно, русский язык в Беларуси развил ряд отличий от русского языка на его основной территории. В целом эти отличия обусловлены белорусско-русским двуязычием и влиянием белорусского на русскую речь жителей Беларуси. Значит ли это, что в Беларуси, как писал Джим Дингли, не знают как следует ни белорусского, ни русского (*neither language is known properly*)? [Dingley 1989: 186]. Вот три трудных случая.

2.1. Трасянка шутки ради. Говоря о тенденции к регионализации норм русского языка в новых государствах СНГ, применительно к белорусской ситуации я отмечала (в ряду других) такую особенность: иное материально-языковое наполнение разговорной речи. В Беларуси в неофициальном (обиходном) общении на русском языке отсутствует русская просторечная лексика. Если в русских городах подчеркнутая раскованность речи, языковая игра, форсированная простецкая экспрессия связаны с обращением к просторечию, то в белорусском варианте русского языка в близких случаях звучат бело-

русские слова и обороты или слова, общие для двух языков, но в белорусской фонетико-морфологической оболочке: *Усё; Другім разам; Амаль што; Яшчэ крыху; А каб на цябе; Як той казаў; З нагоды нагоды; Во пачвара!, Ну и поскудзь!* и т. п. [Мечковская 2005: 62; Мячкоўская 2008: 189]. Называть ли игровое употребление белорусских оборотов трясянкой? По логике вещей, если не считать это слово обидным, это тоже трясянка, почему нет?

2.2. Трясянка «для образованных». Обсуждая вопрос о корреляции между говорением на трясянке и уровнем образования человека, Г. Хентшель в 11-й сноске замечает: «В некоторых своих публикациях Н. Мечковская [Мечковская 1994: 315] вскользь упоминает “трясянку для образованных”, однако не приводит никаких подробностей» (с. 216). Приведу некоторые подробности из статьи в «Russian Linguistics», на которую ссылается Г. Хентшель, добавив несколько более поздних примеров.

«Трясянкой для образованных» в статье [Мечковская 1994a] названы тексты, написанные на двух языках сразу, что было распространено в печатных СМИ в 1990-х гг., встречалось еще в середине 2000-х, однако не характерно для СМИ текущего десятилетия. В одной газетной статье, в одном абзаце автор вполне сознательно помещал рядом белорусские и русские сегменты текста — слова, словосочетания, высказывания — и, конечно, без перевода. Мотивы таких переключений или вкраплений бывали различными.

В национально-политических дискуссиях чаще всего это было разновидностью насмешки над теми, кто использует альтернативный язык⁵. В газетной полемике у приверженцев «беларушчыны» тургеневские эпитеты *великий и могучий* по отношению к русскому языку стали его клишированным ироническим обозначением. Встречались целиком макаронические тексты, в которых абзацы на белорусском и русском чередовались, при этом внутри любого пассажа могли быть вставки на альтернативном языке. Таков, в частности, памфлет Зянона Пазьняка на белорусском языке, но с русским заголовком «Письма товарищей» («Народная газета», 1993, 28.12), с выдержками из публикаций оппонентов на разных языках, с полемическими комментариями также на разных языках и пародийно-гротесковыми ответами в основном на русском, но и с пассажами на белорусском. Острие насмешки, впрочем, направлено не столько на «русскость» оппонентов, сколько на их «советскость».

⁵ Ср.: 1) *Пацешна чытаць, напрыклад, у праекце статута СНД, што ў дачыненні да дзяржавы, якая парушыць статут, «могут прымяняцца меры»; 2) Тэарэтыку, які разважае у напрамку «так історычна сложилося», трэба ўсвядоміць: гісторыя пішыцца людзьмі і па сацыяльным заказе. Ср. примеры со встречным «вектором»: в статье на русском языке белорусское слово используется для насмешки над белорусскоязычным оппонентом: 1) *Госпадин Шушкевич сразу же достиг згоды* [блр. *згода* ‘согласие’]; 2) *Разговора со спадарамі опять не вышло* [блр. *спадар* ‘господин’].*

Реже и преимущественно в статьях на белорусском языке русские вставки представляли собой крылатое слово, идиому, реминисценцию, паремию, аллюзию, хрестоматийную цитату, иногда с игровой деформацией — для вящей экспрессии и оживления речи. Ср. несколько примеров из «писательского» еженедельника «Літаратура і мастацтва»: *Як чалавек разумео: кожнаму трэба жыць, кожнаму трэба «детишкам на молочышко»* (1993); *Такім людзям «несть числа»* (1993); *часам нейкае, скажам па-руску, «ёрничаньне»* (1993); *«Уж сколько раз твердили миру» аб тым, каб нейкім чынам наблізіць заробкі бюджэтнікаў хоць бы да сярэдніх заробкаў работнікаў прамысловасці, ды, на жаль, «суждены нам благіе порывы»* (2000); *Школы па-ранейшаму някуць «ліпавых» медалістаў. Няіначай, меў рацыю класік: «Ну как не порадець родному человеку?»* (2000); из еженедельника «Культура»: *Рэалізаваць гэткае «громадье планов» — задача няпростая* (2005); *На траіх яны «сообразили» лёгкаю, вясёлюю камедыю пра любоўны трохвугольнік* (2005) и т. п.

Понятно, что приведенные факты смешения средств двух языков принадлежат речи достаточно образованных людей, которые знают оба языка и обладают хорошей метаязыковой рефлексией. Всё это отнюдь не просторечие. Вместе с тем случаи, когда пишущий по-белорусски журналист «украшает» свой слог расхожими русскими клише, сходны с «настоящей» трасянкой: как белорусской крестьянке не хватает белорусских слов, давно вытесненных из ее сознания, и она употребляет их русские соответствия, так и журналисту не хватает красок и экспрессии на белорусском языке и он цитирует русское «красное словцо». В русской публичной речи в Беларуси реминисценции из белорусских прецедентных текстов встречаются на порядок реже (см. [Чумак 1997]).

Впрочем, иногда появление русского слова в публичной речи на белорусском связано с дефицитом белорусских слов не у оратора, но у его слушателей, и он вставляет в свою речь русское слово или оборот «превентивно», с метаязыковой целью — чувствуя, что употребленное белорусское слово непонятно слушателям. Например, говоря в Верховном Совете об организации белорусской таможни, выступавший по-белорусски депутат, употребив блр. *мытня*, посчитал нужным пояснить коллегам: *рускай мовай — таможня* (1993); другой депутат, сказав *утрыманскія адносiны*, сразу пояснил: *ці па-руску кажучы, іждивенческие отношения*. Актриса театра Янки Купалы во время гастролей в белорусском райцентре (играя в сатирической пьесе Ник. Матуковского «Мудрамер», в которой сюжет был связан с изобретением аппарата для «измерения мудрости»), вынужденно, видя, что зрители не могут понять завязки действия, просто заменяла в первых репликах пьесы блр. *вынайшоў, вынаходца, вынаходства* русскими соответствиями (*изобрел, изобретатель, изобретение*).

2.3. Трасянка по минимуму. В Беларуси есть немало людей с высшим образованием, в том числе гуманитарным, в русской речи которых в той

или иной мере сохраняется белорусский акцент: фрикативное [ɣ], или/и твердые [ч] и [шч], или всегда твердое [Р] (**р**умка, **р**укзак). Мера присутствия этих черт разная: у кого-то спорадически, у кого-то — дома, у кого-то всегда; у одного — только [ɣ] фрикативное, а другого — еще и твердое [Р] или полугласный [ў]: [даўно́] и т. д. Если в русской речи конкретного жителя Беларуси нет лексических и грамматических белорусизмов, но есть фонетические белорусские черты (или одна черта), то должен ли лингвист считать такую речь трасянкой? Где провести ту грань, за которой «белорусский акцент» становится «трасянкой» (при совершенно безоценочном употреблении термина «трасянка», что вполне естественно для лингвиста)? По-моему, это два термина для одного интерферентного явления (хотя понятно, что связь термина «акцент» с акцентологией всё же мешает его расширительному применению). Другой вопрос, что степень присутствия «белорусского акцента», как и степень русского влияния на белорусскую речь, может быть разной. В реальности это континуум, — что называется, «от нескольких капель воды в вине до нескольких капель вина в воде», с неисчислимым множеством переходных случаев.

2.4. Загадка украинской лингвогеографии. Похожие трудности стоят и перед исследователями суржика — смешанной украинско-русской речи. Вопрос о границах суржика, как и трасянки, начинается с вопросов и ответов применительно к отдельному человеку и затем к репрезентативной (для того или иного ареала) группе людей. Но как решить, говорит ли человек на суржике/трасянке или на «(почти) чистом» языке? Как отличить русскую речь с «украинским акцентом» от суржика? Как отличить украинскую речь с «русским акцентом» от суржика? Как измерить силу акцента? Сколько фактов интерференции русского языка в речи на братском языке в единицу времени надо зарегистрировать, чтобы констатировать, что человек говорит на суржике? Считать ли, что факты интерференции, относящиеся к разным уровням языка — к фонетике, грамматике и лексике, — обладают **равной** значимостью для определения силы интерференции? А если значимость не равна, тогда какой коэффициент при их суммарной количественной оценке ввести? Ответы на эти вопросы пока неизвестны. Однако в 2003 г. в Киевском международном институте социологии на основе опросов была создана карта распространности суржика в Украине (рис. 1). Карта доступна в интернете, в том числе в Википедии, в статье «Суржик» (дата обращения: 05.12.2017).

Рис. 1

Думаю, что карта киевских социологов отражает в какой-то мере степень двуязычности Украины. В левобережной и центральной Украине дву-

язычие распространено шире, поэтому и смешанная речь здесь слышна чаще, чем в регионах в большей мере одноязычных — в украиноязычных западных областях и русскоязычных восточных и южных областях.

Однако, несмотря на нерешенность вопроса о лингвистических границах трасянки, в свое время я всё же попыталась построить в предварительном порядке социолингвистическую типологию белорусских идиолектов.

3. Белорусская, русская и смешанная коммуникация: онтогенез и социолингвистическая типология идиолектов

Г. Хентшель упрекает меня в том, что я считаю «вообще невозможным эмпирическое изучение вариантов трасянки» (хотя я всего лишь сомневаюсь, что в трасянке есть узואальное соотношение белорусских и русских черт, см. раздел 1), и одновременно в «нелогичности» того, что я всё же исследую варианты трасянки (с. 226).

В силу проблематичности границы между трасянкой и не-трасянкой (см. раздел 2) понятие «варианты трасянки» — это во многом исследовательский конструкт. По логике вещей понятие «варианты трасянки» должно вписываться в более широкое представление о континууме белорусских, русских и смешанных идиолектов в Беларуси (при том что несмешанных идиомов, как сказано, не бывает).

3.1. Континуум белорусских, русских и смешанных идиолектов в Беларуси. Наблюдаемая в Беларуси речь различна по ряду социопсихолингвистических и структурно-языковых черт: а) по родному (материнскому) языку говорящего; б) по тому, на каком языке (белорусском или русском) идет общение в данной конкретной ситуации; в) по тому, какой язык преобладает в жизни этого человека; г) по удельному весу непроизвольных (интерферентных, «ошибочных») русизмов в наблюдаемой белорусской речи или белорусизмов в русской речи. Учет названных признаков позволяет различить семь разновидностей речи (устной и письменной).

1) Белорусская литературная речь людей с белорусским литературным языком в качестве родного и основного. Люди с таким языковым постоянством — это потомственная белорусская интеллигенция, профессионально связанная с белорусским языком: учителя и преподаватели белорусской филологии и истории, писатели, журналисты, в редких, но известных случаях — представители естественных наук. В такой речи лексические русизмы или отсутствуют, или их процент мал. Ср. запись устной, но официальной речи профессионального белорусиста: *Да* [вместо *Так*], *у слоўніку ёсць назвы для ўсіх магчымых з'яў і сабыццў* [вместо *падзей*]. Обычно эти люди вполне владеют и русским литературным языком.

2) Белорусская речь, главным образом нормативная, письменная и устная, людей с родным и основным русским литературным языком. Содержит зна-

чительно бoльший процент лексических русизмов, чем речь, представленная под цифрой 1; спорадически встречаются также грамматические русизмы. В большинстве случаев русизмы появляются спонтанно. Примеры: *Так інця-рэсна, увлекацельна* (вместо *Гэдак цікава, захапляльна*); *паздраўляем* (вместо *вінішум*); *падзякаваць вас* (вместо *падзякаваць вам*), *два яблыка* (вместо *два яблыкі*). Встречаются явления гиперкорректности: *гуляць на скрытцы* (вместо *іграць на скрытцы*), *без граматыцы* (вместо *без граматыкі*) и т. п.

3) Белорусская речь людей с родным и основным диалектным белорусским языком. Содержит значительно бoльший процент лексических русизмов, чем речь, представленная под цифрой 2. Благодаря белорусскому материнскому субстрату фонетика и грамматика практически свободны от русизмов.

4) Русская литературная речь людей с литературным русским языком в качестве родного и основного. Если речь, представленная под цифрой 1, максимально белорусская, то речь данной разновидности — максимально русская. Белорусизмы немногочисленны и принадлежат дальней периферии индивидуального лексикона: *кошык* (вместо *корзина*), *сажалка* (вместо *пруд*); возможно сознательное обращение к белорусской лексике и фразеологии в экспрессивно-игровых целях. Если представители первой группы (потомственная белорусская интеллигенция), как правило, двуязычны, то носители литературного русского языка в Беларуси часто владеют белорусским только пассивно.

5) Русская, в основном нормативная, речь людей с родным белорусским (литературным или диалектным) и преобладающим русским языком. В такой речи белорусизмы представлены в существенно разной мере: от спорадического фрикативного [ʏ] до всегда твердых [ч], [шч], [р], полугласного [ў], яканья [смяляся]; в грамматике: *пришел со школы, смялся с Пети, старше за Петю*, при этом относительно редки лексические белорусизмы: *каўнер* ‘воротник’, *китцюры* ‘когти’, *налить [в тарелку] с берегами* ‘до краёв’ и др. Встречаются явления гиперкорректности: *перерыв* (вместо *перерыв*), *буряки* (вместо *бураки*).

6) Русская речь людей с русским субстандартным языком, включая трасянку, в качестве родного и основного. Содержит значительно бoльший процент белорусизмов, преимущественно фонетических и грамматических (по сравнению с разновидностью речи, представленной под цифрой 5). Интерференция не контролируется.

7) Русско-белорусская речь людей с белорусским диалектным языком в качестве родного и основного. На всех языковых уровнях процент спонтанных русизмов максимально высок.

3.2. Вертикальный (нормативный и социальный) аспект в параболе белорусско-русских идиолектов. Выделенные семь разновидностей белорусской и русской речи (в Беларуси) образуют два континуума классов идиолектов, представленные на рис. 2 двумя ветвями параболической кривой: на левой ветви континуум белорусских идиолектов (классы 1–3), на правой — континуум русских идиолектов (классы 4–6). Чем ниже

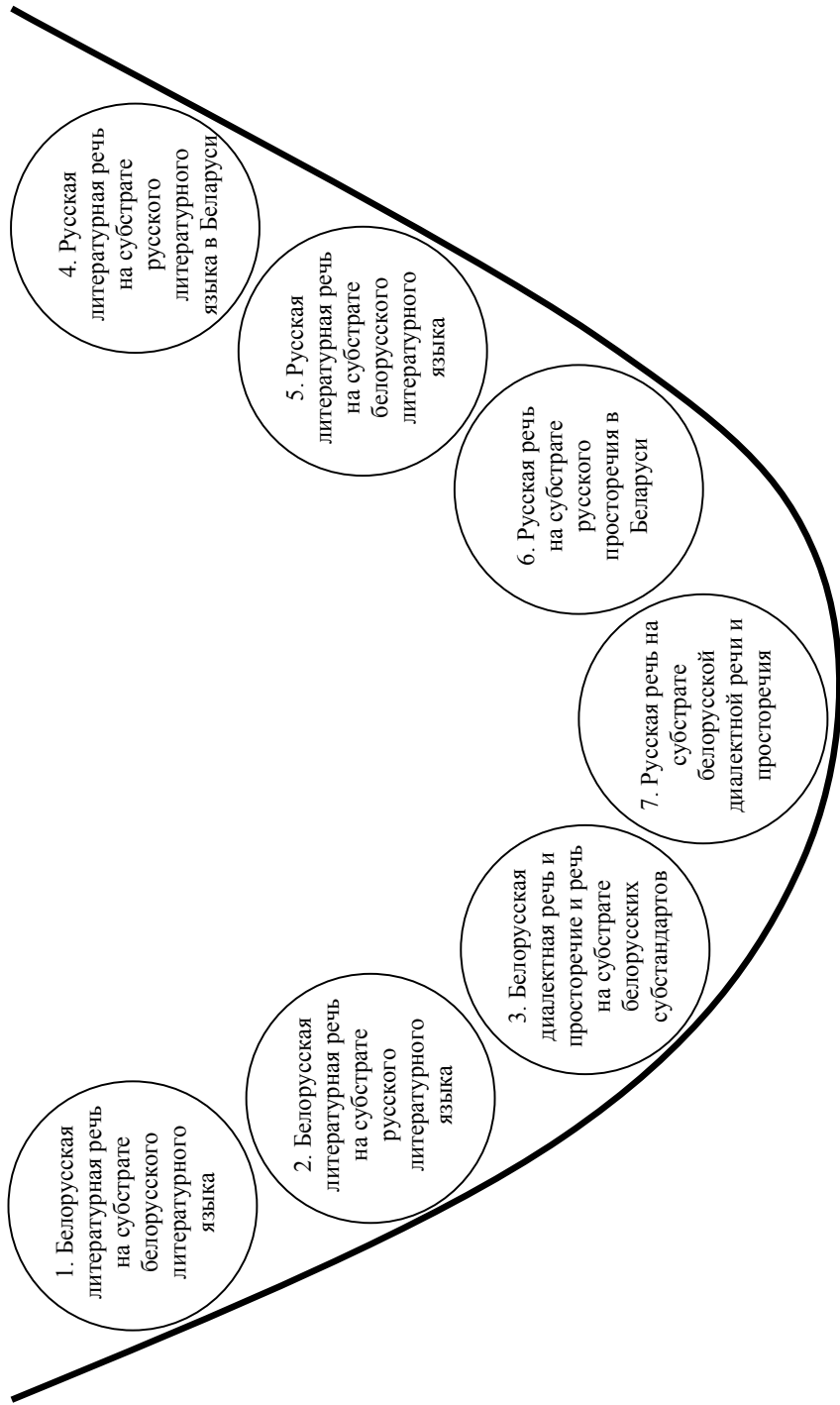

Рис. 2

(при взгляде по вертикали) расположен тот или иной класс, тем сильнее в речи (на таких идиолектах) сказывается влияние конкурирующего языка, иначе говоря, тем в большей мере такие идиолекты носят смешанный характер. Парабола позволяет видеть, что по мере движения взгляда по вертикали от некоторой точки на ветви к более низкой точке языковые расстояния сокращаются, поскольку интерферентное влияние братского языка становится более сильным. В результате совокупная масса различий между белорусскими и русскими идиолектами одного уровня (т. е. симметрично расположенными на белорусской и русской ветвях) уменьшается. Сильнее всего различаются те белорусские и русские идиолекты, которые сложились на основе литературных языков; минимальные различия характерны для субстандартных идиолектов. В фокус параболы (под цифрой 7) помещен класс идиолектов, для которых можно постулировать максимальное смешение белорусской и русской языковых стихий, в основном по модели пиджинов (русская лексика в белорусском фонетико-грамматическом оформлении). Диалектологические записи, результаты анализа которых представлены в разделе 1, иллюстрируют именно этот класс идиолектов.

В 2006 г., когда я в первый раз построила параболу идиолектов, я предложила называть трясянкой только 7-й класс идиолектов, находящийся в фокусе параболы: это речь людей с неполным средним образованием, которые используют лишь один язык [Мечковская 2007: 55]. При этом, кроме одноязычия, назывались и еще некоторые лингвистические приметы трясянки: это речь в основном устная, для нее не характерны явления гиперкорректности и языковой игры. Однако теперь я вижу, в глубине параболы лежит вертикальная оппозиция нормативной и ненормативной речи и противопоставление групп говорящих по социально-образовательным признакам, т. е. подход, не специфичный именно для трясянки. Кроме того, терминологическая условность не решила бы сущностный вопрос о границах трясянки: если договориться называть трясянкой только нижний страт параболы (или два нижних страта), то это не будет демаркацией между трясянкой и «чистыми» идиолектами, потому что «чистых» идиолектов в стране с близкородственным двуязычием не бывает. Большая или меньшая степень интерференции (русской или белорусской) присутствует во всех идиолектах.

3.3. Факторы, определяющие соотношение белорусских и русских черт в идиолекте жителя Беларуси. Языковые биографии в Беларуси существенно различны в зависимости от того, стал ли родной язык человека (материнский, онтогенетически первый) основным языком его взрослой жизни. У значительной, но численно не определяемой части взрослого населения современной Беларуси первым языком жизни были или белорусские говоры, в разной степени русифицированные (т. е. трясянка), или литературный белорусский язык. Впоследствии у большинства этих людей основным языком стал русский с большими или меньшими

субстратными белорусскими чертами. В языковой биографии тех жителей Беларуси, у которых первым языком был и (у младших поколений) является русский, смена языков не происходила: их родной язык становился также и основным языком в их дальнейшей жизни. (Замечу, что процент людей с такой языковой биографией среди населения страны растет.)

В связи с указанными обстоятельствами иерархия факторов, определяющих в идиолекте жителя Беларуси соотношение белорусских и русских черт, видится такой: 1) язык (белорусский или русский), на котором человек учился в школе и после школы; существенно, конечно, и продолжительность образования; 2) язык (белорусский или русский) детства человека; 3) живет ли человек в городе или деревне; 4) этническая самоидентификация человека; 5) культурно-историческое и диалектное своеобразие ареала, в котором живет человек.

В условиях белорусско-русского близкородственного и функционально несбалансированного двуязычия русский язык школы вытесняет речь матери и дошкольного детства легко, хотя и не полностью. Когда этот след материнского языка в русской речи, ставшей для человека основной, более заметен? Иначе говоря, когда белорусский акцент бóльший, а когда меньший? Констатируя решающую роль фактора образования (школьного и профессионального) в языковой биографии человека, важно видеть весомость личностных и психологических установок. Покажу это на примере двух русских идиолектов на белорусском субстрате (5-й класс правой ветви параболы).

(1) В Минске на химическом факультете университета лет 20 повторяли речевые шаржи на одного профессора (1930 г.р.): *Курыць не куру, а румку водки хрпану* (т. е. всегда твердое [р]); *Учыцца вы не учылись...* (т. е. твердое [ч]). Иначе говоря, человек с материнским белорусским языком, поступив в Минске на русскоязычный химфак и продолжая здесь работать, сохранил эти яркие белорусизмы.

(2) Среди магнитофонных записей Е. А. Казанцевой, сделанных на Могилевщине, есть кассета с речью местного уроженца, Сергея Леонидовича К., до пенсии работавшего учителем математики и физики, 1936 г.р., белоруса, из крестьян. После начальной школы в родной деревне и семилетки в соседней деревне С. Л. четыре года учился в Кричевском педагогическом техникуме (также в Могилевской области), после которого в 1955 г. в 19 лет стал работать директором сельской начальной школы. После службы в армии в Минске учительствовал в Горечком районе; заочно закончил три курса Могилевского педагогического института. Речь С. Л. лексически русская на 99,9 % (два белорусских слова на час звучания: *трохі, кожны*). Фонетические белорусизмы возникают в речи информанта редко и только в словах, связанных с бытом, в воспоминаниях о детстве: чаще всего это фрикативный [ɣ] и [ʝ] на месте [в] перед согласным; реже твердые [ч] и [шч]. Грамматические белорусизмы также редки и нерегулярны: *был старастам группы; с колхоза [вместо из колхоза]; у яго*. Сам информант ука-

зывает, что его родной язык — белорусский, он может говорить по-белорусски, но «давно уже на нем не говорил»; «дома мы говорим по-русски», «думаем мы по-русски», «разговаривать по-русски мне даже легче».

Рассказ С. Л. о прожитой жизни, в том числе сам строй его речи, говорят о том, что это человек со значительными художественными и актерскими задатками, с хорошими коммуникативными способностями. Он вспоминает, как в педтехникуме участвовал в художественной самодеятельности, как ставили спектакли, причем играть на сцене он любил. О коммуникабельности С. Л. говорит также то, что и в школе, и в педучилище он был секретарем комсомольской организации. В армии он был запевалой. Вспоминая один эпизод из армейской жизни, С. Л. воспроизвел команду сержанта: «Климчинский! Запевай!», и затем 70-летний пенсионер так легко, точно и чисто пропел начало солдатской песни, что вполне очевидны стали его чуткость к речи и актерская переимчивость. Поэтому, если он хотел научиться говорить по-русски чисто, то и научился. Между тем у университетского химика, по-видимому, была просто другая психология. Возможно, он и не чувствовал эти «тонкости» (вроде различия между твердым и мягким [р]) или для него это было неважно.

Что касается фактора национальной самоидентификации человека, то результаты диалектологических исследований в белорусско-польском и белорусско-русском пограничье, включая социолингвистические опросы, не позволяют сделать вывод о большей сохранности белорусского языка у тех, кто называет себя белорусом/белоруской [Smułkova 2000; 2002; Engelking 2005; Казанцава 2005; Сучун 2014]. Однако в масштабах всей Беларуси, по данным двух постсоветских переписей населения (1999 и 2010 гг.), имеется положительная корреляция между национальностью и тем, во-первых, какой язык человек считает родным и, во-вторых, какой язык он назвал в качестве языка домашнего общения. Впрочем, во второй переписи процент белорусов, которые назвали белорусский язык родным и языком домашнего общения, существенно уменьшился (подробно см. [Мечковская 2011; Mieczkowska 2012]).

4. Какая стабилизация ждет тряснюку?

В заключительном разделе своей статьи (11-й вопрос: «Какую роль может играть тряснюка/БРСР [белорусско-русская смешанная речь. — Н. М.] в поддержке или возрождении белорусского языка?») Г. Хентшель, солидаризируясь с председателем «Товарищества белоруской мовы» историком Олегом Трусовым, видит полезность тряснюки в том, что она способна «помочь молодым людям перестать стесняться белорусского языка, побороть шизогlossию (ощущение неполноценности своего родного языка)

и ее последствия» (с. 241)⁶. Хентшель в еще более гипотетической модальности видит значимость трасянки в том, «что, если дело дойдет до всеобъемлющего возрождения белорусского языка, следы БРСР будут встречаться у подавляющего большинства населения» (с. 242). Бесспорно.

Упрек Г. Хентшеля в мой адрес в данном случае состоит в том, что «Н. Мечковская утверждает, что БРСР не разовьется в “новый” общий язык всех белорусов, поскольку соотношение белорусских и русских (в широком смысле) черт, т. е. уровень русифицированности, очень разнятся» (с. 240–241), в том числе и **от соседа к соседу**, добавлю я.

В 1-м разделе я приводила запись речи пожилой крестьянки из браславской деревни. Эта женщина говорит только на трасянке. Однако многие ее соседи говорят то на трасянке (дома или в другой неофициальной обстановке), то по-русски (с малознакомыми людьми или в более официальном общении; фактически, это тоже трасянка, но контролируемая стремлением говорить по-русски и потому с меньшей белорусской интерференцией, чем домашняя речь). Другие односельчане, например, учителя, на уроках говорят (или стараются говорить) еще и по-белорусски, хотя в учительской — по-разному, в том числе и на трасянке. Поэтому даже в одной деревне трасянка разная, в ней не складывается узус — пусть неофициальная, но некоторая общая норма смешанной речи, хотя бы в отдельно взятой деревне. Вот почему трасянка не станет «новым белорусским языком».

Психолингвистические истоки трасянки, как и суржика, — это межъязыковая интерференция в условиях близкородственного двуязычия. Картина того, как два языка взаимодействуют и сосуществуют в сознании человека, всегда индивидуальна. В наше время суржик и трасянка воспринимаются как речь малообразованных «простых» людей, но это заблуждение. На самом деле в двуязычном социуме интерференции подвержен каждый человек в той мере, в какой он потребляет информацию на неродном или неосновном (для себя) языке. Трасянке и суржику никто не учился, чужой

⁶ В конце 1990-х гг. О. Трусов не был одинок в своих надеждах на трасянку и в положительных ее оценках. Многие люди, преимущественно артистических профессий, воспринимали трасянку как игровой и эстетический феномен (Севярын Квяткоўскі, Сяргей Міхалок, Міхал Анемпадыстаў и др.), как «национальный бренд», как путь к «настоящему» белорусскому языку. Примерно в начале века в белорусской публицистике трасянка перестала быть «яблоком раздора»; споры утихли, и мало кто помнит черные метафоры ненавистников трасянки: *жудасная трасянка, моўны ублюдак, моўнае вычварэнне, моўная жвачка, моўная хімера, вырадак, ублюдак, уродство, чудовищная смесь языков* и т. п. Впрочем, само слово *трасянка* по-прежнему популярно в дискуссиях о языке (которые также поутихли, но время от времени вспыхивают на интернет-форумах); слово *трасянка* стало основным бранным ярлыком русско-белорусского метаязыка. Оно в ходу у приверженцев полярных точек зрения и определяет всё буквенно-языковое, что оценивается отрицательно (см. [Мячкоўская 2012]).

язык внедрялся в материнский незаметно, помимо воли человека. В наши дни значимость информации на чужом языке, насыщенность информационных каналов важной и при этом чужезычной информацией многократно усилили процессы интерференции (т. е. смешения языков). Не всякий человек может выдержать интерферентный напор влиятельного языка и «блюсти чистоту» того языка, на котором он говорит: усилий воли и языкового контроля иногда недостаточно⁷.

У трасянки, как и суржика, длительная история, и это позволяет заглянуть в их завтрашний день. После того, как при Богдане Хмельницком левобережная Украина с Киевом вошла в состав Московского государства (после Переяславской рады 1654 г.), а белорусские земли после разделов Речи Посполитой (1772–1795) оказались в составе Российской империи, украинский и белорусский языки стихийно и постепенно, но неостановимо русифицировались. Языковая русификация начиналась в речи тех украинцев и белорусов, кто был ближе к власти, — чиновников из «местных», учителей, поместных дворян, мещан. Вскоре карикатурное изображение смешанной речи попало в комические оперы и водевили, однако постепенно, по мере открытия реальных училищ и гимназий, в Украине также лицеев и университетов, а для простого народа — церковноприходских школ, городских училищ и учительских семинарий, украинцы и белорусы из образованных и/или зажиточных сословий усваивали русский язык в той мере, в какой это требовалось по службе, а простой народ привыкал к языку власти.

В условиях Российской империи, в силу ближайшего родства восточнославянских языков, происходила постепенная «капиллярная» инфильтрация элементов русского языка в речь городского, а затем и сельского населения; в результате народная речь украинцев и белорусов исподволь («естественно», «народно», «снизу») превращалась в суржик и трасянку. Обычно речь крестьян и простого городского люда (т. е. диалектная речь и

⁷ В украинском сегменте интернета в годы президентства В. Ющенко в одной заметке сообщалось, что президент Украины говорит на суржике, хотя известно, что украинский язык для Виктора Ющенко родной и дома он говорит по-украински; к тому же владеет английским и обладает большим опытом общения на разных языках. И тем не менее: «Народ вдруг обнаружил, что сам Виктор Андреевич говорит на суржике — этакой просторечной смеси русского и “мовы Кобзаря”. Эксперты подсчитали: во время одного из прямых телеобщений со студентами глава украинского государства допустил около сотни ошибок. Речь Виктора Андреевича изобилвала далекими от украинского литературного языка словосочетаниями, такими как: “шо формувать”, “слидуючий рик”, “цими етажами”, “с самых высоких кабинетов” и т. п.» [Заметка П. Анохина «Песня на суржике» // <http://www.trud.ru/issue/article.php?id=200606271140303> (дата обращения: 03.03.2018)]. Русские слова и обороты в украинской речи Ющенко (разумеется, произвольные, «нечаянные») вызваны потреблением больших объемов информации (печатной и звучащей с экрана) на русском языке.

городское просторечие) — это источники народной, подлинно этнической речи, не затронутой школой и канцелярией. В случае с трасянкой и суржи-ком это не так: народ говорит на диалектах или просторечии, этничность которых нарушена. Нивелирование диалектов (обычное в XIX–XX вв. для разных ареалов) в Беларуси и Украине шло под воздействием не «своего» наддиалектного (литературного) языка, но «чужого» — русского.

В Беларуси национальное движение, в том числе создание литературного языка, было не в силах противостоять имперской и советской политике денационализации и русификации народной речи. Развитие литературного белорусского языка пошло в направлении, противоположном расширению трасянки: если народная речь стихийно сближалась с русским языком, то литературный белорусский язык, само его формирование (в годы либерализации национальной политики царизма после революции 1905 г.) и языковое строительство в годы государственной белорусизации (1920-е гг.) представляют собой сознательную, «рукотворную» дивергенцию по отношению к русскому и отчасти польскому языкам. Естественные стратегии сохранения и укрепления национальной самостоятельности языка — «абеларушванне»⁸ неологизмов и заимствований (в десятилетие советской белорусизации), стремление приверженцев «беларушчыны» 1990-х гг. усилить непохожесть белорусского языка на русский — выросли из убеждения, что несчастливая судьба языков бывает обусловлена их чрезмерной материальной близостью к родственному и соседнему экспансионистскому языку⁹.

Если открыть первые белорусские газеты и журналы, хрестоматии для детей, стихи и пьесы, «Кароткую гісторыю Беларусі» Вацлава Ластовского (1910), публикации дневников и частных писем, то бросается в глаза, что всюду белорусский тех лет был значительно **ближе** к русскому, чем современный белорусский. Почти в каждой публикации «Нашай Нівы», особенно на экономико-политические темы, встречаются слова, которые сейчас зовут «русизмами» (т. е. ошибками в белорусском языке). В скором времени — в 1920-е гг. — эти слова были заменены лексемами, отличающимися от своих русских соответствий. Вот несколько примеров из многих десятков (последующие замены даны в скобках): *аграньнічэньні* (*абмежаванні*), *атказываецца* (*адмаўляецца*), *атчоты* (*справаздачы*), *аўгуст*

⁸ Программный термин «Інстытута Беларускае Культуры» (1922–1928).

⁹ В связи с этим можно указать на близость чешского и словацкого языков в качестве негативного фактора в судьбе словацкого языка. Языки настолько близки, что, как заметил Реджинальд де Брей, если бы в основу чешского языка были положены восточные (моравские) диалекты, переходные по отношению к диалектам словацким, то, возможно, не было бы необходимости создавать отдельный словацкий литературный язык («had the eastern (Moravian) dialects, which show a transition stage to Slovak, been chosen, it might not have been necessary to create a separate Slovak literary language») [Bray 1969: 438].

(жнівень), вучыцель (настаўнік), гасударства (дзяржава), дзела (справа), дзержыцца (трымаецца), дзешавей (танней), должникаць (пасада), закрыты (зачынены), зберэгацельнае таварыства (ашчаднае), настайшычы (сапраўдны), пагода (надвор'е) и т. п.

Неоправданные (по более позднему языковому чувству) полонизмы встречаются в белорусских текстах 1906–1915 гг. реже, чем русизмы, однако их тоже много. Ср. несколько примеров полонизмов и позднее проведенных замен: дырэкцыя выдаліла (*wydalić* ‘уволить’) — звольніла; высілкі (*wysilek* ‘усилие, напряжение’) — намаганні; як выславіўся лектар (*wysłowić* ‘высказать, выразить’) — як выразіўся лектар; звальчым нядолю (*zwalczyć* ‘побороть, преодолеть, победить’) — пераможам, асілім, здужым; штукарская школа, штукарка (от *sztuka* ‘искусство’) — мастацкая школа, актрыса и т. п.

Новый подъем белорусского национального движения, связанный с распадом СССР и образованием Республики Беларусь, стал новым этапом целенаправленной, однако на этот раз негосударственной дивергенции литературного белорусского языка по отношению к русскому. В первой половине 1990-х гг. новые лексические замены успели прижиться в СМИ (впрочем, чаще как факультативные параллели): адсотак (и прежнее працэнт), асобнік (и экзэмпляр), вернік (веруючы), вучэльня (вучылішча), выбітны (выдатны), выстава (выстаўка), выступоўца (выступаючы), наклад (тыраж), імпрэза (прадстаўленне), складнік (кампанент), чыннік (фактар) и др.

Репрессивное свертывание белорусизации в конце 1920-х гг. оказалось точкой невозврата к возрождению белорусского языка. Однако это стало видно только в конце XX в., когда в суверенной Беларуси у большинства белорусов — и граждан Беларуси и этнических белорусов (80% населения) — уже не доставало патриотической воли и сил, чтобы сделать белорусский основным языком страны. Видя нарастающее взаимное отчуждение двух белорусских идиомов (литературного языка и трасянки), трудно сказать, чей путь и вектор горше: путь презираемой квазинародной речи, которая всё более теряет этническую определенность, или, с другой стороны, — путь литературного языка, который всё сильнее отдалается от повседневного общения народа, становясь всё более элитарным и престижным во всё более узких кругах.

В деле сохранения белорусского языка и белорусскоязычной культуры роль литературного варианта общенародного языка, который преподается в школе, опирается на умные книги и авторитетные словари, — эта сберегающая роль реальна и значительна. Что касается трасянки, то конечный пункт «естественной» эволюции смешанной речи — это не «новый белорусский», но русский язык с постепенно слабеющим «белорусским акцентом» (в широком смысле слова). В Украине некоторые авторы приходят к

аналогичным выводам относительно судьбы суржика. Так, исследовательница современной языковой ситуации в Украине профессор-социолингвист Киево-Могилянской академии Лариса Масенко и видный общественный деятель, профессор-физик Максим Стриха¹⁰ согласны в том, что суржик — это «промежуточный подъязык, который является переходным этапом в ассимиляционном процессе вытеснения украинского языка русским» [Масенко 2004: 114].

Сосредоточенный на смешанной белорусско-русской речи, Г. Хентшель, как это нередко бывает с увлеченным исследователем, склонен преувеличивать значимость своего предмета. Он видит в трасянке новый белорусский язык, более жизнеспособный, чем белорусский язык в целом. Однако невозможность провести границу между трасянкой и не-трасянкой (о чем я не раз здесь уже говорила) делает сравнение или противопоставление названных идиомов невозможным. По этой же причине мне кажется сомнительной часть социолингвистических результатов Ольденбургского проекта. Приведу одну таблицу из статьи [Хентшель, Киттель 2011: 69]:

Таблица 3

Основной язык общения в зависимости от образования, %

Язык	О б р а з о в а н и е			
	неполное среднее	среднее	среднее специальное	высшее
Белорусский	2,33	5,69	4,22	3,39
Русский	48,84	47,16	50,12	73,56
Смешанный	48,84	47,16	45,67	23,05

Думаю, в том опросе, по данным которого построена эта и другие таблицы со строкой «Смешанный язык», был некорректный момент: интервьюеры объясняли респондентам, что такое «смешанный язык». Если бы не было вопроса и строки о «смешанном языке», то большинство информантов выбрали бы только между двумя лингвонимами — *белорусский* или *русский*, хотя практически в Беларуси большинство людей осознают в той или иной мере отличия своей речи от того, что слышат по радио и телевидению¹¹.

¹⁰ Кроме того, писатель и публицист; в течение ряда лет и в настоящее время — заместитель министра просвещения и науки в правительстве Украины.

¹¹ Ср. оценки своей речи Галиной Д. (1932 г.р., белоруска, православная, начальное образование, Браславский р-н; записано Е. А. Казанцевой): *Ну дык стыдна ж было б гэтак во гаварыць на сваёй мове, як мы гаворым. Затое што ён (язык) невыразны, нячысты. Кап чыста беларускі — я чую, вы гаворыця па-беларуску. А мы гаворым? Не саўсём* [Казанцава 2005: 209].

5. Ольденбургский подход: метод интересней результата

Г. Хентшель и его коллеги провели первое массовое количественное обследование смешанной белорусско-русской речи, используя методы современной лингвистики, возможности лабораторной (коллективной и распланированной на несколько лет) работы, а также новейшую аппаратуру. В ольденбургском исследовании особенно впечатляют беспрецедентные в белорусском языкознании методичность и тщательность лингвистического анализа огромного массива языковых данных. Немногие классические белорусские стихи анализировались так подробно и скрупулезно.

Поразительны тонкость и детальность наблюдений Г. Хентшеля и его коллег. Некоторые модели смешанной речи стали для меня открытием, — например смешение сегментов разных морфов в гибридном новом морфе: блр. *гэты*-ы (корневой морф с протезой) vs. рус. *этот* (без протезы) и гибридное *эт-ы*. В интерпретации наблюдаемых различий учитываются все возможные факторы, вплоть до маловероятных.

В этой связи показательно объяснение разной судьбы в трясянке двух протез: с одной стороны, высокая сохранность фрикативного [ɣ] в местоимении *гэты* и его дериватах: 94 % из 11 000 случаев, а с другой — слабая сохранность протетического [v] (*вуліца* и др.): только 12 %. Напоминая о церковнославянских ассоциациях с фрикативным [ɣ], автор принимает во внимание разную стилистическую маркированность двух протез даже в русской речи: «Произношение [ɣ] по меньшей мере не несет негативных коннотаций. (...) Напротив, протетический согласный [v] в русском, за исключением нескольких закрепленных в норме случаев, считается признаком деревенской речи» [Хентшель 2013: 59]. Однако такой фактор трудно доказать, он слишком неуловим. По-моему, высокая частотность местоимений в сравнении с частотностью неместоименных слов и типичность протез в белорусских местоимениях (*ён, яна, яны* и т. п.) в достаточной мере объясняют разную встречаемость двух протез. Характерно, однако, само стремление Г. Хентшеля к полноте и детализации знания.

Подход Г. Хентшеля напоминает мне взгляд на изучаемое явление через микроскоп [Мячкоўская 2013]. Используя микроскоп, исследователь вынужден сужать свой предмет (чтобы поместить его на предметном стекле под окуляром микроскопа, продолжу я сравнение), но тут же, имея дело с увеличенным изображением, исследователь в своем сознании укрупняет предмет, делает его более автономным, обособленным от смежных. Вот почему ольденбуржцы называют трясянку *языком* и видят в ней будущее белорусского языка. Методично препарированный объект наблюдения заслоняет более широкую реальность.

Отмечу два частных решения Г. Хентшеля, которые, как мне кажется, вызваны не только погруженностью автора в свой предмет, но и тем, что для Г. Хентшеля выдержанность метода (в данном случае учет различий в частотности конкурентов) важнее реальности.

(1) В соответствии с принятой автором процедурой разделения конкурентов, употребление респондентом слова *бацька* (а не *отец*) квалифицируется как выбор белорусского конкурента, хотя континуанты индоевропейской праформы, представленные в лексеме *бацька*, и ее дериваты активны во всех восточнославянских языках. Ср. в сказке Пушкина: *Что, бацька, так рано поднялся?* Точнее было бы считать эту лексему общей (не дифференцирующей белорусский и русский языки).

(2) Согласно процедуре, просторечную частицу *дык* Хентшель относит к «специфически белорусским» словам» [Хентшель 2013: 68, 69], хотя реально она (в разной огласовке) известна не только белорусскому, но также и русским и украинским диалектам и просторечию [Навга́нек 1980: 180]¹².

Могут ли результаты лингвистического исследования, полученные с соблюдением заранее выработанных процедур отбора и систематизации языковых фактов, быть не в ладах с наблюдаемой реальностью и здравым смыслом? В физике, астрономии, в исследовании биологических микромиров открытие непосредственно ненаблюдаемых явлений и связей — обычное дело. Иначе в гуманитарном знании: если обобщенные классы языковых фактов или статистические обследования речевых массивов, рассмотренные в аспекте присущих им элементарных единиц анализа, не соотносятся с метаязыковым сознанием говорящих и не могут быть «переведены» в представления здравого смысла (например, школьного учителя), то возникает вопрос: не выходит ли такое знание за пределы гуманитарного знания в некоторый иной микро- или макромир? Сходный вопрос возникал у меня при виде того, каким окольным и громоздким путем шел Г. Хентшель к выводам об отсутствии узуса в трасянке и как неочевидны оказались его результаты в сравнении с тем, что подсказывал лингвистам здравый смысл (см. раздел 1). У меня даже возникала мысль, что на самом деле Г. Хентшель исследует не трасянку, а некоторые вероятностные закономерности речевой деятельности — закономерности латентные, неосознаваемые говорящими и релевантные не столько для исследования языковых контактов, сколько для каких-то еще не сформулированных задач нейролингвистики. Не исключено, что в таких абстрактных исследованиях разработка метода и важнее и интереснее результатов.

Завершая Ольденбургский проект, Герд Хентшель приходит к выводу, что трасянка жизнеспособнее белорусского языка. Вывод алогичен, и вот почему. Исследователь так и не выработал операционального определения трасянки. Между тем трасянка — это и есть современный белорусский язык в его субстандартных идиолектах; большинство людей, говорящих по-белорусски, говорят именно на трасянке.

¹² С 1980-х гг. *дык* известно как «фирменное» словечко «Митьков» (группы художников из Санкт-Петербурга); есть шутка из компьютерного фольклора: «митьковский» перевод компьютерного *ОК!*: — *Дык*.

Литература

Казанцава 2005 — А. [Е. А.] К а з а н ц а в а. Аксіялагічныя і сацыяльныя аспекты функцыянавання мовы на этнакультурным памежжы (не матэрыяле браслаўскіх даследаванняў) // Паланістыка. Полоністыка. Polonistyka 2004/2005. Мінск, 2005. С. 189–220.

Масенко 2004 — Л. [Т.] М а с е н к о. Суржик як соціолінгвістычны феномен // Л. М а с е н к о. Мова і суспільство: Посткалоніяльны вимір. Київ, 2004. С. 104–114.

Мечковская 1994а — Н. Б. М е ч к о в с к а я. Социальная лингвистика: Пособие для студентов гуманитарных вузов и учащихся лицеев. М., 1994.

Мечковская 1994б — Н. Б. М е ч к о в с к а я. Языковая ситуация в Беларуси: Этические коллизии двуязычия // Russian Linguistics. Vol. 18. 1994. № 3. С. 299–322. Перепечатано в: [Мечковская 2003: 21–46].

Мечковская 2003 — Н. Б. М е ч к о в с к а я. Белорусский язык: Социолінгвістычныя очеркі (= Specimina philologiae slavicae. Bd. 138). München, 2003.

Мечковская 2005 — Н. Б. М е ч к о в с к а я. Постсоветский русский язык: новые черты в социолінгвістычэскім статусе // Russian Linguistics. Vol. 29. 2005. № 1. С. 49–70. Перепечатано в: [Мячкоўская 2008: 21–46].

Мечковская 2007 — Н. Б. М е ч к о в с к а я. Трасянка в континууме беларуско-руських ідиолектов. Кто и когда говорит на трасянке? // Pogranicza Białorusi w perspektywie interdyscyplinarnej / Red. E. Smułkowa, A. Engelking. Warszawa, 2007. S. 27–57.

Мечковская 2011 — Н. Б. М е ч к о в с к а я. Почему в постсоветской Беларуси всё меньше говорят на белорусском языке? // Неприкосновенный запас [Москва]. 2011. № 6 (80). С. 207–224 (также в интернет-версии журнала: <http://magazines.russ.ru/nz/2011/6/m16.html>).

Мячкоўская 2008 — Н. Б. М я ч к о ў с к а я. Мовы і культура Беларусі. Нарысы. Мінск, 2008. (Серыя «Моваведы Беларусі»).

Мячкоўская 2012 — Н. Б. М я ч к о ў с к а я. Народная лінгвістыка ў беларускім інтэрнэце: метамоўная рэфлексія і моўнае самавызначэнне // Новае слова ў беларусістыцы. Мовазнаўства. Мінск, 2012. С. 260–272.

Мячкоўская 2013 — Н. Б. М я ч к о ў с к а я. У лінгвістычнай лабараторыі прафесара Генчэля: метады і вынікі даследавання трасянке // Веснік БДУ. Сер. IV. Філалогія. Журналістыка. Педагогіка. 2013. № 2. С. 62–69.

Хентшель 2013 — Г. Х е н т ш е л ь. Белорусский, русский и белорусско-русская смешанная речь // Вопросы языкознания. 2013. № 1. С. 54–76.

Хентшель 2017 — Г. Х е н т ш е л ь. Белорусско-русская смешанная речь («трасянка»): 11 вопросов и ответов // Русский язык в научном освещении. 2017. № 1 (33). С. 209–250.

Хентшель, Киттель 2011 — Г. Х е н т ш е л ь, Б. К и т т е л ь. Языковая ситуация в Беларуси: Мнения белорусов о распространенности языков в стране // Социология [Минск]. 2011. № 4. С. 62–78.

Цыхун 1998 — Г. [А.] Ц ы х у н. Трасянка як аб'ект лінгвістычнага даследавання // Беларуская мова ў другой палове XX стагоддзя. Матэр. міжнар. навук. канф. / Пад рэд. Л. І. Сямешка, М. Р. Прыгодзіча. Мінск, 1998. С. 83–89.

Цыхун 2000 — Г. [А.] Ц ы х у н. Крэлізаваны прадукт: Трасянка як аб'ект лінгвістычнага даследавання // АРСНЕ-Скарына. 2000. № 6. С. 51–58.

Чумак 1997 — Л. Н. Ч у м а к. Синтаксис русского и белорусского языков в аспекте культурологии. Минск, 1997.

Bray 1969 — R. G. A. de B r a y. Guide to the Slavonic Languages. London etc., 1969.

Cychun 2014 — H. C y c h u n. Soziolinguistische, soziokulturelle und psychologische Grundlagen gemischten Sprechens // Trasjanka und Suržyk — gemischte weißrussisch-russische und ukrainisch-russische Rede. Sprachlicher Inzest in Weißrussland und der Ukraine? / G. Hentschel, O. Taranenko, S. Zaprudski (Hrsg.). Frankfurt a/M., 2014. S. 163–172.

Dingley 1989 — J. D i n g l e y. Ukrainian and Belorussian — a testing ground // Language Planning in the Soviet Union / Ed. by M. Kirkwood. London, 1989. P. 174–189.

Engelking 2005 — A. E n g e l k i n g. Czy język jest wartością podstawową kultury Białorusinów Białostoczczyzny? // Acta Albaruthenica: Науковы зборнік. Вып. 5. Мінск, 2005. С. 134–140.

Havránek 1980 — Etymologický slovník slovanských jazyků. Slova gramatická a zájmena. Svazek 2: Spojky, částice, zájmena a zájmenná adverbia / B. Havránek (red.). Praha, 1980.

Mečkovskaja 2014 — N. B. M e č k o v s k a j a. Die weißrussische Trasjanka und der ukrainische Suržyk: Quasi-ethnische, russifizierte Substandards in der Geschichte der sprachlichen Situation // Trasjanka und Suržyk — gemischte weißrussisch-russische und ukrainisch-russische Rede. Sprachlicher Inzest in Weißrussland und der Ukraine? / G. Hentschel, O. Taranenko, S. Zaprudski (Hrsg.). Frankfurt a/M., 2014. S. 53–90.

Mieczkowska 2012 — N. M i e c z k o w s k a. Stulecie Białoruskiego odrodzenia Narodowego: główne wydarzenia i trendy w historii samoświadomości językowej i sytuacji językowej na Białorusi // Tożsamości zbiorowe Białorusinów / R. Radzik (red.). Lublin, 2012. S. 105–186.

Smułkova 2000 — E. S m u ł k o w a. Dwujęzyczność po białorusku: bilingwizm, dyglossja, czy coś innego // Język a tożsamość na pograniczu kultur: Prace Katedry Kultury Białoruskiej Uniwersytetu w Białymstoku / Pod red. E. Smułkowej, A. Engelking. Białystok, 2000. S. 90–100.

Smułkova 2002 — E. S m u ł k o w a. Tożsamość a tolerancja na Białorusi // E. S m u ł k o w a. Białoruś i pogranicza: Studia o języku i społeczeństwie. Warszawa, 2002. S. 509–516.

Резюме

Сопоставлены две точки зрения на белорусско-русскую смешанную речь (трасянку): понимание трасянки, выработанное в работах ряда белорусских лингвистов, и концепция трасянки, ставшая основой ее исследования в университете г. Ольденбурга (Германия) под руководством проф. Г. Хентшеля. В статье показано, что в трасянке нет узуального соотношения белорусских и русских черт, поскольку трасянка представляет собой множество в разной степени русифицированных идиолектов; различия между вариантами смешанной речи обусловлены не территориально, но, во-первых, уровнем образования языковой личности и, во-вторых, тем, какой идиом (белорусский диалект, литературный белорусский, трасянка, русский язык, русский субстандарт) был для человека родным (материнским). Общение на трасянке представляет собой психосоциальный языковой механизм индивидуальной трансформации автохтонного языка в близкородственный соседний. В силу отсутствия узуса, трасянка не превратится в «новый белорусский язык».

Ключевые слова: белорусско-русская смешанная речь, трасянка, украинский суржик, диалект, континуум типов диалектов в Беларуси, границы трасянки, разновидности трасянки, узус в трасянке, будущее трасянки.

Получено 11.12.2017

NINA B. MECHKOVSKAYA

**BELARUSIAN «TRASYANKA» AS THE APPLE OF DISCORD
AND AS THE WHETSTONE OF THE METHOD**

Two points of view on the Belarusian-Russian mixed speech (Trasyanka) are compared: the view of Trasyanka elaborated in the 1990s in the works of a number of Belarusian linguists, and the concept of Trasyanka which became the basis for studies of Trasyanka at the University of Oldenburg (Germany) under the leadership of Prof. G. Hentschel. In the article it is shown that there is no average proportion of Belarusian and Russian features in Trasyanka, since Trasyanka is a multitude of idiolects with varying degrees of Russification. Differences between the variants of mixed speech are due, firstly, to educational level of the individual, and secondly, to which idiom (Belarusian dialect, literary Belarusian, Trasyanka, literary Russian language, Russian substandard) was native for the person; thirdly, primarily in the speech of rural residents, an areal factor becomes relevant. A continuum of various types of Belarusian, Russian and mixed idiolects in Belarus is presented. Communication in Trasyanka comprises an intergenerational psychosocial mechanism for transforming an individual's autochthonous language into a genealogically nearest-neighbor one. Due to the absence of a usual (or average) proportion of Belarusian and Russian features, Trasyanka will not become a "new Belarusian language".

Keywords: Belarusian-Russian mixed speech, Trasyanka, Ukrainian Surzhik, idiolect, continuum of idiolect types in Belarus, boundaries of Trasyanka, varieties of Trasyanka, usage norm in Trasyanka, the future of Trasyanka.

Received on 11.12.2017

ИНФОРМАЦИОННО-ХРОНИКАЛЬНЫЕ МАТЕРИАЛЫ

XVI Международная конференция «Ономастика Поволжья» (Ульяновск, 20–23 сентября 2017 г.)*

20–23 сентября 2017 г. на базе Ульяновского государственного педагогического университета им. И. Н. Ульянова (УлГПУ) прошла XVI Международная конференция «Ономастика Поволжья», посвященная 50-летию юбилею первой Поволжской ономастической конференции и памяти ее организатора, выдающегося ономастолога В. А. Никонова. В работе конференции приняло участие более 250 человек (в том числе более ста очных участников) из различных регионов России и зарубежных стран.

На торжественном открытии конференции выступили ректор УлГПУ **Т. В. Девяткина**, председатель постоянно действующего оргкомитета конференции «Ономастика Поволжья» **В. И. Супрун**, председатель оргкомитета конференции «Ономастика Поволжья» в Ульяновске **С. В. Рябушкина**, профессор Ульяновского государственного технического университета **А. А. Дырдин**. Было зачитано приветствие от участника конференций «Ономастика Поволжья», профессора Лейпцигского университета **К. Хенгста**.

На пленарном заседании прозвучали доклады, посвященные общим проблемам ономастики, региональным и национальным ономастическим системам, исторической ономастике. **С. А. Мызников** (Ин-т лингвистических исследо-

ваний РАН / ИЛИ РАН, Санкт-Петербург) и **Я. В. Мызникова** (Санкт-Петербургский гос. ун-т) в докладе «Апеллятивы и топонимы в региональном и общерусском контексте» рассмотрели некоторые топонимы и географические термины Среднего Поволжья, выявив в них славянские, тюркские и финноугорские элементы. **В. М. Калинин** (Донецкий нац. медицинский ун-т им. М. Горького) в докладе «Собственные имена в языке писателя как инструмент изучения ономогенеза и проблема ономографии» обратился к поэтичнoмогенезу и поэтической семантике собственных имен, проанализировав, в частности, использование гидронима *Нева* в творчестве А. С. Пушкина. **В. И. Супрун** (Волгоградский гос. социально-педагогический ун-т / ВГСПУ) в докладе «Топонимические предания и диалектные этимологии: по материалам этнолингвистических экспедиций» рассмотрел народноэтимологические объяснения топонимов как факты национальной культуры, сопоставив их с собственно научной этимологией, а также с лженаучными «кабинетными» этимологиями. Предметом доклада **Ф. Г. Хисамитдиновой** (Ин-т истории, языка и литературы Уфимского НЦ РАН). «Названия духов-покровителей животного мира в башкирской ономастике» стала мифонимическая лексика башкирского языка — как собственные имена мифологических персонажей, так и их элементы. **А. А. Бурыкин** (ИЛИ РАН) в докладе «Волга в “Слове о полку Игореве” и проблема канона этнонимиче-

* Работа выполнена при поддержке гранта Российского научного фонда (проект № 16-18-00068) «Мифология и ритуальное поведение в современном российском городе».

ских умолчаний в древнерусских текстах XII века» выявил игнорирование в ряде произведений древнерусской литературы этнонимов, обозначающих волжских болгар, торков и ясов — народов, представители которых запятали себя участием в известных политических преступлениях (убийство Андрея Боголюбского, ослепление Василька Теребовльского); кроме того, была высказана идея об общем авторстве «Слова о полку Игореве» и «Повести об убиении Андрея Боголюбского». **Н. В. Васильева** (Ин-т языкознания РАН, Москва) выступила с докладом «Прагматический потенциал русской формулы имени», в котором проанализировала особенности представления фамилии-имени-отчества в русской культуре, особенно отметив тенденции последнего времени (например, редукцию отчества). Тема была продолжена докладом **Г. Ф. Ковалёва** (Воронежский гос. ун-т) «Сохраним наше русское отчество!», где редукция отчества рассматривалась как оскорбительное нарушение традиций национального речевого этикета. Предметом доклада **Н. Н. Rogozной** (Иркутский нац. исследовательский гос. технический ун-т) «Лингвистический анализ функционирования русского антропонима в китайском социуме» стали особенности китайской передачи русских имен, подразумевающие как фонетический, так и идеографический аспекты. **В. Л. Васильев** (Новгородский гос. ун-т им. Ярослава Мудрого) в докладе «Прототипические антропонимные названия населённых пунктов (на материале новгородской ойконимии)» проанализировал ряд новгородских ойконимов, образованных от имен, фамилий и прозвищ установленных конкретных лиц, уделив особое внимание вариативности таких ойконимов и ее связи с вариативностью антропонимов.

Секция «Теория и методология ономастических исследований» объединила

доклады, посвященные общей и региональной ономастике. **А. А. Буркин** проанализировал ономастическую информацию, содержащуюся в «Корневом чувашско-русском словаре» Н. И. Золотницкого, изданном в 1875 г. **И. В. Крюкова** (Волгоградский гос. социально-педагогический ун-т) в докладе «Коннотативные имена собственные и их лексикографическое представление: проблемы и перспективы» обратилась к коннотативным онимам, которые в последние десятилетия приобрели переносные оценочные значения и в ряде контекстов утратили ономастический статус (например, *Макдоналдс/Макдональдс*); был представлен проект их лексикографического описания. **А. Г. Шайхулов** (Башкирский гос. ун-т, Уфа) в докладе «Ономастикон циркумуральского языкового союза (методологические аспекты составления идеографического словаря топонимов Урало-Поволжья в Евразийском контексте)» предложил систему описания лексических систем с целью типологического сравнения алтайских и уральских языков на уровне семантических основ. **В. М. Викторин** (Астраханский гос. ун-т) в докладе «Общий топоним — ряд пунктов на картах разных регионов: связь или совпадение (этносоциолингвистический аспект)» проанализировал некоторые механизмы присвоения населенным пунктам названий, омонимичных либо фонетически близких уже существующим. **А. А. Макарова** (Уральский федеральный ун-т им. первого Президента России Б. Н. Ельцина / УрФУ, Екатеринбург) рассмотрела гидронимы бассейна р. Шексны, выявленные Топонимической экспедицией УрФУ, и раскрыла исторически обусловленные связи с топонимией Белозерья и мерянской топонимией. **Е. Р. Николаев** (Ин-т гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН, Якутск) в докладе «Якутские

имена собственные: на пути к возрождению» рассмотрел словообразовательный аспект якутских антропонимов, содержащих оценочную информацию, как отражающих национальную языковую картину мира. **Н. В. Бубнова** (Военная академия войсковой противовоздушной обороны ВС РФ им. Маршала Советского Союза А. М. Василевского / ВА ВПВО ВС РФ, Смоленск) представила данные ассоциативного эксперимента, в котором приняли участие московские и петербургские студенты: реакции респондентов на топоним *Смоленщина* позволили выявить значительный объем историко-культурной информации, содержащейся в ассоциативно-культурном фоне данного топонима. **С. В. Сысоева** (Рязанский гос. ун-т им. С. А. Есенина) в докладе «Ономастическая фразеология в лингвокультурологическом аспекте» рассмотрела использование антропонимов, топонимов, мифонимов и библионимов в паремиях и разного рода фразеологических единицах.

На секции «Общая и поволжская топонимика, микротопонимика, урбанонимика» были представлены доклады, отражающие топонимию Поволжья (в том числе Верхневолжья, Ульяновской области, Самарского Поволжья). **Р. В. Разумов** (Ярославский гос. педагогический ун-т им. К. Д. Ушинского) в докладе «Региональные особенности систем урбанонимов (на примере Ульяновской области)» проанализировал частотность урбанонимов Ульяновской области в сопоставлении с материалом по Центральному федеральному округу. В совместном докладе **И. М. Ганжиной** (Тверской гос. ун-т) и **М. Ю. Черненко** (Прямухинская средняя общеобразовательная школа, с. Прямухино Тверской обл.) была проанализирована микротопонимическая система дворянской усадьбы Бакуниных в с. Прямухино Кувшиновского района, отражающая

восприятие окружающего мира и содержащая информацию о ценностных установках и кругозоре владельцев усадьбы. **А. П. Рассадин** (УлГПУ) и **В. Н. Ильин** (Ульяновское конструкторское бюро приборостроения) обратились к урбанонимам Симбирска/Ульяновска XIX–XX вв., отражающим государственную идеологию. **Е. В. Цветкова** (Костромской гос. ун-т) рассмотрела костромские ойконимы и микротопонимы с корнем *-волг/-волж-*, в том числе уделив внимание предложно-падежным конструкциям, при помощи которых обозначаются локусы (*через Волгу перевоз, у Волги* и т. д.). В двух докладах анализировались топонимы Самарского Поволжья — онимы, включающие наименования земельных участков и поселений, в том числе диалектные (**Т. Е. Баженова**, Самарский гос. социально-педагогический ун-т / СГСПУ), и онимы, восходящие к кочевникам XIV–XVII вв.: ногайцам, башкирам и калмыкам (**Н. В. Беленов**, СГСПУ). **Д. А. Анисимова** (УлГПУ) рассмотрела упоминаемые в древнерусских хождениях поволжские топонимы славянского, тюркского, греческого и финно-угорского происхождения, в том числе их варианты. Доклад **В. Ф. Шевченко** (издательство «Лабиринт», Москва) «Топонимы Поволжья в русском поэтическом фольклоре (на материале региональных записей XIX в.)» был построен на обширном материале архивных собраний; докладчик представил свод вариантов топонимов, упоминающихся в песнях (в частности, бурлацких) Симбирской и Нижегородской губерний, и предложил идентификацию некоторых неясных названий.

Секция «Проблемы антропонимики, этнонимики, зоонимики» объединила доклады на темы, связанные как с ономастическим ядром (антропонимия), так и ономастической периферией. **А. А. Дырдин** (Ульяновский гос. тех-

нический ун-т) в докладе «Этимология имён и фамилий в “Ювенильном море” Андрея Платонова» рассмотрел употребление писателем антропонимов и перифрастических именованных персонажей. **А. К. Шапошников** (Ин-т русского языка им. В. В. Виноградова РАН, Москва) в докладе «Древнерусские сложные имена младшей серии на праславянском фоне: этимологический аспект» проанализировал этимологию ряда архаичных именных основ; была предложена новая этимология для некоторых алломорфов (*жсир/жсьр, мил/мгъл, мир/мгър*). **А. Е. Деникина** (Самарский нац. исследовательский ун-т им. академика С. П. Королева / СНИУ) в докладе «Актуальные тенденции развития современного антропонимикона» на самарском материале выявила наиболее и наименее частотные личные имена новорожденных за 1991, 1995, 2000, 2005, 2010 и 2015 гг., отметила появление новых имен, рассмотрела особенности образования гипокористических форм и отношение носителей к своим именам. **Л. П. Батырева** (Шуйский филиал Ивановского гос. ун-та / ИвГУ) рассмотрела диалектные прозвища, собранные в Шуйском и Палехском районах Ивановской области, особое внимание уделив их мотивации и ее соотношению с данными диалектных словарей. Предметом доклада **А. В. Гузновой** (Нижегородский гос. инженерно-экономический ун-т, г. Княгинино) стали диалектные прозвища Арзамасского района, образованные от слов с религиозной и мифологической семантикой (*Исус, бес, поп, душа, кулузур, ведьма* и т. д.); было уделено внимание соотношению «обидных» и «необидных» прозвищ. Оживленную дискуссию вызвал доклад **М. Н. Сербул** (Шуйский филиал ИвГУ), усмотревшей в именах персонажей из комедии А. С. Грибоедова «Горе от ума» новозаветные коннотации (например, по наблюдению

докладчицы, некоторые реплики и элементы биографии Фамусова трагестрируют фрагменты из посланий тезоименного ему апостола Павла). Доклад **М. В. Ахметовой** (Российская академия народного хозяйства и гос. службы при Президенте РФ, Москва) был посвящен катойконимам, а именно правописанию названий жителей населенных пунктов, основа которых оканчивается на *-сс* (типа *Миасс*) и рефлексиям по этому поводу представителей локальных сообществ. Предметом трех докладов стали зоонимы. **П. Томасик** (Ун-т Казимира Великого, Быдгощ) обратился к личному опыту использования зоонимики как «почти идеальному пространству» в преподавании ономастики польским студентам-русистам. **Т. П. Романова** (СНИУ) выявила общеславянские тенденции в зоонимии на материале этимолого-мотивационного словаря славянских народных зоонимов, составленного польским исследователем Стефаном Вархолом. **Е. Н. Варникова** (Вологодский гос. ун-т / ВоГУ) рассмотрела, во-первых, номинативные модели, при помощи которых в современной зоонимии передается информация о родственных отношениях между животными и об их происхождении, а во-вторых, зависимость выбора модели от вида животного. Инвективная диалектная лексика, зафиксированная в «Материалах для объяснительного областного словаря вятского говора» Н. М. Васнецова (1908), ее семантика и этимология стали предметом доклада **А. В. Фальковской** (Набережночелнинский ин-т Казанского федерального ун-та).

Периферийному полю ономастики была посвящена секция «Ономастическая периферия и апеллятивно-ономастическое пограничье». **Л. А. Климова** и **К. В. Тиняева** (Арзамасский филиал Нац. исследовательского Нижегородского гос. ун-та им. Н. И. Лобачевского)

в докладе «Ониомиды в речи арзамасских студентов» проанализировали разговорные названия вузовских аудиторий, бытующие в речи студентов, с точки зрения их словообразования, семантики и парадигматики. **Н. А. Максимчук** (Смоленский гос. ун-т) в докладе «Полиитонимы в системе ономастических единиц: статус, функции, значение» рассмотрела названия политических партий, движений, органов власти, учреждений и т. д. и представила аргументацию в пользу использования для их обозначения термина «полиитоним». **Е. Н. Геккина** (ИЛИ РАН) в докладе «“Тут всё очень спорно”, или Топонимы петербургского метро в оценках горожан» проанализировала метаязыковую рефлексию жителей Петербурга по поводу названий станций метрополитена (на материале интернета). Предметом доклада **С. О. Горяева** (УрФУ) стала трансонимизация по линии «астроним — рекламное имя», докладчик предложил типологию эргонимов и прагматонимов с названием «Орион». **С. Томасик** (Ун-т Казимира Великого) проанализировала мотивационные модели названий ветеринарных клиник Нижнего Новгорода, отметив разные уровни их информативности и поставив вопрос о соотношении информативности и удачности названия. **Н. А. Фатеева** (Тюменское высшее военное-инженерное командное училище им. Маршала инженерных войск А. И. Прошлякова / ТВВИКУ) рассмотрела обозначения войн и военных кампаний как разновидность хронимов, предложив для таких названий термин «милитариионим». **М. Г. Матлин** (УлГПУ) в докладе «Диалектные наименования дикорастущих растений на территории Базарносызганского района Ульяновской области (по материалам экспедиции 2016 г.)» рассмотрел фитонимы, материалы о которых были собраны при опросе диалектоносителей на тему

года 1920–1940-х гг.; были отмечены проблемы, встающие в ходе идентификации таких названий в соответствии с собственно биологической номенклатурой. **И. Г. Осетров** (УлГПУ) обратился к содержанию юридического термина «сходство до степени смешения» и проблемам его применения при анализе товарных знаков.

На секции «Литературная и фольклорная ономастика» прозвучали доклады, посвященные использованию собственных имен в литературных текстах. **О. В. Врублевская** (ВГСПУ) в докладе «Имена собственные в контексте постмодернизма» представила разные механизмы аллюзивирования, скрытой цитации и языковой игры с использованием собственных имен в языке современных СМИ. **К. С. Федотова** (Донецкий нац. ун-т) в докладе «К вопросу о выборе заголовочного слова при работе над словарём поэтонимов: собственное имя и поэтическая номинация» проанализировала, какие значения исследователи литературной ономастики вкладывают в понятие «поэтоним», поделилась своим опытом работы над словарем поэтонимов и рассмотрела аналогичные проекты. **К. Ю. Курс** (ВА ВПВО ВС РФ) в докладе «Способы номинации города Смоленска в творчестве М. В. Исаковского» осветила использование поэтом перифрастических именовании Смоленска. **Н. В. Летаева** (Одинцовский филиал Московского гос. ин-та международных отношений (ун-та) МИД РФ) в докладе «Ономастическое пространство прозы М. Агеева» проанализировала ономастикон произведений М. Агеева (Марка Леви). Ряд докладов был посвящен функционированию антропонимов в прозе В. М. Шукшина (доклады **Е. А. Фроловой**, Московский педагогический гос. ун-т, и **А. М. Матлиной**, УлГПУ), В. И. Белова (**Н. В. Комлева**, ВоГУ), И. А. Гончарова (**Е. В. Карюкова**, **Е. Ф. Галушко**, УлГПУ),

М. А. Шолохова (Л. И. Петриева, О. М. Артемьева, УлГПУ), а также Дж. Барнса (Т. Э. Демидова, УлГПУ).

Секция «Ономастика и ономастическое краеведение в школе и вузе» была посвящена использованию ономастики в преподавании. А. Ю. Тихонова (УлГПУ) в докладе «Ономастическое краеведение в школе и вузе: проблемы и перспективы» представила обзор исследований по соответствующей дисциплине и обозначила проблемы, встающие перед преподавателем (недоступность материала, отсутствие в программе соответствующей самостоятельной дисциплины и т. д.). Е. Г. Ростова (Гос. ин-т русского языка им. А. С. Пушкина, Москва) представила некоторые результаты лексикографического описания прецедентных топонимов в мультимедийном лингвострановедческом словаре «Россия», предназначенном для изучающих русский язык как иностранный (работа над словарем ведется в ГИРЯ им. А. С. Пушкина). Практическим опытом использования ономастической информации в преподавании РКИ поделились сотрудники Российского государственного университета нефти и газа им. И. М. Губкина (Москва) — Е. А. Дворкина и Ю. Д. Полякова, выступившие с докладом «Имена российских ученых в топонимике Москвы (в рамках проекта “Имена московских улиц” для иностранных учащихся)», Е. В. Ермакова в докладе «Топонимическая лексика на занятиях по русскому языку как иностранному: лингвистический и страноведческий комментарий», а также сотрудник ТВВИКУ А. А. Соколова в докладе «Ономастическое краеведение во внеклассной работе с иностранными курсантами». Заслуженный учитель РФ Н. П. Плотникова выступила с докладом «Изучение ономастики на уроках русского языка как средство формирования нравственно-патриотических ценностей учащихся»,

в котором рассказала об исследовательском проекте «Книга о моей семье», реализованном в 58 классах ульяновской гимназии № 79.

В рамках конференции состоялись два круглых стола. На первом, «Актуальные проблемы исследования и лексикографирования собственных имен», с представлением научных проектов выступили О. В. Врублевская, И. М. Ганжина, А. В. Гузнова, В. М. Калинин, И. В. Крюкова и К. С. Федотова; В. А. Гуркин (Ульяновский гос. технический ун-т) поделился воспоминаниями о В. А. Никонове. Второй круглый стол, «Симбирск и симбиряне в культуре России», был посвящен презентации электронного справочника «Выдающиеся люди Симбирска-Ульяновска», подготовленного студентами УлГПУ под руководством А. Ю. Тихоновой.

Был проведен мастер-класс «Лингвострановедческий словарь “Россия”: приемы использования в образовательном процессе» (ведущий — Е. Г. Ростова). Открыта книжная выставка «В мире имен и названий», на которой были представлены издания из фондов научной библиотеки УлГПУ. Учащиеся Лицея физики, математики, информатики № 40 при УлГПУ Е. А. Степанова, А. Д. Царева, А. С. Мирончева и Е. Н. Милехина представили постерную экспозицию «Ульяновский микротопонимикон» по итогам исследовательского проекта, выполненного под руководством преподавателя лицея М. В. Дупленко.

К началу конференции были изданы двухтомный сборник материалов [Рябушкина и др. 2017] и сборник, посвященный истории «Ономастики Поволжья» [Супрун и др. 2017], в который вошли воспоминания участников конференции, звучавшие в разные годы приветственные слова, архивные публикации, фотоматериалы, а также обзор 20 сборников конференции и полный

библиографический указатель опубликованных в них материалов (подготовлен Р. В. Разумовым под редакцией В. И. Супруна).

С избранными материалами «Ономастики Поволжья — 2017» можно ознакомиться на сайте конференции, разработанном сотрудником Ульяновского государственного университета **В. В. Приходько** (<http://op2017.ru>).

Л и т е р а т у р а

Рябушкина и др. 2017 — Ономастика Поволжья: Материалы XVI Междунар. науч. конф., посвящённой 50-летию юбилею первой Поволжской ономастической конференции и памяти её организатора В. А. Ни-

конова (Ульяновск, 20–23 сентября 2017 г.) / Под ред. С. В. Рябушкиной, В. И. Супруна, Е. В. Захаровой, Е. Ф. Галушко: В 2 т. Ульяновск: ФГБОУ ВО «УлГПУ им. И. Н. Ульянова», 2017. Т. 1. 566 с.; Т. 2. 536 с.

Супрун и др. 2017 — «Ономастика Поволжья»: из истории конференции / Под ред. В. И. Супруна, С. В. Рябушкиной, Е. В. Захаровой, Р. В. Разумова. Ульяновск: ФГБОУ ВО «УлГПУ им. И. Н. Ульянова», 2017. 181 с., ил.

М. В. Ахметова
Московская высшая школа
социальных и экономических наук;
Российская академия народного
хозяйства и государственной службы
при Президенте РФ

Получено 19.12.2017

Международная научная конференция

«Грамматические исследования поэтического текста»

(Петрозаводский государственный университет, 7–10 сентября 2017 г.)

В Петрозаводском государственном университете 7–10 сентября 2017 года состоялась международная научная конференция «Грамматические исследования поэтического текста», проводившаяся под эгидой Института русского языка им. В. В. Виноградова (ИРЯ) РАН и Петрозаводского государственного университета (ПетрГУ), в которой приняли участие ученые-филологи высших учебных и академических учреждений свыше 20-ти городов России и четырех стран ближнего и дальнего зарубежья (Азербайджана, Армении, Молдавии, Японии). Тема конференции обусловлена назревшей потребностью подвести итоги накопленных за последнее столетие идей и исследований в области грамматики поэтического текста и обозначить современные векторы развития лингвопоэтики. С тех пор как в 1942 году Л. В. Щерб в статье «Лите-

ратурный язык и пути его развития (применительно к русскому языку)» затронул вопрос о «грамматике поэзии», а вслед за ним и Р. О. Якобсон в работе «Поэзия грамматики и грамматика поэзии» обратил особое внимание на необходимость изучения роли грамматических форм и категорий в организации образного целого, появилось немало интересных работ в этой области.

Идея проведения конференции возникла в 2016 году, ознаменованном 100-летием создания ОПОЯЗа и 90-летием с момента образования Пражского лингвистического кружка; 70 лет прошло с тех пор, как Г. О. Винокур в одной из своих работ ввел термин «поэтическая грамматика». 2016 год был отмечен юбилеями выдающихся лингвистов — 120-летием со дня рождения Р. О. Якобсона; 90-летием И. И. Ковтуновой, которая была одним из создате-

лей академической «Поэтической грамматики»; 70-летием И. А. Ионовой, автора известных работ по морфологии поэтической речи. В год проведения конференции исполнилось бы 95 лет главе Тартуской школы исследования поэтического текста Ю. М. Лотману и 55 лет — московскому исследователю проблем взаимосвязи стиха и синтаксиса М. И. Шапиру.

Рабочая часть конференции — чтение и обсуждение докладов — заняла два дня. 7 сентября состоялись два пленарных заседания.

Первое, мемориальное пленарное заседание «Из истории изучения «Грамматики поэзии»» было посвящено научному наследию И. И. Ковтуновой, Г. Н. Акимовой, Я. И. Гина, И. А. Ионовой, посвятивших свою творческую жизнь изучению «грамматики поэзии» и сыгравших ключевую роль в формировании Московской, Санкт-Петербургской (Ленинградской), Петрозаводской и Кишиневской школ лингвостилистики и лингвопоэтики. В открывшем заседании докладе **А. Г. Грек** (Москва), представленном коллегами из ИРЯ РАН, был дан анализ основных положений поэтического синтаксиса И. И. Ковтуновой, оказавших влияние на развитие науки о коммуникативной организации лирического произведения. На выдвинутой Я. И. Гином концепции поэтической трансформации категорий рода и одушевленности/неодушевленности и на понятии лирической грамматической нормы сосредоточила свое внимание **С. М. Лойгер** (ПетрГУ). Слово «Памяти Якова Гина» передал участникам форума **С. Т. Золян** (Институт философии Национальной академии наук Республики Армения). Доклады филологов из Санкт-Петербургского государственного университета (СПбГУ) **С. В. Вяткиной**, **В. П. Казакова** и **Д. В. Руднева** были посвящены изысканиям Г. Н. Акимовой в области синтаксиса XVIII–

XXI веков, которые открыли перспективу изучения художественного, в том числе поэтического, текста с привлечением статистических и структурных методов анализа синтаксиса в диахроническом аспекте, что позволило выявить эволюцию конструкций экспрессивного синтаксиса. Важнейшие идеи «поэтической морфологии» И. А. Ионовой, много лет возглавлявшей молдавскую школу лингвопоэтики, осветили в своем докладе **В. И. Тудосе** (Славянский университет Кишинева) и **Е. В. Сирота** (Бельцкий гос. ун-т им. А. Руссо).

На втором пленарном заседании ««Поэзия грамматики» и «грамматика поэзии»» были представлены результаты исследований сотрудников отдела корпусной лингвистики и лингвистической поэтики, научного центра междисциплинарных исследований художественного текста и группы «Словаря языка русской поэзии XX века» ИРЯ РАН. В докладе **Н. А. Фатеевой** «Грамматические тропы как проявление языковой креативности в поэтическом тексте» на примере окказиональных возвратных глагольных форм, функционирующих в новейшей русской поэзии, рассматривался вопрос, являются ли данные новообразования грамматическими метафорами или грамматическими неологизмами. **Л. Л. Шестакова** и **А. С. Кулева** представили слушателям поэтическую грамматику «в зеркале» сводного авторского «Словаря русской поэзии XX века». **О. И. Северская** размышляла о способах актуализации поэтического высказывания как явления поэтического коммуникативного синтаксиса. **Л. В. Зубова** (СПбГУ) выступила с докладом «Анжамбеман и грамматика», построенном на материале современной русской поэзии. **Н. В. Патроева** (ПетрГУ) в докладе «Синтаксис русской поэтической классики как лексикографическая проблема» раскрыла специфику представления синтаксического уровня

художественного текста в «Синтаксическом словаре русской поэзии XVIII века», создаваемом коллективом кафедры русского языка ПетрГУ. В докладе ведущего ученого Уральской школы креативной лингвистики **Т. А. Гридиной** (Уральский гос. педагогический ун-т / УрГПУ, Екатеринбург) «Грамматический “креатив” в поэзии Игоря Северянина» интерпретировались экспрессивные грамматические формы, используемые в поэзии эгофутуристов.

8 сентября состоялись пять секционных заседаний.

На заседании секции «Поэтический синтаксис» **А. В. Петров** (Северный (Арктический) федеральный университет им. М. В. Ломоносова / САФУ, Архангельск) выступил с докладом «Выразительный потенциал конструкции *ne do + генитив* в поэтическом тексте». Темой доклада **А. В. Гик** (ИРЯ РАН) стали морфология и синтаксис стихотворения «Страстной пяток» М. Кузмина как яркая иллюстрация к грамматике «заумной» поэзии. Доклады сотрудников ПетрГУ — «Синтаксис “вздорных од” А. П. Сумарокова» **И. Н. Дьячковой**, «Короткие стихотворные фразы П. А. Вяземского в синтаксическом и ритмометрическом аспектах» **А. А. Лебедева**, «К вопросу о категории осложнения у Н. М. Карамзина: обращение как текстообразующий элемент в произведениях малых жанров» **О. В. Семенова** — базировались главным образом на материале «Синтаксического словаря русской поэзии XVIII века».

В секции «Различные уровни организации стихотворного текста» **З. Ю. Петровой** (ИРЯ РАН) был представлен многоаспектный анализ способов олицетворения с помощью служебных частей речи и местоимений (на материале русской поэзии). Прозвучали также доклады **Л. В. Поповой** (САФУ) «Экспрессивность творительного падежа в поэтическом тексте Бориса Пастерна-

ка», **М. В. Дегтяревой** (Вятский гос. ун-т) «Изобразительные ресурсы номинатива в поэтическом языке Давида Самойлова», **А. Л. Шарандина** (Тамбовский гос. ун-т им. Г. Р. Державина) «Когнитивно-дискурсивные формы русского глагола в единстве текстообразующей и поэтической функций», **Ю. В. Явинской** (Алтайский гос. ун-т) «Между метафорой и метаморфозой: семантика превращения в конструкциях с творительным предикативным (на материале текстов В. Хлебникова и В. Маяковского)», **А. В. Рожковой** (ПетрГУ) «Сложные слова в произведениях И. И. Дмитриева», **Н. В. Сивенковой** (СПбГУ) «Грамматика поэтического текста и авторская лексикография: точки соприкосновения (на примере “Словаря поэзии Николая Вапцарова”)».

Проблемы грамматического устройства прозаических текстов рассматривались в докладах секции «Поэтика прозы». **С. В. Вяткина** (СПбГУ), предложившая анализ синтаксических особенностей прозы поэта XXI века на примере творчества А. Аркатовой, и **Н. В. Пушкарева** (СПбГУ) с докладом «Писатель и читатель: уровни взаимодействия (синтаксический и пунктуационный аспекты)» представили на секции Петербургскую лингвистическую школу; затем были заслушаны доклады **Г. Е. Соколовой** (Московский педагогический гос. ун-т) «Особенности употребления междометий в “Рассказах Назара Ильича господина Синебрюхова” М. М. Зощенко», **С. Л. Михеевой** (Чувашский гос. педагогический ун-т им. И. Я. Яковлева / ЧГПУ, Чебоксары) «Синонимия прилагательных в когнитивном аспекте (на материале повести А. Грина «Бегущая по волнам)», **О. А. Димитриевой** (ЧГПУ) «Глаголы с семантикой ‘употреблять спиртное’ в произведениях Н. С. Лескова», **В. А. Марьяничик** (САФУ) «Как оценивают современную поэзию, или Оценочные предид-

каты в жанре комментария (по материалам *Стихи.ру*)).

Большой интерес участников конференции вызвали выступления докладчиков секции «Вопросы метрики, ритмики и композиции поэтического текста»: **Ю. Иноуэ** (Университет Дзёти, Токио) «Общее представление о трехстопных амфибрахических стихотворениях М. Ю. Лермонтова “Воздушный корабль” и “Тамара”», **А. Ю. Ниловой** (ПетрГУ) «Поэзия Федора Глинки: вопросы метрики и поэтического синтаксиса», **А. М. Петрова** (Карельский научный центр РАН, Петрозаводск) «Типология метрических групп песенного религиозного фольклора в свете проблемы изучения народного стихосложения», **В. А. Новоселовой** (ПетрГУ) «Функции строфической анафоры в одах Г. Р. Державина», **А. М. Дундуковой** (ПетрГУ) «Пушкинские заглавия: синтаксический аспект». **К. Ю. Тверьянович** (СПбГУ) анализировала стихотворный ритм одической строфы А. П. Сумарокова в связи с ее частеречной организацией.

В секции «Поэтика фольклорного текста» докладом **Н. И. Коноваловой** (УрГПУ) «Ритм и синтаксис подблюдной песни горнозаводского Урала» была представлена Уральская школа лингвофольклористики; остальные докладчики — **Н. В. Маркова** («Северо-западный перфект в фольклорном и художественном поэтическом тексте»), **Е. А. Мухина** («Из наблюдений над формами адъектива в русском духовном стихе»), **Н. В. Тищенко** («Экзистенциальные мотивы, выраженные отрицательными конструкциями, в русской девичьей и женской народной лирической песне»), **Н. Д. Москвин** и **А. А. Лебедев** («Формаль-

ные модели поэтического текста») — представляли Петрозаводскую школу.

Как подчеркнули участники состоявшегося по итогам конференции круглого стола, научный форум, посвященный актуальным проблемам изучения грамматического уровня поэтического текста, прежде всего призван возродить активный интерес современной гуманитарной науки к поэтической морфологии и поэтическому синтаксису. Творческие находки исследователей прошлых поколений (Л. В. Щербы, Г. О. Винокура, В. В. Виноградова, Р. О. Якобсона, Н. С. Поспелова, И. И. Ковтуновой, Г. Н. Акимовой, И. А. Ионовой, Я. И. Гина и др.) задают новому поколению филологов надежные методологические и концептуальные ориентиры. Одним из важнейших итогов петрозаводского форума стало укрепление контактов разных школ русской и зарубежной лингвопоэтики. В декабре 2017 года вышел из печати сборник материалов конференции «Грамматические исследования поэтического текста», в который включено более 60 статей. С информацией о проведении конференции можно ознакомиться на сайте Петрозаводского государственного университета (<https://petsru.ru/news/2017/36439/v-petrgu-poetitchesk>).

*С. В. Вяткина
Санкт-Петербургский
государственный университет
А. С. Кулева
Институт русского языка
им. В. В. Виноградова РАН
Н. В. Патроева
Петрозаводский
государственный университет*

Получено 17.10.2017

ОБЗОРЫ

Т. В. Пентковская. Переводы Иерусалимского Типикона в славянской традиции. Лингвистический аспект. —

М.: МАКС Пресс, 2018. — 160 с.

Книга содержит лингвистический анализ переводов Иерусалимского Типикона, выполненных в XIV в. на Афонe, в Болгарии, Сербии и на Руси. В основу издания положены ранее опубликованные работы автора. Единый формат описания позволил представить переводы южных и восточных славян в сопоставлении и открыть типологические закономерности, которые не только присущи изучаемым переводам, но и могут быть экстраполированы на переводы других эпох.

В книге рассмотрены два болгарских перевода Иерусалимского Типикона — афонский к. XIII — нач. XIV в. и второй перевод, отражающий более позднюю редакцию греческого текста, вероятно, возникший в кругу Евфимия Тырновского; два сербских перевода — старший датируется 1319 г., младший сохранился в списке 1331 г. и восходит к другой (пространной) греческой редакции; русский перевод XIV в. и русские переработки второго болгарского перевода. В книгу вошла также глава об особой версии перевода Типикона, сохранившейся в русской рукописи XV в. Fekula-VI; эта версия представляет собой либо независимый перевод, либо русскую переработку южнославянского (возможно, сербского) источника. Книгу завершает глава, в которой славянские переводы Иерусалимского Типикона сравниваются с поздними правленными редакциями Нового Завета: констатируется, что в болгарских переводах заметно влияние правленных

афонских редакций Евангелия и Апостола, а в сербских — нового литургического тетра. Русский перевод не показывает зависимости от правленных редакций, в том числе и от Чудовского Нового Завета, но следует преславскому типу текста, представленному в полных апракосах. Однако в поздних русских редакциях Типикона уже используются правленные афонские редакции.

Каждый перевод характеризуется в книге с точки зрения следующих лингвистических особенностей: литургическая лексика — заимствованная и оригинальная, некоторые словообразовательные и морфологические особенности, употребление форм двойственного числа, синтаксические обороты — способы передачи греческих инфинитивных конструкций и предложных конструкций с именами и инфинитивом. Впрочем, в русском переводе греческие конструкции не калькируются, так что синтаксические данные оказываются нерелевантными для сравнения с остальными текстами, поэтому автор сосредоточивается главным образом на описании литургической лексики.

В книге показано, прежде всего на лексическом материале, как проходила адаптация южнославянских переводов Типикона на Руси: при перенесении болгарских переводов в русскую среду в текст добавлялись русские памяти, а лексика приводилась в соответствие с местной нормой.

Т. В. Пентковская отмечает важную типологическую особенность, объеди-

нящую славянские переводы Иерусалимского Типикона: на первом этапе в них преобладает заимствованная терминологическая лексика и свободная передача синтаксических конструкций, на позднейшем этапе лексические грецизмы вытесняются славянскими кальками, калькируются и греческие синтаксические конструкции. Постепенное устранение грецизмов в лексике и од-

новременен нарастающая грецизация синтаксиса типичны также для славянских редакций Священного Писания (с. 30, 55–56, 147).

А. А. Пичхадзе
Институт русского языка
им. В. В. Виноградова РАН

Получено 29.03.2018

АДРЕСА УНИВЕРСИТЕТОВ И ИНСТИТУТОВ
ADDRESSES OF UNIVERSITIES AND INSTITUTES

Белорусский государственный университет
Беларусь, 220030, Минск, ул. Карла Маркса 31
Belorussian State University
31 Karla Marksa, r. 52, Minsk, Belarus, 220030

Высшая школа экономики, Национальный исследовательский университет
101000, Москва, ул. Мясницкая, 20
Higher School of Economics, National Research University
20 Myasnitskaya str., Moscow 101000, Russia

Женевский университет
24 генерала Дюфура, 1211 Genève 4
Université de Genève
24 rue du Général-Dufour, 1211 Genève 4

Институт лингвистических исследований РАН
199053, Санкт-Петербург, Тучков пер., д. 9
Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences
9 Tuchkov pereulok, St. Petersburg 199053, Russia

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
119019, Москва, Волхонка 18/2
Vinogradov Institute of Russian Language, Russian Academy of Sciences
18/2 Volkhonka, Moscow 119019, Russia

Институт славяноведения РАН
Москва, 119991, Ленинский проспект 32-А
Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences
32-A Leninsky Prospekt, Moscow, 119991, Russia

Московская высшая школа социальных и экономических наук
Россия, 119571, Москва, пр-т Вернадского 82
Moscow School of Social and Economic Sciences
82 Prospect Vernadskogo, Moscow, 119571, Russia

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова
119991, Москва, Ленинские горы, д. 1, стр. 51
Lomonosov Moscow State University
1/51 Leninskiye gory, Moscow 119991, Russia

Петрозаводский государственный университет
185910, Петрозаводск, пр. Ленина, д. 33
Petrozavodsk State University
33 Lenin Prospekt, Petrozavodsk 185910, Russia

Санкт-Петербургский государственный университет
199034, Санкт-Петербург Университетская наб. 11
Saint Petersburg State University
11 Universitetskaya emb., St.-Petersburg 199034, Russia

Школа актуальных гуманитарных исследований, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ
119571, Москва, пр-т Вернадского, 82
School of Advanced Studies in the Humanities, The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
82 Prospect Vernadskogo, Moscow, 119571, Russia

Университет Тампере
Финляндия 33014, Тампере, ул. Калевантие, 4
Tampereen yliopisto
Kalevantie 4, 33100 Tampere, Finland

Федеральный исследовательский центр «Информатика и управление» РАН
119333, Москва, ул. Вавилова, д. 44, корп. 2
Federal Research Center "Computer Science and Control", Russian Academy of Sciences
44/2 Vavilova str., Moscow 119333, Russia

ПРАВИЛА ПОДАЧИ СТАТЕЙ

1. Для публикации в журнале принимаются статьи на русском, английском и немецком языках, соответствующие научному профилю журнала и не публиковавшиеся ранее в других изданиях.
2. Материалы для публикации отбираются на основе независимого рецензирования и решения редколлегии журнала. Рецензии направляются авторам для ознакомления и учета замечаний рецензентов.
3. Все публикации для авторов бесплатны.
4. Спустя год после выхода из печати каждого номера журнала он в полном объеме публикуется на сайте www.ruslang.ru (в разделе «Издания»).
5. Рукопись предоставляется автором в электронном виде по адресу gusyaz@yandex.ru (и по запросу — в печатном виде). Если в статье используются нестандартные шрифты, их также следует прислать.
6. В сопроводительном письме должны быть указаны сведения об авторе: ФИО полностью, страна, город, телефон, электронный адрес. Редакция журнала рассылает авторские экземпляры оттисков в формате PDF только по электронной почте.
7. Непринятые рукописи не возвращаются.
8. Рецензии должны присылаться в редакцию вместе с экземпляром рецензируемой книги (по просьбе автора рецензии книга ему возвращается).

Основные правила оформления текста статьи

1. Текст статьи должен быть предоставлен в формате Microsoft Word for Windows.
2. Заголовок статьи, инициалы и фамилия автора, место работы, резюме (до 10 строк) и ключевые слова в статьях, принятых к печати, приводятся на русском и английском языках.
3. Все лингвистические примеры внутри текста приводятся курсивом (слово *продажа*; суффикс *-ик* и т. п.). Примеры, выделенные в отдельный абзац, даются прямым шрифтом.
4. В хроникальных заметках о научных конференциях фамилии участников набираются полужирным шрифтом. После фамилий в круглых скобках указывается город для русских участников и город и страна для зарубежных участников конференции: **И. И. Иванов** (Москва), **Дж. Смит** (Лондон, Великобритания).
5. В тексте статьи ссылки на работы заключаются в квадратные скобки, после года выпуска ставится двоеточие и указываются страницы: [Иванов 2012: 45–58] или [Иванов 2012: 45–58; Новикова 1999: 354]. При перечислении нескольких работ одного автора его фамилия не повторяется, годы выпуска указываются через точку с запятой: [Иванов 2000: 34–38; 2012: 78–81]. Если даются ссылки на несколько работ одного автора за один и тот же год, нужно использовать буквенные сокращения: [Иванов 2012a: 45–58; 2012b: 12–15]. Если работа коллективная, указывается первое имя с добавлением «и др.», в иноязычных ссылках — «et al.»: [Иванов и др. 2003: 17; Croft et al. 2012: 57]. Если имя автора является частью текста, используется следующая форма: «А. А. Иванов [2012: 45–58] утверждает, что...».

Основные правила оформления библиографии

1. Список цитируемой литературы и источников помещается в конце статьи и упорядочивается по алфавиту.
2. Источники, в частности словари, должны быть внесены в список литературы.
3. Список литературы оформляется по образцу вышедших номеров, доступных на сайте www.ruslang.ru (в разделе «Издания»).

NOTES FOR CONTRIBUTORS

1. Manuscripts submitted to *Russian Language and linguistic theory* should be original contributions in Russian, English or German, relevant to the scope of the journal and should not have previously been published elsewhere.
2. Contributions for publication are screened in the process of peer review by independent referees and the final decision regarding publication lies with the Editorial Board. Referees' comments will be sent to authors, who will be expected to return corrections to the Editor by e-mail.
3. All publications are free of charge to authors.
4. The issues are published in full on the website www.ruslang.ru (see "Publications") one year after the publication.
5. Manuscripts should be submitted by email sent to rusyaz@yandex.ru (and also by post on request). All custom fonts used in the manuscripts should be sent by email.
6. The cover letter must include the following information about the author: full author's name, full postal mailing address, email address. All authors of full-length articles and reviews will receive the offprint in PDF format by email and one copy of the issue in which their contribution appears.
7. Rejected manuscripts will not be returned.
8. Book reviews should be sent to the Editorial Secretary together with the reviewed book (the book will be returned on author's request).

Main format rules for articles and reports

1. Contributions must be submitted in the format of Microsoft Word for Windows.
2. The first page should include the title, author's surname and initials, institutional affiliation, abstract of the article (up to 10 lines) and keywords in both Russian and English.
3. All phrases, words, affixes, letters etc. used as linguistic examples within the body of the text must be italicized (the word *prodazha*; the suffix *-ik* etc.) All examples presented in a separate paragraph must be in regular font.
4. In reports on academic conferences, names of the participants should be in bold, followed by city (for Russian participants), or city and country (for foreign participants), given in parentheses in regular font: **I. I. Ivanov** (Moscow), **J. Smith** (London, Great Britain).
5. References should be given in square brackets, designating the name of the author, year of publication, and, where relevant, after the colon, the page(s) referred to: [Ivanov 2012: 45–58], using semi-colons to separate different authors: [Ivanov 2012: 45–58; Novikova 1999: 354]. In the case of multiple references by the same author(s), the name(s) should not be repeated and the years should be listed, using semi-colons to separate different publications: [Ivanov 2000: 34–38; 2012: 78–81]. When several works by one author for the same year are referred to, lower-case letters ("a", "b", etc.) should be placed immediately after the year: [Ivanov 2012a: 45–58; 2012b: 12–15]. When a work written by two or more authors is referred to, first name should be given followed by «et al.»: [Ivanov et al. 2003: 17; Croft et al. 2012: 57]. If the reference name naturally forms part of a sentence, use the form: "A. A. Ivanov [2012: 45–58] maintained that..."

Main format rules for references

1. All works referred to must be listed at the end of the article in alphabetical order.
2. All sources of citations including dictionaries and lexicons must be added to the reference list.
3. The list of referred works should be formatted according to the published issues of the journal available on the site www.ruslang.ru (see "Publications").

Научный журнал

Русский язык в научном освещении
№ 35 (1). 2018

*Основан в январе 2001 года
Выходит два раза в год*

Адрес редакции:

119019, Москва, ул. Волхонка 18/2, Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН,
Редакция журнала «Русский язык в научном освещении».
Тел.: (495) 637-79-92, факс: (495) 695-26-03, e-mail: rusyaz@yandex.ru

Зав. редакцией *М. С. Мушинская*
Редактор номера *Е. И. Державина*
Корректор *М. Л. Максимова*
Оригинал-макет подготовлен *В. Ю. Гусевым*

Подписано в печать 10.07.2018. Формат 70 × 100 ¹/₁₆
Бумага офсетная № 1, печать офсетная
Усл. п. л. 21,78. Заказ № 1414

Отпечатано с готового оригинал-макета
в типографии издательства «Нестор-История»
Тел. (812)235-15-86

По вопросам приобретения книг издательства «Нестор-История»
звоните по тел. +7 965 048 04 28

